

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

2015/10

Выпуск. ФИЛОЛОГИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Н. И. Мошкин, доктор технических наук, профессор, и. о. ректора Бурятского государственного университета (председатель); А. В. Номоев, доктор физико-математических наук, доцент, и. о. проректора по НИР (зам. председателя); С. В. Васильев, доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Института управления им. В. А. Трапезникова РАН; Г. Ц. Дамбаев, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН, член-корреспондент РАН; Ван Ямин, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Восточно-Китайского педагогического университета; М. Р. Бакланов, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник межвузовского центра ИМЕС; А. Л. Асеев, доктор физико-математических наук, академик РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент РАН, председатель Сибирского отделения РАН; Оде Сесилия, профессор, Амстердамский университет (г. Амстердам, Нидерланды); П. А. Минакир, доктор экономических наук, академик РАН, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН; О. В. Матвеева, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент Российского студенческого союза, президент РГАФК (г. Москва, Россия); К. Цецура, доктор философии по коммуникации и связям с общественностью, профессор Университета Оклахомы (г. Норман, США); П. Ю. Саух, доктор философских наук, профессор, ректор Житомирского государственного университета (г. Житомир, Украина).

Редакционная коллегия выпуска

С. С. Имхелова, доктор филологических наук, профессор (гл. редактор); Г. А. Бардамова, доктор филологических наук, доцент; В. В. Башкеева, доктор филологических наук, профессор; Н. В. Богданова-Бегларян, доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург); Л. Болд, академик АН Монголии (г. Улан-Батор); Г. С. Доржиева, доктор филологических наук, доцент (отв. секретарь); А. П. Майоров, доктор филологических наук, доцент; Р. П. Матвеева, доктор филологических наук, В. И. Рассадин, доктор филологических наук, профессор (г. Элиста); А. С. Собенников, доктор филологических наук, профессор (г. Иркутск)

© Бурятский государственный университет, 2015

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Редактор *Ж. В. Галсанова*
Компьютерная верстка
Л. П. Бабкиновой

Подписано в печать 21.09.15.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 25,5. Усл. печ. л. 27,0.
Тираж 1000. Заказ 182.
Дата выхода в свет 25.09.15.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

УДК 81,37=512.31

Конструкции собственно оперирования информацией

© Даржаева Надежда Баировна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: dnadezhda@mail.ru

© Скрибник Елена Константиновна

доктор филологических наук, директор Института финноугристики и уралистики Университета Людвига Максимилиана (Мюнхен, Германия)
80539 Мюнхен, ул. Людвига, 31
E-mail: skribnik@lmu.de

Статья посвящена структурно-семантическому исследованию конструкций собственно оперирования информацией. Авторы впервые в монголоведении описывают структурное устройство конструкций оперирования информацией и выявляют семантические различия между ними. В статье рассматриваются только две разноструктурные базовые конструкции в бурятском языке — монофинитная с причастием в винительном падеже и бифинитная со скрепой *гэжэ*. Также предпринимается попытка их семантической дифференциации: прямое оперирование информацией (с причастием в винительном падеже) и опосредованное, ассоциированное с внутренней речью (со скрепой *гэжэ*). Авторы также пришли к выводу, что зависящая часть с винительным падежом характеризуется пресуппозицией реальности, а с *гэжэ* — нет.

Ключевые слова: монгольские языки, полипредикативные конструкции, структурно-семантический синтаксис, конструкции оперирования информацией.

Distinctions among constructions

Nadezhda B. Darzhaeva

PhD, Senior Researcher of Department of linguistic, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

Elena K. Skribnik

DSc, Director of the Institute of finnougristic and uralistic of the Ludwig Maximilians University (Munich, Germany)
31 Ludwigstr., Munchen 80539, Germany

The article is devoted to structural and semantic research of constructions operating with information. The authors describe details of structure and semantic distinctions between constructions for the first time in Mongolian studies. Only two basic constructions – monofinite construction with participle in accusative case and bifinite construction with conjunction *gezhe* – are analyzed in this article. The article also shows their semantic differentiation: direct operating with information (construction with participle in accusative) and the mediated, associated with internal speech (construction with *gezhe*). The authors came to conclusion that the dependent part with participle in accusative is characterized by presupposition of reality.

Keywords: Mongolian languages, polypredicative constructions, structural and semantic syntax, constructions operating with information.

В данной статье мы продолжаем излагать результаты наших структурно-семантических исследований бурятских полипредикативных конструкций [1]. На этот раз в качестве объекта изучения нами выбраны конструкции оперирования информацией — в них используется широкий круг глаголов оперирования информацией, в первую очередь, мыслительной деятельности и речи [3]. Анализ различных по формальному устройству, но выражающих один и тот же тип смысловых отношений конструкций «от-

крывает пути для выявления системной связи между конструкциями... что имеет определенную теоретическую ценность: идея системности языка, его различных единиц получает конкретное воплощение» [2, с. 3].

Итак, к конструкциям собственно оперирования информацией в бурятском языке относятся две основные конструкции наиболее широкого значения: причастно-падежная с винительным падежом и со скрепой *гэжэ*; по сравнению с другими (здесь они не рассматриваются) они

имеют меньше всего ограничений на строение и лексическое наполнение как главной, так и зависимой частей. Начнем наш анализ с базовой конструкции с причастием в винительном падеже.

а. Базовая конструкция с винительным падежом

[(N₂↔) V=прч./=отриц./=вин.п.=//] ← V^{информ}

Благодаря форме винительного падежа причастного сказуемого зависимой части информация здесь подается как объект интеллектуальной деятельности. Корпус текстов показал, что в главной части этой конструкции задействованы преимущественно глаголы мыслительной деятельности (кроме *бодо*= 'думать' — в отличие от производного от него *бодожо үзэ*= 'подумать'), реже — глаголы речи. Кроме того, здесь возможны глаголы восприятия; в своем исходном значении они используются в конструкции непосредственного восприятия, здесь же выступают в производном значении 'переработка информации, полученной по зрительному или слуховому каналу'.

Проиллюстрируем конструкции с глаголами мыслительной деятельности в главной части:

Нүүлэй үедэ бүришье ехээр суурхайан хонишоной ажалай амжалта тухай бэишэн хэдэн статья унша=хан=аа ханаад, гүнзэги бодолдо абтаба 'Вспомнив, что прочитал несколько статей о трудовых достижениях еще более прославившегося в последнее время чабана, глубоко задумался (Дамб. 9); ...*разведкэдэ яба=хан=аа, командираа аршал=хан=аа дурдадаг хэн* 'вспоминали, как ходили в разведку, как спасли командира' (Тум. 34); *Тээд тэрэнэй юундэишье шигээжэ байжа асуу=h=ые анхарбагүйб* 'Однако я не задумался / не придал значения тому, почему он вот так выпрашивал' (Жамб. 34). *Дурагуйтэ=x=ые=нь анханай мэдэжэ байхан хадаа тэсэбэ* 'Смирился, потому что давно знал, что (она его) недолюбливает (причастие на =ха в значении одновременности) (Хам. 41)'; ... *фашистнарые хара сэдьхэлээр хүлээжэ бай=h=ые=нь шэг шарайгаарнь тухайлжа*... 'догадавшись по лицу, что (он) ждет фашистов' (Тум. 21); *Эхэнэр хүнэй барюубшагүй түргэн зан=тай=e мэдэнэ хаямиш* 'Знаешь ведь, что у женщин характер несдержанный, вспыльчивый (букв.: женщины ... характер=имеющие)' (Хам. 63).

Редкие примеры с глаголами речи:

Багаһанһаа эжынгээ хайшан гэжэ эрхэлүүлжэ ехэ болго=h=ые=нь хөөрэнһөөр байтараа... 'Пока рассказывал, как (его), с детства балуя, вырастила (сделала большим) мама...' (Хам. 23).

Что касается глаголов восприятия в значении оперирования информацией, то здесь зависимая

часть называет результат умозаключения на базе наблюдения, анализа чужих слов и т. д. Сравним следующие фразы:

Шинии мяха отол=x=ые=и харааб '(Я) видел, как ты резал мясо';

Шинии мяха отол=h=ые=и харааб '(Я) видел (что-то, что позволило мне сделать вывод), что ты резал мясо' (=самого процесса я не видел).

В первой фразе продемонстрировано прототипическое употребление этих глаголов — непосредственное восприятие одновременных этому восприятию событий. Во второй фразе говорящий сообщает логический вывод на основе своих наблюдений (например, нож и разделочная доска, следы крови и т. д.). Аналогично с глаголами типа 'услышать' различаются ситуации «услышать звук» и «услышать сообщение». Еще примеры:

Дэбиэн, шинингээ ерэ=h=ые дуулаад, хорхойн мурөөр мүхэлжэ, шамайгаа олобоб 'Дэбшэн, услышав, что ты приехал, (я), по извилисту следу выследив, тебя нашел' (Анг. 29); *Сэржэмаагай хадамда гар=аа=гүй=e дуулаа хэн гүш?* 'Ты слышала, что Сэржэма не вышла замуж?'

Таким образом, структура рассмотренной конструкции наиболее полно соответствует модели управления глаголов мыслительной деятельности ('знать / понимать / помнить что'), т. е. является для них прототипической, а для глаголов речи и восприятия *Сэржэмаагай хадамда гар=аа=гүй=e дуулаа хэн гүш?* нетипичной.

б. Базовая конструкция с гэжэ

(... V=фин.) гэжэ (... V^{информ./эм.})

Развернутое содержание речи, мыслительных операций передается с помощью союзного слова *гэжэ*. В отличие от причастно-падежной, конструкция с *гэжэ* имеет более широкую семантику, допускает использование как эмотивных глаголов, так и глаголов оперирования информацией, в том числе как активных, так и пассивных их форм. Таким образом, лексическая база ее шире, чем у только что рассмотренных конструкций с винительным падежом причастия.

Из числа глаголов оперирования информацией с *гэжэ* употребляются глаголы как мыслительной, так и речевой деятельности; также возможны глаголы непосредственного восприятия в семантическом варианте «переработка зрительной и слуховой информации»; глаголы речевой каузации и намерения возможны, но с другой формой сказуемого перед *гэжэ*. Зависимая часть, представляющая содержание информации, может быть построена по принципу прямой речи и речи косвенной; в последнем случае

можно уже однозначно говорить о модели сложного предложения, при прямой речи это еще как бы явление пограничное между моделью сложного предложения и моделью построения текста.

Сочетанием этих двух признаков определяются разные варианты базовой модели со скрепой *гэжэ*:

1) Вариант с глаголами речи в главной части и с воспроизведением собственно прямой речи, заключенной в кавычки или оформленной соответствующим образом:

— *Шадахабди*, — *гэжэ Аюур шангаханаар, зоригтойгоор хэлэжэрхибэ* ‘Сможем, — сказал Аюур громко и смело’.

2) Вариант с реконструированной речью, чаще прямой, в основном с глаголами речи:

Цыбаан үгэ хэлэхэдээ, би тиигээб, би амжалта туйлааб, үдэр хүни илгаагүй ажаллааб гэжэ өөрыгөө магтадаг... ‘Цыбан, когда выступает, хвалит себя, мол я сделал, я достиг успехов, работал=я, не зная дня и ночи’ (Жамб. 123); *Хайшаа ошолтойб гэжэ баһа дахин өөрһөө һураба* ‘Еще раз спросила себя, мол, куда пойти’ (Жамб. 100); *Ошохогуйб гэжэ аба эжы хорттоо хэлээ бээш даа?* ‘Ты ведь сказала отцу и матери, что не пойдешь? (Не пойду, мол...)’ (ХН. 24); *Бүрхэхэ гэжэ радиомнай хээээ хэлэжэ байна һэм?* ‘Когда же наше радио говорило, мол, станет пасмурно?’ (Юнд. 37); *Сэржэ-Мэдэгы мүнөө ерэхгүй гэжэ хэн нэгэнэй Сэрэн-Дорждо хэлээ хада, тэрэ таг үнэншэхгүй һэн* ‘Если бы кто-то сказал Сэрэн-Доржо, что Сэржэ-Мэдэг сегодня не приедет, он бы ни за что не поверил’ (Юнд. 25).

3) Вариант с глаголами мыслительных операций, где мысль представлена как внутренняя речь; первое лицо в зависимой части приобретает здесь скорее техническую функцию маркирования монособъектности, например:

«*Ши нэгэ жэгтэй хүн байгааи*» *гэһыень һанажа, ямартаа жэгтэйби=б гэжэ ойлгохы оролдобо* ‘Вспомнив, что она сказала: «Странный ты человек», старался понять, в чем же он странный (букв.: в чем странный=я, мол, понять старался)’ (Хам. 39); *Иимэ һонороор иигэжэ тудхуудха=б гэжэ Норжомо хүгшэн һанаагүй һэн* ‘Старушка Норжомо не думала, что так изошренно, вот таким образом будут ее (букв.: меня) направлять’ (Юнд. 87); *Тишэдээ намда үсэрэлдэнэ=б, яана=б гэжэ энэ үбэштэй ухаандаа бодоно гээшэ ха* ‘Так, значит, думает своей дурной головой, что мне перечит и все такое’ (Юнд. 7); *Мүнөө Мижид ерэхэ болоо ёһотой, түргэн нэгэ тээшээ ошохо болоо гэжэ тэрэ*

шэбишэнэ ‘Она решила, мол, сейчас должен прийти Мижид, надо бы побыстрее уйти куда-нибудь’ (Жамб. 105); *...эхэ эсэгэ хоёрһоо холодон арилха юм гэжэ хэн мэдэхэ бэлэй!* ‘Кто же знал, что уедет прочь от отца и матери’ (ХН. 263); *Шини басаган үрмэндэ дуратай гэжэ мэдэнэ гүи?* ‘Знаешь, что твоя дочь любит саранку?’; *Үнгэрһэн шуурган бусахагүй гэжэ мэдэдэг* ‘Знает, что прошедшая буря не вернется’ (Юнд. 26).

Отметим, что глагол мышления бодо= ‘думать’ может употребляться только в этой конструкции.

4) Вариант с глаголами восприятия в значении ‘переработка информации, полученной по зрительному или слуховому каналу’: зависимая часть представляет собой воспроизведение чужих сообщений либо интерпретацию, собственные умозаключения на основе наблюдения, например:

Мүнөө ерээ гэжэ дуулаад... ‘услышав, мол, приехал сегодня...’ (Юнд. 25); *Доржо экзаменаа һайнаар тушаагаа гэжэ дуулааб* ‘(Я) слышал, что, мол, Доржо хорошо сдал экзамен’; *Нимаханда ягаабтар, бээдээ һөөл таараһан халаад үмдэнхэй гэжэ обёорбоб* ‘(Я) заметил, что Нимаханда надела цветастый, хорошо сидящий на ней халат’ (Жамб. 17); *Байза, шамайе шэнэ машинатай болоо гэжэ хараалби* ‘Постой, (я) видела, что у тебя новая машина’.

Как видим, в двух последних примерах в зависимой части содержится информация, которая, вообще-то, недоступна непосредственному восприятию: это оценочные высказывания, результаты сложных мыслительных операций.

Во всех вариантах этой конструкции присутствует опосредованность информации зависимой части, представленной как чье-то сообщение (прямая речь, реально воспроизведенная или реконструированная) либо умозаключение (внутренняя речь).

Теперь рассмотрим вопрос, как соотносятся по семантике две рассмотренные базовые модели — в той сфере, где у них пересекается лексическое наполнение, т. е. с глаголами мыслительной деятельности и восприятия. Есть основание предполагать, что определенное семантическое различие между ними имеется. Так, в этой связи интересен глагол *һана*=, совмещающий два значения — ‘вспоминать’ и ‘думать’, которые расходятся по этим двум моделям: значение ‘вспоминать’ реализуется только в конструкциях с вин.п., а значение ‘думать’ — только с *гэжэ*:

Шамайе худалаар хэл=ээ гэжэ һанаа ‘(Он) (*вспомнил) подумал, что ты сказал неправду’ (но это могла быть и правда);

Шини худалаар хэлэ=һ=ые=и һанаа ‘(Он)

вспомнил (*подумал), что ты говорил неправду' (и это точно была неправда).

Различие здесь в том, что зависимая часть с вин.п. характеризуется пресуппозицией реальности, а с *гэжэ* — нет. Сравним текстовые примеры:

Ерэнэн сагнаа хойшо Балмые хаанаб даа хараа хэмби гэжэ Сэржэ-Мэдэг ханан, хаанаише, хэээише хара=хан=аа ханажа ядажа байгаа хэн 'С того времени, как приехала, Сэржэ-Мэдэг, думая, что где-то видела Балму, не могла вспомнить, ни где ее видела, ни когда ее видела' (Юнд. 74); *Бидэ тэрэнише үхөө гэжэ ханаа хэмди* 'Мы думали, что он умер' (Тум. 43); *Би шамайе нээрээ худалаар хэлээ гэжэ ханааб* 'Я подумала, что ты на самом деле солгал' (Тул. 52).

Еще пример — с глаголом *хүлэ=* 'ждать, ожидать'; этот глагол подразумевает хоть и не пресуппозицию реальности, но близкое к ней значение — уверенность субъекта ожидания в том, что событие совершится. Подавляющее большинство имеющихся примеров — с винительным падежом:

Тэрэнэй гэртээ ерэ=х=ые=нь хүлэ=нэ=б 'Я жду, когда он придет домой'; *Саадаа галдуулхагүйб, таанад=ай тэхэрижэ ерэ=х=ые хүлээхэб...* '(Я) не позволю сжечь сад=свой, буду ждать, когда вы вернетесь' (Тум. 18); *...сэдхэлдээ үлөө=х=ы=нь гү, али гайхан нюунгүйгөөр сэхэ нюуртань хэлэ=х=ые=нь тэрэ хүлээн хууба* 'Он сидел и ждал, промолчит она

(букв.: оставит в душе), либо с удивлением, не скрывая, скажет прямо в лицо' (Дамб. 43).

Для передачи значения неуверенности используется конструкция с *гэжэ*, причем в зависимой части нужна дополнительная поддержка, например, форма оптатива в зависимой части, модальная частица неуверенности и пр.:

**Доржо гэртээ ерэ=хэ гэжэ хүлэ=нэ=б* 'Я жду, придет ли Доржо домой' (этот вариант неграмматичен, два последующих более приемлемы);

Доржо гэртээ ерэ=хэй даа гэжэ хүлэ=нэ=б 'Я жду, мол, хоть бы он пришел домой';

Доржо гэртээ ерэ=хэ аалам гэжэ хүлэ=нэ=б 'Я жду, мол, может Доржо придет домой'.

Ср. также:

Хэдыдээл «гранатаа» гэхэн дорюун дуун гарана ааб гэжэ хүлээнэбди (Тум. 39) 'Ждем, когда же раздается команда «гранату!»'.

Таким образом, в группе конструкций собственно оперирования информацией, описывающих процессы мышления и их содержания, центральную оппозицию образуют две базовые конструкции; они фиксируют две разновидности таких процессов: оперирование информацией прямое (винительный падеж) и опосредованное, ассоциированное с внутренней речью (*гэжэ*). В первом случае пресуппонируется реальность или высокая степень ожидаемости зависимого действия — содержания информации, во втором — нет.

Сокращения

- Анг. — А. Ангархаев. *Мүнхэ ногоон хасуури*. Улаан-Үдэ, 1982.
 Дамб. — Г.-Д. Дамбаев. *Гунсэмаа*. Улаан-Үдэ, 1973.
 Жамб. — А. Жамбалдоржиев. *Гэрэлтэй мүшэн*. Улаан-Үдэ, 1964.
 Тул. — В. Тулаев. *Алтан хараасгай*. Улаан-Үдэ, 1979.
 Тум. — Ж. Тумунов. *Нойрхоо хэрихэн тала*. Улаан-Үдэ, 1973.
 Хам. — Ц.-Д. Хамаев. *Үүрээр ерэнэн үер*. Улаан-Үдэ, 1975.
 ХН. — Х. Намсараев. *Суглуулагдамал зохёолнууд. Т. 5*. Улаан-Үдэ, 1957.
 Юнд. — Б. Юндунов. *Тэнсүүри*. Улаан-Үдэ, 1979.

Литература

1. Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. — Новосибирск: Наука, 1988. — 195 с.; Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Полипредикативные конструкции обусловленности в бурятском языке. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. — 180 с.
2. Чайковская Н. Н. Способы выражения изъяснительных отношений в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Усть-Каменогорск, 1989. — 25 с.
3. Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. — Chicago: University of Chicago Press, 1995. 271 p.

References

1. Skribnik E. K. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in the Buryat language]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 195 p.; Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. *Polipredikativnye konstruksii obuslovlennosti v buryatskom yazyke* [Polypredicative constructions of conditionality in the Buryat language]. Ulan-Ude: BSC of SB RAS publ., 2009. 180 p.
2. Chajkovskaya N. N. *Sposoby vyrazheniya iz' yasnitel'nykh otnošenij v sovremennom russkom yazyke*: avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk [Ways of expression of explanatory relations in modern Russian. Author's abstract d-r of philol. sci. diss.]. Ust'-Kamenogorsk, 1989. 25 p.
3. Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 271 p.

УДК 81'22

Особенности репрезентации пустоты в русском и бурятском языках

© Чимитов Лубсан Лазаревич

аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: lubsan_chimitov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности репрезентации пустоты на материале русского и бурятского языков. Анализируются лексические средства объективации пустоты, выявляются сходства и различия национальных представлений о пустоте. На основе результатов анализа словарных дефиниций с применением метода сплошной выборки выявлено семантическое содержание лексемы *пустой* в русском языке и прилагательного *хоохон* в бурятском. Также проведен сравнительный анализ эквивалентных прилагательных, выражающих идею отсутствия, с использованием данных Национального корпуса русского языка и Корпуса бурятского языка. Выявляются когнитивные слои концепта «ПУСТОТА» в русской и бурятской национальных картинах мира. Основное внимание уделяется изучению концепта как фрагмента пространственной картины мира. Выявлены такие когнитивные слои, как «вместилище», «безлюдье», «качество личности», «ценностная характеристика».

Ключевые слова: пустота, концепт, концепт пустота, картина мира, национальная картина мира, языковая картина мира, дефиниционный анализ, когнитивные слои.

The lexical means of objectification of emptiness in Russian and Buryat languages

Lubsan L. Chimitov

postgraduate student, Department of Russian language and general linguistics, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the features of representation of emptiness on the material of Russian and Buryat languages. The author analyzes lexical means of objectification of emptiness, reveals similarities and differences between the national concepts of emptiness. Analysis of dictionary definitions using the method of continuous sampling shows that semantic content of *пустой* lexeme in Russian and Buryat *хоохон* adjective. Comparative analysis of equivalent adjectives expressing the idea of absence was also made on the material of data from the National corpus of Russian language and Buryat language. The article reveals cognitive layers of the concept of "emptiness" in Russian and Buryat national worldview; focuses on the study of this concept as a fragment of the spatial pattern of the world. Such cognitive layers as "repository", "solitude", "quality of personality", "value characteristics" are revealed.

Keywords: emptiness, concept, the concept of emptiness, world, national worldview, language picture of the world, definitional analysis, cognitive layers.

Окружающая действительность для человека всегда была полна загадок и тайн, многие из которых до сих пор остаются неразгаданными. Недоступные непосредственному наблюдению и, тем самым, адекватному познанию и объяснению, явления осмысливались с помощью реалий окружающей действительности [2, с. 67], находя отражение в мифопоэтических, религиозных и философских воззрениях народа. Язык, выступая в роли окна в этот мир, позволяет заглянуть в него. Так, с его помощью можно увидеть, каким образом происходил процесс постижения феномена пустоты и с помощью каких реалий «вещного» мира пустота опредмечивалась. Ана-

лиз лексических средств номинирования пустоты позволяет выявить этнокультурную специфику осмысления действительности, которая отражается в языке.

В русском языке идею отсутствия выражают лексемы *пустота*, *пустой*, *пустыня*, *пустырь*, *пустошь*, *пустынь*, а в бурятском — лексемы *хиш*, *хүнхи*, *хүнды*, *хоохон*, *һула* (*сул*), *губи* (*газар*) [1; 4] в бурятском языке. Анализ словарных дефиниций позволил выявить 17 сем русского полисеманта *пустой* и 13 сем бурятского полисеманта *хоохон*. Результаты анализа приведены в таблице.

	Семь			Словарные дефиниции	
		Рус. язык	Бур. язык	в русском языке	в бурятском языке
1	“Отсутствие содержания”, “малое количество содержимого”	+	+	(о вместилнице) “ничем не заполненный”, “с ничтожным количеством чего-либо”; <i>пустая бочка, пустая коробка, пустая бутылка, пустой чемодан</i> и т. п.	“пустой” <i>Дусиин хоолой хоохон тогоо ээд шанагаар сохиондол хахираар соностоно</i> (Ж. Тумунов. Нойrhoo һэриһэн тала)
2	“отсутствие объектов”	+	+	“лишенный вещей, мебели, обстановки” <i>пустой дом, пустой подвал, пустая комната, пустой амбар, пустое помещение. Избитых и истерзанных, их свели в пустой амбар, заперли и стражу приставили</i> (М. Н. Загоскин. Аскольдова могила)	“пустой” <i>Хоохон сагаан дайда.</i> (Ц.-Ж. Жимбиев. Урасхал)
3	“отсутствие людей”, “отсутствие следов человеческой деятельности”	+	+	“покинутый обитателями, посетителями; пустынный, безлюдный” <i>Кругом видны были деревни, но они были пусты: жители разбежались</i> (А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум)	“пустынный” <i>Хоохон үйлсэ</i> (А. Жамбалдоржиев. Гэрэлтэй мүшэн)
4	“отсутствие использования по назначению”	+	+	“ничем, ничем не занятый, свободный, не нагруженный”, “не занятый кем-, чем-л., обычно находящийся в нем или на нем” <i>Увидевши возле них пустой стул, он тотчас его занял</i> (Н. В. Гоголь. Мертвые души)	(о земле) “не использующийся” <i>Урдань хоохон гэгдэһэн губи талада</i> һүүлэй жэлнүүдтэ нефть, газай хэмжээлишгүй баялиг олодо (Д-Д. Дугаров. Хаанабши минии холонго)
5	“отсутствие информации”	+		“не заполненный текстом, цифрами и т.п.” <i>Флюэхтен постелил постель, присел к столу, где его дожидался пустой лист нотной бумаги, ...</i> (С. Д. Кржижановский. Смерть эльфа)	
6	“отсутствие сплошного характера объекта”	+		“полый внутри” <i>Чаще всего это была большая шоколадная бомба в серебряной бумаге, легкий, пустой шар, в котором, собственно, и болтался самый «сюрприз» — колечко или серезка, завернутые в цветную бумажку</i> (В. П. Катаев. Сюрприз)	
7	“отсутствие деятельности”	+	+	“свободный от занятий, работы; незанятый, праздный” <i>Раз у нас оказался пустой урок – от нечего делать я смотрел в дырочку дверного замка</i> (В. В. Вересаев. В юные годы)	“бездеятельный” <i>Яагаа хээгээшье хаа, хайрата найхан эхэми гар хоохон һуунагуйл ёһотойи</i> (Ч. Цыдендамбаев. Түрэл нютагһаа холо)
8	“отсутствие важного, значимого компонента”	+	+	(о пище) “приготовленный без мяса, жиров” <i>На стол ставится чашка не с пустыми стулами, а ци с рыбой</i> (М. Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни)	“холостой, незаряженный”, “один только” <i>Хүдөө малшад гэртэнээ асархан мяхаяя шанажа эдинэд, үгытэй гуйраншад эдэ олоной үлөөһэн яһа мэрэхэнээ гадна хоохон шүлэ уужа жарганад</i> (Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан)
9	“отсутствие ноши”	+	+	(о человеке) “не имеющий при себе, в руках ничего” <i>Рыбак былпуст и только надеялся что-нибудь поймать</i> (В. А. Солоухин. Открытки из Вьетнама)	“порожний” <i>Харин энэ үедэ, Ардан үмдэнэйгөө түриш үбдэгтөө хүрэтэр шаманхай, хура бороодо шобто норшоһон, хоохон түйсээз бариһаар</i>

					зандаа гэртээ сэхээрээ <i>hэн</i> (М. Осодоев. Захахолынзаям-хада)
10	“отсутствие чувств, мыслей”	+	+	“нравственно опустошенный, не способный к деятельности”, “не способный чувствовать, мыслить” <i>Я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление</i> (А. П. Чехов. Иванов)	<i>Досоонь уйтай, хүнды хоохон мэтэ</i> (С. Цырендоржиев Мүнхэ эрьесэ)
11	“бессмысленность, бессодержательность”	+	+	“неглубокий, бессодержательный”, “бессодержательный, лишенный осмысленности, смысла” <i>Оксана думала о своей жизни — легкой, беззаботной, но пустой, однообразной и скучной</i> (М. Д. Соколов. Искры)	<i>Харин тэдэнэйнгээ хоохон удхатай болошоходонь орхижсо, дахин ондоо үгэнүүдые бэдэрэн, найруулжа захалнад</i> (Ц.-Ж. Жимбиев. Талын харгынууд)
12	“отсутствие интересов”, “отсутствие цели”	+	+	(о человеке) “не имеющий серьезных интересов”, “не имеющий серьезных намерений” <i>С ним обращаются дружески небрежно, как с добрым, но пустым малым</i> (И. С. Тургенев. Записки охотника)	<i>Иигэжэ тон худалаар хэлэбэ, тон худалаар, хоохон сэдхэлээ гогогоо, угы сэдхэлээ аршална</i> (Д. Эрдынеев. Энэ наһан)
13	“отсутствие значения”	+		“не имеющий серьезного значения, неосновательный” <i>Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов</i> (А. С. Пушкин. Капитанская дочка)	
14	“бесполезность, безрезультатность”	+	+	“бесполезный, напрасный, безуспешный” <i>Это был человек серьезный и деловитый, и, узнав, что я не имею в виду заказа, — не пожелал терять время на пустые разговоры</i> (В. Г. Короленко. Ушел!)	“голый, сплошной” <i>Манай уг гарбал соо хоохон үгэтэй хун байгаагүй юм!</i> (Д. Эрдынеев. Энэ наһан)
15	“отсутствие ценности”	+		“имеющий малую, ничтожную ценность” <i>Это пустая порода, в которой нет ни единого грамма настоящего камня</i> (Б. Левин. Блуждающие огни)	<i>Дайн хадаа ажабайдалые урагшан тулхидэг, хоохон шоройһоо алта халгаһандал, һайень элирүүлжэ, мууень шүүдэг...</i> (А. Ангархаев. Үер)
16	“отсутствие опасности”	+		“не внушающий серьезного опасения” <i>Да и ранка была пустая, царапина</i> (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы)	
17	“бесплодность”			<i>Разг. (о животных)</i> “неспособность воспроизводить потомство” Современный толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, единственный из всех словарей выделяет данную сему, означающую такую характеристику как неспособность воспроизводить потомство. В словарной статье не дается примеров употребления в данном контексте	
18	“бедность”		+		“бедный, голодный” <i>Үнинэй архидажса, үлэн хоохон ябаһан Наваан-Чингизэй досоо халуу бусалжа,</i> (Д. Батожабай. Төөригдэнэн хуби заяан)

Дефиниционный анализ позволил выделить шесть когнитивных слоев русского концепта: 1) пространство, 2) вместилище, 3) безлюдье, 4) полость, 5) качество личности, 6) ценностная характеристика; и шесть когнитивных слоев бурятского концепта: 1) пространство, 2) вместилище, 3) безлюдье, 4) качество личности, 5) ценностная характеристика, 6) голодная жизнь, бедность.

Установлено, что объективная реальность пустоты, репрезентируется в разных языках, и, соответственно, в разных языковых картинах мира неодинаково, испытывая на себе влияние культурных факторов, географических условий существования и исторических событий. Несмотря на некоторые сходства, в русской и бурятской языковой картине мира постижение и осмысление пустоты происходило разными путями.

Пустота в пространственном понимании осознается по-разному. В обеих культурах пустота выражается через образ пустой земли, пространства. В русском языке существуют лексемы, содержащие корневую морфему *пуст* и выражающие образ пустого пространства: *пустыня*, *пустырь*, *пустошь*, *пустынь* [3, с. 534]. Анализ семной структуры этих слов позволяет выявить важные особенности отношения к пустому пространству у русского народа: 1) для русского человека определяющими являются способность земли приносить пользу, урожай; 2) земля должна обязательно кому-то принадлежать и использоваться, неприемлемо для русского сознания, чтобы земля пустовала; 3) пустовать могла земля, на которой ведут уединенный образ жизни старцы, отшельники, монахи. Земледельческий уклад жизни формирует определенную языковую систему номинации пустого пространства.

В бурятском языке отсутствуют эквивалентные словоформы вследствие нехарактерности этих реалий для традиционного уклада жизни. Для русской культуры, которая характеризуется земледельческим укладом жизни, *пустыня* — это земля, которая вообще не может дать урожай, а в бурятской скотоводческой — это земля со слабо выраженной растительностью, которой недостаточно для прокорма скота — *сул губи* (*газар*). Слово сочетанием *сул губи* (*газар*) в бурятском языке обозначалась не пустыня в традиционном понимании (какой она представляется в русской картине мира), а скудная земля, бесплодная, с малой растительностью, т. е. пустая: *сул* (фонетический вариант *хула*) — слабый, бесплодный, скудный. Восприятие и оценка

пространства земли в данном случае обусловлены характером хозяйственной деятельности бурят, основой которого являлось кочевое скотоводство, определившее различие пригодных и непригодных отгонных пастбищ для домашних животных. Необходимость постоянной миграции в поисках корма для скота обуславливает дифференциацию земель, отвечающих витальным потребностям, — *баян гол*, и наделение отдельных участков признаком бесполезности — *сул губи*. Для обозначения пустого пространства, не обремененного знаком предназначенности, используется словосочетание *хоохон талмай* (или *газар*), соответствующее русскому слову *пустырь*.

Пустота как вместилище объективируется в русском языке посредством отсутствия содержимого в предметах, представляющих собой сосуд: пустая бочка, пустое ведро, пустая канистра, пустая чашка и т. п., образуя однородный когнитивный слой. Предметы, не представляющие собой сосуд, объективируются как полые. В бурятском языке данный признак актуализируется путем объединения слоев «вместилище» и «полость», при этом учитываются акустические свойства предметов: *хунхи торхо* — железная бадья, в пустом состоянии издающая громкий звонкий звук при ударе по нему; *хунды торхо* — деревянная бадья, не способная издавать звон при ударе по нему.

Объективация пустоты как отсутствие людей в исследуемых языках отражает разную занимаемую позицию говорящего по отношению к действительности: в русской языковой картине мира точкой отсчета является говорящий как субъект, активно воздействующий на мир и изменяющий его, а в бурятской языковой картине мира человек представляется как субъект, не имеющий права изменять существующий порядок вселенной и потому стремящийся жить в гармонии с ней, подстраиваясь под предоставленные условия существования.

Пустота имеет оценочную функцию и в русском, и в бурятском сознании, но если в русском языке оценка сводится к отсутствию полноты качеств в человеке, то в бурятском, наоборот, оценка выражается через полноту пустоты в человеке, что позволяет говорить о диаметрально противоположных способах осмысления пустоты в этих картинах мира.

Сравнительный анализ показал, что, несмотря на некоторые сходства, постижение и осмысление пустоты в русской и бурятской языковой картине мира происходило разными путями. По-

зияция говорящего имеет прямое отношение к номинированию пустого пространства: русской языковой картине мира присущ более выраженный антропоцентризм мышления, вследствие которого когнитивный слой «безлюдье» приобретает большую номинативную плотность. В языковой картине мира бурят данный когнитивный слой не демонстрирует регулярную продуктивность и актуализируется при обозначении объектов, маркированных присутствием человека. Традиционное сознание носителя бурятского языка предписывает ему ощущать себя одним из объектов в ряду однородно сосуществующих [1, с. 740]. Поэтому синтагматическая потенция семы «безлюдный» реализуется в отношении освоенного человеком пространства: жилище, усадьба, улица.

В бурятском языке объективация пустоты происходит при помощи более широкого ассоциативного ряда: степь (земля), воздух, акустические свойства предметов. В русском языке отсутствие такого широкого ассоциативного ряда восполняется расширением семантической структуры прилагательного *пустой* и его синтагматических потенций.

Таким образом, специфика вербализации представлений о пустоте в анализируемых языках характеризуется следующими особенностями:

1. Различная степень проявления антропоцентризма в осмыслении и репрезентации феномена пустоты. В русской языковой картине мира человек занимает активную позицию по отношению к окружающему миру: согласно этимологическому анализу, пространство характери-

зуется как пустое, потому что оно дикое, еще некультуренное, не подвергшееся воздействию человека. В языковой картине мира бурят человек воспринимается как пассивный субъект, не воздействующий на мир, а только реализующий созерцательную позицию, что находит отражение в ограниченной синтагматической потенции семы «безлюдный».

2. Различия, детерминированные видом хозяйственной деятельности. Поскольку традиционным видом хозяйствования русских людей было земледелие, объективация пустого пространства осуществлялась на основании пригодности/непригодности данного пространства для землепользования. В языковой картине мира бурят пустое пространство репрезентируется в связи с пригодностью/непригодностью земли в качестве пастбища.

3. Различия в ряде ассоциативных транспозиций. Концептуализация пустоты в русском языке осуществляется на основании визуального признака: 1) отсутствие содержимого в пространстве или вместилище; 2) некультуренность, безлюдность, пригодность/непригодность для хозяйствования. Бурятский язык эксплуатирует целый ряд ассоциативных транспозиций: 1) визуальный – 1. отсутствие содержимого в пространстве или вместилище (*хооһон*); 2. пригодность/непригодность для прокорма скота (*сул губи*); 2) аудиальный – способность/неспособность вместилищ, сосудов и полостей издавать громкие звонкие звуки (*хунхи, хунды*); 3) перцептивный — воздух (*хиин*) как показатель пустоты.

Литература

1. Бабушкин С. М. Бурятско-русский и русско-бурятский словари. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. — 448 с.
2. Бардамова Е. А., Чимитов Л. Л. Лексические средства выражения представлений о пустоте (на материале бурятского языка) // Мир Центральной Азии: сб. науч. ст. — Улан-Удэ; Иркутск: Отгис, 2012. — С. 739–741.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3 (М–С) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — 832 с.
4. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — 804 с.
5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — 1182 с.
6. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прозерпина, 1994. — 400 с.

References

1. Babushkin S. M. *Buryatsro-russkij i rusско-buryatskij slovari* [Buryat-Russian and Russian-Buryat dictionaries]. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2003. 448 p.
2. Bardamova E. A., Chimitov L. L. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya predstavlenij o pustote (na materiale buryatskogo yazyka)* [Lexical means of expressing ideas of emptiness (on the material of Buryat language)]. *Mir Tsentral'noj Azii: sbornik nauchnykh statej — World of Central Asia: selected scientific articles*. Ulan-Ude; Irkutsk, 2012. Pp. 739–741.
3. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 3 (M–S) / per. s nem. O. N. Trubacheva; pod red. B. A. Larina* [Etymological dictionary of Russian language. Vol. 3 (M–S)]. Moscow: Progress, 1986. 832 p.
4. Chermisov K. M. *Buryatsko-russkij slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1973. 804 p.
5. Chernykh P. Y. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian: In 2 vol.]. Moscow: Russkij yazyk, 1999. 1182 p.
6. Shansky N. M., Bobrova T. A. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Moscow: Proserpina, 1994. 400 p.

УДК 821.512.31

Чимит Цыдендамбаев: опыт литературной биографии© **Халхарова Лариса Цымжитовна**

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой бурятской литературы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: larihah@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности литературной биографии талантливого бурятского писателя, классика бурятской литературы Чимита Цыдендамбаева (1918–1977). В истории бурятской литературы творчество Ч. Цыдендамбаева, писателя, чутко уловившего противоречия и величие своей эпохи, — явление большой значимости. Тонкий лирик, проникновенный вдумчивый художник, Ч. Цыдендамбаев создал немало произведений, главная ценность которых в глубоком чувстве родного народа, родной природы, родины. Несмотря на то, что о творчестве писателя написано немало, биографические сведения о нем скупы и отрывочны. Изучение литературного наследия писателя в полной мере невозможно без обращения к фактам его биографии. Статья посвящена изучению актуальных проблем биографии, мировоззрения и творчества Ч. Цыдендамбаева в контексте современного восприятия наследия писателя.

Ключевые слова: литературная биография, биографический метод, писатель, литературное наследие, творчество, поэзия, проза, рассказ, исторический роман.

Chimit Tsyendambaev: experience of literary biography**Larisa Ts. Khalkharova**

PhD, A/Professor, Head of the Department of Buryat literature, Buryat State University

4 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the features of literary biography of the talented Buryat writer, the classic of Buryat literature Chimit Tsyendambaev. The writer is very important phenomenon in the history of Buryat literature because he sensitively caught contradictions and greatness of his era. Delicate lyric poet, sincere thoughtful artist, Ch. Tsyendambaev created many works which main values are deep feeling of the native people, the native nature, the homeland. There is a lot of works about the writer, but his biographic data is fragmentary. Studying of the writer's literary heritage is impossible without appeal to the facts of his biography. The article is devoted to research of actual problems of Tsyendambaev's biography, his worldview and creative activity in the context of modern perception of the writer's heritage.

Keywords: literary biography, biographical method, writer, literary heritage, creativity, poetry, prose, short story, historical novel.

В современном литературоведении наметился новый всплеск интереса к жанру биографии, к личности писателя, характеризующийся усилением внимания к теоретическим проблемам жанра литературной биографии в его современном состоянии. При этом классикой литературоведения по-прежнему является биографический метод, берущий начало от Ш.-О. Сент-Бева, трактуемый как вспомогательный, при котором биография рассматривается как один из источников художественного образа, значение и смысл которого шире «материала», использованного в произведении. Исследование биографии писателя мы понимаем как необходимую научную стратегию для понимания его творчества.

Литературная биография — это описание важнейших событий жизни реального человека, представляющих интерес для истории и культуры. В биографии писателя, на наш взгляд, наиболее ярко отражается тип творческой личности в контексте исторической эпохи. Художник сло-

ва является своего рода персонажем эпохи, социальная и духовная жизнь которой отражается в его судьбе, вот почему через посредство биографии можно воссоздать эпоху, историческую среду.

Изучение литературного наследия талантливого бурятского писателя, классика бурятской литературы XX в. Чимита Цыдендамбаева, которому в 2015 г. исполнилось 97 лет со дня рождения, в полной мере невозможно без обращения к фактам его биографии. Несмотря на то, что о творчестве писателя написано немало, биографические сведения о нем скупы и отрывочны.

Жизненный и творческий путь Ч. Цыдендамбаева может быть представлен следующими этапами внутреннего развития личности писателя: детство (1918–1926), школьные годы (1926–1937), работа в радиокомитете и редакции газеты «Буряад-Монголол үнэн» (1938–1977), раннее творчество (1940–1950), период расцвета

(1950–1970), последние годы (1970–1977).

По паспорту Чимит-Доржо Цыдендамбаевич Цыдендамбаев родился 13 февраля 1918 г. в улусе Тарбагатай Хоринского аймака (с 1985 г. Тарбагатай относится к Заиграевскому району) в семье Бандю Убаши. Настоящее имя отца — Цыдендамба, однако на родине его звали Убаши. Сам Ч. Цыдендамбаев говорил, что один год был ошибочно засчитан при записи. На самом деле он родился в 1919 г. Это было частым явлением в те годы, когда в паспорт вносили данные со слов родственников месяц и год рождения, не обязательно совпадающие с настоящей датой рождения.

Для бурят, как известно, очень важно знать своих предков, свой род. Ч. Цыдендамбаев знал свою родословную до седьмого колена и, как всякий бурят, чрезвычайно этим гордился. Более того, в его творчестве, в романах о Доржи Банзарове, в повестях идея рода является сквозным мотивом. В самом названии дилогии «Доржи, сын Банзара» актуализируется тема рода героя. Ч. Цыдендамбаев принадлежал роду худай — одному из 11 родов хоринских бурят. Его предки, начиная с XVIII в., кочевали по долине реки Худан. Самый первый известный предок Ч. Цыдендамбаева — Ухинхэн, его сыном был Мунхо, у Мунхо — сын Елохто, у Елохто — сын Тулөөхэн, который переехал в поисках лучших пастбищ с долины реки Худан в местность нынешнего с. Тарбагатай Заиграевского района. У Тулөөхэна было двое сыновей — Бадан и Бата. Бадан и является прямым предком Чимит-Доржо Цыдендамбаева. Сын Бадана Лэмпэ имел двух сыновей — Жамбала (Хурьгадай) и Дари, дочь Балму (Бойнзон). Балма — родная мать другого классика бурятской литературы, Героя Социалистического труда Цокто Номтоева. Сын Жамбала — Цыдендамба (Бандю Убаша) женился на Нимаевой Ади, у них родились дочь Дарима и сыновья Шоймпал (впоследствии известный учитель) и Чимит-Доржо. Мать Ади умерла от болезни, когда Чимит-Доржо было всего 5 лет. Отец женился второй раз на женщине Чимит, родом из Кижинги. Чимит родила в 1924 г. дочь Ринчин-Ханду и в 1929 г. сына Цырен-Доржо. Таким образом, Чимит Цыдендамбаев — один из пятерых детей Цыдендамбы.

Детские годы будущий писатель провел в родном улусе Тарбагатай. После смерти матери, рождения сводных брата и сестры ему явно не хватало внимания. Познал с детства тяжелый физический труд, голод и холод. Мачеха была суровой женщиной, особо не баловала детей от первого брака. Чимита воспитывала бабушка.

Несмотря на то, что она была слепой, у нее был хороший слух: различая внуков по голосам, называла всех по именам. Бабушка обожала внука Чимита, жалела и очень баловала его, что стало одним из источников его самомнения: писатель рано осознал таившуюся в нем силу.

Именно с образом бабушки, с ее любовью к мальчику, которой она окружила его, ее рассказами и поучениями связаны ранние художественные впечатления будущего писателя. В романе «Доржи, сын Банзара» Ч. Цыдендамбаев восторженно живописует образ слепой бабушки Тобшой, которую, на наш взгляд, он срисовывает со своей любимой бабушки.

Другим источником сильных переживаний мальчика была ранняя смерть матери, отсутствие заботы и должного внимания со стороны мачехи. Об этом весьма красноречиво говорят его строки стихов: *«Эхэ эсэгээ мэдэхгүй / Уншэн хооһон ябахадамни, / Хараха туһалха хэншье үгы / Хашалангай гансал далай һэн. / Уйтай гашуудалаар үнгэрһэн / Урда сагыё һанахадамни, / Сээжэ зүрхэмни доһолжо, / Сэдьхэл зүрхэмни үбдэдэг»* [7, с. 12] (Когда сиротой бродил по свету, / Не зная отца и матери / Я знал одни лишь притеснения и нужду / и мне некому было помочь. / Когда я вспоминаю свое прошлое / То сердце наполняется горечью обид) (здесь и далее подстрочный перевод наш. — Л.Х.). Отец Чимита Бандю, по рассказам земляков, был человек добродушный и безобидный, с большим чувством юмора. Он полностью полагался на молодую жену и на детей особого внимания не обращал.

Несмотря ни на что, будущий писатель не очерствел душой, по-доброму относился к людям, особенно любил шутки и смех. Современники отмечали в его характере особую ранимость и обидчивость, которые можно, наверное, объяснить тяжелым детством, лишенным материнской ласки и заботы.

В статье «Мое Забайкалье» Я. Липкович, журналист «Правды Бурятии», который сейчас проживает в Кливленде (США), вспоминает встречу с Ч. Цыдендамбаевым дома у писателя М. Степанова: «Когда мы сидели за столом, в комнату ввалился Чимит Цыдендамбаев — высокий, нескладный, с растерянной улыбкой. У него был очень комичный вид, особенно из-за помятой модной шляпы.

— Чимитище, давай садись! — стал приглашать его Степанов. Цыдендамбаев произвел на меня странное впечатление. Он ни минуты не сидел на месте, жестикулировал. И говорил несвязно, глотая слова и окончания фраз. Но Сте-

панов понимал его хорошо. И относился к нему, как к большому ребенку, с открытой и ласковой насмешливостью:

— Чимитище ты мой, Бурятище, Азиатище!

И в самом деле, в Цыдендамбаеве было столько детского, открытого, незащищенного, что, хочешь не хочешь, умиляешься им. Хорошо еще, что Мих Ник предупредил меня, что его приятель крайне обидчив» [3].

Действительно, Ч. Цыдендамбаев удивительным образом сочетал в себе и детскую открытость, чистоту, и глубокую мудрость взрослого человека, проникновенный лиризм и добродушный смех. По сути, он оставался большим ребенком, нуждавшимся в постоянном внимании к нему, к его творчеству.

Жизнь в бурятском улусе до школы и после, в каникулы, шла в обстановке бурятского быта тех лет. Именно эти впечатления послужили основой для многих рассказов и повестей Ч. Цыдендамбаева, его исторических и этнографических интересов. Впоследствии, живя в Улан-Удэ, писатель постоянно обращался к землякам, когда ему требовались новые бытовые подробности для произведений. По воспоминаниям вдовы писателя Д. Батожабая Лхамасу Батуевны в книге Г. Раднаевой «Жизнь, ставшая легендой, «младшие брат и сестра (Ринчин-Ханда и Цырен-Доржо) звали Чимита Дундаем... Тарбагатайские дети очень ждали приезда Чимита-Доржо на каникулы. Он доставлял нам огромную радость, рассказывая сказки, некоторые из которых придумывал сам. Приходя из школы, он приносил нам в подарок то рисунок, то еще что-нибудь. Он очень красиво рисовал. Когда мы впоследствии учились в Кижингинской школе, в кабинете директора долго висел портрет В. И. Ленина, написанный Чимитом Цыдендамбаевым» [5, с. 37].

Старший брат будущего писателя Шоймпол Цыдендамбаевич работал учителем в Орот-Тарбагатайской начальной школе. Он научил Чимита старомонгольской грамоте и преподавал первые уроки жизни. Также Чимита учили его земляки, талантливые учителя Содномдагба Будажабон, Аюржана Молонов, Гармажап Митыпов и другие. Поэтическое дарование Ч. Цыдендамбаева проявилось довольно рано. По свидетельству старшей учительницы Бурятии С. М. Амагаевой, учась в третьем классе, Чимит публиковал свои первые стихи в стенной газете школы и читал их со сцены на общешкольных мероприятиях.

После окончания Орот-Тарбагатайской начальной школы Ч. Цыдендамбаев учился в Ки-

жингинской школе, где преподавали известный учитель бурятского языка и литературы Намсараев Надмит Намсараевич и поэт Базарон Бато Базарович. Это были выдающиеся учителя — энтузиасты своего дела, благодаря их активной деятельности в школе был создан «Литературный уголок», работал кружок бурятского языка. Они учили детей художественному чтению, фольклору, бурятской письменности, литературному творчеству. Именно там будущий поэт и писатель Ч. Цыдендамбаев всерьез увлекся поэзией. С начала 1930-х гг. в школе выходила стенная газета «Песня сердца». В ней-то и были обнародованы поэтические опыты, принесшие будущему писателю общешкольную известность. Он не был прилежным учеником, но обладал прекрасной памятью и готовился к экзаменам всего за несколько дней. Впоследствии недостатки школы он восполнял самообразованием.

Окончив школу, Ч. Цыдендамбаев какое-то время работал в Кижинге в клубе колхоза «Ленинэй зам» (Путь Ленина). Об этом периоде жизни писателя известно мало. Хотя вот какие сведения можно найти в книге воспоминаний Лхамасу Батожабай: «Зимой 1937 года его (Ч. Цыдендамбаева) брат Шоймпол Цыдендамбаевич стал завучем Хоринской школы. В то тяжелое время наш Чимит-Доржо работал руководителем Кижингинского клуба, женился на землячке Митыповой Рыгземе Цыреновне, которая, окончив 10 классов, работала в школе пионервожатой. Они семьей часто приходили к нам в общежитие, чтобы помочь. Чимит-Доржо до позднего вечера читал нам стихи из своей толстой тетради» [5, с. 38].

Как утверждают земляки-тарбагатайцы, в родове у Ч. Цыдендамбаева было много талантливых людей. О его предке старике Дари ходили легенды, что он был острым на язык, сочинял шуточные стихи и поговорки. Младший брат писателя Цырен-Доржо стал известным художником, кузнецом-дарханом, был награжден медалью ВДНХ, стал дипломантом всероссийского конкурса, но, к сожалению, рано ушел из жизни. Племянник Ч. Цыдендамбаева, сын сестры отца Цокто Номтоев стал Народным писателем Бурятии, Героем Социалистического труда. Он посвятил памяти своего дяди Ч. Цыдендамбаева проникновенные лирические строки: «Тохорюнай үнэр бүлэ соо / Томоотой нэгэн илгаржа, / Хоёр ута хүлөөрөө / Холо холо алхалан / Ута хүзүүгээ улыжэ / Огторгой шэртэн жэргэбэ...» [1, с. 9] (Из большой стаи журавлей / Отделился один. / Своими длинными ногами / Далеко он

шагнул, очень далеко. / Гордо вытянув свою шею / Он устремился на небо, в вечность...).

Первая публикация в 1937 г. стихотворений «Санаша басагадта» (Девушкам-лыжницам), «Ордженикидзэдэ» (Ордженикидзе) и других в газете «Буряад-Монголой үнэн» определила его жизненный путь.

В конце 1930-х гг. Ч. Цыдендамбаев приезжает в Улан-Удэ, входит в среду писателей, работает в радиокомитете, в редакции республиканской газеты, на страницах которой теперь часто печатаются его стихи. С Улан-Удэ связана вся последующая жизнь Ч. Цыдендамбаева. Это было время первых пятилеток, трудового пафоса и энтузиазма. В поэзии оно отразилось, наряду с искренними, идущими из души стихами, во множестве риторических, декларативных, лозунговых произведений, которые сейчас давно и безвозвратно ушли в прошлое. Первый сборник стихов Ч. Цыдендамбаева «Эхэ оронойм үдэрнүүд» (Дни моей Родины) вышел в 1940 г., где он заявил о себе как о поэте глубоко лирическом, тяготеющем к мягким, задушевному интонациям. Вошедшие в сборник стихи «Сахариг» (Колесо), «Сэсэгхэн» (Цветочек), «Тарбагатайда» (В Тарбагатайе) пронизаны народным мировосприятием, мудростью, им чужды напыщенность и декларативность. А такие стихотворения, как «Баяртай» (До свидания), «Гансал мүшэхэн» (Одна звезда), «Үдэшин гуниг» (Вечерняя грусть), которые пережили свое время и своими чувствами, мыслями и настроениями близки сегодняшнему читателю, были неприемлемы для бурятской поэзии тех лет.

В годы Великой Отечественной войны Ч. Цыдендамбаев ясно определился как поэт с лирическим видением мира. В 1943 г. выходит вторая книга стихов поэта «Илалтын замаар» (По пути победы), в которую вошли лирические стихотворения «Геройн эхэ» (Мать героя), «Эсэгэ» (Отец), «Бусажа ерэтэршни хүлээхэб» (Буду ждать твоего возвращения) и другие, представляющие собой эмоциональные рассказы лирического героя о своих переживаниях, мыслях и чувствах в связи с уходом на фронт близких людей, о горе матери, связанное с гибелью сына на фронте, о тяжелой жизни в тылу.

Несмотря на критические выпады и обвинения автору в однообразии идейно-тематических мотивов, среди многочисленных стихотворений военной поры стихи Ч. Цыдендамбаева выделяются эпическим размахом, объективированным выражением внутреннего мира человека благодаря реалистическим образам современности. Уже в 1945 г. выходит первая поэма Ч. Цыден-

дамбаева «Гвардеец». Среди поэм, созданных писателями Бурятии в годы войны: «Эхын юрөөлөөр» (По благословению матери), «Дүрбэн жэл» (Четыре года) Ж. Тумунова, «Чудска нуурай суурян» (Эхо Чудского озера), «Павел Балтахинов» Ц. Галсанова, «Дүүдэй баатар» (Богатырь Дуудэй), «Ангуушанай хүбүүн» (Сын охотника) Х. Намсараева, поэма Ч. Цыдендамбаева отличается необычной композицией. Она написана в эпистолярной форме и представляет переписку главных героев: Цырена, воюющего на фронте, и Хандамы, его возлюбленной, остающейся в родном улусе. «Эпистолярная форма, которую избрал поэт, таит в себе широкие художественные возможности: повествование о настоящем (фронтные и тыловые будни) перекликается с воспоминаниями (события до войны), рассказ о том, что происходит, — с лирическими отступлениями» [6, с. 7], что обусловило широту раскрытия темы, многоплановость самого повествования, позволило передать напряженность переживаний героев.

В послевоенные годы Ч. Цыдендамбаев работал литературным сотрудником газеты «Буряад-Монголой үнэн», а с 1947 г. целиком отдается литературной деятельности. Во многих стихотворениях 1940–1950-х гг. Ч. Цыдендамбаева отчетливо ощущается связь с принципами фольклорной типизации, в них философское постижение идет через глубоко лиричное осмысление, казалось бы, простых, но очень важных истин. Поэтические миниатюры сборника «Буряадай угалзанууд» (Бурятские узоры) (1957), как писал литературовед В. Ц. Найдаков, «в чеканной форме воплотили народный опыт, народную мудрость, радость постижения человеком красоты и многообразия мира» [4, с. 112]. Проследившая эволюцию жанровой системы поэзии Ч. Цыдендамбаева (от лирических стихов к лиро-эпической поэме), нетрудно заметить все большее тяготение художника к эпическому охвату жизненного материала, например, в поэмах «Гвардеец», «Соном Гармаев».

1950–1960-е гг. можно назвать временем расцвета писательского таланта, творческого накала его деятельности. Ч. Цыдендамбаев работал очень плодотворно. Одновременно с созданием стихотворных произведений с конца 1940-х гг. Ч. Цыдендамбаев начинает активно писать прозу. Первым прозаическим произведением уже известного, популярного поэта была повесть для детей «Чернильница Банзарова» (1948). Именно с этой повестью в его творчество вошла большая тема о жизни и деятельности первого бурятского ученого Доржи Банзарова. Важно отметить, что

Ч. Цыдендамбаев, наряду с интересом к современной жизни, тщательно изучал историю. Он собирался создать ряд произведений на историческую тему, но, к сожалению, успел написать только дилогию о Доржи Банзарове, впоследствии ставшей главной книгой в его творчестве. По словам друга его семьи, в его квартире на полках книжных стеллажей находились книги С. Ю. Витте, В. Н. Коковцева и других исторических деятелей, которые были сплошь в закладках. В библиотеке хранились тома Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова, Маяковского и других поэтов и писателей.

Ч. Цыдендамбаев задумал написать трилогию о Банзарове, и об этих его грандиозных планах знали друзья и коллеги. Сам он неоднократно признавался, что пишет трилогию. К сожалению, третья часть так и не была завершена.

Исторический роман-дилогия о первом бурятском ученом-ориенталисте Доржи Банзарове «Банзарай хүбүүн Доржо» (Доржи, сын Банзара) (1952), «Түрэл нютагһаа холо» (Вдали от родных степей) (1958) был создан в пору активного становления жанра романа в бурятской литературе, в сущности, представляет собой первый в бурятской литературе образец биографического романа. Когда роман только готовился к публикации, в январе 1952 г. состоялся пленум обкома партии по инициативе тогдашнего редактора журнала «Байкал» М. Хамаганова и первого секретаря ВКП(б) А. Кудрявцева, на котором прошло обсуждение рукописи романа. На пленуме новое произведение Ч. Цыдендамбаева было названо буржуазно-националистическим, идеологически вредным и запрещено к изданию. Известный фольклорист, литературовед М. Азатовский выступил с резкой критикой этого постановления в статье на страницах газеты «Восточно-Сибирская правда», чем способствовал скорейшей публикации романа на русском языке в г. Иркутске. Вскоре обком партии был вынужден отменить свое решение и роман был опубликован в Улан-Удэ в 1953 г.

Ч. Цыдендамбаев в своей творческой биографии прошел весьма своеобразный путь — от лирики к эпической прозе, к историческому роману, а затем от него к лирико-субъективному повествованию в жанре новеллы» [2, с. 121]. К тому же он никогда не переставал писать стихи. Земляки Ч. Цыдендамбаева называют его великим писателем, и друзья-писатели считали, что он обладал настоящим талантом. Мы уже упоминали эмоционально-любовные слова Михаила Степанова («Чимитище! Талантище! Бурятище!»), который переводил произведения писате-

ля на русский язык и ценил его могучий, всесторонний, неутомимый творческий дар, его глубокую национальную основу.

Жанр рассказа в творчестве Ч. Цыдендамбаева занимает особое место. Его рассказы издавались отдельными книгами на бурятском языке «Шэнэ байшан» (Новый дом) (1956), «Расказууд» (Рассказы) (1956), «Түрэл нютаг» (Родной улус) (1960), «Улаан сэсэг» (Красный цветок) (1964), на русском языке «Ливень в степи» (1962), «Бурятские узоры» (1970), «Охотка степных цветов» (1981), повестями «Бурятка» (1961), «Год начинается с весны» (1977). Многие рассказы Ч. Цыдендамбаева написаны от первого лица, что уже выделяет их из основной массы рассказов писателя. Сюжеты этих рассказов, действительно, отличаются житейской простотой, невыдуманностью, биографичностью, да и не сюжеты это по большому счету, а, скорее, авторские наблюдения и раздумья над жизнью.

Параллельно с работой над третьей частью трилогии о Доржи Банзарове Ч. Цыдендамбаев написал произведение в совершенно редком, точнее, вовсе отсутствующем в литературе Бурятии — сатирический роман в новеллах «Охотники за голубыми гусями» (1966), рукопись которого была подарена отцу.

Ч. Цыдендамбаев не только выступал в печати с публицистическими и критическими статьями о литературе, но и участвовал в обсуждениях новых книг на писательских семинарах, конференциях, встречах с поэтами и писателями. В советские годы, особенно в 1950–1970-е гг., в Улан-Удэ часто проводились разного рода мероприятия, посвященные литературе и искусству. Частыми гостями нашей республики были маститые поэты и писатели, ученые не только из Москвы и Ленинграда, но и многих городов бывшего Советского Союза — Средней Азии, Прибалтики, Закавказья, приезжали и зарубежные писатели. Это была учеба, обмен опытом, знакомство, сотрудничество. Проводились недели, декады бурятской литературы в районах республики, соседних областей, а также в Монголии. В свою очередь, в Улан-Удэ проходили Дни латышской литературы (1962 г.), монгольской литературы (1964 г.), Дни украинской литературы (1974 г.), выездные заседания Союза писателей РСФСР и СССР. Действительно, литературная жизнь в те годы в Бурятии была ключом. В 1954 г. состоялся Второй Всесоюзный съезд советских писателей, на котором от республики участвовали Х. Намсараев, Н. Балдано и Ч. Цыдендамбаев.

Ч. Цыдендамбаев был прекрасным знатоком

бурятского языка, устного народного творчества, все свои произведения писал на родном языке. На русский язык его переводили М. Степанов, Л. Парфенов. Широкой известности своих произведений писатель обязан именно переводам на русский язык М. Степанова, талантливого журналиста и писателя, его близкого друга. Многие произведения Ч. Цыдендамбаева переведены на языки народов бывшего СССР. На русском языке произведения Ч. Цыдендамбаева печатались на страницах республиканских и всесоюзных газет и журналов, в центральной печати и заслуженно пользовались успехом у читателей.

Сам писатель тоже занимался переводческой деятельностью, в частности, перевел на бурятский язык «Слово о полку Игореве», стихотворения и поэмы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, В.В. Маяковского, басни И.А. Крылова. За большие заслуги в творческой деятельности в 1959 г. во время Декады бурятского искусства и литературы в Москве писатель был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ч. Цыдендамбаев был членом Союза писателей СССР, Народным поэтом Бурятии.

По свидетельствам его земляков и родственников (Д. Дагбаева, Л. Батожабай), Ч. Цыдендамбаев был честным, прямым человеком, всегда смело выступал против всякого проявления фальши и лжи и оставался таким до конца своей жизни. Иногда его категоричность, обостренное чувство справедливости закрывали ему дорогу в карьере. В книге, посвященной Ч. Цыдендамбаеву, Д. Дагбаев вспоминает случай, как однажды писатель, побывав на колхозном собрании

по выдвижению кандидата в Верховный Совет СССР, был возмущен формальностью процедуры и написал язвительное стихотворение, за которое был исключен из Союза писателей республики. Вскоре по ходатайству московских коллег он был в нем восстановлен.

Ч. Цыдендамбаев был женат на Валентине Тимофеевне Гусевой, она была родом из Томска. Их сын Баир стал художником, рано умер. Валентина Тимофеевна умерла через несколько дней после смерти сына. По воспоминаниям современников, семье жилось трудно, жена писателя не всегда понимала и поддерживала мужа, были частые конфликты, которые приводили к долгим размолвкам между супругами. Хотя у Ч. Цыдендамбаевых была в городе квартира, семья почти все свое время проводила на Верхней Березовке (бурятское Переделкино), где находились писательские дачи. Архивы, книги, документы попали в руки брата Валентины, и дальнейшая судьба их неизвестна. Чемодан книг и рукописей был передан в Литературный музей. К сожалению, музея уже нет, и эти материалы сегодня сложно найти.

После тяжелой болезни Ч. Цыдендамбаев скончался 9 декабря 1977 г. До самых последних дней писатель повторял: «...нет большего счастья для пишущего, чем то, которое приходит, если его труд приносит пользу, если он близок и понятен его друзьям, если он хоть на короткое время становится необходимым, как пища...». Заверение писателя оправдалось. История определила за ним особое, высокое место в истории бурятской литературы.

Литература

1. Дагбаев Д.Д. Түрэл дайда Тарбагатай нютагһаа уран бэлигээр соробхилон ерэнэн Чимит Цыдендамбаев. — Улаан-Үдэ: Буряад үнэн, 2002. — 40 н.
2. Имхелова С.С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Филология. — 1997. — Вып. 1. — С.119–128.
3. Липкович Я. Мое Забайкалье // Русско-американский журнал «Вестник». 2000, 21 нояб., № 24 (257) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vestnik.com/issues/2000/1121/win/lipkovich.htm>
4. Найдаков В. Ц. Чимит Цыдендамбаев // Современные писатели Бурятии. — Улан-Удэ, 1969. — 183 р.
5. Раднаева Г. Ж. Жизнь, ставшая легендой = Домог болоһон ажабайдалай эрьюулгэ: в 2 ч. — Улан-Удэ: Нова Принт, 2012. — Ч. I. — 464 р.
6. Халхарова Л. Ц. Художественный мир прозы Ч. Цыдендамбаева. — Улан-Батор, 2013. — 140 р.
7. Цыдендамбаев Ч. Эхэ оронойм үдэрнүүд: шүлэгүүд. — Улаан-Үдэ: Буряад-Монголой номой хэблэл, 1940. — 72 н.

References

1. Dagbaev D. D. *Түрэл дайда Тарбагатай нотагхаа уран бэлигээр соробхилон ерэнэн Chimit Tsydendambaev*. Ulan-Ude: Buryaad Unen, 2002. 40 n. (Buryat).
2. Imikhelova S. S. Svoeobrazie sub'ektivnykh povestvovatel'nykh form v buryatskoj proze 1970-kh gg. [The originality of subjective narrative forms in the Buryat prose of the 1970s.]. *Vestnik Buryat. gos. universiteta. Ser. Filologiya — Bulletin of Buryat State University. Philology series*. 1997. V. 1. Pp. 119–128.
3. Lipkovich Ya. Moe Zabaikal'e [My For-Baikal]. *Russko-amerikanskij zhurnal «Vestnik» — Russian-American magazine "Herald"*. 2000. November 21. No. 24 (257). Available at: <http://www.vestnik.com/issues/2000/1121/win/lipkovich.htm>
4. Naidakov V. Ts. Chimit Tsydendambaev. *Sovremennye pisateli Buryatii — Contemporary writers of Buryatia*. Ulan-Ude, 1969. 183 p.
5. Radnaeva G. Zh. *Zhizn', stavshaya legendoi: v 2-h ch. Ch. I* [Life which became a legend: in two parts. Part 1]. Ulan-Ude: Nova Print, 2012. 464 p.
6. Halharova L. C. *Hudozhestvennyj mir prozy Ch. Tsydendambaeva* [The artistic world of Ch. Tsydendambaev's prose]. Ulan-Bator, 2013. 140 p.
7. Tsydendambaev Ch. *Эхэ оронойм үдэрнүүд: шүлэгүүд*. Улаан-Үдэ: Буряад-Монголой номой хэблэл, 1940. 72 n. (Buryat).

УДК 821.512.31

Мифологический культ небесных первопредков в бурятской литературе

© Булгутова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, Улан-Удэ, Ранжурова, 6

E-mail: irabulgutova@mail.ru

В статье раскрываются особенности культа первопредков в бурятской литературе на примере образов Буха-ноён баабай и Лебедицы. В статье рассматриваются стихотворения бурятских поэтов А. Ангархаева, Ж. Юбухаева, Л. Тапхаева, Б. Дугарова, раскрывается авторская интерпретация образа Буха-ноён баабай. Устанавливается связь лирических произведений о Буха-ноён баабай с шаманскими призываниями. В исследуемых текстах выявляется одухотворение ландшафта, сакральное отношение к природе. Образ Лебеди как небесного первопредка бурят раскрывается в поэме Г. Раднаевой «Белая Лебедь», в исторических романах Ц. Галанова «Мать-лебедица», В. Гармаева «Десятый рабджун». В произведениях о Лебедице определяется символическое значение образа. Устанавливается важное значение культа первопредков в сознании бурятских писателей.

Ключевые слова: культ, тотемные предки, миф, мифомышление, авторская интерпретация мифа, символ.

Mythological cult of the celestial ancestors in Buryat literature

Irina V. Bulgutova

PhD, A/Professor, Department of Russian and foreign literature, Buryat State University

6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews main features of the cult of ancestors in Buryat literature on the material of images of Bukha-noён baabay (the Bull) and the Swan. The poems by Buryat poets A. Angarhaev, J. Yubuhaev, L. Taphaev, B. Dugarov, and the authors' interpretation of Bukha-noён baabay image are analyzed. The article also detects relationship between these poems and shamanic songs. Spiritualization of landscape, sacred attitude to the nature is revealed in the analyzed texts. The image of the Swan as a celestial ancestor of the Buryats is revealed in the poem by G. Radnaeva "White Swan", in the historical novels by Ts. Galanov "The Mother Swan" and V. Garmaev's "The Tenth Rabdzhun." The author shows the great importance of the cult of ancestor for the Buryat writers.

Keywords: cult, totemic ancestors, myth, mythological consciousness, author interpretation of myth, symbol.

В бурятской литературе сохраняется и воссоздается пласт древнейших верований народа, самые различные мифологические представления и воззрения, которые впоследствии становятся основой для мифотворчества автора. Важное место в этом ряду занимает представление о первопредках, что принципиально важно для мифосознания, в котором происходит фантастико-генетическое осмысление мира. В рамках данной статьи мы обращаемся к исследованию образов небесных первопредков в художественном осмыслении бурятских поэтов и прозаиков. В бурятской мифологии и литературе обращает внимание на себя представление о небесном происхождении некоторых тотемистических предков. Это касается двух образов, имеющих сакральное значение в бурятской культуре: Буха ноён-баабай — Быка и Лебедицы. Их небесное (космическое) происхождение по-разному трактовалось и воплощалось в живописи и скульптуре.

Культ Буха-ноёна и Лебедицы подробно исследован в работах по бурятскому шаманизму. В литературных же произведениях он нашел воплощение прежде всего в лирических текстах поэтов — выходцев из Тунки и связан с воспеванием ландшафтных памятников, которые зафиксировались в народном сознании не только как живое воплощение сакральных мифов, но и как свидетельства существующего культа. Эти лирические тексты сохраняют логику шаманских призываний в самой форме обращения к природным объектам, а через них — и к духам. Так, в стихотворении А. Ангархаева «Эсэгэ орон, эхэ нютаг» (Отечество и родина) звучит прямое обращение к силам природы, к предкам, как мифологическим, так и историческим: «Үлгэн дэлхэй — эхэмнай, / Үндэр тэнгэри — эсэгэмнай... / Эхэ Юурэн ийбии, / Эсэгэ Малаан тэнгэримнай! / Буха ноён баабаймнай, / Будан хатан ийимнай, / Эзэн Богдо Чингис — Эртэ эхэ түүхэмнай...» (Просторная земля — мать

наша, / Высокое небо — отец, / Мать Юурэн, Отец небесный Эсэгэ Малаан! / Предок Буха ноён, / праматерь Будан хатан / Почтенный Чингис / Ранняя наша история...) [1, с. 6]. Далее в едином ряду перечисляются как природные объекты, так и люди, творения культуры, исторические события, утверждается мысль о неразрывном единстве всего сущего.

Антропоморфные представления о природных объектах оказываются неразрывно связанными с мифами о тотемистических предках. Логика народного мировосприятия одухотворяет весь ландшафт и связывает их с преданиями и мифами. Так, Ж. Юбухаев, поэт родом из мест, где находится культовый природный объект Буха-ноёна, в стихотворении «Мундарганууд» (Вершины), изображая Саяны как памятник Гэсэру, говорит о вечной сути культов: «Сагаан Заятан мундэлөө: / Сэрэгтэй Хаан — Шаргай ноён, / Сабидар Буха ноён баабай, / Улаан заяата Улаани хада. / Мүнхын тахилгатай хүшөөнүүд — / Мүргэл, тарни, шүлэгүүд» (Воплотились Светлого Завета носители: / Хан с войсками — Шаргай Ноён, / Светлый Буха-ноён баабай, / Красного завета Красная гора. / Вечного культа памятники — / Вера, молитва, стихи) [13, с.7] Светлый Буха ноён здесь возникает, скорее всего, в связи с песчаной местностью на отрогах Саянских гор, где и находится скала, напоминающая обличье быка, — место поклонения.

«Мифы о тотемистических предках привязаны к отдельным частям географического ландшафта» [12, с. 72]. Поэтому в другом стихотворении Ж. Юбухаева даже тучи поклоняются культу Буха-ноёна: «Агуу Буха ноёндо зальбаараад, / Арюухан жаргалаа олоо юм гү?» (Помолившись великому Буха ноёну, / Обрели ли они свой удел?) [13, с. 8]. Сохранность культа Буха-ноёна отмечает Н. Л. Жуковская: «Буха-ноён у бурят Тункинского района — «хан-буумал», то есть божество небесного происхождения, в прошлом почитавшийся как бык — тотемный предок какой-то группы тункинских бурят. Одна из его весьма существенных функций в прошлом, сохранившаяся и позднее, когда Буха-ноён под именем Иринчин-хана стал почитаться как ламаистское божество, — это регулирование атмосферных явлений в тех районах, где его почитают» [7, с. 105].

Связь образа Буха-ноёна с атмосферными явлениями прослеживается в стихотворении Б. Дугарова «Виденье в грозу», в котором лирический герой, наблюдая грозу на Байкале, представляет энергию разбушевавшейся стихии в образе быка: «Или, может, мифический пороз

священный — / прародитель байкальских бурят — / ожил вдруг / и раскатистым ревом мгновенно / даль заполнил, как вечность назад. / И пошел напролом по воде одичалой — / все стремительней, переходя / на громовый галоп, содрогающий скалы / лавой волн и лавиной дождя. / И всё мнится: неся на хребте непогоду, / бык на сушу рванет и тогда — / разнесет эти кемпинги вдребезги с ходу, / намотав на рога провода...» [5, с. 36].

Мифологический образ первопредка в сознании бурятских поэтов оказывается неразрывно связанным с природным миром, растворен в нем, и это вполне закономерно. Одухотворение ландшафта родины имеет и практический смысл, ведь «традиционная культура монгольских народов, будучи глубоко экологичной, выработала единственно возможный вариант существования в далеких от оптимизма условиях окружающей среды, вписывая этносы в ландшафты без ущерба для последних, что оказалось возможным лишь при условии одухотворения природы» [4, с. 490-491]. Следует отметить, что культ Буха-ноёна, сохраняющийся и поныне в народном сознании, реализован в бурятской литературе преимущественно в лирических произведениях, что объяснимо и непосредственной связью этих произведений с шаманскими призываниями, в которых реализация смысла происходит на уровне ритмической организации. Это касается прежде всего синтаксического параллелизма в приведенных выше текстах на бурятском языке, в стихотворении же Б. Дугарова наблюдается аллитерация сонорного звука «р» при изображении бури.

В поэме Л. Тапхаева «Угай бэшэг» (Родословная), где рассматривается родословная тункинских бурят, интересен прежде всего сам авторский подход к теме, сочетающий научное осмысление исторических фактов, выдвижение различных гипотез этногенеза и эмоционально-образное воссоздание различных исторических эпох. В поэме «вводится историческая модель времени, знаменующая в творчестве Л. Тапхаева “распрявленное”, качественное время, время через призму истории, исторических событий. Как поэма историческая, она становится важнейшим этапом в постижении меняющегося мира, в постижении динамики времени, динамики культурно-исторического опыта и наследия» [8, с. 66].

При попытке систематизации огромного и разнородного материала научных исследований объединяющим их стержнем становятся культовые образы, так, в финале поэмы Л. Тапхаева звучит обобщение: «Буха-ноён баабайтай / Бу-

дан-хатан иибиитэй / Булагадай зургаан отог, /
Эрэн гутаар эсэгтэй / Эрьейн габа эхэтэй /
Эхирэдэй найман яхан / Хун шубуун гарабалтай,
/ Хуһан модон сэргэтэй, / Хориин арбан нэгэн
эсэгэ / — гурбан тулга шэнги / Гур-Бурядай
хүбүүд тухай...» (Происходящие от Буха-ноён
баабай, / от Будан-хатан иибии / Шесть объеди-
нений булагатов, / Происходящие от пестрого
налима, / вышедшие из приречной норы / восемь
эхиритских родов, / Происходящие от праматери
Лебедицы, / имеющие березовую коновязь /
одиннадцать хоринских родов / — Как три опоры,
/ сыновья бурятского народа» [11, с. 42].

В отличие от образа Буха-ноёна, имеющего четкую пространственную локализованность в Прибайкалье и у подножия Восточных Саян, образ праматери Лебедицы является объединяющим различные бурятские роды и племена: хори, хонгоодоров, шошоолоков, баргутов и т. д. Обряды, связанные с культом Лебедицы, описаны в разных произведениях, так, в поэме Л. Тапхаева описывается почитание праматери у племени шошоолоков: «Хори угтай байһандаа гү, / хожом түүрэгтэй хуһандаа гү, — / шошоолог ехэ угсатамнай / Сагаан шубуундаа мүргэлтэйл. / Хун шубуудай намартаа / Хушууран урагшаа ниидэхэдэ, / Үбгэ эсэгэнэртээ мэтэ сагаагаа / Үргэжэ үдэшэдэг заншалтайл. / Хурмаста тэнгэриһээ хургаалтай, / Тэбхэр дээрээ буудалтай» / Эрэн юһэн дархад, / Ехэ шошоолог» (То ли от хори происходя, / то ли от позднего пребывания у тюркских племен, / великое племя шошоолоков / почитает Белую птицу. / Когда осенью лебеди / клином улетают на юг, / По заветам предков, брызгая молоком, / провожают их. Таков обычай. / Небесным Хурмастой наученные, / на горе Тэбхэр имеющие место / девяносто девять кузнецов, / великие шошоолоки) [11, с. 42]. В данном примере упоминание кузнечного культа также указывает, по шаманским верованиям, на небесное происхождение племени.

В «Сказке о лебедях» Б. Дугарова воспроизводится легенда как предание о безвозвратно утраченном прошлом: «В чаше Большого озера / жили лебеди. / От них, говорят, / произошли люди. / И каждую весну / выходили люди на берег / и белым молоком встречали прилет / добрых крылатых предков. / Говорят, это было давно» [6, с. 66] По мнению исследователей, «стихотворение Б. Дугарова “Сказка о лебедях” не прямой пересказ легенды, а скорее, перевод ее из образного ряда в символический» [3, с. 29]. В отличие от поэмы Л. Тапхаева здесь предстает разрушение мифа как безоговорочной веры, хотя герой и узнает о своем «лебедином родстве»,

в реальности, где летают «стальные огромные птицы» и «горячий асфальт», он не находит лебедей, символизирующих его связь с предками.

В поэме Г. Раднаевой «Хун шубуун» (Лебедь) образ небесного первопредка находится в центре лирического повествования, внешне оформленного как своеобразный диалог Автора и Лебеди. В поэме выделяются такие композиционные элементы, как вступительное и заключительное слово, в центре же четыре части «Хабарай һэбшээн» (Весенний ветерок), «Нажарай халуун» (Летний зной), «Намарай тэнюун» (Осенний покой), «Үбэлэй зүүдэн» (Зимний сон). Четыре времени года, соответственно мифологическому циклу, обозначают этапы жизни человека: пору становления, расцвет, угасание, переход в вечность. Поэма имеет лирико-философское содержание: осмысливаются ценности жизни человека на каждом этапе, предстает осознание им своего личного пути, универсализация опыта. Уже в первой части возникает символический образ внутренней связи Автора и Лебеди: «Хун шубуунай гунигтай ооглоогоор / Хүнэй бэшэ, жэгүүртэнэй бэе бэелнэшье шэнгиб. / Ошохо зүгөө мүнөөхи мүшөөр / Оложо эндэ далая зэһэнэшье хэбэртэйб» (С печальным криком лебеди / Не в человеческом, а словно в птичьем теле я. / Свой путь определяя по той же звезде, / Как будто готовлюсь обрести крылья) [10, с. 43]. Такое растворение лирической героини, выступающей под именем Автора, задает тему внутреннего разговора, напряженной рефлексии и самосознания. Действительно, дальнейший диалог показывает, что голос Хун шубуун временами звучит как alter ego Автора, эти два голоса взаимодействуют не только по логике вопрошания и ответа, но и в едином потоке поиска на насущные вопросы человеческой жизни. Возникает тема совместного умозрительно выстраиваемого полета человека и птицы, в котором Лебедь осознает себя оберегом и хранителем своего потомка-человека, автор же чувствует себя воплощением и опорой Лебеди как тотемного предка. Так, Автор говорит, обращаясь к Лебеди: «Эсэшэбэл нэгэтэ, энэл далайн тэгэндэ / Эсэхэдээ амарха хабсагайш болохоб» (Если однажды устану на середине этого моря (жизни) / Стану скалой, чтобы ты отдохала на ней, когда устанешь» [10, с. 44]. Лебедь же не дает Автору права уставать, так как лирической героине уже даны крылья, символизирующие ее творческий дар. Философски осмысливаются страдания, неизбежные в земной юдоли, и преодолевающие их чувства веры и пророческого предвидения будущего, данные поэту-певцу. В начале поэмы

осознание своего пути Автором как пути поэта и певца символически сознается в образе седла, так, Лебедь говорит: «Хоолойн хайханаар дуулахая, / Хүшэр замые шэлэһэнээ, / Ерэхэ сагые угтахая / Эмээл эриһэнээ һана» (Петь красивым голосом / Трудную дорогу выбрав, / Для встречи будущего / Ты просил дать тебе седло, помни) [10, с. 53].

Образ Лебеди обретае также символический смысл небесной помощи и поддержки, вдохновения и музыки поэта. «Түрэл арадайм анханайнь эхэ» (праматерь народа) [10, с. 55] дает наставления Автору, учит его. Слова Лебеди ритмически выделены, написаны немногосложными стихами, в то время как раздумья Автора оформляются в более длинных строках. Раздумья о долге, о желании земного счастья, о горькой доле певца раскрываются в пору жизненного расцвета — в части, обозначенной как «Летний зной». Осень же — пора отлета птиц и Лебеди, в то же время и неизбежное прощание с поэтическим вдохновением, что тяжело и трудно переживается Автором. Заклинанием звучат повторы в просьбе Автора не покидать покровительницу поэтического дара. В самой же композиции заданная идея цикличности позволяет утверждать идею вечного возвращения. Не случайно в финале поэмы возникает лирическое раздумье: «Гайханаб, / Хун шубуунтай хөөрэлдэнэб гэжэ хэнтэй хөөрэлдөөбиб — / Досоогоо али хун шубууе абажа ябаа гүб? / Хун шубуун гарбалтай арадни али өөрөө / Дуугаа сээжээр дурадхаж, намайе шэлэбэ гү?» (Удивляюсь, / Разговаривая с лебедью, с кем же я говорила — / Или лебедь живет в душе моей? / Или же народ мой, происходящий от лебеди, или она сама, / Песню исполнить свою, выбрала меня?) [10, с. 70]. Так в поэме Галины Раднаевой образ Лебеди выражен внешне, объектно, в то же время, звуча как голос, становится выражением внутреннего мира автора, как неотъемлемая частица души и крови. Таким образом возникает символ, осуществляющий связь внешнего, материально выраженного, и внутреннего, идеального планов.

В прозаических же произведениях бурятской литературы культ праматери Лебедицы в большей степени связан с изображением народной жизни, описательно раскрывается в контексте этнографических реалий как важная часть традиций и обычаев народа. В историко-революционном

романе Ц. Галанова «Хун шубуун» (Мать-лебедица) образ лебеди приобретает в сюжетно-композиционной структуре романа символическое значение: появление перед героями, а затем гибель от руки человека священных птиц звучит как предвестие всех переломных событий. Образ птиц возникает и в финале романа, обозначая преемственность жизни. «Образ матери-лебедицы — это воплощение всего святого на земле, вечно живой жизни, символ естества, непрерывности жизненного цикла, вечности земного бытия» [9, с. 156].

В романе В. Гармаева «Десятый рабджун» при воссоздании истории хори-бурят дается авторская интерпретация легенды о Хоридай мэргэне и лебеди, ставшей его женой и затем прародительницей 11 хоринских родов. Легенда раскрывается как рассказ шамана, который утверждает, что «каждый живущий на свете должен знать свою родословную, откуда, что и как произошло» [2, с. 24]. Также описывается ритуал проводов лебедей с выявлением его сакрального смысла: «Однажды безоблачным сияющим днем над куренем саганутов, словно заклиная людей сохранить чистоту помыслов и дел, с трубными криками пролетел на север большой бело-розовый клин лебедей. Услышав птиц, из всех юрт высыпали люди. Старики и женщины стали брызгать вслед каравану священных предков жертвенным молоком» [2, с. 123]. Образ «каравана священных предков» закономерно возникает в исторической прозе.

Таким образом, культ первопредков воплотился в бурятской литературе в произведениях самых различных родов и жанров. Своеобразие мифологического компонента бурятской культуры в том, что представление о тотемистических предках связано с идеей их небесного происхождения, и это прослеживается в образах Буха-ноён баабай и Лебедицы. Они сохраняют сакральный смысл, в частности, это наблюдается в связи лирических текстов с шаманскими призываниями, в самой форме обращения и разговора с идеальной сущностью. В прозаических же текстах культ раскрывается в произведениях исторических жанров, на основе мифологем являются символические значения, раскрывающие идеи преемственности в жизни, неразрывной связи человека с предками, прошлого — с настоящим и будущим.

Литература

1. Ангархаев А. Агуухэ шэди. — Улаан-Үдэ, 2001. — 136 н.
2. Гармаев В. Десятый рабджун. — Улаан-Удэ, 2011. — 936 с.
3. Дампилова Л. С., Цыренова М.Ц. Современная бурятская поэзия. — Улаан-Удэ, 1998. — 125 с.
4. Дробышев Ю. И. Экологические аспекты традиционной культуры монгольских народов. Человек и природа в духовной культуре Востока. — М., 2004. — 576 с.
5. Дугаров Б. Звезда кочевника. — Иркутск, 1994. — 256 с.
6. Дугаров Б. Всадник. — М., 1989. — 142 с.
7. Жуковская Н.Л. Формы проявления культа природы в пантеоне и ритуалах ламаизма // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. — М., 1970. — С. 99–120.
8. Забанова О. А. Пространство и время в поэзии Л. Д. Тапхаева. — Улаан-Удэ, 2010. — 184 с.
9. История бурятской литературы. Т. III: Современная бурятская литература (1956-1995). — Улаан-Удэ, 1997. — 298 с.
10. Раднаева Г. Хун шубуун (уянгата поэмэнууд). — Улаан-Үдэ, 1987. — 128 н.
11. Тапхаев Л. Угай бэшэг. — Улаан-Үдэ, 1988. — 144 н.
12. Токарев С.А. Ранние формы религии. — М., 1990. — 622 с.
13. Юбухаев Ж. Шүлэгүүд дүрбэн зүг найман хизаарта. — Улаан-Үдэ, 2007. — 72 н.

References

1. Angarkhaev A. *Aguuikhe shedi*. Ulan-Ude, 2001. 136 n. (Buryat).
2. Garmaev V. *Desyatj rabdzhun* [The tenth rabdzhun]. Ulan-Ude, 2011. 936 p.
3. Dampilova L. S., Tsyrenova M. Ts. *Sovremennaya buryatskaya poeziya* [Modern Buryat poetry]. Ulan-Ude, 1998. 185 p.
4. Drobyshev U. I. *Ecologicheskie aspekty traditsionnoj kultury mongol'skikh narodov. Chelovek i priroda v dukhovnoi culture Vostoka* [Environmental aspects of the traditional culture of the Mongolian peoples. Man and nature in the spiritual culture of the East]. Moscow, 2004. 576 p.
5. Dugarov B. *Zvezda kochevnika* [Star of nomad]. Irkutsk, 1994. 256 p.
6. Dugarov B. *Vsadnik* [The rider]. Moscow, 1989. 142 p.
7. Zhukovskaya N. L. *Formy proyavleniya culta prirody v panteone i ritualakh lamaizma* [The forms of manifestation of the cult of nature and rituals in the pantheon of Lamaism]. *Religiya i mifologiya narodov Vostochnoj i Yuzhnoj Asii — Religion and mythology of the peoples of East and South Asia*. Moscow, 1970. Pp. 99–120.
8. Zabanova O. A. *Prostranstvo i vremya v poesii L. D. Tapkhaeva* [Space and time in the poetry by L. D. Tapkhaev]. Ulan-Ude, 2010. 184 p.
9. *Istoriya buryatskoj literatury. T. III: Sovremennaya buryatskaya literatura (1956–1995)* [History of Buryat literature. V. III: Modern Buryat literature (1956-1995)]. Ulan-Ude, 1997. 298 p.
10. Radnaeva G. *Khun shubuun (uyangata poemenuud)*. Ulan-Ude, 1987. 128 n. (Buryat).
11. Tapkhaev L. *Ugai besheg*. Ulan-Ude, 1988. 144 n. (Buryat).
12. Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow, 1990. 622 p.
13. Yubukhaev Zh. *Shuleguud durben sug naiman khisaarta*. Ulan-Ude, 2007. 72 n. (Buryat).

УДК 821.512.31

Музыкальный потенциал анафоры в книге Б. Дугарова «Азийский аллюр»

© **Имихелова Светлана Степановна**

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: 223015@mail.ru

В статье анализируется новая книга народного поэта Бурятии Баира Дугарова «Азийский аллюр», в 2014 г. удостоенная Государственной премии РБ. По мнению автора статьи, она знаменует собой определенный итог творчества известного поэта, совпавший с расцветом его творческой и публикаторской активности. Содержание книги составили циклы стихотворений, полностью построенных на анафоре. И хотя к анафоре — рифме в начале строки — Б. Дугаров обращался на протяжении всего творчества, именно в новой книге ее использование позволило проявить лучшие качества его поэзии: диалектический синтез сиюминутности, истории и вечности, музыкальность стиха и сказительскую интонацию, олицетворяющую национальный дух. В статье утверждается, что анафорическое письмо придает стихам напевность, мелодичность, своеобразие степных мелодий: это и топот конского аллюра, пение птиц в степи, шепот травы. Многообразие звучания стиха объясняется соединением в авторе книги ученого-историка, фольклориста-эпосоведа и поэта-лирика, эпического сказителя и философа, живущего в единстве с природой, культурой, историей, своим временем.

Ключевые слова: анафора, национальная стихия, поэтические жанры, музыкальность, интонация сказителя-рапсода, творческое кредо, лирический герой в единстве с миром.

The musical potential of anaphora in the book by B. Dugarov "Asian Pace"

Svetlana S. ImihelovaDSc, Professor, Department of Russian and foreign literature, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the new book by the Buryat poet Bair Dugarov "Asian Pace" which has won the State award of the Republic of Buryatia in 2014. The author concludes that this book marks the certain result of the poet's work, and coincides with the peak of Dugarov's publishing and creative activity. The book contains series of poems based on anaphora method. And although the poet used this method throughout all his life, it is the new book which fully reflects the best features of his poetry: dialectical synthesis of the current moment, history and eternity, melodiousness and narrative intonation which embodies the national spirit. Anaphora method adds sound and melodiousness: one can find steppe tunes, horse pace, birds singing and grass whisper in Dugarov's new book. The variety of poetry sounds is explained by the poet's inner combination of historian and folklore researcher, lyric poet and philosopher living in harmony with nature, culture, history and his time.

Keywords: anaphora, creative credo, the East and the West, poetic genres, melodiousness, narrative intonation, the national discourse.

Когда-то О. Фрейденберг писала Б. Пастернаку по поводу его поздней лирики: она как никогда приближает поэта к его молодости, и в своей зрелости, в наибольшем уходе от себя, раннего, поэт оказался в двух шагах от своей юности. Эти строки приходят на ум, когда вчитываешься в содержание книги Баира Дугарова «Азийский аллюр» (2013). Видимо, срабатывает некий закон целостности, когда в восприятии новой, неожиданно открывшейся стороны в настоящем поэте не просто напрашивается весь контекст его творчества, а протягиваются линии между первыми шагами, которые были еще ученичеством, только вступлением в поэзию, и той «неслыханной» новизной в зрелости, которая вроде бы далека от «начальной поры» и все-таки находится в непосредственном родстве с ней.

Включив ранние и поздние анафорические стихи в свою книгу, Б. Дугаров тем самым закольцевал свой путь, сохранил верность самому себе и открыл в себе что-то новое.

Надо отметить, что выход книги совпал с периодом издательской, публикаторской активности ее автора, направленной на подведение своеобразного итога поэтической работы. Таким был поэтический сборник, вышедший в год 60-летия Б. Дугарова, «Струна земли и неба» (2007). Итоговой стала и работа составителя «Антологии литературы Бурятии XX — начала XXI века. Т. I. Поэзия» (2011), открывшая в нем знатока и прекрасного переводчика бурятской поэзии, прозревающего ее исторический путь. Мемуарная книга «Сутра мгновений» (2011) была пронизана стремлением обнаружить в ка-

лейдоскопе событий одного-единственного года целый сгусток собственной судьбы, растворенной в судьбе страны, родной республики. И совсем другой выглядит книга «Азийский аллюр», полностью построенная на анафоре — одиночати, рифме в начале строк. Она не претендует на какую-то итоговость, не стремится вновь и вновь подтверждать статус автора, национального поэта, пишущего на русском языке, — глубоко национальная по внутреннему своему духу, по единству формы и содержания, она, как и ранние книги поэта, отличается благозвучием, мелодикой и инструментовкой стиха, напевностью, так свойственными родной для автора речи и родным эпическим текстам.

Анафорическая форма стиха — вот что объединяет раннего и позднего Дугарова. Можно вспомнить известное раннее стихотворение «Морин-хур»: «*О, пой, струна волосая, / о горьком запахе становий, / и всадник пыльный, замирая, коня у юрты остановит. / Струна, струна волосая, / чем в сердце родину заменишь? / Пой, пой, струна моя степная, / пой так, как только ты умеешь*» [3, с. 86]. Повтор звуков в начале строк еще не дает анафору в чистом виде, но дух «азийских» созвучий во многом напоминает стихотворения нового сборника. В этом можно убедиться, если выявить в нем музыкальный аспект, не исчерпываемый внешними тематическими упоминаниями и связанный с глубинным содержанием, со всей Вселенной поэта.

Востребованность анафорической поэзии, ее «звездный час» подтвержден не только данной книгой, но еще и выходом в 2013 г. в московском издательстве стихотворного сборника под названием «Анафоры» бурятского поэта А. Улзытуева, тоже пишущего на русском языке. Рецензенты уже сравнили уровень мастерства двух авторов в использовании анафорического стиха [5; 7]. На фоне одностороннего подхода к анафоре «менее артистичного и догматичного А. Улзытуева» [7, с. 189] особенно видна принципиальная новизна Б. Дугарова в «Азийском аллюре», прежде всего, в гармоничном сочетании анафоры с конечной европейской рифмой и стихотворной техникой разных культурных традиций. Да и по широте жанрового диапазона с Б. Дугаровым трудно состязаться: так, в книге имеются такие новые жанровые формы, как вертикальные стихи и венки восьмистиший, присутствует жанр поэмы, которого нет у А. Улзытуева и которому придан феноменальный облик «степной саги» — бурятского улигера, а жанр сонета с анафорической рифмой получает со-

вершено необычный восточный колорит.

В стихотворении из цикла своего сборника «Краткостишия» Дугаров так лаконично и образно пояснил обращение к начальной рифме, свойственной бурятскому стиху: «*Ямб коронован, анафора бродит в тени. / Я иноходец в пространстве, где правит галоп*» [2, с. 183] (в дальнейшем ссылки на страницы этого издания будут даны в тексте в круглых скобках). Слова о необходимости вывести анафору из тени, на свет совершенно отчетливо связаны с пространственным нахождением лирического героя — это родная степь, помнящая о своем кочевническом прошлом. Указание на связь анафоры с этим пространством симптоматично, поэтому название книги и названия отдельных ее циклов: «Протяжные гимны», «Серебряные стремяна», «Инь иноходца», «Степные саги» — все пропитано степными запахами, звуками скачущего коня.

Многозначность образа коня-иноходца у Дугарова — это еще и дань образу поэтического Пегаса, который не раз появляется в его книгах, не только стихотворных, так, в прозаическом тексте «Сутры мгновений» он тоже используется вполне поэтически: автор, говоря о сборнике своего товарища по литературному цеху, замечает: «Пегас у А. Т. еще далеко от стойла не укакал, все еще сбивается на шоссе, укатанную дорогу, хотя временами скачет хорошим галопом» [4, с. 255].

Да, анафора помогает возникновению звукового ощущения особого пространства — мира степи, где так естествен звук конского аллюра. Но гораздо важнее внутренняя образная связь между анафорической формой и смыслом, которая в книге Дугарова глубоко национальна. Например: «*Эхо анафор степных ощущаю дыханьем своим*»; «*Лад стихотворный — от родины*» (с. 7). Ритмика, рожденная созвучием первых слов/словосочетаний в бурятском или монгольском анафорическом стихе — это, по словам поэта, особая ритмика, неотъемлемая от национальной стихии. Так, в мемуарной книге стихи монгольского поэта для автора — «как озвученный в слове простор», они «очаровывают, словно мелодия протяжной песни». Он может признаться: «...неудержимо тянет к бурятской народной песне, в ней есть аромат степного бытия» [4, с. 255].

Мысль о притяжении звуков, музыки родной степи не раз выражена в строках из «Азийского аллюра», так, в стихотворении «На исходе тысячелетия», это сделано с помощью рифмы как традиционной, конечной, так и внутренней,

анафорической: «Крутые волны бытия / Смели с планеты след монгольского коня. / Но предков дух возвысить до вселенной / Сумела Степь в свой звездный час. / И песнь ее сказаньем сокровенным / Сквозь времена во мне отозвалась» (с. 97). Все рифмы связывают здесь слова с одним и тем же общим значением: *песня* (музыка) доносит (через древние монгольские сказания) дух *степи*, неотрывный от *конской* скачки. Повтор звука *с* не просто подчеркивает связь ключевых для поэта слов — в них заявлены ценности его поэтического мира. И в этом ряду ценностей (*песня*, *степь*, *конь*) главенствует музыка, потому что включает в себя звуки и степи, и лошадиного бега. Не случайно в самом названии книги «Азийский аллюр» уже закодирована анафора, выраженная не в лоб, а глубоко метафорически, и заключающая в себе общий замысел книги.

Можно перечислить немало выражений, подтверждающих это превалирующее положение музыки: «Протяжных долгих песен льются переливы. / Ликует степь, вся в полумесяцах подков» (с. 131); «Эра могучих сказаний зачем мою песню тревожит? / Эхо анафор степных ощущаю дыханьем своим» (с. 7). И топот гарцующих коней, и звон летящей в степи стрелы — все эти звуки растворяются в песне, понятой как музыка вообще.

Вообще книга полна самых разнообразных музыкальных звуков, песенной мелодией могут стать разные жанры — гимн, ноктюрн, вальс, прелюдия, рапсодия, сюита, серенада и другие. А многочисленное упоминание музыкальных инструментов, в том числе славянской свирели и восточных зурны и морин-хура, необходимо, как нам кажется, для представления некоего эквивалента природных звуков. Все упомянутое в книге инструменты воспроизводят музыку природы: шепот степи, звон земли, звуки грома, чтобы уравнивать природную жизнь и человеческое присутствие в ней, «возглас неба громовый и бубна шаманского звук».

Лирический герой постоянен в своих музыкальных предпочтениях. В стихотворении «Родине» размышление об отчем мире, о прошлом своей малой родины, где «даже холмик в степи для меня как престол / Песнопений моих, обнимающих горечь и свет бытия» (с. 119), принимает облик древнего песнопения. Даже любовное томление и страсть сопровождает все та же древняя и вечная музыка, как в стихотворении «Остров любви»:

*Кони летят и покоя не знают подковы.
Кровь закипает от скачки, отпущенной только гривастым.
Сколько легло городов под копытами и башен дымилось.
Снова планета на круги своя возвращалась,
Дали сгущались, и вечный простор расстился и
Даже казалось, не будет конца этой скачке (с. 82).*

И конечно же, музыкальная стихия в книге Дугарова напрямую связана с выражением поэтического кредо, ощущением избранничества лирического «я»: «Во мгле я расту, а может, и нет? / В мгновенье моем — мириады лет. / В каждой травинке не мой ли свет, / В каждой тропинке не мой ли след» (с. 192). Потому что как никто герой наделен чутким слухом, способностью оглянуться и взглянуться «сквозь время, сквозь дали горизонтов». Есть в этом необычном качестве и оборотная сторона, ведь он, «номадов отпрыск», понимает, что несет «памяти тяжелой бремя». Но больше в этой способности божественной благодати, потому что предназначение своей поэзии лирический герой Дугарова воспринимает как вещий знак или указание свыше — оно приходит ему часто в сновидении или стихийной работе воображения («И снится мне... / И мнится мне...»), и даже в любое время: «Небеса надо мною вздымаются синию юртой. / Не беда, что приходит анафора в час неурочный» (с. 34), где повторяющийся звук *н* — небесного свойства, подсказан свыше, внушая счастье творчества.

Музыкой, естественно доносящейся с небес, загадочной в своей будничности, становятся у поэта голоса природы, прежде всего пение птиц: «Жимолость расцветает, и лесные жар-птицы ей поют дифирамбы», «жаворонок в небе отбивает четку» (с. 90). При этом песня лесной птахи происходит под таинственный аккомпанемент: «И пела в хвойном небе серенькая птица, / И песнь ее простая до сих пор мне снится / И отзывается чуть слышною струной (с. 118).

Стихотворение «Дзень» отождествляет природные звуки с самой вечной жизнью. Звук, воспроизведенный в названии, сравнивается со звуком пролетевшей стрелы, который может быть равен мгновенью и может охватить тысячелетие. Звуки *дз* / *дж(ж)* в начале всех 22 строк стихотворения передают необычную музыку, у которой есть свой лирический смысл, выраженный в многозначном слове *жизнь*. Рифмующееся с лековесным *дзень* слово *жизнь* употреблено в значении продолжающегося, нескончаемого времени, тем самым уравниваются миг и вечность, время, равное мгновению, и время длиной в тысячелетие.

Как видим, лирический герой в такой картине мира выступает историком и философом, поскольку жизнь его – кружение в сансаре времен. Как в звучании слова осуществляется это «кружение»? Можно в этой связи привести слова исследователя о поэзии Б. Пастернака: «Распространение звуковой волны дается в пространстве и во времени. Стены зданий... продолжают этот звук в эхо. Дальше звук проходит через ряд зрительных превращений в результате его представления через объекты, находящиеся в поле звуковой волны» [1, с. 264]. На наш взгляд, речь идет о самом начале рождения стиха, ведь затем на первое место выступает вслушивание в звук, ведь звуковая волна должна достичь цели, ее кто-то должен услышать, угадать и, главное, достичь понимания, душевного контакта с ней. Здесь многое зависит от самого «слушателя», лирического «я», его способности вступить в этот контакт. Как, например, в стихотворении «Кёльн», где впечатление от европейского города вначале насквозь звуковое (превращение звука в эхо, в ряд зрительных представлений), а затем-то и происходит вслушивание субъекта в музыку созданного пространства, то, что называется настроенностью на эту звуковую волну. В стихотворении «Кёльн» это настроенность восточного человека, который присовокупляет к постороннему звуку и собственную волну-ассоциацию в начале каждой фразы:

Клёкот времен затихает, но прошлого тени витают над Рейном.

Кёльнский собор вздымается ввысь монументом Европе вечерней.

Колоколов слышится перезвон, словно в пространстве за облаками

Кони небесные скачут, позванивая стремениами.

Клики гуннов доносит легенда веков об Урсуле прекрасной.

К лику святых причащенная дева хранит древний град от напастей.

Клёнов опавшие листья, как свитки мгновений, шуршат под ногами.

Кёльш – хмелящий напиток забвения – пью я за Кёльн на прощанье (с. 28).

Музыка созвучий из названия города, музыкально-ассоциативная работа сознания лирического героя рождает ощущение всякого отсутствия пространственных преград, временных границ. Его слух готов различать всё звучащее вокруг него бытие — вначале в реальном звоне колоколов он различает небесный звон конских стремян (звук *с*); *клёкот времен* в первой строфе и *клики гуннов* — во второй рождает в сознании музыку древней истории, и возникает другое созвучие: *Клёнов опавшие листья как свитки*

мгновений шуршат под ногами (с. 28), где аллитерация звонкого *в* сменяется оппозиционным *ш* — музыкальным звуком, который продолжится в следующей, заключительной строке: «Кёльш — хмелящий напиток забвения пью я за Кёльн на прощанье». Доминирующий в начале строки повтор *К* заявляет тему собора, но вслушивание лирического героя в себя рождает состояние, созвучное метафорам субъективного состояния: листья клёна — свитки мгновений, вино кёльш — напиток забвения. Чередование *к* и *в* осложняет тему города и собора наличием внутреннего хронотопа «я», одновременно пребывающего в разных временах и потому способного ощутить гармонию и внутри себя, и в мире.

Музыка песнопений в книге всегда перекликается с интонацией бурятского эпоса, рождение песни идет от эпических сказаний, от искусства древних рапсодов-сказителей, неразрывно связанного с голосом божественного неба: «Отзываясь на вещи звездные знаки природы, / Остроглазый сказитель свое начинал песнопенье. / Огонь божественных слов золотил листовенные кроны, / Отзвук песни богов очаровывал птиц и оленей (с. 34).

Признания лирического героя, рассыпанные по всей книге: «Сказанья иллот мне богатырского коня (с. 130); «Незакатное слово сказаний светится устало» (с. 33); «Трепетно слушаю степь, и гомеры степные глядят на меня с укоризной» (с. 6) и другие — также овеяны анафорическим духом, который подсказан сказителям-улигершинам свыше. Именно небесный голос, убежден Б. Дугаров, подсказал первому поэту — предку улигершинов сказанье-песню — она была анафорической. «Так азийский аллюр обрел Пегас. / Так анафоры пробил звездный час» (с. 3).

А в сонете из цикла «Бронзовая роза» поэт уравнивает поэзию и искусство рапсода благодаря их связи с музыкой:

Молитвенная ода небесами дышит.

Могильная трава сама себя колышет,

Сокрытый вздох столетий чужа под собой.

И знак анафоры отсвечивает бронзой.

И знает лишь рапсод, как просто и непросто —

Скрипичный звук придать струне волосняной (с. 122).

На вопрос, в чем сходство поэта и улигершина, отвечает цикл «Степные саги». Так, в поэме «Стрела Хухэдэя» их голоса сливаются, потому что Б. Дугаров имитирует музыкальную форму улигера и в поэмном повествовании стилизует спокойно-рассудительную интонацию улигершина, поющего песнь-сказание о Гэсэре, бога-

тыре-небожителя, посланном на землю для борьбы со злом — многоголовым мангадхаем. Затем поэтический «пролог» сменяется красочным описанием поединка героев-антиподов, который так и не завершается окончательной победой Гэсэра. В кульминационный момент звучит голос уже не сказителя, а самого героя — и это слова о бессмертии и его, Гэсэра, и его врага, мангадхая. Оба они — небесного происхождения: если Гэсэр рожден на земле по воле названного своего отца Хухэдэя, бога молнии и грома, то воплощенное в мангадхае зло также спущено на землю как результат вражды и злобы между сыновьями самого Эсэгэ Малан-хана, предводителя небесных тэнгриев. Поскольку «Смертные и боги — связаны все воедино», постольку «Связаны зло и добро одной пуповиной» (с. 174). Идея о вечном боренье добра и зла, заложенная в эпическом сказании, подчеркнута анафорически, в смысловом плане при этом проявилось чувство авторского восхищения народной диалектикой бытия. Автором как-то было замечено: «Сказители бурятские хорошо чувствовали диалектику бытия. Зло и добро — это как сиамские близнецы...» [4, с. 25]. Эта же идея подтверждена не только эпическим ладом «степной саги», но и в терцинах лирического стихотворения «Шэнхэнское бистро», где герой поднимает тост «...за нас на белом свете, / За просто быть самим собою в круговерти — / На вираже времен, с добром смешавших зло» (с. 108).

Сам поэт, вслед за сказителями, проявляет подлинно диалектический взгляд на мир, о чем восхищенно воскликнул один из критиков-рецензентов: «Возможен ли в наше время поэт, который так глубоко погружен в евразийское прошлое, центральноазиатскую топонимию, привязан к своему роду, близко ощущает *«зыбкие тени богов»* и так величаво отстранен от суеты наших будней?» [6, с. 241].

Поэт Б. Дугаров — еще и ученый-гэсэровед, поэтому музыка эпоса в поэме есть результат единства поэтического творчества и научной рефлексии знатока бессмертного эпоса. Причем музыка звучит с помощью не только фольклорной, но и той поэтической традиции, которая идет от «Сокровенного сказания монголов» (1240). В этой традиции, если судить по книге поэта, доминирующее значение принадлежит анафоре, организующей музыкальную компози-

цию стиха в целом. Степная сага и начинается то с музыки божественных звуков, когда действия Хухэдэя — тэнгри грома и молнии сопровождается грозными аккордами торжественного стиха: *«Грозно взмахивал бог неистовый ослепительной плеткой, / Гром прокатывался по всем закоулкам притихшей Вселенной»*; *«Бубен грома гремел в его могучих руках, / Будто звуками он приводил в содроганье небо и землю»*; *«Это конь громовержца вставал на дыбы, издавая могучее ржанье, / Эхо долго отдавалось в мрачных ущельях и хвойных чащобах»* (с. 153–154). И весь сюжет о легендарном эпическом богатыре, которого Хухэдэй — «Вселенной хранитель» послал на землю, «чтобы спасти от беды земную ширь», построен как песнь сказителя, чья анафорическая речь особенно торжественна в финале и звучит «как знак небес».

Несмотря на то, что явление анафоры в анализируемой книге представлено нами как восточный, точнее, тюрко-монгольский стиховой феномен, следует признать, что художественная концепция, предложенная Б. Дугаровым, отвечает мощному движению русской поэзии к синтезу культур Запада и Востока. В этом смысле книга бурятского поэта — удачнейшая для современной поэзии попытка своего, глубоко самобытного и талантливого понимания этого синтеза — как диалога, как взаимодействия и взаимопроникновения разных культур и цивилизаций.

Таким образом, звуковое, музыкальное ощущение мира, возникшее в самом начале пути Б. Дугарова — будь то песня кочевника в степи или песня-легенда старого охотника — проявило себя со всей силой в анафоричности звукового строя позднего творчества. Анафора в «Азийском аллюре» не отделена от идейного и эмоционального смысла, придает выразительность интонации национальной стихии — самобытных улигеров, поэтического «Сокровенного сказания монголов», протяжной песни, древней и молодой. Такое своеобразие звучания объясняется соединением в авторе книги ученого-историка, фольклориста-эпосоведа и поэта-лирика, эпического сказителя и философа в одном лице, находящемся, благодаря необычному слуху, в особом душевном контакте с природой, культурой, историей, живущем со своим временем и вечностью наедине.

Литература

1. Арутюнова Б. Звук как тематический мотив в поэтической системе Пастернака // Борис Пастернак и его время: материалы междунар. симпозиума: Boris Pasternak and His Times: Selected Papers from the Second International Symposium on Pasternak. — Berkeley, 1989.
2. Дугаров Б. С. Азийский аллюр. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2013. — 208 с.
3. Дугаров Б. Небосклон. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. — 145 с.
4. Дугаров Б. С. Сутра мгновений. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. — 440 с.
5. Рыбас А. Баир Дугаров. «Азийский аллюр». Предисловие к подборке стихотворений // Вече. Электронный журнал русской философии и культуры (Санкт-Петербург). — 2014. Вып. 25 [Электронный ресурс]. — URL: <http://philosophy.spbu.ru/rusphil/1405/8737/12430>
6. Хузангай А. Бурятский бродяга Дхармы // Дружба народов. — 2015. — № 3. — С. 239–241.
7. Яранцев В. Свиток мгновений, анафоры магия // Сибирские огни. — 2013. — № 10. — С. 187–190.

References

1. Arutyunova B. Zvuk kak tematiceskij motiv v poeticheskoy sisteme Pasternaka [Sound as a thematic motive in Pasternak's poetic system]. *Boris Pasternak i ego vremena: materially mezhhdunar. simpoziuma — Boris Pasternak and his times: the international symposium selected papers*. Berkeley, 1989.
2. Dugarov B. S. *Azijskij allyur* [Asian pace]. Ulan-Ude: The Republic printing house publ., 2013. 208 p.
3. Dugarov B. *Nebosklon* [Horizon]. Ulan-Ude: Buryat publ. house, 1986. 145 p.
4. Dugarov B. S. *Sutra mgnovenij* [The Sutra of moments]. Ulan-Ude: The Republic printing house publ., 2011. 440 p.
5. Rybas A. Bair Dugarov. Aziyskiy allyur. Predislovie k podborke stikhotvorenij [Bair Dugarov. Asian pace. Foreword to the Selected poems]. *Veche. Elekyronnyj zhurnal russkoj filosofii i kul'tury — Veche. Electronic journal of Russian philosophy and culture* (St. Petersburg)]. 2013. V. 25. Available at: <http://philosophy.spbu.ru/rusphil/1405/8737/12430>
6. Khuzangaj A. Buryatskij brodyaga Dkharmy [The Buryat Dharma vagabond]. *Druzhiba narodov — Friendship of Peoples*. 2015. No. 3. Pp. 239–241.
7. Yarantsev V. Svitok mgnovenij, anafory magiya [Scroll of moments, anaphora of magic]. *Sibirskie ogni — Siberian Lights*. 2013. No. 10. Pp. 187–190.

УДК 75+82 (571.54)

Метапроза как авторская саморефлексия в современной бурятской художественной культуре

© **Бороноева Татьяна Анатольевна**

кандидат искусствоведения, доцент, директор Национального музея Республики Бурятия
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Куйбышева, 29
E-mail: tatboronoeva@gmail.com

В статье речь идет о проявлении в современных текстах художественной культуры Бурятии явления метапрозы — своеобразной самоидентификации «я» художника в образе автобиографического героя. Черты метапрозы можно обнаружить не только в литературных текстах, но и в живописи. На материале прозы Г. Башкуева и живописи З. Доржиева рассматривается метатворчество как любопытный феномен в бурятской культуре. Анализируются повести «Маленькая война» (2001) и «Записки пожилого мальчика» (2007) Г. Башкуева, работы художника З. Доржиева 2000-х гг. и его необычный «проект» «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева» (2011), в которых наиболее интересно проявилось расширение саморефлексивного потенциала текста.

Ключевые слова: метапроза, бурятская проза, бурятская живопись, саморефлексия, самоидентификация художника, повествование о детстве, автобиографизм, автопортретность, автопсихологический герой.

Metafiction as author's self reflection in modern artistic culture of the Buryat

Tat'yana A. Boronoeva

PhD of Art, Associate Professor, Director of the National Museum of the Republic of Buryatia
29 Kujbysheva Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the manifestation of metafiction phenomenon in the texts of contemporary artistic culture of Buryatia – a kind of the author's self-identification in the image of autobiographical character. Metafiction features can be found not only in literary texts, but also in painting. On the material of prose by G. Bashkuev and painting by Z. Dorzhiev metafiction is reviewed as a curious phenomenon in the Buryat culture. The author analyzes the stories "Little War" (2001) and "The notes of older boy" (2007) by G. Bashkuev, the works of Z. Dorzhiev of the 2000s and his unconventional project "Zorik book. Artist's Book of Zorikto Dorzhiev" (2011) which are the most interesting material for researching the realization of self-reflexive text potential.

Keywords: metafiction, Buryat prose, Buryat painting, self-reflection, self-identification of the artist, the story about childhood, autobiographical, self-portrait, auto-psychological character.

К метапрозе, которая возникла в XX в. как явление литературного новаторства, ученые относят произведения, созданные на пределе авторской откровенности, авторской саморефлексии [2, с. 127]. В них автор часто выводит героя — собственное alter ego, которому присущи обостренная восприимчивость, сложная ассоциативность мышления, склонность к предчувствиям — признаки творчески одаренной натуры. Таковы герои самых ярких книг русской литературы: доктор Живаго из одноименного романа Б. Пастернака, Венечка — герой поэмы Вен. Ерофеева «Москва — Петушки», автобиографический герой С. Довлатова («Зона», «Чемодан», «Наши», «Ремесло») и другие. И это герой «автопсихологический» (Л. Я. Гинзбург), потому что автор наделяет его родственной душевной структурой.

В бурятской литературе метапроза, судя по имеющимся исследованиям, впервые заявила о себе в книге А. Бальбурова «Двенадцать моих драгоценностей» (1975), рассказах Ч. Цыден-

дамбаева 1970-х гг. из книги «Ливень в степи». Как писала С. С. Имixelова, герой-повествователь в этих произведениях и есть сам автор, на глазах читателя создающий свой творческий автопортрет [5]. Но главное в этих текстах — форма повествования, где «установка на "искусство" создает напряжение в самой фигуре "автобиографа", подлинной и вымышленной одновременно» [4, с. 6]. Особенно ярко, на наш взгляд, черты метапрозы проявились в бурятском искусстве 2000-х гг., о чем свидетельствуют, например, повести Г. Башкуева (род. в 1954 г.) «Маленькая война» (2001), «Записки пожилого мальчика» (2007) и творчество З. Доржиева (род. в 1976 г.), в живописи которого жанр автопортрета заявлен в особой, игровой форме, а издание «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева» (2011), соединившее альбом живописных работ и художественную прозу, построено на «я»-повествовании, посвященном процессу творчества.

Исследователи считают, что метапроза от-

крывает широкие возможности для трансформации литературной традиции, использования литературной игры, синтеза художественного и нехудожественного [7, с. 5]. Документальное свидетельство или вымысел в таком произведении почти трудно разделить. Но чаще всего происходит игра с фактами автобиографии, когда автор напрямую «дарит» герою собственную противоречивость, собственное раздвоенное мировосприятие, что придает характеристике его внутреннего состояния большую убедительность. В повести Г. Башкуева «Записки пожилого мальчика» именно творческая природа героя как раз и стала предметом напряженной рефлексии

В «Записках пожилого мальчика», как и в романе В. Митыпова «Долина бессмертников» (1975), где герой Олег Аюшев — поэт, на глазах читателя создающий роман о гуннском правителе Модэ), состояние героя есть рефлексия самого автора, для которого нет задачи сложнее, чем стремление человека достичь душевного равновесия, гармонической цельности. Герой Г. Башкуева выступает творческой личностью, и его рефлексия по поводу создаваемого им «текста» — записок-воспоминаний позволяет говорить о его сущности как художника. Во всяком случае, «присутствие», «наличие» этих записок в структуре произведения свидетельствует о новой, талантливой версии реальности, которую создает герой.

В названии повести «Записки пожилого мальчика» содержится указание на жанровую природу произведения и обозначено внутреннее состояние рассказчика-героя, иронично называющего себя пожилым мальчиком. Болотов Г. Н., сидя в следственном изоляторе, сначала в воображении, а затем на бумаге запечатлевает воспоминания о своей прошлой жизни. Отдельные главы-новеллы — это исповедальные тексты, опровергающие официальное обозначение имени и заявляющие о подлинной личностной идентификации.

Роль воспоминаний героя заключается в такой фиксации мгновений прошлого, чтобы уяснить происходящее в настоящем. Острота восприятия и впечатлений, которые присущи настоящему художнику, относятся к «я» героя-рассказчика, пребывающем в прошлом — сначала это мальчик-подросток, мучительно переживающий разрыв в отношениях между родителями, затем переживающий одну за другой влюбленности, а потом — мужчина средних лет, женатый и уже разведенный, имеющий сына. Существование героя повести в двух временных континуумах — «я» в настоящем и «я» в прошлом ведет к такому построению текста, когда

облик героя удваивается, когда обостряется и момент игры,

Читатель в каждой «записке»-новелле сталкивается с игровым, «несерьезным» отношением героя к окружающему миру (недаром его все наперебой уговаривают быть посерьезнее, не паясничать). В воспоминаниях это отношение, которое называется привычным стремлением «убить время», для сегодняшнего «я» служит объяснением всей его сумбурной и запутанной жизни. Таким образом, каждая новелла выдается за подлинную реальность и даже «вклеивается» в реальность воспоминания в виде рисунка — своеобразной, визуальной части текста.

Такое поведение героя отражает, с одной стороны, несерьезное отношение к жизни, с другой — отношение творческое, желание быть свободным в своих воспоминаниях-ассоциациях, свободным в том, чтобы заново, с удовольствием прокручивать, как киноленту, эпизоды собственной жизни. И эта игра объявляется героем как способ сопротивления против обыденности, против любой несвободы. И смерть главного героя станет осознанным выбором, продолжением игры как свободного волеизъявления.

Творческая натура требует от героя такого поведения, которое, в конечном счете, станет уходом в творчество. Поэтому все новеллы в повести претендуют быть метатекстом, т. е. текстом, запечатлевающим творческую саморефлексию героя, Творческую личность читатель ощущает в языковых особенностях новелл, в необыкновенном умении видеть мир детально, и детали в произведении приобретают статус знака, символа. С их помощью фиксируется, запечатлевается жизненный фрагмент и связанное с ним настроение. Изначально не связанные между собой жизненные фрагменты, иногда искаженные с помощью образного видения, складываются в определенный орнамент. Такая «живопись» как бы имитирует творческий процесс, который спасает героя в невыносимых условиях несвободы: «Я стоял перед черной стеной, сложенной из кирпичиков смрада, стонов, храпа, невнятицы слов, и обливался потом. В высоком, словно бойница, окне оловом наливалась августовская ночь, порезанная на равные квадраты... Из-под двери вытекала струйка свежего воздуха, я повернулся на правый бок, как учили в детстве, уперся коленом в плитус... Игра началась» [1, с. 289].

Игра-воспоминание передает сознание, которое переполнено материально-телесными образами, событиями жизни героя, и обрывки его размышлений, представлений соединены в эстетике

коллажа. И тем не менее, при всей причудливой разноголосице новелл, в «Записках» ощущается некий лиризм, некое интонационное единство. Герой Г. Башкуева заново, с восторгом переживает лучшую часть своей жизни — детство. В его записках-воспоминаниях немало автобиографического, но события детства, портреты друзей детства, родителей преобразуются творческим воображением в реальность более живописную, чем факты биографии писателя, если их зафиксировать на языке документального дискурса.

Роль мифологемы детства вполне функциональна в таком тексте и восходит к образу Вечного Ребенка, проходящего испытание жизнью и в своей рефлексии переживающего катарсис. Такой же образ выведен в повести писателя «Маленькая война». События в ней связаны со временем детства самого Г. Башкуева — послевоенная реальность, полеты в космос, дружба советской страны с Кубой. И рядом — жизнь мальчика в родном городе Улановке, реальность дворовых войн («шанхайские против заудинских»), местный базар, подслушанные разговоры на тюремном жаргоне, общение с уголовником Мадерой, с безногим ветераном — чистильщиком сапог, первый вкус алкоголя, первая влюбленность. В названиях улиц, районов, перечислении территориальных объектов угадывается родной город автора — Улан-Удэ. И кажется, что все изображенное в повести списано автором с собственной жизни, и картины собственного детства со своей богатой живописью — это своеобразное признание художника в любви к родному городу, который взрастил его, закалил характер, столкнул с подлинными жизненными ценностями — верностью, способностью к состраданию, подготовил к настоящей, суровой мужской жизни. Повествование от первого лица позволяет судить о творческой натуре героя-мальчика, который на глазах читателя творит и другую, игровую, близкую к авторскому идеалу реальность.

Таким образом, дети в прозе Г. Башкуева — это еще и импульсы проявления собственного творческого начала, результат поиска и создания знаков, которые отсылают к системе внутренних ценностей, отношения к культуре, к тому в ней, с чем он может себя идентифицировать. Вот почему культурная самоидентификация художника представляется интересным аспектом при рассмотрении детских образов в бурятском искусстве.

Так, в живописи З. Доржиева достаточно много детских портретов, картин-зарисовок, связанных с детской жизнью, и часто у зрителя

создается впечатление, что в них-то и выражается видение художником идеальной творческой самоидентификации. Потому что во многих жанровых сценках изображаются игры детей, их соперничество, возня и соревнование друг с другом. На картине «Игра» дети играют так самозабвенно, что их лиц, склоненных над «полем битвы», не видно за спинами, но они уже скоро будут готовы к настоящим схваткам и войнам. Пока это наивная детская игра («Куча мала», «Гравитация»), пока Ребенок только держит в руках самодельный лук («На краю земли»), но скоро, скоро его ждет настоящая, взрослая жизнь. То есть Вечный Ребенок у З. Доржиева передает собственные импульсы художника, его мировоззрение и самоидентификацию. Во многом эта мифологема обнаруживает специфическую особенность пространства традиционной бурятской культуры — неразделенность мира детей и мира взрослых, включение ребенка в разностороннюю жизнь взрослых: трудовую, ритуально-обрядовую, праздничную.

Детство в текстах метапрозы тесно связана с темой творчества. Об этом идет речь в книге З. Доржиева «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева». Если в его картинах чувствуется наполненность изображаемого рефлексией автора, то в литературном тексте она дана напрямую, в повествовании от имени героя-автора. Это своеобразный литературно-живописный автопортрет, потому что словесный текст совпадает с изображением, дан на его фоне, который играет роль не обычных иллюстраций, а выполняет живописный комментарий к слову.

Одной из ключевых особенностей метапрозаического повествования М. Липовецкий называет тематизацию процесса творчества через мотивы сочинительства, описаний быта, помогающего сочинительству, создания иллюзии «строительства» героем собственной жизни и т. д. То есть происходит репрезентация автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа, который сочинительством данного текста выступает одновременно и как автор самого произведения [6, с. 45–46]. Именно так движется, разворачивается повествование в книге З. Доржиева

Описание детских игр в «войнушку» сочетается с объяснением тяги к творчеству, и здесь сталкиваются реальность детства героя-автора и реальность времени «письма», когда герой, уже взрослый, объясняет свою тягу к рисованию. Именно это взрослое «я» объясняет и время, когда же детство закончилось: «Просто однажды летом на нашей улице появилась одна девочка...

Мне было двенадцать лет. Но это уже другая история» [3, с. 23].

Поэтика словесного текста основана на неразрывном единстве с живописным фоном, и благодаря живописным коллажам и зарисовкам — не на полях, а на самой странице вместе с литературным текстом, можно увидеть процесс создания всего «текста» книги. Автор воспроизводит «обесловленные голоса» героем, который интуитивно понимает, что он будет «написан», если выйти за пределы наличной реальности. Выход этот и происходит в живописных, рисованных комментариях, где герой постепенно развивается и становится создателем нового «текста» — живописных полотен, которыми и завершается книга.

И если есть в литературном тексте недосказанность, незавершенность, незаполненные лакуны, то их заменяет серия картин, созданных как результат словесных дум и размышлений, как результат становления характера мальчика и затем молодого человека — начинающего художника.

Прежде чем закончить книгу-альбом своими живописными работами, З. Доржиев завершает литературный текст лирическими зарисовками, представляющими собой поэтическую рефлексию, похожую на стихотворение-верлибр. Приведем вторую часть этого стихотворения в прозе: «Люблю весну. За ощущение тревоги и зыбкости. Как будто натягиваешь тетиву самодельного лука и не знаешь, выдержит ли он это напряжение. Может, порвется тетива из случайной веревки? Разлетится ли сухой щепой только что срубленный сук, еще не успевший наполниться древесным соком, чтобы быть достаточно упругим? Или вылетит стрела стремительной белой молнией, и я сам удивлюсь, что смог послать так далеко ивовую ветвь, наспех высвободив ее из бугристой коры?» [3, с. 81]. Становление ху-

дожника завершилось не только в живописных картинах взрослого героя, но и в слове, лирически напряженном словесном тексте, метафорически передающем сомнение творческой личности, восторг и счастье от результата творческого пересоздания корявого жизненного впечатления в реальность искусства.

В книге З. Доржиева передана значимость ценностей, обретенных его героем-автором в детстве и юности, — способность пережить, переварить богатство детских впечатлений, возникающих в воображении сюжетов и образов, мужественное достоинство от столкновения с первой любовью и первой ревностью, вера в тайну благодаря встрече с чудесными явлениями природы, любовь к музыке, самоуважение, вызванное первым профессиональным заработком. И весь этот калейдоскоп зарисовок, штрихов, коллажей, эскизов — литературных и живописных служит как бы залогом будущей насыщенной творческой жизни. Автобиографический герой «проклянется» и в мифологически-условных образах, и в облике героев-современников. Об этом говорится в статье искусствоведа: «Наряду с традиционным чеканным обликом условного “зориктоида” в лицах и фигурах появляются черты современных людей — озабоченных и нервных, напряженных и встревоженных» [8, с. 9].

Для метапрозы характерна пространственно-временная свобода, в первую очередь, она связана с усилением «творческого хронотопа» (М. М. Бахтин). Это обеспечивается тем, что художник, стремясь вслушаться в тончайшие движения души героя, прикасающегося к гармонии в мире, подлинным ценностям жизни, передает сам процесс рождения этих движений в собственном субъективном чувстве и собственном создающемся на глазах читателя/зрителя тексте.

Литература

1. Башкуев Г. На переломе. Публицистика. Проза. Пьесы. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. — 492 с.
2. Большакова А. Ю. Современные теории жанра в англо-американском литературоведении // Теория литературы. Т. 3: Роды и жанры. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 99–130.
3. Доржиев З. Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева. — М.: Галерея Ханхалаева, 2011. — 124 с.
4. Имихелова С. С. «Авторская» проза и драматургии 1960–1980-х гг.: своеобразие художественного метода. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1996. — 88 с.
5. Имихелова С. С. Своеобразие субъективных повествовательных форм в бурятской прозе 1970-х гг. // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Филология. — 1997. — Вып. 1. — С. 119–128.
6. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). — Екатеринбург, 1997. — 317 с.
7. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 328 с.
8. Якимович Ф. Зорикто Доржиев // Зорикто Доржиев. Воображаемая реальность. — М.: Третьяковская галерея, 2015. — С. 5–11.

References

1. Bashkuev G. *Na perelome. Publitsistika. Proza. P'esy* [At the turning point. Essays. Prose. Plays]. Ulan-Ude: Republican printing house publ., 2007. 492 p.
2. Bol'shakova A. Yu. *Sovremennye teorii zhanra v anglo-amerikanskom literaturovedenii* [Modern theories of genre in English and American literature studies]. *Teoriya literatury. T. 3: Rody i zhanry – Literature Theory. Vol. 3: Types and genres*. Moscow: Institute of World Literature, 2003. Pp. 99–130.
3. Dorzhiev Z. *Zorik book. Kniga hudozhnika Zorikto Dorzhieva* [Zorik book. Artist's Book of Zorikto Dorzhiev]. Moscow: Hanhalaev Gallery, 2011. 124 p.
4. Imihelova S. S. *“Avtorskaya” proza i dramaturgiya 1960-1980-kh gg.: svoeobrazie hudozhestvennogo metoda* [The “author prose” and drama of the 1960–1980s: the originality of artistic method]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 1996. 88 p.
5. Imihelova S. S. *Svoeobrazie sub'ektivnykh povestvovatel'nykh form v buryatskoj proze 1970-kh gg.* [The originality of subjective narrative forms in the Buryat prose of the 1970s]. *Vestnik Buryat. gos. universiteta. Ser. Filologiya — Bulletin of Buryat State University. Philology series*. 1997. V. 1. Pp. 119–128.
6. Lipovetsky M. N. *Russkij postmodernizm. (Ocherki istoricheskoy poetiki* [Russian postmodernism. (Essays on historical poetics)]. Ekaterinburg, 1997. 317 p.
7. Khatyamova M. A. *Formy literaturnoj samorefleksii v russkoj proze pervoj treti 20-go veka*: [The forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the 20th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2008. 328 p.
8. Yakimovich A. *Zorikto Dorzhiev* [Zorikto Dorzhiev]. *Zorikto Dorzhiev. Voobrazhaemaya real'nost'* [Zorikto Dorzhiev. Imaginary reality]. Moscow: Tretyakov Gallery, 2015. Pp. 5–11.

УДК 78.071.1(571.54)

Творческая деятельность российских композиторов в Бурятии: общее и особенное

© **Русинова Ольга Артемовна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории музыки Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств

Россия, 670031, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1

E-mail: rina.rubin@yandex.ru

В статье на примере Бурятии рассматривается уникальное в масштабах мировой практики явление музыкальной культуры – деятельность советских музыкантов в национальных республиках СССР, оказавшая стимулирующее воздействие на процесс формирования профессиональной музыкальной культуры европейского типа. Задача статьи – выявление общего и особенного в масштабах и направлениях деятельности П. М. Берлинского, В. И. Морозкина, Р. М. Глиэра, М. П. Фролова, С. Н. Рязова, Л. К. Книппера, Б. С. Майзеля в Бурятии. Критикуется мнение о вступительном характере творчества по отношению к музыке композиторов национальных, выделяется три типа отношений к культуре республики.

Ключевые слова: русские советские композиторы, межкультурное взаимодействие, музыкальный профессионализм европейского типа, национальные традиции, европейское влияние.

The creative activity of Russian soviet composers in Buryatia: common and different

Olga A. Rusinova

PhD in history, A/Professor, Department of history and theory of music, East-Siberian State Academy of Culture and Arts

1 Tereshkovoij Str., Ulan-Ude 670031, Russia

The creative activity of Russian soviet composers in the national republics of the USSR is the unique phenomenon of the world musical culture. It also had the great influence on the processes of creation the European type of musical professionalism in Buryatia. The aim of the article is to define the features of common and different in creative activity of P. Berlinski, V. Moroshkin, M. Frolov, S. Riauzov, L. Knipper, B. Maizel in Buryatia. The author criticizes the opinion about the introductory character of their activity towards the music of national composers, and distinguishes three types of attitude to the republic culture.

Keywords: Russian soviet composers, intercultural interaction, the European type of musical professionalism, national traditions, European influence.

Профессиональная музыкальная культура европейского типа сформировалась в Бурятии в процессе межкультурного взаимодействия национальной музыкальной культуры и европейского музыкального профессионализма под воздействием внешних и внутренних факторов: глобального распространения европейской классической системы, открытости обеих взаимодействующих культур, внутренней адаптивности бурятского музыкального традиционализма, государственной политики.

Односторонняя диффузия музыкальных форм — ознакомление с европейскими жанрами, стилем, формами исполнительства и музыкального образования — состоялась в Бурятии задолго до формирования профессиональной традиции письменного типа, еще в первой половине XIX в. в рамках культурно-просветительской деятельности церкви, декабристов, любительских объединений. Однако функционирование разных музыкальных культур носило тогда симбиотический характер: музыкальные традиции

существовали параллельно, единого информационно-семантического поля не возникало.

Кардинальное изменение содержания и стиля бурятской музыки, ее жанров и форм определила Октябрьская революция. Бурятская культура была введена в контекст реализации культурной политики страны Советов, одним из основополагающих положений которой было развитие национальных культур — интегративных элементов для построения общенациональной культуры. Поэтому культурная концепция социализма содержала постулат необходимости сопряжения национальной самобытности и межнационального обогащения.

Экстенсивный характер социалистического культурного строительства воплотился в трансформации социально-организационных основ музыкальной культуры, были выработаны механизмы, формирующие и интенсифицирующие этот процесс. В комплексе социокультурных, институциональных, художественных факторов формирования профессиональной музыкальной

культуры важную роль играл механизм творческих командировок высокопрофессиональных музыкантов в национальные республики. Данный механизм распространения современных форм музыкальной культуры исследователи признают уникальным в масштабах мировой практики и весьма эффективным в стимулировании процессов культурного взаимодействия в стране [3, с. 198]. Взаимодействие культур приобрело форму диалога, в СССР сформировалось единое культурно-информационное поле.

В советской и российской музыковедческой литературе эти композиторы определены термином «русские советские композиторы». Данный термин, примененный и в ряде монографий (Г. Григорьева, М. Тараканов), и в фундаментальном пятитомном труде «История русской советской музыки», конечно, условен и неточен. Советскими были композиторы всех национальных республик — и союзных, и автономных. С другой стороны, композиторы, помогавшие становлению национальных композиторских школ, принадлежали к разным национальностям. Очевидно, данный термин был призван подчеркнуть преемственность традиций русской музыки, а также дифференцировать творчество композиторов, следующих европейской традиции (через русскую) и творчество композиторов, воспитанных национальной культурой. Осознавая условность термина, мы не отказываемся от его использования, что объясняется длительностью его функционирования в истории музыки и устойчивостью семантики.

В Бурятии становление профессиональной музыкальной культуры в 1930–1950-е гг. также произошло благодаря деятельности музыкантов, направленных в республику Союзом композиторов СССР. Русскими советскими композиторами, работавшими в Бурятии, были: в 1930-е гг. — П. М. Берлинский, В. И. Морошкин, Р. М. Глиэр, М. П. Фролов; в первые послевоенные годы — С. Н. Рязов и Л. К. Книппер, а позднее — Б. С. Майзель. Их участие в строительстве новой бурятской музыкальной культуры многогранно: они заложили фундамент профессионального музыкального образования в республике, что стало каналом освоения нормативов западно-европейской культуры, воспитали кадры национальных музыкантов, начали интенсивную работу по собиранию и изучению бурятского музыкального фольклора, а также музыкально-просветительскую деятельность, готовившую население республики к восприятию непривычной музыки, приобщая к жанрам и формам западно-европейского классического

искусства. Однако наиболее важной, но вместе с этим и наиболее трудной задачей было формирование национального музыкального языка в рамках профессиональной традиции. Таким образом, они помогли преодолеть самый трудный этап первой встречи традиционной национальной культуры с принципиально иным способом музыкального мышления — многовековым опытом многоголосного профессионального искусства.

В литературе, исследующей бурятскую профессиональную музыку, отразилось мнение о некоем вступительном, «вводном», характере творчества русских советских композиторов по отношению к музыке композиторов национальных. Так, О. И. Куницын подчеркивает: «... безусловно, не надо преувеличивать степень их проникновения в специфику национального стиля... от “взгляда извне” они не могли уйти и не ушли, их музыка — это русская музыка, хотя и вобравшая в себя элементы бурятской национальной музыкальной лексики» [5, с. 108]. Это положение музыковеда, возможно, опирается на следующее мнение П. М. Берлинского: «Подлинное бурят-монгольское произведение появится тогда, когда явится композитор бурят-монгол, или, во всяком случае, человек, выросший на бурятской почве и в то же время приобщившийся к европейской музыкальной культуре» [1, с. 13]. Высказанный тезис О. И. Куницын углубляет, производя творчество русских советских композиторов в Бурятии от «русской музыки о Востоке» (термин Б. В. Асафьева): «...они представляют собой “листья” с пентатонической “ветви” мощного “дерева” русской музыки о Востоке» [Куницын, там же].

Действительно, освоение русским композиторским творчеством механизмов переработки этнических кодов музыкальных культур народов России произошло уже в XIX в., и культуры народов России воспринимали европейскую музыкальную традицию через русскую музыкальную культуру. Однако нельзя забывать, что этот процесс не был однородным. Н. А. Димитриади, например, выделяет в постижении Востока русскими композиторами-классиками несколько этапов. Во-первых, это ознакомление с инациональной музыкальной культурой, когда ориентальные образы даются обобщенно, а мелодии цитируются; во-вторых, конкретизация подхода, когда воплощение образов характеризуется более национально и локально определенно; наконец, это возвращение к обобщенному воспроизведению Востока на новой основе, для выражения философских идей и символических образов [2, с. 107].

Опыт русской музыки стал основой для дальнейшего развития межнациональных связей музыкальных культур народов СССР в советскую эпоху. Д. Д. Шостакович в докладе на съезде композиторов подчеркивал, что традиции русской классики в советской стране не только используются, но и развиваются. Однако даже факт развития традиций «русской музыки о Востоке» не является основным при выявлении отличий между ней и музыкальной культурой молодых советских республик. Главное отличие — в целеполагании: перед советскими музыкантами стояли совершенно иные задачи. Ориентальные страницы русской классики отражали восточные впечатления русского композитора, т. е. «обращение к образам Востока диктовалась целями и задачами искусства русского, а не восточного», как утверждает ведущий исследователь проблем взаимодействия Востока и Запада в музыке Н. Г. Шахназарова [7, с.10].

Задачей же русских советских музыкантов было решение более сложной проблемы — создания композиторских школ в республиках Востока. Следовательно, исходным пунктом в процессе взаимодействия культур становились закономерности национальной традиции. Поэтому и в содержательном, и в языковом аспектах складывается совершенно иная ситуация: если в XIX в. внимание русских композиторов было сосредоточено и акцентировано на общих закономерностях, характерных для народов Востока, то в советской музыке претворялись конкретные, специфические особенности музыкального стиля той или иной республики. Исходным посылом их многогранной деятельности были закономерности национальной традиции, что определило ведущее значение национального компонента в межкультурном взаимодействии.

Таким образом, впервые в истории музыки Восток и Запад были соединены для строительства общей культуры, единой по идейно-эстетическим и стилистическим принципам. Следовательно, осознание преемственности творчества русских советских композиторов по отношению к «русской музыке о Востоке» должно быть соединено с пониманием отличия этих феноменов.

Общая продолжительность деятельности русских советских композиторов в Бурятии составляет около 30 лет, т. е. она охватывает разные этапы строительства национальной музыкальной культуры. Это означает, что при наличии общей для всех цели создания качественно новой бурятской музыкальной культуры конкретные задачи каждого представителя европей-

ской традиции были различными. Для одних такой задачей было, прежде всего, воспитание национальных музыкальных кадров; для других — создание первых произведений, синтезирующих различные принципы музыкального мышления; для третьих — творческая помощь молодым бурятским композиторам в создании произведений крупных форм.

Первые шаги в формировании бурятской профессиональной музыки были сделаны П. М. Берлинским, приехавшим в республику в 1929 г. Его деятельность развивалась в пяти направлениях: интенсивные концертные выступления способствовали широкой пропаганде русской и западной классики; педагогическая работа обусловила появление первых бурятских музыкантов-профессионалов; фольклорная подготовила необходимый фундамент для создания произведений профессиональной традиции; теоретическая — положила начало научной классификации народного творчества, подняла проблему формирования национального стиля, предсказала пути развития бурятской музыкальной культуры; композиторская деятельность воплотилась в создании целого ряда произведений на основе бурятского фольклора, среди которых было и первое сценическое произведение — музыкальная драма «Баир» (1938).

Симфонических произведений П. М. Берлинский в Бурятии не создал, но проблема национального симфонизма решалась им в многочисленных симфонических номерах «Баира», ряд которых — симфонические картины «Стрела» и «Бой», симфонические эпизоды «Похищение», «Выход хана», «Марш победителей» — исполняется в республике до сих пор. П. М. Берлинский работал в Бурятии до 1946 г., но и после отъезда в Москву не прерывал с ней связи, написав в 1967 г. ряд романсов на стихи бурятских поэтов. Интенсивность и продолжительность его разнообразной деятельности в республике, а также значительные результаты ее доказывают исключительную роль П. М. Берлинского в становлении бурятской музыкальной культуры.

Связи Р. М. Глиэра с Бурятией имеют иной характер. Р. М. Глиэр приезжал в республику лишь однажды, в 1936 г. Тогда он заинтересованно изучал особенности жизни и быта бурятского народа, слушал народных певцов, записывал их напевы и наигрыши, выступал перед рабочими, чабанами, учащимися. Результатом знакомства с Бурятией явилась симфоническая поэма «Героический марш Бурят-Монгольской АССР», в которой Р. М. Глиэр красочно развил несколько национальных песенно-танцевальных

тем. Большой опыт работы Р. М. Глиэра с национальным музыкальным материалом, высокий профессионализм и мастерство позволили создать яркое масштабное произведение. Поэма стала первым опытом симфонического освоения бурятского фольклора, стимулировав работу русских и национальных композиторов в сложных симфонических и музыкально-сценических жанрах.

Вслед за Р. М. Глиэром к симфонизации бурятского мелоса обращается его ученик по Московской консерватории В. И. Морошкин. Интерес к музыкальным культурам народов СССР, возникший еще в годы учебы, определил его творческий путь: после окончания консерватории В. И. Морошкин работал в Казани, Якутске, а в 1937 г. по приглашению П. М. Берлинского приехал в Бурятию. Педагогическую деятельность в музыкальном училище — среди его учеников был ныне известный бурятский композитор Ж. А. Батуев — В. И. Морошкин совмещал с интенсивной систематической записью и обработкой бурятского музыкального фольклора. Эти записи легли в основу музыкальной драмы «Эржен» (1938), «Симфонической сюиты» (1937), кантаты «Счастливая Бурят-Монголия» (1938), хоров, фортепианных пьес (1940). Заслужив В. И. Морошкина являются его поиски и находки в области национального стиля: как и П. М. Берлинский, он стремился максимально приблизиться к фольклорному первоисточнику произведения. Напряженная творческая работа В. И. Морошкина была прервана Великой Отечественной войной. Композитор добровольцем ушел в московское ополчение и погиб в 1942 г.

Почетное место в истории бурятской музыки занимает М. П. Фролов, доказавший возможность органичного существования бурятского фольклора в жанрах оперы и симфонической увертюры. Первое соприкосновение М. П. Фролова с бурятской музыкальной культурой произошло в 1938 г. и носило заочный характер: он изучал народно-песенные мелодии по записям М. П. Берлинского, В. И. Морошкина, молодых национальных композиторов. Позднее М. П. Фролов сделал ряд собственных записей бурятского фольклора во время посещения республики.

Более глубокому постижению самобытного национального искусства способствовал длительный контакт М. П. Фролова с его учениками по Уральской консерватории — бурятскими композиторами Д. Д. Аюшеевым, Ж. А. Батуевым, Б. Б. Ямпилковым. В результате возникшие опера «Энхэ-Булат батор» и симфоническая увертюра «Братство народов» явились этапными произведениями для бурятской музыки. Обра-

щение М. П. Фролова к национальному музыкальному материалу имело большое значение и для становления его индивидуального композиторского стиля.

Таким образом, к началу 1940-х гг. бурятская музыка имела опыт претворения национального фольклора в жанрах музыкальной драмы, оперы, симфонических поэмы и сюиты, кантаты, вокальных и инструментальных пьес для различных исполнительских составов. Эти достижения были отмечены на Первой декаде бурятского искусства и литературы, проходившей в Москве в 1940 г. Однако музыкально-сценические жанры после этого первого успеха надолго отошли на второй план. До конца 1950-х гг. бурятская музыка развивалась в трех направлениях: симфоническом, вокально-симфоническом, камерном.

В 1946 г. в Бурятию по заданию Союза композиторов СССР приехали С. Н. Рязов и Л. К. Книппер. Их целью было оказание творческой помощи бурятским композиторам в создании произведений крупных форм. Интенсивная фольклорная деятельность привела сначала к появлению обработок народных песен, а также небольших инструментальных пьес на фольклорной основе, а затем — к операм «На Байкале» (Л. К. Книппер, 1948), «Мэдэгмаша» (С. Н. Рязов, 1949) и симфоническим произведениям — сюите из оперы «Мэдэгмаша» С. Н. Рязова, «Бурятскому скерцо», увертюре «Байкал», «Забайкальской сюите», сюите «Курумкан» Л. К. Книппера. Позже С. Н. Рязов создает и первый балет, основывающийся на народно-песенном материале — «Свет над долиной» (1954).

Однако если симфонические сочинения сразу завоевали признание слушательской аудитории, то со сценическими произведениями дело обстояло иначе. Недостатки либретто и некоторые драматургические просчеты привели к тому, что они не удержались в репертуаре театра, хотя отдельные их номера до сих пор пользуются широкой популярностью в республике.

С. Н. Рязов посвятил работе в Бурятии около 10 лет творческой жизни. Фольклорная и композиторская деятельность сочеталась у него с педагогической работой, творческим общением с национальными композиторами, теоретическим осмыслением вопросов стиля и драматургии произведений, основанных на национальном фольклорном материале. Его статья «О работе композитора в национальном оперном театре», опубликованная в журнале «Советская музыка» (№ 8 за 1948 г.), как подчеркивают музыковеды [4, с. 25], не утратила своего проблемного значения и до наших дней.

В отличие от С. Н. Рязова, Л. К. Книппер не жил в республике постоянно. Он приезжал в Бурятию несколько раз, пополняя свою коллекцию записей бурятского фольклора и помогая советами национальным композиторам. Последней и самой значительной работой Л. К. Книппера для республики был балет «Красавица Ангара», написанной вместе с Б. Б. Ямпилковым (1959). Яркость и образность музыки, красочность инструментовки, успешное решение проблемы синтеза интонаций бурятской народной музыки с приемами симфонического развития принесли балету заслуженный и прочный успех.

Формирование жанров бурятской музыки связано также с именем Б. С. Майзеля. Его пребывание в республике в общей сложности приближается к трем годам. Так же, как остальные русские советские композиторы, Б. С. Майзель внимательно изучал национальный фольклор, искал пути его симфонизации. Свои наблюдения он воплотил в создании произведений в национальном стиле. В «золотой фонд» бурятской музыки вошли балет «Во имя любви» (1957), написанный совместно с Ж. А. Батуевым, симфоническая сюита из музыки к нему (1958), опера «Побратимы» (1959), написанная совместно с Д. Д. Аюшеевым. Балет «Золотая свеча» (1958) — вторая работа Б. С. Майзеля и Ж. А. Батуева — поставлен не был из-за крайне неудачного и запутанного либретто. Таким образом, деятельность Б. С. Майзеля в Бурятии характеризовалась двумя направлениями — собиранием и изучением фольклора и непосредственной творческой работой с национальными бурятскими композиторами.

Анализ творческих связей русских советских композиторов с Бурятской республикой выявляет общее и различное в масштабах и направлениях деятельности, в глубине постижения национального и дальнейшем воплощении его языком профессиональной музыки. В этом плане выделяются три типа отношений к культуре республики. Первый — изучение музыкального наследия бурятского народа на основе существующих материалов и фольклорных записей, а также на основе личного однократного соприкосновения с ним; создание нескольких произведений, развивающих национальный фольклор. Такой была деятельность Р. М. Глиэра и М. П. Фролова.

Второй — изучение национального фольклора, неоднократное, продолжительное пребывание в республике; создание различных по жанровой принадлежности произведений. Отличительная черта — творческое взаимодействие с

национальными композиторами. Такое содружество было плодотворным для обеих сторон: русские советские композиторы ближе узнавали наследие бурятского народа, бурятские композиторы непосредственно постигали тайны драматургии крупных сценических жанров. Этот тип отношений представляют Л. К. Книппер и Б. С. Майзель.

Третий — углубленное знакомство с национальной культурой, длительная, функционально-разнообразная деятельность; создание многочисленных произведений разных жанров. Этот тип отношений раскрывается в творчестве П. М. Берлинского, В. И. Морошкина, С. Н. Рязова, которые за годы жизни в Бурятии сроднились с ее народом, с ее искусством.

Отношения русских советских композиторов с бурятской музыкальной культурой не были однонаправленными. С одной стороны, русские советские композиторы открыли ей новые возможности роста и развития, с другой — соприкосновение с богатыми художественными традициями народного искусства обогатило их новыми темами и образами. «Бурят-Монголия обогатила палитру его творчества свежими, своеобразными красками», — писал о творчестве В. И. Морошкина музыковед Г. А. Поляновский [6, с. 162].

Немаловажное значение имел тот факт, что большая часть русских советских композиторов, работавших в Бурятии, кроме П. М. Берлинского и Б. С. Майзеля, принадлежала к одной творческой традиции. Это обусловило единство их художественных устремлений и определенную близость творческих результатов. Если начальный этап развития узбекской профессиональной музыки определяло, например, сочетание различных традиций — В. А. Успенский, М. О. Штейнберг, Б. И. Зейдман принадлежали к ленинградской композиторской школе, а А. Ф. Козловский и Г. А. Мушель были выпускниками Московской консерватории, то и В. И. Морошкин, и М. П. Фролов, и С. Н. Рязов, и Л. К. Книппер были учениками Р. М. Глиэра.

Принадлежность к одной творческой традиции обусловила определенное родство методов их работы с национальным музыкальным материалом. Внимательное и вместе с тем свободное отношение к фольклору, большой опыт, мастерство и одаренность определили успех их работы и признание в Бурятии. Роль русских советских композиторов в процессе становления профессиональной музыкальной культуры трудно переоценить: они стояли у истоков формирования системы музыкального образования и просвещения, стабилизировали фольклористическую

деятельность, заложили фундамент национального музыкального стиля. Многие из достигнутого ими надолго сохранило свое значение и подготовило дальнейшие успехи национальных композиторов в Бурятии.

Таким образом, изменение направления развития бурятской национальной музыкальной культуры и появление композиторского творче-

ства — музыкального профессионализма нового, европейского, типа — обусловила зависимость от конкретно-исторических социокультурных факторов. На начальном этапе взаимодействия культур ведущую роль выполняла профессиональная среда — деятельность композиторов, исполнителей, педагогов — главных субъектов межкультурного контакта.

Литература

1. Берлинский П. М. Перспективы музыковедческой работы и музыкального строительства в Бурят-Монголии. — Верхнеудинск: Бурмонгосиздат, 1931. — 32 с.
2. Димитриади Н. А. Некоторые стилевые особенности русской музыки о Востоке // Вопросы теории и эстетики музыки. — Л.: Музыка, 1974. — Вып. 13. — С.106–126.
3. Каяк А. Б. Методология исследований культурных обменов в музыкальном пространстве. — М.: Академический проект, 2006. — 255 с.
4. Куницына И.С., Куницын О.И. Музыка советской Бурятии. — Улан-Удэ: Буркнигиздат, 1968. — 112 с.
5. Куницын О.И. Выразительные средства бурятской профессиональной музыки. — Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1999. — 143 с.
6. Поляновский Г. А. Композиторы Бурят-Монголии // Искусство Бурят-Монгольской АССР. — М.: Искусство, 1940. — С.145–167.
7. Шахназарова Н. Г. Музыка Востока и музыка Запада. Типы музыкального профессионализма. — М.: Советский композитор, 1983. — 153 с.

References

1. Berlinsky P. M. *Perspektivy muzykovedcheskoj raboty i muzykal'nogo stroitel'stva v Buryat-Mongolii* [Prospects for musicological work and musical development in Buryat-Mongolia]. Verkhneudinsk: Burmongiz, 1931. 32 p.
2. Dimitriadi N. A. Nekotorye stilevyje osobennosti russkoj muzyki o Vostoke [Some style features of Russian music of the East]. *Voprosy teorii i estetiki muzyki. Vyp.13* — *Questions of the theory and aesthetics of music. Issue 13*. Leningrad: Muzyka, 1974. Pp. 106–126.
3. Kaiak A. B. *Metodologiya issledovanij kulturnykh obmenov v muzykal'nom prostranstve* [Methodology of the research of cultural exchanges in music space]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2006. 255 p.
4. Kunitsyna I. S., Kunitsyn O. I. *Muzyka sovetskoj Buryatii* [Music of Soviet Buryatia]. Ulan-Ude: Burknigizdat, 1968. 112 p.
5. Kunitsyn O. I. *Vyrazitel'nye sredstva buriatskoj professional'noj muzyki* [Expressive means of Buryat professional music]. Ulan-Ude: Publ. Print. complex of ESSACA, 1999. 143 p.
6. Polianovsky G. A. *Kompozitory Buriat-Mongolii* [Composers of Buryat-Mongolia]. *Iskusstvo Buriat-Mongol'skoj ASSR — Art of Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic*. Moscow: Iskusstvo, 1940. Pp. 145–167.
7. Shakhnazarova N. G. *Muzyka Vostoka i muzyka Zapada. Tipy muzykal'nogo professionalizma* [Music of the East and music of the West. Types of musical professionalism]. Moscow: Sovetskij kompozitor, 1983. 153 p.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'246.2

Субординативный билингвизм

© **Рогозная Нина Николаевна**

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Иркутского государственного технического университета

Россия, 664046, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

E-mail: g09@istu.edu

Статья посвящена актуальной задаче — изучению языковых контактов, раскрывающих сущность многогранных явлений двуязычия и билингвизма. Одна из наиболее ярких особенностей современного языкознания — это возникновение и интенсивное развитие новых лингвистических технологий, благодаря чему происходит пересмотр и переоценка старых парадигм и языковых ценностей. Такой ценностью, требующей пристального внимания, становится субординативный билингвизм, тесно связанный с интерязыком. Феномен интерязыка, находящегося в состоянии промежуточной компетенции между родным и изучаемым языком, отражает познавательную способность человека при приобретении неродного языка. Существовая в динамике, интерязык движется к уровню совершенной формы владения языком — координативному билингвизму. На материале двух контактирующих языковых систем — китайской и русской — предлагается метод, который активизирует знание как родного, так и изучаемого языков.

Ключевые слова: двуязычие, билингвизм, теория языковых контактов, лингвистическая бифуркация, психолингвистика, типы двуязычия, типы билингвизма, психологическая классификация.

The phenomenon of subordinate bilingualism

Nina N. Rogoznaya

DSc, Professor, Head of the Department of Russian language and international communication, Irkutsk State Technical University

83 Lermontova Str., Irkutsk 664046, Russia

Language contact studies help to reveal the essence of multidimensional phenomenon of bilingualism. Emergence and intensive development of new linguistic technologies are one of the most striking features of modern linguistics; we witness revision and reevaluation of many old paradigms and linguistic values. Bilingualism is one of those values which demands great attention, it is associated with an intermediate system - interlanguage. Interlanguage is in a state of intermediate competence between native and studied languages, and reflects the cognitive ability of a person while studying a non-native language. The author proposes a method which activates the knowledge of both native and studied languages on the material of two contacting language systems: Chinese and Russian.

Keywords: bilingualism, theory of language contacts, linguistic bifurcation, psycholinguistics, types of bilingualism, psychological classification.

Изучение языковых контактов, раскрывающих сущность многогранных явлений двуязычия и билингвизма, сегодня актуально как никогда. Возникновение и интенсивное развитие новых лингвистических технологий становится одной из наиболее ярких особенностей современного языкознания. Происходит пересмотр и переоценка старых парадигм и языковых ценностей. Такой ценностью, требующей пристального внимания, становится субординативный билингвизм, характеризующийся промежуточной системой — интерязыком.

Явление субординативного билингвизма, т. е. когда человек знает не только родной язык, тесно связано с интерязыком — промежуточной самосозидающейся и саморазвивающейся лингвистической системой, неким аттрактором, при котором система развивается и действует «сама

по себе». Следует заметить, что при координативном билингвизме, когда человек в совершенстве владеет двумя языковыми системами, такая промежуточная система отсутствует, поэтому речь координативного билингва не содержит лингвистической ошибки, порождаемой интерференцией. О таких билингвах (людях, попеременно использующих два языка) Л. В. Щерба говорил: «Быть может, даже было бы неточно сказать, что люди, о которых идет речь, знают два языка: они знают только один язык, но этот язык имеет два способа выражения, и употребляется то один, то другой» [4, с. 40].

Для российской лингвистики изучение интерязыка является новым направлением, но и сам термин до сих пор остается неизвестным даже широкой лингвистической общественности. Впервые термин «интерязык» появился в 1969 г.

в статье Л. Селинкера «Языковые переносы». В 1972 г. автор публикует статью «Интерязык», где более полно излагает свою теорию. По определению Л. Селинкера, интерязык — это индивидуальная языковая система обучающегося, которая формируется при изучении неродного языка. Такая языковая система находится в состоянии промежуточной компетенции между родным и изучаемым языком, она, существуя в динамике, движется к уровню совершенной формы владения языком (координативному билингвизму) [5; 2].

Феномен интерязыка заключается в том, что он существует в сознании индивидуума столько, сколько существует родной язык и близко контактирующий с ним иностранный, отражая познавательную способность и развитие человека при приобретении неродного языка, и формируется на базе родного языка, впитывая в себя элементы неродного языка [2]. На рис. 1 показана схема взаимодействия контактирующих языков, где $Я_1$ — родной язык, $Я_2$ — неродной язык, $И_я$ — интерязык.

Взаимодействие языковых систем

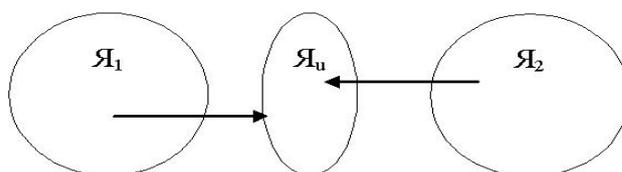

Рис. 1

Какие практические задачи могут помочь нам в описании корпуса интерязыка? Конечно, теория интерязыка. Она позволяет: применять сравнительный, сопоставительный, контрастивный и конфронтативный анализ; исследовать природу интерферентов при изучении иностранного языка с помощью системного подхода; использовать при анализе данные других наук, помогающие предупреждать нарушения; учитывать модель формирования интерязыка индивидуума; описывать корпус интерязыка; создавать билингвальные модели обучения.

Первоначальной задачей является анализ природы ошибок, а не только простая констата-

ция фактов, фиксирующих интерференты разного уровня. Лингвисты считают, что теория интерязыка помогает при решении многочисленных проблем, возникающих в процессе преподавания и изучения неродного языка, привлекая попеременно оба языка для объяснения отклонений от нормы, т. е. применяя сопоставительный анализ языковых систем и культур, раскрывающий сущность интерферентов [1; 2].

Таким образом, при данном подходе к исследованию субординативного билингвизма должны рассматриваться три лингвистические системы: родной язык, неродной язык и интерязык.

Схема процесса обучения неродному языку

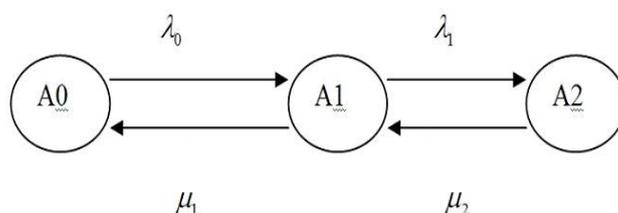

Рис. 2

На рис. 2 (где способ обучения неродному языку в недетском возрасте — A_0 обозначает состояние родного языка, A_2 — состояние неродного языка, A_1 — состояние интерязыка; λ_0 , λ_1 , μ_1 , μ_2 — параметры обучения) видно, что

изучающие неродной язык имеют выход из системы родного языка в систему неродного только через промежуточную систему ($И_я$), иного пути нет. Значит, встает задача описания корпуса этой промежуточной компетентностной системы.

Известно, что во всем мире функционирует более 5000 языков. По мнению Л. Селинкера, только 5% населения планеты владеют уровнем координативного билингвизма. Нетрудно продолжить статистику и констатировать, что 95% населения планеты владеют какими-то другими системами языка в ограниченном объеме. По нашим данным, примерно 30% составляет субординативный билингвизм, а на долю монолингвизма приходится 65%. Следовательно, иностранный язык (Я₁) у подавляющего большинства остается на каком-либо уровне интерязыка, способного находиться в трех состояниях:

- 1) очищения от суррогатных примесей динамического билингвизма;
- 2) окостенения, когда обучаемый в силу различных психолингвистических причин не в состоянии преодолеть порог, ведущий к координа-

тивному билингвизму;

3) отмирания, означающего полную невосребованность языковой системы [2].

Представленная ниже таблица дает возможность раскрыть сущность функционирования глаголов движения в двух контактирующих языковых системах: китайской и русской. Учитывая функции коры головного мозга, мы предлагаем метод, который активизирует, систематизирует знания родного языка, поэтому в левой части представлены знания Я₁, а в правой части для усвоения нового представлены Я₂. В центральной части представлен интерязык, отражающий идею языкового контакта. Такой подход помогает реализации инновационного подхода к овладению Я₂ и созданию билингвальных моделей обучения.

Таблица

Фрагмент билингвальной модели сопоставительного анализа функционирования глаголов движения в китайском и русском языках

Китайский язык				Русский язык Я ₂	
Я ₁				Направленность	
1	2	1	2	3	4
Простые глаголы направления (модификаторы) и их лексическое значение	к – конкретное местонахождение о – действующий субъект или объект ? – направление			однонаправленные	разнонаправленные
来 lái	Здесь (к говорящему, к адресату) к			идти	ходить
去 qù	Туда (от говорящего, от адресанта) х ← о			ехать	ездить
上 shàng	1) Приближение к объекту или субъекту. 2) Движение вверх 1) → о(х) (х) ← о(х) 2) (х) ↑ о(х)			лететь	летать
下 xià	1) Отдаление от субъекта или объекта (на небольшое расстояние). 2) Движение вниз И т. д. 1) (х) о(х) 2) (х) ↓ о(х)			бежать	бегать
				плыть	плавать
				лечь	лечь
				ползти	ползать
				брести	бродить
				И т. д.	

ИНТЕРЯЗЫК

В 43 синтаксических единицах обнаружено 162 ошибки в русской речи китайцев (4 курс лингвисты)

Способ передвижения

Неперекрестное движение

Таким образом, изучение интерязыка как промежуточной лингвистической системы является важной и актуальной проблемой. Обучение неродному языку, прежде всего, должно основываться на знаниях системы, входящей в стройную лингвистическую теорию субординативного билингвизма. Еще известный русский педагог К. Д. Ушинский говорил, что сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления [3].

Литература

1. Люй Бисун. Сборник статей по методике преподавания китайского языка как иностранного. — Пекин: Мин-во образования Китая, 1996. — 222 с.
2. Рогозная Н. Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. — 172 с.
3. Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 4 т. — М.: ГИС, 1998. — 208 с.
4. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Т. 1. — Л., 1958. — С. 40-43.
5. Selinker L. Interlanguage // *Int. Rev. Applied Linguistics*. 1972. Vol. 10. Pp. 209-231.

References

1. Lu Bisun. *Sbornik statej po metodike prepodavaniya kitajskogo yazyka kak inostrannogo* [A selection of articles on teaching Chinese as a foreign language]. Beijing: Ministry of Education of China, 1996. 222 p.
2. Rogoznaya N. N. *Bilingvizm. Interyazyk. Interferenciya* [Bilingualism. Interlanguage. Interference]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University publ., 2012. 172 p.
3. Ushinsky K. D. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Selected works: in 4 vol]. Moscow: GIS, 1998. 208 p.
4. Shcherba L. V. *O ponyatii smesheniya yazykov. Izbrannye raboty po yazykoznaniiu i fonetike* [On the concept of languages mixing. Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad, 1958. Vol. 1. Pp. 40–43.
5. Selinker L. Interlanguage. *Int. Rev. Applied Linguistics*. 1972. Vol. 10. Pp. 209–231.

УДК 81' 373

Времена как экспонент социального времени

© **Бардамова Екатерина Александровна**

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: bardam_k@mail.ru

Статья посвящена описанию языковых средств объективации социального времени на материале лексемы *времена*. Актуальность работы обусловлена интересом современной лингвистики к проблемам онтологического статуса временной лексики, отражения в языке значимых временных концептов, изучение которых позволяет рассматривать слово в контексте культуры и познания. Новизна исследования определяется вводом в научный оборот нового фактического материала. В статье на материале данных Национального корпуса русского языка проанализированы основные коммуникативно-релевантные, системно-языковые и контекстные значения изучаемой лексической единицы, входящие в активную зону языкового сознания, актуализирующие идеи временной хронометрии. Особое внимание уделяется описанию динамики семантического развития на основе метонимической транспозиции.

Time as social time exhibitor

Ekaterina A. Bardamova

DSc, A/Professor, Head of Department of Russian language and general linguistics, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article describes the linguistic means of representation of social time on the material of *time* lexeme. Modern linguistics is interested in the problems of ontological status of time related vocabulary and reflection of significant time concepts in language. Research on these problems helps to review a word in the context of culture and perception. The novelty of the study is in adding of new actual material into scientific discourse. On the material of Russian national language corpus the article reviews the basic communicative, relevant, system-language and context values of lexical units which belong to active zone of language conscience. Particular attention is paid to the description of semantic development dynamics, on the basis of metonymic transposition.

Время является одной из форм существования всего материального мира, важной составляющей жизни и сознания человека. Эта базисная категория имеет свою внутреннюю структуру, иерархию, поэтому исключительный интерес представляет процесс выражения времени языком, поскольку зафиксированный коллективный опыт осмысления является основой дальнейших построений, позволяет выявить особенности семантической системы языка.

Предметом настоящих аналитических построений послужили коммуникативно-релевантные временные значения лексемы *времена*. Выделение отличительных семантических признаков при толковании слов всегда продуктивно осуществляется на основе не только дефиниционного, но и контекстного анализов, позволяющих выявить границы понятийной области функционирования. В центре внимания — вопросы определения общего и специфического при выражении временных значений: обозначении временного периода или момента, отнесе-

нии события к какому-либо отрезку времени, обозначении его продолжительности, установлении точки отсчета действия, указании определенного момента или поры, а также характера связи с внеязыковой действительностью, отражении представлений носителей языка о временной абстракции. Эмпирическим материалом послужили лексикографические источники [3; 4], базы данных Национального корпуса русского языка [6905 документов, 17751 вхождений].

Дефиниционный и контекстный анализы показали, что темпоральные единицы служат чаще всего для обозначения ретроспекции действий, событий или состояний. *Времена* употребляются в случае указания на «истекший период в развитии человечества, определенной эпохи, отдельного этапа в жизни народа, государства, общества» [3, с. 227]. Исходя из толкования и наблюдений за актуализацией временных смыслов в контекстах, можно сделать вывод, что *времена* функционирует в современном русском языке как экспонент социального времени, в рамках

которого жизнедеятельность человека подчинена временным условиям и законам общества, при этом форма ед. числа лексемы *время* эксплуатируется языком для выражения физического, биологического, психологического и других видов времени. Для социального времени характерна значимость и ценность не самих событий в жизни отдельного человека, а скорее, переходов от одного состояния социума к другому, потому что социальные перемены ведут к изменениям в ритмической организации бытия, перестройке в укладе жизни и т. п. В силу данных обстоятельств наблюдения длительности и последовательности непрерывных изменений в жизни общества и отдельного человека приводят к осознанию дискретности временной последовательности. *Времена*, ориентируя на предшествование описываемых событий, упорядочивая одни из них относительно других, выполняют функцию абсолютного сложного хрононима [1, с. 101].

В современном русском языке *времена* указывают на:

1) известный исторический период: ориентиром хронологизации выступают известные исторические события, которые в силу своей более или менее четкой локализации на оси времени не требуют дополнительной конкретизации ввиду их общеизвестности, их уникальность и неповторимость дают возможность ограничиться упоминанием события, зафиксированного в истории. Например: «*Осталась обида и у поляков и у корейцев да и у других народов, так или иначе пострадавших во времена сталинизма*» [Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева // «Наука и жизнь», 2008]*; «*Есть центр, застроенный во времена Османской империи и британского мандата (1918–1948)*» [Антон Носик из Иерусалима // «Русский репортер», 2011, № 45 (223), 17 нояб.]; «*Еще в давние петровские времена на Руси сложились оружейные школы, была создана основа для промышленного производства оружия, что позволило на протяжении веков давать достойный отпор всем завоевателям нашего Отечества*» [М. Калашников. Ижевские стволы (из книги «Российское оружие: война и мир») (1997)];

2) века, тысячелетия, когда *времена* используются для временной локализации событий или ситуаций на неопределенном периоде в прошлом, при этом подразумевается в зависимости

от контекста разная длительность ретроспекции — десятилетия, века, тысячелетия. Ср.: «*В Европе в античные времена и в Средневековье аконит был известен только как яд*» [С. А. Курганская. Акониты // «Первое сентября», 2003]; «*Имея обширный материал о расселении и миграции народностей в древние времена в Африке, Европе, Азии, как связать результаты биологических и культурных исследований и построить более общую схему того, о чем вы говорили?*» [В. В. Седов. Этногенез ранних славян // «Вестник РАН», 2003];

3) временной предел в прошлом, время завершения описываемых событий общественной или личной жизни. Манифестация контекстов с указанием на временной предел события обусловлена действием формулы *начало — конец*, которая, в свою очередь, актуализируется представлениями носителей языка о периоде как временном отрезке, имеющем свою логическую точку отсчета и завершения, ср.: «*Так, например, конкурсы красоты во времена Париса закончились Троянской войной*» [М. В. Мусийчук. «О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // «Вопросы психологии», 2003]; «*В "застойные" времена в Калининне построили новый пивзавод, мощности которого были освоены к 1977 году*» [Е. Толстых. Пивка для рывка // «Совершенно секретно», 2003, 1 сент.]; «*Во времена регулярных революций княжение вообще отменяли*» [А. Карабаш. Три дня в Монако // «Домовой», 2002, 4 февр.]; «*Серьезные достижения в области разработки и создания современных образцов вооружений и военной техники были сделаны еще во времена СССР*». [Р. Дорохов, Е. Короп. Черная метка Белого дома. Правительство начало войну с интеллектуальными пиратами XXI века // «Известия», 2002, 3 окт.];

4) события, которые имеют неопределенные временные рамки. В данной группе наиболее частотны те употребления, в которых временная хронометрия определяется дейксисом описания, в этом случае хрононимы представляют собой адекватные сочетания с *древние, незапамятные, былые, прошлые, отдаленные, прежние, старые, доисторические, последние, исторические, стародавние, поздние, нынешние, долгие, допотопные*, например: «*В былые времена в зимний Йер выезжал королевский двор*. [В. Крейд. Г. Иванов в Йере // «Звезда», 2003]; «*Но во времена раннего ислама евреи давно уже не представляли собой того сильного конкурента, каким они были в отношении раннего христианства во времена Римской империи*»

* Здесь и далее источник — Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorg.ru>).

[Р. Нудельман. Тайны вечных книг: ученые исследуют Коран // «Знание – сила», 2003; «*Старожилы станицы Орджоникидзева вспоминают, что когда-то в давние времена* здесь, на главной площади, стоял православный храм, поражавший всех, кто впервые видел его, своим величием» [Прихожан ждут на родине // «Жизнь национальностей», 2003, 18 июня]; «*Вернее, это был огромный камень, попавший сюда, должно быть, еще в доисторические времена, во время какого-нибудь землетрясения*» [В. Губарев. Трое на острове (1950-1960)].

Аналогичный денотативный статус временной референции демонстрируют контексты с сочетаниями 'указательные местоимения + времена'. В подобном языковом окружении *времена* отсылают ко времени тех событий, очевидцем которых являлся говорящий, позволяет установить внутреннюю связь между новым состоянием и тем, что закрепилось в памяти: «*Интересно, что в эти времена уже можно было купить красиво украшенную елку — но только... в кондитерских*» [Н. Ю. Феоктистова. Новогодняя елка // «Первое сентября», 2003]; «*Баку в те времена — интернациональный город, объединивший все народы*» [В. Токарева Своя правда // «Новый Мир», 2002]. В подобного рода примерах сочетание с лексемой *времена* подвергаются лексикализации, т. е. функционируют в качестве эквивалента отдельного слова с отличным от составляющих его слов значением. Данная модель эксплуатируется в лексикализованных дейктических указаниях на неопределенный период в прошлом и обнаруживают глубинные структуры представлений носителей языка о времени как о последовательности смены ситуаций и событий, дистанция между значимыми событиями и состояниями осознается как время изменения окружающего мира, осмысление длительности промежутков относительной стабильности предполагает возможность деления на более мелкие дискретные отрезки.

Чаще всего в таких контекстах временная референция характеризуется отсутствием непосредственного наблюдения и основывается на личном опыте говорящего, а ориентиром служит биологический возраст человека: «*Сейчас с ностальгией приходится вспоминать времена пятилетней давности, когда мини-футбол стал пробиваться к вершинам популярности*» [Ю. Дудь. Мини-история. Как отечественный зальный футбол теряет деньги, популярность и будущее // «Известия», 2002, 6 окт.]; «*А в наши времена доносчик себе курдюк недолго отращивал*» [Ф. Искандер. Дедушка (1966)]; «*Старик*

закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята, какие они все были умные, как они не чуфырились, а теперь все чуфыряются» [В. Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)].

Наличие в семантеме лексемы *времена* семы 'промежуток времени в развитии чего-либо, характеризующейся теми или иными признаками или особенностями' [2, с. 109], позволяет сложным хрононимам эксплицировать длительность общественных состояний или ситуаций и достигать функциональной вариативности их временной референции, например: «*Например, во времена вашего первого председательства КС обладал правом непосредственно отслеживать конституционные несоответствия*. [С. Сухова. Конституция и революция // «Итоги», 2003, 4 марта]; «*Ученые определили, что захоронения были сделаны во времена правления четвертой династии (2575–2467 годы до н. э.)*» [А. Сердечнов. Древние инженеры, 2010, 12 янв.] // <http://www.rbcdaily.ru>].

В процессе наблюдения за семантической динамикой изучаемой лексемы были установлены модификации в ее структуре. Так, в результате семантической деривации лексема *времена* расширила свой семантический объем, часть выявленных лексико-семантических вариантов не зафиксированы в лексикографических источниках. Расширение семантемы происходит с использованием метонимического переноса, основанием которого служит развитие семантического признака 'временный период'.

'Временной период' → 'жизнь, существование'. Например: «*Сегодня клуб переживает не лучшие времена*» [Дом, где воспитывают мужчин // «Солдат удачи», 2004, 8 сент.]; «*Времена не те, и наших теперь везде много, и все теперь — по соседству*» [Я. Гохберг. Рассказывает Шуламит Шалит // «Вестник США», 2003, 25 июня]; «*Впрочем, несмотря на «бездорожье», времена сейчас не самые тяжелые — был период, когда топливо возили самолетами, теперь энергоресурсы из России все же благополучно добываются по трубопроводам*» [Е. Григорьева. Ожидания Ноя. Армения выбирает между Россией и остальным миром // «Известия», 2003, 11 февр.].

Приведенные фрагменты свидетельствуют о наличии переноса по смежности, характер импликационных связей переноса соответствует представлениям о временной целостности как событийной наполненности, в этом случае временной промежуток ассоциируется с многомерными и гетерогенными жизненными ситуация-

ми. Заявленное значение реализуется в контекстах, где *времена* выступают в роли канонического грамматического субъекта или объекта описания, выраженных чаще всего комплексно, ср.: «*Вот когда наступят хорошие времена, может, нам и вздумается сделать что-то подобное*» [Ваши кто владеет? // «Дело» (Самара), 2002, 17 июля]; «*Но пришли времена, когда отпала необходимость повсеместно в оркестрах народных инструментов, как и в ансамблях народных песен и плясок, как и во всем прочем народном вообще, Денис Иванович остался без заработка*». [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)]; «*И вдруг мне показалось, что это чудовищное подобие выродившегося Командора, который только что сотворил мечь, соответственно измельчавшую, возвратился на свое место и, ворча на холод и новые времена, медленно превращается в статую*» [Ф. Искандер. Путь из варяг в греки (1990)].

Содержательно социальное время, экспонентом которого выступает сложный хрононим с лексемой *времена*, отражает структуру изменений, происходящих в языковом сообществе, устанавливает иерархию значимости событий для членов коллектива, поэтому время избирается в качестве показателя особенностей процессов в нем. Наиболее знаковые события избираются в качестве эталона исчисления и сегментации временного потока, например: «*Паша, мы переживаем теперь времена инквизиции. Это неизбежно пройдет, как прошли времена испанской*» [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]; «*В те времена за доллары просто-напросто сажали*» [Л. Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)]; «*В страшные времена в одну из ночей в нашей квартире раздался роковой звонок в дверь, и отца Алеши увели молчаливые люди — как уводили по ночам и многих других жильцов нашего большого дома*» [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)].

‘Временной период’ → ‘событие’. Когнитивно-семантический механизм метонимического переноса данной модели основан на смежности внутрифреймовых связей: от смежного референта времени — к самому событию, ср.: «*Эти события всем напоминает времена революции, но даже еще хуже*» [Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 2 (1941-1943)]; «*Наступали тревожные времена коллективизации, и, кажется, несмотря на положительные со всех сторон отзывы о новенькой милосердной сестрице, желал он в чем-то удостовериться и лично*» [Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953)]; «*Это были*

времена борьбы за наш всемирный приоритет во всем» [Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)].

‘Временной период’ → ‘причастность к социальным процессам’. Ср.: «*А как поизмывались над ними в сталинские времена*» [Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)]; «*Хорошо, другой вопрос: колоски в трудные времена воровал с колхозных полей?*» [В. Шукшин. Калина красная (1973)]; «*Вспоминаю тяжелые времена гонений на Церковь, когда Господь призвал меня к епископскому служению*» [Церковно-государственные торжества, посвященные 75-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия // «Журнал Московской патриархии», 2004, 28 июня]. В приведенных контекстах обнаруживаются интенция говорящего интерпретировать объективную природу времени на уровне субъективно-психологического восприятия и желание обозначить эмоционально-оценочные признаки временного плана. В этом прослеживается глубинная антропоцентричность отражения языком сущности временной абстракции: социальная природа времени может быть описана только на уровне отдельной человеческой личности и ее причастности к социальным процессам, участником которых она является, поэтому время как категория бытия всего материального мира репрезентируется через восприятие, осмысление и переживание конкретным человеком состояний и процессов в социуме. Н. К. Рябцева, характеризуя природу когнитивных исследований подобных лексических построений, справедливо отмечала, что «в процессе распознавания, идентификации, номинации и характеристики некоторого явления и события человек одновременно его квалифицирует, оценивает, формирует и выражает к нему отношение» [2, с. 270].

‘Временной период’ → ‘время суток’. Например: «*А который час-то? Ну, второй, подумаешь, детские времена. Интеллигенция об эту пору еще не ложится...*» [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)]; «*Контроль усиливался особенно в ночные времена*» [С. Ткачева. День влюбленных... // «100% здоровья», 2003, 15 янв.].

‘Временной период’ → ‘возраст’. Возраст как время человеческой жизни представлен среди описываемых моделей в силу смежности семантических признаков и наличию импликационных связей: возраст, как и время, характеризуется однонаправленностью, необратимостью, ритмичностью, дискретностью, последовательностью и т. д. Связь возраста и социального вре-

мени реализуется также в понятии *поколение*: причастность к определенному поколению дает человеку возможность почувствовать себя частью целого общества. Результаты наблюдений позволяют сделать вывод, что социальное время создает ментальный конструкт представлений, информационная составляющая которого не только содержит сведения о сосуществовании объектов и процессов социума, но и воздействует на изменения, происходящие в мире отдельной личности, и составляют суть его жизнедеятельности. «Серо-бежевый блёклый фон. Глаза сияют сквозь **времена**. Анна повесила эту картину у себя в спальне» [В. Токарева. *Своя правда* // «Новый Мир», 2002]; «С удовольствием вспоминаю времена, когда портняжка был храбрым, а не удалым» [Детский сад // «Известия», 2002, 14 февр.]; «**Студенческие времена**: тихие и незрелые подростковые бунты и чтения украдкой слепого самиздата, закончившиеся уходом из дома в дворницкую, весь ужас последующего духовного разрыва с ним и страх, что положивший жизнь на его воспитание, оскорбленный человек не простит сыну выбора иного пути и воспримет как предательство, — случились гораздо позднее [А. Варламов. *Купавна* // «Новый Мир», 2000]; «**Однако в зрелые времена** Пиночет многим напоминал не француза и не баска, а типичного прусского офицера с пожелтевших фотографий начала прошлого века» [О. Поляковский. *Неподсуден* // «Вокруг света», 2003].

Помимо названных моделей семантической деривации, есть еще круг специфических употреблений, воспроизводящих характер отражений русским языком временной организации внеязыкового мира. Установлена закономерность, реализующаяся в сочетаниях `определятельное / указательное местоимение + времена`. В контекстах с *времена*, толкуемых определятельными или указательными местоимениями, обнаруживается отчетливое противопоставление двух временных ситуаций. Сочетания с местоимениями *другой, такие, те самые, иные* актуализируют проекцию предшествующих событий, закрепившихся в памяти говорящего и понятных читателю и слушателю, отсылка к которым устанавливает имплицитную связь с новым положением дел. Ср.: «Снег в **те времена**, насколько я помню, лежал до мая, но в этот год весна была ранняя, он начал испаряться уже в феврале» [А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009]; *Прошли те времена, когда животноводы старались вывести породы коров с максимальной жирностью*

молока [Кунсткамера // «Наука и жизнь», 2008]; «В половине шестого утра Павел Алексеевич приносил с госпитальной кухни ведро теплой воды — немыслимая роскошь, как в **иные времена** ванна, полная шампанского, — и ждал за дверью, пока Елена вымоется» [Л. Улицкая. *Казус Кукоцкого* (Путешествие в седьмую сторону света) // «Новый Мир», 2000]; «Под "Синопскую" хорошо пошли рассказы про водочные отравления, про **другие времена**, про незабвенные высадки в Бологом и попытки добраться в Москву из Калинина без денег» [Д. Смирнова. *Октябрьская железная дорога* // «Столица», 1997, 13 мая].

Сочетания с *любой, всякий, все* снимают временную определенность и актуализируют идею сохранения действия или его значения на все времена, ср.: «Сказки братьев Гримм, Ганса Кристиана Андерсена, Шарля Перро — неиссякаемый источник детского удовольствия на **все времена**» [Детский сад // «Известия», 2002, 14 февр.]; «Мне кажется, этот фильм никогда не состарится, он будет интересен в **любые времена**» [Обсуждение фильма «Доживем до понедельника» (2007-2010)]; «С продуктами, вежливостью и самоотречением бывает трудно во **всякие времена** [Н. Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010]; *Во **всякие времена** росли у нас люди, которые не вместились, как Меньшиков у Сурикова в березовскую избу*» [А. И. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг* (1958-1973)].

Итак, лексема *времена* входит в состав понятийного поля времени и выступает в функции хрононима в субполе социального времени. Изучаемая лексическая единица в форме множественного числа демонстрирует результат лексикализации и эксплицирует отличные системно-языковые и коммуникативно-релевантные значения. Являясь экспонентом социального времени, она служит для обозначения временного периода описываемых событий через указание на известный исторический период (*петровские времена, времена фашизма, античные времена*), десятилетия, века, тысячелетия (*добрые старые времена, времена моих родителей*), неопределенную длительность события (*во времена моего детства, страшные времена середины 30-х годов*), временной предел в прошлом, неопределенный период в далеком и ближайшем прошлом (*с незапамятных времен, времена трехлетней давности*). Динамика семантического развития обнаруживает расширение семантического объема на основе метонимической транспозиции, основанием переноса служит смежность внутрифреймовых связей. Смыслы,

являющиеся источником семантической деривации, связаны с идеей *временного периода, некоей временной продолжительности в прошлом*. Установлено, что *времена* употребляются для обозначения конкретного события, существенного признака некоего исторического отрезка, который характеризуется всем известными отличиями

тельными признаками причастности к социальным процессам, формирующей аксиологические интерпретации (*времена страшные, лучшие, тяжелые* и др.), интерпретации времени суток и даже возраста. Можно предположить, что приведенные актуальные контексты лежат в основе дальнейшего развития многозначности

Литература

1. Новожилова А. А. Функциональная вариативность относительных хрононимов (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоград. гос. ун-та. — Сер. Филология. — 2011. — Вып. 2. — С. 101–106.
2. Рябцева Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка // Труды международного семинара «Диалог'2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1: Теоретические проблемы / под ред. А. С. Нариньяни. — Протвино, 2000. — С. 268–273.
3. СРЯ – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. — Т. 1. — М.: Русский язык, 1985. — 696 с.
4. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. А. С. Герда. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

References

1. Novozhilova A. A. Funktsional'naya variativnost' otnositel'nykh hrononimov (na materiale nemetskogo yazyka) [Functional variability of relative chrono names (in German language)]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya Filologiya — Bulletin of Volgograd State University. Series Philology*. 2011. V. 2. Pp. 101–106.
2. Riabtseva N. K. Mental'naya leksika, kognitivnaya lingvistika i antropotsentrichnost' yazyka [The mental lexicon, cognitive linguistics and language anthropocentricity]. *Trudy mezhdunarodnogo seminar "Dialog'2000" po komp'yuternoj lingvistike i eyo prilozheniyam. T. 1: Teoreticheskie problemy — Materials of the International Workshop "Dialogue 2000" on computer linguistics and its applications. V. 1. Theoretical problems*. Protvino, 2000. Pp. 268–273.
3. *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Russian dictionary: in 4 volumes.]. V. 1. Moscow: Russkij yazyk, 1985. 696 p.
4. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17-ti tomah* [The dictionary of modern Russian literary language in 17 volumes]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ., 1948–1965.

УДК 81-119: 930.2

Перспективы диахронического исследования метафоры в когнитивной историографии

© **Федоров Михаил Александрович**

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16

E-mail: fma1105@gmail.com

Статистический анализ исторического материала, как один из путей реализации практического исследования в когнитивной историографии, может включать в себя диахроническое изучение концептуальной метафоры. Сущность, роль в социокультурном взаимодействии и механизмы функционирования делают концептуальную метафору одним из основных процессов человеческого семиозиса, изучение которой обладает богатым потенциалом для исследования того, как люди ушедших веков мыслили.

Выделены следующие аспекты диахронического исследования концептуальной метафоры: эволюция образного осмысления концептов, описание и сопоставление парадигм осмысления абстрактных понятий, характеризующих как национальные культуры, так субкультуры, динамика функционирования метафорических контейнеров в лингвокультуре. Метафорический характер взаимодействия человека с миром и обществом обеспечивает более чем достаточное количество примеров, позволяющих делать обоснованные выводы о закономерностях моделей осмысления идеальных и материальных феноменов.

Ключевые слова: историография, когнитивные науки, концептуальная метафора, диахронический подход, лингвокультура, категория времени.

Prospects of diachronic studies of metaphor in cognitive historiography

Michail A. Fedorov

PhD, A/Professor of Department of English philology, Buryat State University

16 Sukhe-Batora Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Statistical analysis of historical material as a way of using practical approach in cognitive historiography can include diachronic research of conceptual metaphor. The nature, role in sociocultural interaction and mechanisms of metaphorical understanding lead to the conclusion that conceptual metaphor is a basic tool of human semiosis, the study of which has a rich potential of exploring how people in past societies thought.

The following aspects of diachronic research of conceptual metaphor are highlighted: the evolution of metaphorical understanding of concepts, the description and comparison of abstract notions paradigms, which characterize national cultures and subcultures, the dynamics of using metaphorical containers in linguoculture. The metaphorical nature of human interaction with environment and society provides plenty of examples which help to draw well-substantiated conclusions about models of understanding ideal and material phenomena.

Key words: historiography, cognitive sciences, conceptual metaphor, diachronic approach, linguoculture, category of time.

Когнитивная историография, одно из новейших междисциплинарных направлений, ставит своей целью исследование того, как люди ушедших веков мыслили и поступали, опираясь на данные истории и когнитивных дисциплин [22, с. 1]. Нельзя не отметить то, что появление этого направления является весьма своевременным в связи с текущим уровнем развития когнитивной лингвистики, в которой выделяются три поколения, характеризующиеся каждое своей методологией [5, с. 42], и которая поэтому способна решать задачи, традиционно относимые к другим областям знания. Как отмечает Р. Сент-Клэр, новые когнитивные модели возвращают лингвистическую теорию с периферии исследо-

ваний гуманитарных наук [20].

Д. Ксигалатас, критически оценивая первый выпуск журнала "Journal of Cognitive Historiography" соглашается с тремя ценностями нового направления — «междисциплинарность», «сотрудничество» и «эксперимент» и указывает на то, что последняя не нашла достаточной реализации в публикациях. По убеждению ученого, когнитивная составляющая должна носить не только теоретический характер, но и иметь практическое применение в исследованиях, что иллюстрируется при помощи трех способов: 1) использование современных экспериментальных данных, с опорой на то, что ментальные и поведенческие характеристики чело-

века являются практически неизменными на протяжении нескольких тысячелетий; 2) построение гипотезы на основе исторического материала и проведение эксперимента с участием современных испытуемых, исходя из тех же предпосылок; 3) применение системного исчисления и статистического анализа исторического материала [22, с. 197–198].

В качестве примера последнего метода ученый приводит пример сопоставительного метода или естественного эксперимента (*natural experiment*), в котором роль лабораторных условий играют пространственные и временные последовательности в природе. Диапазон формата такого эксперимента может быть достаточно широким, включая компьютерное моделирование и мыслительный эксперимент [18, с. 386].

В этой связи хочется обратить внимание на диахронический потенциал исследования концептуальной метафоры. Если мы согласимся, что тексты являются полноправным историческим материалом, представляющим собой одну из разновидностей взаимодействия автора и аудитории в определенном культурном контексте, а концептуальный анализ обязан быть статистически точным, то исследование метафоры более чем отвечает искомой цели — исследованию особенностей мышления, представленных в истории культуры.

Прежде всего необходимо остановиться на следующих вопросах: определение метафоры, ее функция в языковой деятельности и специфика метафорического осмысления объектов. Современная теория метафоры уже отошла от аристотелевского определения метафоры как скрытого сравнения и трактует ее как средство осмысления идеальных и материальных объектов. Так, Э. Кассирер называет метафорой сознательный перенос названия одного представления на другое при том, что оба значения остаются вполне определенными и самостоятельными [17, с. 86–87]. Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают более краткое определение — понимание и переживание одного объекта в терминах другого [19, с. 5].

Раскрывая роль метафор, Х. Ортега-и-Гассет подчеркивает, что метафоры необходимы для того, чтобы сделать нашу мысль доступной как для других, так и собственного мышления, поскольку не все объекты легко воспринимаются мыслью. Именно для таких предметов, сложных и трудноуловимых, наше сознание обращается к метафоре, чтобы осмыслить на их примере объекты понятные и легко доступные восприятию. Например, слова с конкретным значением ис-

пользуются для обозначения явлений психологического порядка [8, с. 71–72].

Н. Д. Арутюнова расширяет этот список, указывая, что метафора делает возможным существование лексики «невидимых миров», предикатов, характеризующих абстрактные понятия, предикатов широкой сочетаемости и предикатов тонкой семантики [1, с. 9]. Рассуждая о метафорических основах мышления, Р. Сент Клер указывает, что употребление конкретных понятий для осмысления абстрактных носит систематический и произвольный характер [20].

М. Блэк считает, что, кроме использования метафоры для употребления слов в новом значении при отсутствии буквального выражения, с каждым словом связано определенное множество представлений, и соединение двух слов, относящихся к разным таксономическим классам, имеет своим результатом наложение главного субъекта на область представлений вспомогательного и тем самым более глубокое понимание характера главного субъекта. Так, называя человека волком, говорящий указывает на такие качества человека, как свирепость, вероломность и антагонистичность. При этом ученый подчеркивает, что неметафорические суждения, которыми можно было бы заменить метафору, не обладают и половиной информирующей силы оригинала [2, с. 159–169].

Д. Дэвидсон углубляет эту мысль, говоря о том, что метафора, заставляя увидеть один объект в свете другого, влечет за собой прозрение, при этом метафора употребляется в сферах, не являющихся пропозициональными и конечными, а открытых для интерпретации [3, с. 190–191]. Метафора является актом познания, примером коммуникативного использования действительности [6, с. 12–13], т. е. декларацией собственного видения объекта.

М. Минский, описывая наложение множеств представлений, относящихся к разным объектам в терминах фреймов, называет его одним из самых могущественных инструментов мышления, поскольку это дает увидеть один предмет в свете другого и применить знания и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области [7, с. 291]. Таким образом, изучение метафоры имеет самые широкие перспективы, позволяя не только раскрывать содержание мысли, но ее направление, выделяя базисные понятия, используемые как основание для определения остальных.

Раскрывая специфику метафорического осмысления действительности, Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на то, что метафора, под-

черкивая одни характеристики объекта, затемняет другие, например, осмысление спора в терминах войны затушевывает его возможности как взаимодействия в поиске общей истины [19, с. 12]. Как отмечает Э. Кассирер, то, что не имеет имени, не существует в языке и игнорируется говорящими, а вещи, названные одинаково, кажутся схожими [17, с. 95], что позволяет отнести метафору к примерам языковой относительности в ее трактовке А. Вежбицкой: языковое выражение направляет наше восприятие определенным образом при том, что влияние языка не является абсолютным и может быть преодолено при необходимости [21, с. 5].

Однако отметим, что преодоление сложившихся способов выражения, в сущности, является созданием новых метафор, являясь вотчиной поэтов, писателей или философов, и поэтому носители языка в подавляющем большинстве случаев используют существующие способы осмысления и выражения, и, следовательно, относительность способов мышления, выражаемая в культуроспецифичных метафорах, есть неоспоримый культурный факт.

Указанная выше прерогатива на создание новых метафор продиктована не пессимизмом в отношении возможностей наивного носителя языка к созданию новых средств выражения, а спецификой коммуникации, которую Р. Келлер выразил в формулировке статических и динамических правил языка, где первые способствуют устойчивости имеющихся способов общения, а вторые — их изменению. К первым относятся максимы (1) «говори так, чтобы тебя поняли» и (2) «говори так, чтобы признали твою принадлежность к определенной группе. Ко вторым относятся (1) «говори так, чтобы на тебя обратили внимание», (2) «говори так, чтобы тебя не признавали относящимся к группе», (3) «говори забавно, остроумно и т. п.», (4) «говори особенно вежливо, лъстиво, привлекательно и т. п.» и (5) «говори так, чтобы это не стоило тебе ненужных усилий» [4, с. 182–183]. Мы можем согласиться, что максимы второй группы являются маргинальными и потому не оказывающими большого внимания на коммуникацию. Следовательно, коммуникативное взаимодействие как такое предполагает преимущественное использование устоявшихся образцов.

Возвращаясь к освещению и затемнению как характерному свойству метафоры, отметим, что метафора здесь сродни познанию как таковому. Ф. Уилрайт сообщает, что свет является наиболее распространенным архетипическим символом, характеризующим познание, где знание

уподобляются визуальному восприятию вещей [11, с. 100–101]. Таким же образом метафорическое осмысление как раскрытие одних и умолчание других характеристик есть установление границ познания. Перефразируя метафору Х. Ортеги-и-Гассета [8, с. 72], можем сказать, что метафора делает возможным оперировать ментальными объектами.

Некоторые ученые противопоставляют метафору и рациональность как разные направления когниции. Так, Э. Кассирер противопоставляет два способа осмысления действительности — логический (дискурсивный), опирающийся на выделение различий, и метафорически-языковой, основанный на концентрации чувственного опыта [17, с. 89], однако В. Порус справедливо отмечает, что метафора и рациональность обладают общими функциями, что и объясняет их сосуществование в мышлении и делает различными, но равноправными инструментами понимания [9, с. 136].

Приводя многочисленные примеры метафоризации человеческого восприятия, Дж. Лакофф и М. Джонсон делают вывод, что метафорическое восприятие действительности носит такой же базовый характер, как и осязание, слух и зрение, поскольку метафоры дают возможность восприятия большей части окружающей действительности [19, с. 239]. О. И. Тарасова называет метафору наиболее богатой из человеческих потенций, связанной с открытием бытия человека в мире и обеспечивающей состояние переводимости одного опыта в терминах другого, что, как подчеркивает ученый, является естественным для мыслящего сознания состоянием динамической открытости миру [10, с. 29–30].

Следовательно, концептуальная метафора является одним из двух основных механизмов образования понятий, в котором прослеживается специфика их осмысления, выражаемая в соединении двух или более сфер опыта и имеющая культурно обусловленную парадигму, включающую выделение определенных характеристик объекта. Это делает концептуальную метафору богатым источником для раскрытия особенностей менталитета во всем историческом диапазоне письменного периода, обладающего достаточно большим объемом текстов.

Как показывает опыт, исследование концептуальной метафоры позволяет раскрыть следующие особенности культурно-исторического контекста. Так, предметом рассмотрения может быть динамика образного осмысления концепта, проявляемая в изменении соотношения количества метафор, структурирующих данный кон-

цепт. Исследование истории ценностного осмысления категории времени в британской лингвокультуре позволило выделить нескольких ракурсов: изменение количества маркеров метафоры, изменение частотности контекстов с исследуемой метафорой, изменение смысловой разработанности концепта, закрепление определенных маркеров в лингвокультуре на фоне спорадического характера их появления, обусловленного общественной природой языка. При этом были выделены инвариантные доминанты ценностного осмысления — понятия «расходование» и «утрата», и показатели эволюции — изменение количества характеристик ценного объекта, экстраполируемых на единицы времени [12].

Работа с большими массивами статистических данных позволяет делать обоснованные выводы относительно существования парадигм осмысления абстрактных понятий, характерных для определенных периодов истории культуры. Например, исследование специфики репрезентации категории времени в эпоху Просвещения показало, что имеются типологические сходства статистических показателей концептуальных метафор, к числу которых относятся деперсонализация, статичность и рациональность использования данной категории. Рассматриваемая парадигма отделяет персонифицированное изображение времени в XVII в. от естественно-природного понимания времени в XIX в. [15]. Необходимо заметить, что парадигмы осмысления абстрактных сущностей могут характеризовать различные эпохи, так и быть в одно и то же время моделями, конкурирующими и представляющими разные субкультуры [13].

Также предметом рассмотрения может послужить динамика обращения к метафорическим контейнерам в лингвокультуре, т. е. концептов, которые используют представители культуры в осмыслении других концептов. Удачной попыткой такого исследования можно считать изучение динамики функционирования контейнера «cost» (стоимость, стоять), что позволило выделить восемь категорий, ценность которых декларируется в роли эквивалентов денежных средств, позволяющих оценивать идеальные и материальные феномены в терминах объектов, относящихся к указанным категориям. Динамика функционирования исследуемого

контейнера показала, что наибольшей значимостью он обладал в эпоху Просвещения, что можно объяснить тенденциями рационализации познания [16].

Понятие метафорического контейнера, позволяющее формализовать теорию концептуальной метафоры, обладает перспективой во многих отношениях, например, как параметр словарной единицы, определяющий ее семантическую валентность и способствующий ее аутентичному употреблению. Представляет интерес исследование ключевых метафорических контейнеров культуры. Считаем, что создание словаря культурных контейнеров может представлять интерес с точки зрения как изучения культуры, так и для процесса инкультурации.

Еще одним аспектом диахронического изучения концептуальной метафоры является сопоставление способов репрезентации концепта, которые могут отражать разные тенденции в осмыслении абстрактных сущностей. Например, сравнительное изучение концептуальных метафор, представленных во фразеологических единицах с репрезентантами концепта, и семантики дериватов слова «время» позволило выявить проникновение линейного восприятия времени в русскую лингвокультуру и его наложение на циклическую модель, что может свидетельствовать о следующих ее изменениях: эсхатологизация мировосприятия и последующая дезаксиологизация категории времени [14].

Думается, что указанные аспекты исследования осмысления ментальных сущностей в истории культуры далеко не исчерпывают весь потенциал изучения концептуальной метафоры, тем более что эта, с позволения сказать, «руда» лежит на поверхности и требует операций не по ее «извлечению», а, скорее, «переработке». Метафора, представляя один из основных механизмов языкового взаимодействия, может быть использована для раскрытия специфики адаптации культурных сообществ к окружающей среде и их интеграции в единое деятельностное целое. Обилие текстового исторического материала позволяет выявлять не случайные, а закономерные данные, раскрывающие идеальную составляющую культуры, и отойти от истории вещей к истории идей, показывая, как люди ушедших веков мыслили и поступали.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 5-32.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 153-172.
3. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 173-193.
4. Келлер Руди Языковые изменения. О невидимой руке в языке / пер. с нем. О. А. Костровой. — 2-е изд. перераб. — Самара, 1997. — 307 с.
5. Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs диалогическая лингвистика // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 3: Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. — М.: ФЛИНТА, 2014. — 270 с.
6. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 480 с.
7. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс. 1988. — С. 281-309.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 68-81.
9. Порус В. Метафора и рациональность // Высшее образование в России. — 2005. — № 1. — С. 134-141.
10. Тарасова О. И. О сущности метафоры // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2010. — Т. 2, № 7-12. — С. 26-30.
11. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 82-109.
12. Федоров М. А. Образная составляющая концепта TIME: диахронический аспект. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. — 160 с.
13. Федоров М. А. Бинарность репрезентации времени в русской культуре // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2013. — № 08 (99). — С. 133-138.
14. Федоров М. А. Крестьянское понимание времени: репрезентация концепта «время» в словаре В.И. Даля // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. — 2014. — № 3. — С. 55-59.
15. Федоров М. А. Парадигма образного осмысления категории времени в эпоху просвещения в Англии // Вестник Брян. гос. ун-та. — 2014. — № 2: История. Право. Литературоведение. Языкознание. — С. 145-148
16. Федоров М. А. Осмысление материальных и идеальных объектов в терминах стоимости в период с XVII по XIX век в британской лингвокультуре // Учен. зап. Орловск. гос. ун-та. — 2014. — № 5 (61). — С. 156-159
17. Cassirer E. Language and Myth. New York. Dover Publ. Inc. 1946. 103 p.
18. Encyclopedia of Environmental Change: Three Volume Set. Editor-in-Chief John A. Matthews. SAGE Publications Ltd; 1 ed. 2014. 1496 p.
19. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by, The University of Chicago Press, Chicago, 60637 The University of Chicago Press, Ltd. London, 2003. 276 p.
20. Clair St., Robert N. Metaphor and the Foundations of The Second Generation of Cognitive (Linguistics Keynote Address, Linguistics Circle of San Antonio). Trinity University, San Antonio, Texas. 2002 [Электронный ресурс]. — URL: <http://structural-communication.com/Articles/second-generation-cogsci-stclair.html>
21. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words New York Oxford. Oxford University Press, 1997. 317 p.
22. Xygalatas D. On the Way Towards a Cognitive Historiography: Are We There Yet?. Equinox Publishing Ltd. 2015. P. 193-200 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.equinoxpub.com/journals/index.php/JCH/article/view/25885/pdf>

References

1. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metaforoy — Theory of metaphor*. Moscow, 1990. Pp. 5–32.
2. Black M. Metafora [Metaphor]. *Teoriya metaforoy — Theory of metaphor*. Moscow, 1990. Pp.153–172.
3. Davidson D. Chto oznachayut metaforoy [What are metaphors]. *Teoriya metaforoy — Theory of metaphor*. Moscow, 1990. Pp. 173–193.
4. Keller R. *Yazykovye izmeneniya. O nevidimoy ruke v yazyke* [Language changes. On invisible hand in language]. Samara, 1997. 307 p.
5. Linnell P. Dva vzglyada na prirodu yazyka: formalnaya lingvistika (s ee pis'menno-yazykovoj predvzyatost'yu) vs dialogicheskaya lingvistika [Two views on the nature of language: formal linguistics (with its writing and language bias) vs dialogical linguistics]. *Studia linguistica cognitiva. Vyp. 3. Kognitivnaya dinamika v yazykovykh vzaimodeystviyakh — Studia linguistica cognitiva. V. 3: Cognitive dynamics in language interactions*. M.: FLINTA, 2014. 270 p.
6. Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow: Moscow State University publ., 1982. 480 p.
7. Minsky M. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo [Wit and logic of the cognitive unconscious]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka — New in foreign linguistics. V. XXIII. Cognitive aspects of language*. Moscow: Progress, 1988. Pp. 281–309.
8. Ortega-i-Gasset X. Dve velikie metaforoy [Two great metaphors]. *Teoriya metaforoy — Theory of metaphor*. Moscow, 1990. Pp. 68-81.
9. Porus V. Metafora i ratsionalnost' [Metaphor and rationality]. *Vyssee obrazovanie v Rossii — Higher education in Russia*. 2005. No. 1. Pp. 134–141.
10. Tarasova O. I. O sushchnosti metaforoy [On the essence of metaphor]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tehnologii — Bulletin of Volgograd State University. Series Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2010. V. 2. No. 7–12. Pp. 26–30.
11. Uilrayt F. Metafora i realnost' // [Metaphor and reality]. *Teoriya metaforoy — Theory of metaphor*. Moscow, 1990. Pp. 82–109.
12. Fedorov M. A. *Obraznaya sostavlyayushchaya kontsepta TIME: diahronicheskij aspekt* [The figurative element of the concept TIME: diachronic aspect]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2013. 160 p.

13. Fedorov M. A. Binarnost' reprezentatsii vremeni v russkoj kul'ture [The binary representation of time in Russian culture]. *Vestnik Zabajkal'skogo universiteta — Bulletin of Zabaikalian State University*. 2013. No. 08 (99). Pp. 133–138.
14. Fedorov M. A. Krest'yanskoe ponimanie vremeni: reprezentatsiya kontsepta «vremya» v slovare V. I. Dalya [Peasant understanding of time: a representation of the "time" concept in the Dictionary by V. Dahl]. *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo universiteta — Scientific notes of Petrozavodsk State University*. 2014. No. 3. Pp. 55–59.
15. Fedorov M. A. Paradigma obraznogo osmysleniya kategorii vremeni v epohu prosveshcheniya v Anglii [The paradigm of the time category understanding in the Age of Enlightenment in England]. *Vestnik Bryanskogo universiteta. Seriya Istoriya. Pravo. Literaturovedenie. Yazykoznanie — Bulletin of Bryansk State University. Series History. Right. Literature. Linguistics*. 2014. No. 2. Pp. 145–148.
16. Fedorov M. A. Osmyislenie material'nykh i ideal'nykh objektov v terminakh stoimosti v period s XVII po XIX veka v britanskoj lingvokul'ture [Understanding the material and ideal objects in terms of value in the period from the 17th to 19th century in British linguoculture]. *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta — Scientific notes of Oryol State University*. 2014. No. 5 (61). Pp. 156–159.
17. Cassirer E. *Language and Myth*. New York. Dover Publ. Inc. 1946. 103 p.
18. *Encyclopedia of Environmental Change: Three Volume Set*. Editor-in-Chief John A. Matthews. SAGE Publications Ltd; 1 ed. 2014. 1496 p.
19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. The University of Chicago Press, Chicago, 60637 The University of Chicago Press, Ltd. London, 2003. – 276 c.
20. Clair St., Robert N. *Metaphor and the Foundations of the Second Generation of Cognitive (Linguistics Keynote Address, Linguistics Circle of San Antonio)*. Trinity University, San Antonio, Texas. 2002. Available at: <http://structural-communication.com/Articles/second-generation-cogsci-stclair.html>
21. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words*. New York Oxford, Oxford University Press, 1997. 317 p.
22. Xygalatas D. *On the Way Towards a Cognitive Historiography: Are We There Yet?* Equinox Publishing Ltd., 2015. Pp. 193-200. Available at: <http://www.equinoxpub.com/journals/index.php/JCH/article/view/25885/pdf>

УДК 81'322; 004.934; 004.912

Аспекты языковой вариативности как предмет корпусных исследований

© Мордовин Алексей Юрьевич

кандидат филологических наук, президент Иркутской региональной ассоциации переводчиков
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 36
E-mail: alexmordovin@mail.ru

В статье рассматривается статус исследований различных форм языковой вариативности (временной, жанровой и социолингвистической) в рамках корпусного подхода, тех однородных методов, которые базируются на общем принципе количественного и сравнительного аналитического исследования на основе корпусного материала. В частности, описана роль синхронных и мониторинговых корпусов в диахронических и синхронических исследованиях. Выбор текстоцентрического или антропоцентрического подхода к единице вариативности в языке предложен в качестве манифестации статистической или органической корпусной идеологии, принятой в таком исследовании.

Ключевые слова: корпус текстов, корпусная лингвистика, языковая вариативность, синхронный корпус текстов, мониторинговый корпус текстов.

Language variation aspects as object of corpus research

Alexey Yu. Mordovin

PhD, President of Irkutsk Region Association of Translators
36 Tchkalova Str., Irkutsk 664025, Russia

The article reviews the status of researches of different forms of language variation (temporal, genre-based or sociolinguistic variation) within the corpus approach, and of those homogenous methods which are based on the common principle of quantitative and comparative analytical study based on existing corpus material. In particular, the role of synchronous and monitor corpus in diachronic and synchronic research is explained. The choice of text-centered or human-centered approach to unit of variation is proposed to be viewed as a manifestation of statistic or organic corpus ideology adopted by such a research.

Keywords: text corpus; corpus linguistics; language variation, synchronous text corpus, monitor text corpus.

На поверхностном, интуитивно-понятном уровне восприятия взаимосвязь корпусов текстов с понятиями синхронии и диахронии в языке представляется вполне очевидной. Все создаваемые корпусы текстов можно разбить на две группы, которые могут иметь разные названия, но одинаковый принцип деления, а именно: на динамические и статические, иначе говоря, мониторинговые и синхронные. Исторически синхронные корпусы текстов предшествовали мониторинговым (так, например, Брауновский корпус относится к синхронным). Мониторный или статический корпус текстов представляет собой «образование, отражающее определенное временное состояние языковой системы» [1, с. 24], т. е. более или менее мгновенный снимок состояния языка. В отличие от синхронного, мониторинговый корпус наполняется непрерывно; новые тексты смешиваются с существующими и используются в анализе корпусного материала на равных условиях.

Деление корпусов текстов на мониторинговые и статические широко распространено, однако есть основания полагать, что понятие мониторингового

корпуса текстов недостаточно обосновано и синтетично. В действительности, все корпусы текстов в той или иной мере статические. Временной критерий разделения корпусов на две указанные категории не опирается на значимые категории, которые позволили бы четко разделить корпусы на две группы по продолжительности промежутка времени, охваченного корпусом. При этом вполне очевидно, что некоторые корпусы охватывают более короткий промежуток времени, чем другие. Именно такие корпусы и принято называть синхронными и противопоставлять вторым на недостаточно четких основаниях.

Можно возразить, что статический (синхронный) корпус — это корпус, который не продолжает наполняться текстами после создания, тогда как мониторинговый — продолжает, и в этом их различие. Это значительный теоретический довод, однако он приведет к тому, что статус синхронного корпуса будет присвоен всем корпусам текстов, состоящим из языкового материала прошлого, не соприкасающегося с современным периодом, что, конечно, недопустимо.

Корпус с охватом в один год будет синхронным относительно мониторного корпуса с охватом в сто лет. Однако корпус древнеанглийского языка, например, будет синхронным относительно мониторного корпуса, охватывающего древний, средний и современный этапы развития языка. Корпус с охватом 100–150 лет из числа средних веков скорее назовут синхронным, в то время как такой же корпус за XIX–XX вв. однозначно окажется мониторным. Итак, первый вывод заключается в том, что категоризация корпусов текстов в оппозиции «синхронный — мониторный» является *относительной*. Неискоренимая причина этой относительности лежит в отсутствии экзистенциального референс-объекта с абсолютными и фиксированными темпоральными характеристиками.

В терминологии наших собственных исследований такой объект в полной мере существует лишь для теоретически возможного органического корпуса текстов — корпуса текстов отдельно взятого человека. Органический корпус текстов представляет собой техническую абстракцию, которая позволяет установить линейную систему координат относительно степени соотнесенности корпуса текстов с конкретным языковым сообществом. Если идеальный органический корпус текстов — это корпус текстов, порожденных всеми носителями языка (за период жизни каждого из них и за некоторый общий период), то его противоположность — идеальный статистический корпус текстов — это полностью репрезентативная выборка из идеального органического корпуса текстов, имеющая разумный размер с точки зрения эргономики человеческого тела и разума. Идеальный статистический корпус текстов также является технической абстракцией, а все реально существующие корпуса текстов, в зависимости от идеологии корпуса, выбранной составителями, тяготеют к одному или другому полюсу.

Названия синхронного и мониторного корпусов могут казаться «говорящими», но они малоинформативны в отношении пригодности одного типа корпусов текстов для синхронических, а другого — для диахронических исследований языка. Это ведет к распространенному заблуждению, что мониторные корпуса текстов предназначены для диахронических исследований, т. е. для анализа появления, развития или исчезновения тех или иных языковых явлений на основании данных об их частотности в различные отметки времени.

Мониторный корпус текстов действительно имеет определенные преимущества в плане диа-

хронических исследований перед синхронным (не абсолютные, а относительные преимущества, применимо ко второму корпусу в данной оппозиции), однако они заключаются совсем в другом. В силу отсутствия ограничений на размер и относительно бессистемного, в сравнении с синхронным корпусом, характера включения текстов в мониторный корпус, при достижении некоторого значительного размера, мониторный корпус способен обеспечить более высокую степень свободы от проекции языковой картины мира составителей, а значит — более высокую репрезентативность, универсальность и более очевидную соотнесенность с реальными дискурсивными сообществами носителей языка.

Однако в качестве материала для диахронических исследований, мониторный корпус — это не более, чем плохой синхронный корпус. Временное окно такого корпуса не определяется четко, рамка выборки отсутствует, социолингвистические метаданные не обязательно учитываются. Воспроизводимость результатов при сравнении с более свежими данными низкая по причине постоянного обновления корпуса, но главное — мониторный корпус не предполагает возможности убедительного статистического обоснования полученных выводов, так как в нем невозможно сравнение результатов, полученных при анализе идентичных наборов текстов, собранных идентичным образом в два разных момента времени.

Итак, второй вывод заключается в том, что подлинное различие между мониторным и статистическим корпусом текстов заключается не во временных рамках, а в наличии или отсутствии *воспроизводимой* в будущем программы (модели, рамки, процедуры) отбора текстов. Может возникнуть закономерный вопрос: чем, в таком случае, вообще мотивировано существование мониторных корпусов текстов?

Во-первых, мониторный корпус выступает непосредственной проекцией классической бумажной библиотеки в сферу корпусной лингвистики. Наличие такого референс-объекта в реальном мире обосновывает и существование его преобразованной и структурированной электронной версии. Во-вторых, как уже было отмечено, мониторный корпус по определению в большей степени удовлетворяет критерию объективной соотнесенности корпуса, т. е. репрезентативности корпуса для популяции (выбранного сегмента популяции) или типа текстов (регистра, жанра). Однако, объективная соотнесенность корпуса с релевантными дискурсивными сообществами (сообществом) находится в диалектическом

противоречии с критерием наличия четко воспроизводимой *модели выборки* текстов в корпусе.

Эта модель представляет собой одно из методологически уязвимых мест синхронного корпуса и подвергается критике, так как характеризуется набором недостатков, повышающих субъективный *ad hoc* статус корпуса:

1) применяется несвободная от личностно-обусловленных искажений на всех уровнях иерархическая категоризация языка, т. е. первичная дискретизация цельного дискурса на набор жанров (регистров, модусов) в соответствии с герменевтическими установками составителя; а также категоризация текстов на соответствие жанрам и, наконец, необходимость адаптации первичного набора жанров при повторном применении рамки выборки во время создания идентичного синхронного корпуса по состоянию на другой момент времени;

2) рамка выборки является инструментом, характерным для статистической идеологии корпусов текстов, иначе говоря, представляет собой тексто-ориентированный, а не личностно-ориентированный инструмент для обеспечения репрезентативности корпуса текстов. Поскольку при этом из процесса отбора текстов исключаются объективные социолингвистические критерии, уступающие место дискурсно-контекстным критериям, то на включенные в рамку выборки (и, соответственно, в корпус) тексты частично проецируются языковые картины мира составителей. Это урезает богатство употребления языка, обусловленное социальной стратификацией дискурса, и, следовательно, снижает объективную репрезентативность корпуса.

Для синхронных исследований языка различие мониторинговых и статических корпусов текстов нецелесообразно, так как нивелируется телеологически: пригодность корпуса для целей исследования определяется исключительно тем, насколько временной охват корпуса соответствует целям исследования. Для диахронических исследований языка, строго говоря, пригодна только система из двух и более синхронных корпусов с идентичной рамкой выборки. При этом так называемые мониторинговые корпусы текстов также могут быть пригодны для диахронических исследований (что и служит причиной возникающей время от времени путаницы), но лишь в рамках иллюстративной, герменевтической, т. е. не статистически обоснованной методологии, которая является периферийной для корпусной лингвистики в целом.

В этом случае взамен недоступной для мониторинговых корпусов статистической обоснованно-

сти, характерной для синхронных корпусов, диахронический анализ появления, развития, существования или угасания грамматических или лексических явлений в языке на основании одного или нескольких мониторинговых корпусов (несравнимых между собой ввиду отсутствия рамки выборки) дает обильный иллюстративный материал: физический размер условно мониторинговых корпусов, как правило, значительно выше, чем у синхронных. Это связано с более свободными критериями для включения текстов в корпус, а, следовательно, с большим исходным полем для поиска текстов и с более широкими возможностями автоматизации процесса набора корпуса.

Следовательно, вопрос выбора между мониторинговыми и синхронными корпусами (точнее парами синхронных корпусов) в целях диахронического анализа языковых явлений не содержит оценочной составляющей. В зависимости от целей исследования его автор выбирает некоторое приемлемое промежуточное значение между двумя взаимоисключающими принципами — объективности и достаточности. Тогда как исследование на основе синхронных корпусов привлекают статистической обоснованностью, они же осложняются ограниченностью выбора языков, нехваткой корпусов для исследования, скромным объемом полученной выборки и присутствием интенциональности составителей. Напротив, применение мониторинговых корпусов дает гораздо более широкий выбор языков, корпусов, больший объем иллюстративного материала для интерпретации, более высокую объективность корпусных данных, однако не обеспечивает столь же высокий уровень статистической обоснованности полученных выводов, как в случае с парами синхронных корпусов, а также вовлекает в исследование интенциональность самого исследователя как интерпретатора. Приведенные соображения позволяют обосновать, почему существующее разграничение мониторинговых и синхронных корпусов по хронологу текстового материала не приводит к существованию двух противопоставленных объемов диахронических исследований.

Существуют и внутренние причины, по которым не только деление корпусов на синхронные и мониторинговые, но также и исследований на синхронические и диахронические, не слишком продуктивно применимо к корпусному методу. Дело в том, что корпусная методика направлена на идентификацию и количественное определение языковой вариативности путем сравнения частотности языковых явлений. С точки зрения применения корпусных методов не возникает

существенных различий, кроме технических, в том, исследуется ли диахроническое изменение в языке или текущая вариативность в употреблении языка. Кроме того, если исходить из хорошо известного факта, что диахронические изменения наступают постепенно, всегда существует условное временное окно, в котором существует некоторая пропорция наступающих изменений и старой традиции. Априорное деление корпусов на мониторные и синхронные не будет иметь ценности для результатов исследования, где корпус выступает лишь в качестве аналитического инструмента, позволяющего идентифицировать языковые факты и количественно оценить их взаимоотношения. Вывод о синхронности или диахроничности наблюдаемого явления остается за исследователем, причем этот вывод не может быть сделан без оглядки на представленный в корпусе текстовый материал и имеющиеся сведения относительно общей истории развития общества и развития языка за соответственный период времени.

В качестве иллюстрации диахронических исследований на материале старых текстов можно привести соответствующие работы [7, 5, 4]. Используемые в них корпуса текстов являются скорее мониторными. Среди исследований диахронической вариативности современного языка следует особо упомянуть о моноязыковых/межвариантных исследованиях на двух парах синхронных корпусов (Brown/Frown и LOB/FLOB), так называемая «Брауновская семья корпусов» [6, с. 9], а также межязыковые проекции этих исследований путем создания синхронных корпусов на других языках по Брауновской модели [10]. Наиболее популярными предметами исследования в таких работах являются вариативность частеречного состава языка, проникновение элементов устной речи в письменную, эволюция модальных глаголов и конструкций, грамматикализация лексических конструкций.

Среди синхронных исследований внутриязыковой вариативности особо следует отметить предложенный Д. Бибером [3] метод многомерного подхода. Д. Бибер выступил с предположением, что противоречащие выводы, полученные в ходе корпусных исследований устной и письменной речи, а также в ходе сравнения разных регистров речи, связаны с недостаточным количеством языковых категорий, учитываемых в анализе, а также отсутствием четкого обоснования для выбора именно указанных категорий в качестве диагностически ценных для описания закономерностей вариативности в употреблении

языка. Ученым предложен более глубокий и всеохватывающий подход, при котором на корпусном материале анализируется очень широкий круг языковых явлений в различных регистрах. Далее, с помощью статистических методов, выполняется кластеризация (факторный анализ) результатов, обнаруженных по 67 категориям, в статистически значимые наборы (матрицы) значений параметров. Каждый из таких наборов представлял собой «измерение». Было выявлено значительное количество устойчивых измерений, поэтому и подход назывался многомерным, а характерная (статистически достоверная) совокупность значений по каждому из измерений, собственно, и выступала определением объективно существующего в корпусе (т. е. языке) класса текстов. В результате проделанной работы, Д. Бибер выделил шесть измерений, позволяющих достоверно и обоснованно определять регистры на корпусном материале. Для обеспечения сравнимости результатов с контрольными корпусами, такими как LOB, исследования с использованием многомерного подхода проводились на корпуса сходного размера и гетерогенности.

Все перечисленные избранные направления исследования синхронической и диахронической вариативности языка на основе корпусов текстов основываются на том, что *единицей вариативности* между языками, их вариантами, регистрами или в пределах одного регистра выступает отдельный текст. Такие походы тяготеют к статистической идеологии корпусов текстов. Примером доминирования органической идеологии в корпусных исследованиях можно считать социолингвистические исследования языковой вариативности, выполненные в традициях В. Лабов [8], где в качестве существенных факторов языковой вариативности исследуются различные социолингвистические параметры: гендер, национальность, социальный класс. Текстоцентрические (статистические) и антропоцентрические (органические) корпусные исследования вариативности отличаются, в первую очередь, постановкой цели исследования. В первом случае ставится задача охарактеризовать язык определенного регистра или жанра, но не индивидуально-обусловленное варьирование в рамках такого объекта. Во втором варианте исследования, корпус текстов с внешними метаданными, позволяющими идентифицировать автора по социолингвистическим категориям, используется для того, чтобы охарактеризовать язык некоторого среза общества, необязательно в пределах определенного регистра или жанра. Стоит отметить, что для успешной реализации

исследования второго типа необходимо не только наличие метаданных, но и гарантии того, что содержащийся в корпусе текст является оригинальным и принадлежит только автору без какой-либо редактуры. Количество таких текстов и корпусов априори меньше, чем корпусов с неустановленным авторством текстов или количеством авторов/редакторов, поэтому применение текстоцентрического подхода во многих случаях является единственно возможным и вынужденным.

Таким образом, различие между исследованиями вариативности, мотивированными организационной и статистической идеологиями корпуса текстов, несомненно, существует, однако не представляет собой оппозицию. В обоих случаях используется одинаковый подход и набор методов, позволяющий сделать статистически обоснованные выводы о закономерностях употребления языка в определенных регистрах или оп-

ределенными дискурсивными сообществами. Для целей нашего исследования ценность имеет понимание того, что обнаруженный в корпусном исследовании подход к единице вариативности является диагностическим критерием в отношении принятой корпусной идеологии.

Проведенный анализ позволяет заключить, что классификация корпусов текстов на синхронные и мониторинговые носит относительный и телеологический характер и не является проекцией на соответствующую пригодность корпуса текста к синхроническим или диахроническим исследованиям. Любые корпусные исследования, по существу, являются количественными и сравнительными и направлены на выявление вариативности в употреблении языка по ряду критериев: времени, регистру (жанру) или внешним параметрам ситуации или автора.

Литература

1. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. — Иркутск: ИГЛУ, 2011. — 161 с.
2. Zubov A. V., Zubova I. I. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие. — М.: Академия, 2004. — 208 с.
3. Biber D. Spoken and written textual dimensions in English: resolving the contradictory findings // *Language*. — 1988. — № 64 (4). — P. 707–736.
4. Culperer J., Kyto M. *Early Modern English Dialogues: Spoken Interaction as Writing*. — Cambridge University Press, 2010. — 504 p.
5. Hardie A., McEnery T. Corpus linguistics and historical contexts: text reuse and the expression of bias in early modern English journalism // *Corpora and Discourse — and Stuff: Papers in Honour of Karin Aijmer*, 2009. Goteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis. P. 59–92.
6. Hofland K., Johansson S. *Word Frequencies in British and American English*. — Bergen: Norwegian Computing Center for Humanities, 1982. 384 p.
7. Hundt M. The passival and the progressive passive: a case study of layering in the English aspect and voice systems // *Corpus Approaches to Grammaticalisation in English*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 79–120.
8. Labov W. Contraction, deletion and inherent variability of the English copula // *Language*. — 1969. — No 45 (4). — P. 715–762.
9. Leech G., Fallon R. Computer corpora: what do they tell us about culture? // *ICAME Journal*. — 1992. — № 16. — P. 29–50.
10. McEnery T., Xiao R. Z. The Lancaster corpus of Mandarin Chinese: a corpus for monolingual and contrastive language study // *Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC)*. Lisbon, 2004. P. 1175–1178.

References

1. Zacharov V. P., Bogdanova S. Yu. *Korpusnaya lingvistika: uchebnik dlya studentov gumanitarnykh vuzov* [Corpus linguistics: textbook for humanitarian universities]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University, 2001. 161 p.
2. Zubov A. V., Zubova I. I. *Informatsionnye tehnologii v lingvistike: uchebnoe posobie* [Information technology in linguistics: a tutorial]. Moscow, 2004. 208 p.
3. Biber D. Spoken and written textual dimensions in English: resolving the contradictory findings // *Language*. 1988. No. 64 (4). Pp. 707–736.
4. Culperer J., Kyto M. *Early Modern English Dialogues: Spoken Interaction as Writing*. Cambridge University Press, 2010. 504 p.
5. Hardie A., McEnery T. Corpus linguistics and historical contexts: text reuse and the expression of bias in early modern English journalism. *Corpora and Discourse — and Stuff: Papers in Honour of Karin Aijmer*, 2009. Goteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis. Pp. 59–92.
6. Hofland K., Johansson S. *Word Frequencies in British and American English*. Bergen: Norwegian Computing Center for Humanities, 1982. 384 p.
7. Hundt M. The passival and the progressive passive: a case study of layering in the English aspect and voice systems. *Corpus Approaches to Grammaticalisation in English*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2004. Pp. 79–120.
8. Labov W. Contraction, deletion and inherent variability of the English copula // *Language*. 1969. No. 45 (4). Pp. 715–762.
9. Leech G., Fallon R. Computer corpora: what do they tell us about culture? // *ICAME Journal*. 1992. No.16. P. 29–50.
10. McEnery T., Xiao R. Z. The Lancaster corpus of Mandarin Chinese: a corpus for monolingual and contrastive language study. *Proceedings of the Fourth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC)*. Lisbon, 2004. Pp. 1175–1178.

УДК 81'42

Экспликация говорящего-наблюдателя в художественном описании-пейзаже

© Зырянова Елена Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: lenkor75@mail.ru

В статье, посвященной проблеме субъективности в языке, рассматривается репрезентация говорящего в роли наблюдателя в такой разновидности художественного описания, как пейзаж. Выявляются особенности восприятия наблюдателем пейзажа, особенности пространственного положения говорящего-наблюдателя по отношению к наблюдаемому объекту (наблюдатель может находиться в пространстве ситуации и быть синхронным ей или может быть на некотором расстоянии от наблюдаемого объекта). Рассмотрены языковые средства экспликации говорящего-наблюдателя в художественном описании-пейзаже. Текст типа «описание» мало изучен в аспекте эгоцентричности, связь же между определенной ролью говорящего и функционально-смысловым содержанием текста вовсе не изучена, тогда как подобный подход позволяет проанализировать функционирование ролей говорящего, учитывая конкретные условия, общелогическую основу описания, характер субъекта, семантику предикатов.

Ключевые слова: говорящий, наблюдатель, художественное описание, пейзаж, субъективное восприятие объекта, пространственное положение субъекта.

Speaker-observer's explication in fictional description-scenery

Elena V. Zyryanova

PhD, A/Professor, Department of Russian and general linguistics, Buryat State University

6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the problem of subjectivity in language, the speaker's representation as the observer in the fictional description as scenery. Definite peculiarities are determined in the research: scenery perception of the observer, space location of the speaker-observer toward the object (the observer can be in the space situation and be synchronic to it or can be in some distance from the object). The article also regards language means of the speaker-observer explication in fictional description as scenery. The egocentric aspect of descriptive texts is not enough studied, but correlation between speaker's role and functional and notional content hasn't been studied yet. Whereas such an approach lets us to analyse speaker's roles functioning when definite conditions, general logic grounds of description, subject's character, predicate semantics are taken into consideration.

Keywords: speaker, observer, fictional description, scenery, the subjective perception of the object, the spatial position of the subject.

Художественное описание — это всегда зримое и всегда субъективное представление каких-либо признаков объекта. Сочетание этих двух факторов (субъективности изложения и стремления говорящего наиболее зримо представить описываемый объект) свидетельствует о наличии в описательном тексте субъекта восприятия, иначе — наблюдателя.

Во многих лингвистических исследованиях отмечается, что фигура наблюдателя возникает из семантики некоторых слов и грамматических категорий предложения. К таким словам и грамматическим категориям можно отнести, например, глаголы, имеющие в своем значении сему зримости, типа *показаться, белеть, сверкать, чернеть* и т. п., обстоятельства со значением пространственной локализованности, на-

пример, *вдали, неподалеку, справа, внизу*, и другие дейктические слова, принимающие непосредственное участие в отождествлении лиц, предметов, временных интервалов и участков пространства [1; 5; 9 и др.]. Иными словами, «говорящий, описывая в высказывании какую-то ситуацию, имеет в своем распоряжении лексические и грамматические средства, с помощью которых он маркирует наблюденность этой ситуации» [5, с. 45].

В речи типа «описание», по определению О. А. Нечаевой, «раскрываются состав, структура, свойства, качества, форма, назначение предмета и т. д. путем перечисления признаков, характерных для данного момента обстановки, картины или предмета, или вообще присущих этому объекту речи» [7, с. 20]. О. А. Нечаева вы-

деляет следующие разновидности речи типа «описание»: описание природы, описание обстановки, портрет, характеристика. Анализируя роль наблюдателя в описательном тексте, мы обратимся к анализу только одной разновидности — пейзажу, поскольку «простейший пейзажный фрагмент представляет собой описание определенного локуса, его наблюдаемых признаков, его сенсорно воспринимаемого состояния, внутренней пространственной организации, перечисление и качественную характеристику находящихся в нем предметов с точки зрения некоторого субъекта, находящегося в этом локусе, наблюдающего предметы и явления в их актуальной пространственно-временной локализованности» [10, с. 289].

Известно, что при описании природы перечисляются признаки общего вида какой-либо местности в момент восприятия. Пространственный охват синхронных составляющих предмета обязательно предполагает референцию говорящим (наблюдателем) нескольких объектов — актантов. В исследованиях отмечается, что «для описания характерно перечисление актантов, называющих предметы, существующие в определенной пространственно-временной точке. И этот ряд актантов составляет основу описательного текста, его логико-смысловое ядро» [11, с. 264].

Рассмотрим следующий пример:

Вот он снова этот белый / Город турок и болгар, / Небо синее, мечети, / Черепица крыши, базар, / Фески, зелень и бараны / На крючках без головы, / В черных пятнах под засохшим / Серебром нагой плевы. (Бунин)

Это статичное описание обстановки города представляет собой простое перечисление актантов, составляющих актантное ядро: город, небо, черепица, фески, зелень, бараны. Эти объекты существуют одновременно и названы в той последовательности, на какой останавливается взгляд наблюдателя. Частица *вот*, начинающая отрывок, ассоциируется с указательным жестом наблюдателя в данный момент, наречие *снова* акцентирует внимание адресата на том, что наблюдатель не впервые говорит об этом городе, его обстановке. Присутствие наблюдателя выражается синтаксически, поскольку этот текст состоит из номинативных бытийных предложений. Как отмечает И. И. Ковтунова, одним из наиболее существенных признаков номинативных предложений является присутствие в их семантике позиции наблюдателя [3, с. 186]. Такие предложения позволяют представить события как происходящие для говорящего «здесь и

сейчас», т. е. создают образ непосредственного восприятия. Кроме этого, «наблюденность» в данном примере выражается при помощи цветописы и деталей (например, *бараны без головы*), т. е. контекстуально.

Наблюдатель всегда занимает определенное пространственное положение по отношению к наблюдаемому объекту. Он может быть в «середине ситуации», т. е. находиться в пространстве ситуации и быть синхронным ей, как это было в описании местности у Бунина. Также наблюдатель может находиться на некотором расстоянии от наблюдаемого объекта, как в описании степи в повести Гоголя «Тарас Бульба»:

Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки, желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. (Гоголь)

Это описание природы настолько визуально представлено, что похоже на картину, написанную рукой талантливого художника. На присутствие наблюдателя указывают глаголы «состояния наблюдения» *представлялася, брызнули, сквозили, пестрела*, детали описания, краски, которыми насыщен пейзаж также маркируют «наблюденность» ситуации, поскольку цвет представляет собой субъективное ощущение, испытываемое наблюдателем благодаря зрительным рецепторам. Наблюдатель находится над описываемым объектом, что маркировано первым предложением микротемы: *Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов*. Форма несовершенного вида глагола с актуально-длительным значением предполагает наличие статичного наблюдателя, неизменность позиции наблюдателя обусловлена также единым временным планом описания. Наблюдатель не просто отмечает то, что он видит, но делает обобщение эмоционального характера (*вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном*), а затем уже перечисляет конкретные зримые детали этой картины. Важно отметить, что описание приобретает объемный характер, благодаря использованию глаголов в перфектной и имперфектной формах. Глагол *брызнули* с перфектным значением имеет ретроспективный характер, так как подчеркивает действие в прошлом с результатом в последующем (с соответствующей лексико-

семантической конкретизацией): волошки сквозили, дрок выскакивал, кашка пестрела, колос наливался. Необходимо сказать, что коммуникативная значимость описываемой ситуации усиливается посредством цветообозначений и средствами обрисовки деталей: голубые, синие и лиловые волошки, белая кашка, желтый дрок, зелено-золотой океан; тонкие, высокие стебли травы, пирамидальная верхушка дрока, зонтикообразные шапки кашки. Наблюдаемая поверхность земли имеет пространство, которое Ю. М. Лотман называет объемным [6], в тексте оно названо метафорически: зелено-золотым океаном.

Мы уже отмечали, что описание характеризуется статичностью, объект описания воспринимается говорящим за короткий промежуток времени и оттого адресату представляется в виде как бы застывшей картины (приведенные примеры подтверждают это положение). Но нередко пейзаж воспринимается наблюдателем в течение длительного времени, как, например, в следующем примере:

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясное; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. <...> Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. <...> К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сияние стоит долгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда. (Тургенев)

Это контаминированное описание, поскольку «объектом мысли и речи является предмет в широком понятии, но описывается он с точки зрения развития, изменения признаков» [8, с. 197]. Данное описание воспринимается наблюдателем в течение некоторого времени, что выражено лексически при помощи номинации разных отрезков дня: *раннее утро, около полудня, к вечеру*. Позиция наблюдателя статична, он находится «в середине ситуации» и фиксирует все изменения в природе, более того, высказывает свое отношение и дает им свою оценку при помощи различных художественных средств: эпитетов (*облака круглые высокие, золотисто-серые, с нежными белыми краями, черноватые и неопределенные* и т. д.), сравнений (*облака,*

как дым; как бережно несомая свечка, тихо мигает звезда), метафор (*алоое сияние стоит, звезда затеплится, утренняя заря разливается кротким румянцем* и т. п.). Благодаря этому адресат очень ярко, красочно, образно представляет изменения в состоянии природы в течение одного жаркого летнего дня.

Описания, развернутые во времени с фиксированной пространственной позицией говорящего часто можно встретить в художественных произведениях, и это возможно только в пейзаже, поскольку объекты описания в интерьере или портрете более статичны, и если происходят какие-либо изменения в состоянии объекта, то следует уже говорить о повествовательном характере текста [4].

Очень редко в художественных текстах встречаются описательные микротемы, в которых наблюдатель может изменять свое положение во времени и пространстве:

Места, по которым они проезжали, не могли называться живописными. Поля, все поля тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова, кое-где виднелись небольшие леса и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги... (Тургенев)

Это описание обстановки местности, наблюдаемое говорящим в разные моменты времени, по мере продвижения. Процессы с чередующимися явлениями (*поля тянулись, леса виднелись, овраги вились*), повторяющиеся союзы *и, то — то*, перечислительная интонация — все это в совокупности предполагает перемещающегося наблюдателя. Но здесь наблюдатель не является участником ситуации, что маркировано в первом предложении микротемы (*Места, по которым они проезжали*), это сторонний наблюдатель.

Позиция субъекта восприятия в описательных микротемах часто, хотя и не всегда, является точкой отсчета для выражения пространственных измерений: так, для слов *справа, слева, спереди, сзади, вверху, внизу* и т. п. понятно, что точкой отсчета является положение говорящего.

[Он отворил окно] Ночь была свежая и неподвижно-светлая. Перед самым окном был ряд подстриженных деревьев, черных с одной и серебристо-освещенных с другой стороны. Под деревьями была какая-то сочная, мокрая, кудрявая растительность с серебристыми кое-где листьями и стеблями. Далее за черными деревьями была какая-то блестящая росой крыша, правее большое кудрявое дерево, с ярко-белым стволом и сучьями, и выше его почти полная луна на светлом почти беззвездном небе. (Тол-

стой)

Субъектом восприятия и говорящим является персонаж, о пространственном положении которого можно сказать, что он находится перед открытым окном. Из описания можно выявить движение взгляда говорящего: сначала вперед, потом вниз, в стороны и вверх. Понятно, что точкой отсчета для выражения пространственных измерений объекта является сам говорящий, точнее, его положение перед открытым окном, а не окно. Ведь если говорящий изменит свое положение в пространстве, то, например, *большое кудрявое дерево, с ярко-белым стволом и сучьями* будет находиться уже не правее, а левее или перед говорящим, или позади него, в зависимости от того, какое положение в пространстве будет занимать говорящий, поскольку именно он в данной микротеме является ориентиром для выражения пространственных измерений.

Мы рассмотрели примеры, где говорящий описывает объект, основываясь на своих зрительных впечатлениях, которые являются, по словам Л.Е. Этингена, «первичным источником восприятия внешнего мира» [12, с. 263]. Особый интерес представляют собой описания, в которых говорящий воспринимает объекты действительности посредством слуха, осязания, вкуса, как, например, в следующей микротеме из рассказа И. Бунина «Первая любовь»:

В просеках бора, усталых желтой хвоей, дороги влажны и упруги. Бор душист, сыр и гулок: чей-то дальний голос, чей-то протяжный зов или отклик дивно отдается в самых дальних чащах. Просеки кажутся узки, пролеты их стройны, бесконечны, уводят своей вечерней далью. Бор вдоль них величаво-громаден, стоит темно, тесно; мачты его в верхушках голы, гладки, красны; ниже они серы, корявы, мишты, сливаются друг с другом: мхи, лишай, сучья в гнили и еще в чем-то, что висит подобно зеленоватым космам сказочных лесных чудиц, образуют дебри, некую русскую древность.

Бор, воспринимаемый наблюдателем, наполнен красками, запахами, звуками. А. Блок, отмечая эту особенность бунинского мироощущения, писал: «Так знать и любить природу, как умеет Бунин, — мало кто умеет. Благодаря этой любви поэт смотрит зорко и далеко и красочные и слуховые его впечатления богаты. Мир его — по преимуществу — мир зрительных и слуховых впечатлений и связанных с ними переживаний» [2, с. 141]. Говорящий воспринимает запахи (*бор душист*), звуки (*бор гулок; голос, зов или отклик отдается в чащах*), также он воспринимает

влажность, сырость бора посредством органов осязания. Таким образом, можно утверждать, что говорящий — не сторонний наблюдатель, он физически испытывает на себе «воздействие» бора, т. е. он является участником ситуации. Взгляд наблюдателя скользит сначала вперед и вдаль,вширь; потом — сверху вниз. Говорящий активно использует эмоционально-оценочную лексику, причем слова положительной оценки переплетены со словами отрицательной характеристики: бор *величаво-громаден* (простор, необъятность), но он же *стоит темно, тесно*; деревья (в тексте поэтическое «мачты») *голы, гладки, красны*, но они же *серы, корявы, мишты*.

Приведем еще пример экспликации говорящего-наблюдателя через высказывания, в которых в восприятии участвуют несколько рецептов сразу.

Зеленой, кудрявой смушкой, зеленым каракулем кажется издали густой лес, покрывающий горные скаты против аула. В лесу кто-то жжёт костер, голубой дымок далеко тянется над зеленой смушкой, и его пряный запах мешается с миндальной свежестью леса. (Бунин)

Говорящий, воспринимая новый для него фрагмент действительности, оценивает его, основываясь на зрительных, обонятельных и осязательных ощущениях. В данном примере все сенсорные оценки даются по сходству, для чего привлекаются экзотизмы, передающие колорит местности: лес похож на *зеленую смушку, зеленый каракуль*; запах дыма характеризуется как *пряный*; говорящий ощущает *миндальную свежесть леса*.

Таким образом, говоря об особенностях экспликации наблюдателя в художественном описании-пейзаже, можно констатировать следующее:

1) наблюдатель всегда занимает определенное пространственное положение по отношению к наблюдаемому объекту и это положение почти всегда неизменно, хотя иногда можно встретить примеры пейзажных описаний с перемещающимся наблюдателем;

2) говорящий-наблюдатель воспринимает пейзаж очень быстро (и адресату этот пейзаж представляется в виде застывшей картинки), но также нередко встречаются примеры контаминированного описания, когда пейзаж воспринимается в течение длительного времени;

3) позиция говорящего как субъекта восприятия в описании-пейзаже часто является точкой отсчета для выражения различных пространственных измерений: лево-право, верх-низ и т. д.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лингвистике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. — Вып. 28. — М., 1986. — С. 5–33.
2. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. — М.; Л., 1962. — Т.5. — 799 с.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. — М.: Наука, 1986. — 208 с.
4. Корпусова Е. В. Прагматический аспект роли говорящего в функционально-смысловых типах речи «описание» и «повествование»: дис. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2003. — 155 с.
5. Кравченко А. В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Изв. РАН. Сер. лит и яз. — 1993. — № 3. — С. 45–55.
6. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. — М.: Просвещение, 1988. — 352 с.
7. Нечаева О. А. Типы речи и работа над ними в школе: учеб. пособие. — Красноярск, 1989. — 166 с.
8. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. — 261 с.
9. Падучева Е. В. Статьи разных лет. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 736 с.
10. Сидорова М. Ю. Грамматическое единство художественного текста (проза и поэзия): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2000. — 485 с.
11. Хамаганова В. М. Семиотические свойства текстов типа «описание» и «повествование» // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование». — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — С. 247–283.
12. Этинген Л. Е. Страна Анатомия. — М.: Советская Россия, 1982. — 288 с.

References

1. Апресян Ю. D. Deixis v lingvistike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world]. *Semiotika i informatika — Semiotics and informatics*. Vol. 28. Moscow: 1986. Pp. 5–33.
2. Block A. *Poln. sobr. soch. v 8 tomach* [Complete Works in 8 volumes.]. Moscow, Leningrad, 1962. Vol. 5. 799 p.
3. Kovtunova I. I. *Poeticheskij sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow, 1986. 208 p.
4. Korpusova E. V. *Pragmaticheskij aspekt roli govoryashchego v funkcional'no-smyslovyykh tipakh rechi "opisanie" i "povestvovanie": dis. ... kand. filol. nauk* [Pragmatic aspect of speaker's role in functional types of speech «description» and «narration»: PhD diss.]. Ulan-Ude, 2003. 155 p.
5. Kravchenko A. V. K probleme nablyudatelya kak sistemoobrazuyushchego faktora v yazyke [On the problem of the observer as a system factor in language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka — Proc. Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*. 1993. No. 3. Pp. 45–55.
6. Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': uchebnoe posobie* [In the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol. Teachers' book. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 352 p.
7. Nechaeva O. A. *Tipy rechi i rabota nad nimi v shkole: uchebnoe posobie* [Types of speech and work on them in the school: training manual]. Krasnoyarsk, 1989. 166 p.
8. Nechaeva O. A. *Funktsional'no-smyslovyye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie)* [Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning)]. Ulan-Ude, 1974. 261 p.
9. Paducheva E. V. *Stat'i raznykh let* [Articles of different years]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2009. — 736 p.
10. Sidorova M. Ju. *Grammaticheskoe edinstvo hudozhestvennogo teksta (proza i poeziya): dis. ... d-ra filol. nauk* [Grammatical unity of fiction (prose and verse): DSc diss.]. Moscow, 2000. 485 p.
11. Khamaganova V. M. Semioticheskie svoystva tekstov tipa "opisanie" i "povestvovanie" [Semiotic features of texts «description» and «narration»]. *Lingvistika teksta: konstatiruyushchie teksty tipa "opisanie" i "povestvovanie" — Linguistics of texts: contrast texts «description» and «narration»*. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2011. Pp. 247–283.
12. Etingen L. E. *Strana Anatomiya* [Country Anatomy]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1982. 258 p.

УДК 81'373.227

Эпонимы-космонимы в международной терминологической номинации

© Михайлова Ирина Станиславовна

аспирант кафедры немецкого и французского языков Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета.

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16

E-mail: mikhaylovaira@mail.ru

В статье рассматриваются вторичные номинации космонимов, образованных от различных категорий онимов, как единичных, так и множественных. Выявлена необходимость возникновения у слов дополнительных номинативных функций. Дано конкретное определение вторичной номинации — это ресурс языковой экономии, способ привлечения уже известных единиц плана выражения для обозначения новых значений и оттенков знаний. Подробно описана эпонимизация имен собственных на примере 80 слов – названий небесных объектов. Приведенные в статье космонимы были разграничены по определенным критериям: космонимы-мифонимы, космонимы-антропонимы, космонимы-поэтонимы, космонимы-топонимы, космонимы от гибридных названий, названия-посвящения. Данные группы космонимов переходят в разряд омонимов, т. е. в другое семантическое поле. Рассмотрен переход от имени собственного в имя нарицательное для каждой определенной группы.

Ключевые слова: ономастика, вторичная номинация, эпонимы-космонимы, категории космонимов, названия планет и астероидов.

Eponyms-cosmonims in international terminological nomination

Irina S. Mikhajlova

postgraduate, Department of German and French, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University

16 Sukhe-Batora Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the secondary nomination of cosmonims formed by various types of onims, both individual and numerous. The necessity of the words nominative functions is brought out. There is a specific determination of secondary nomination: it is a language saving resource, the way of inviting the known units of demonstration to the new meanings and shades of knowledge. Eponimisation of proper names is described in details on the example of 80 words – names of celestial objects. The cosmonims used in the article are divided into different groups according to the exact criteria: cosmonims-mythonims, cosmonims-anthroponims, cosmonims-poetonims, cosmonims-toponims, cosmonims from hybrid names, dedicational names. These groups of cosmonims pass into the different semantic categories of homonyms. The transition from a proper name to the common name for each specific group is observed.

Keywords: onomastic, secondary nomination, eponyms-cosmonims, categories of cosmoniums, names of planets and asteroids.

Эпонимизация имен собственных в составе различных терминологических и номенклатурных единиц рассматривается как самостоятельный процесс, стоящий наравне с апеллятивацией, т. е. переходом имени собственного в разряд имён нарицательных, например: Ампер → ампер, Кюри → кюри. Эпоним (гр. ἐπονομαζω ‘получать имя от чего-либо’, ἐπώνυμος ‘дающий чему-л. свое имя; тот, именем которого что-л. названо’) – лицо, имя которого послужило для образования любого другого онима. Например: князь Ярослав → топоним Ярославль, ученый Коперник → селеноним Коперник, прозвище Сапожник → фамилия Сапожников и т. д. [6, с. 165]. В «Большом словаре иностранных слов» находим следующее определение: «эпоним (гр. ἐπί ‘после’ + οὐρα ‘имя’) – 1. Античные боги,

герои, от имён которых происходили географические названия. 2. В древних Афинах – первый из девяти архонтов, именем которого обозначался календарный год. 3. Дающий чему-л. свое имя [1, с. 673].

Проблемы эпонимизации неоднократно рассматривались в работах российских лингвистов: А. А. Реформатского, А. В. Суперанской, В. П. Даниленко, С. Г. Дудецкой, Л. А. Динес, Н. Н. Забинковой, Н. А. Калмазовой, Е. В. Кузнецовой, Р. А. Комаровой, Е. В. Варнавской и других. В исследованиях последних десятилетий встречаются термины: эпонимный или эпонимический термин (термин, образованный от эпонима), отэпонимные названия (названия от антропонимов, топонимов, мифонимов), эпонимизированные названия [3, с. 50].

Как известно, сущность вторичной номинации — в использовании уже имеющихся лексических средств в новой для них функции наречения. Необходимость возникновения у слов дополнительных номинативных функций вытекает из самой природы языка. Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. В. В. Виноградов отмечал: «Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [2, с. 18]. Таким образом, вторичная номинация — это ресурс языковой экономии, способ привлечения уже известных единиц плана выражения для обозначения новых значений и оттенков знаний.

Рассмотрим вторичные номинации космонимов, образованных от различных категорий онимов (единичных или множественных). Материалом для исследования послужили 80 космонимов, отобранные из словаря В. Д. Рязанова «Имена и названия» [7]. Космонимы разделены нами на следующие группы в зависимости от исходного онима: 1) космонимы-мифонимы; 2) космонимы-антропонимы; 3) космонимы-топонимы, 4) космонимы-поэтонимы; 5) гибридные космонимы. Данные группы космонимов переходят в разряд омонимов, т. е. в другое семантическое поле. Ономастическая омонимия — это одинаково звучащие имена, соотношенные с объектами различных областей ономастического пространства, т. е. онимы различных категорий [6, с. 94].

Космонимы-мифонимы. Вслед за А. В. Суперанской приведем следующее определение мифонима: мифоним — имя любой сферы ономастического пространства в мифах, сказках, былинах. Имена античных героев переходят в разряд мифонимов путем обобщения значения исходного имени собственного, при котором устанавливается постоянная связь между новым нарицательным словом и представлением о конкретном античном герое [5, с. 152]. В нашем материале космонимы-мифонимы наиболее многочисленны — 54 единицы (67,5%). С момента своего открытия многие из них были известны под разными именами: др.-греч. Зевс, рим. Юпитер, др.-греч. Арес, рим. Марс и др. Явление в ономастике, когда один и тот же объект приобретает параллельные именованья, А. В. Суперанская определяет как полионимия или

многоименность [8, с. 300].

Малая планета № 1930 *Люцифер* в переводе с латинского означает ‘светоносец, носитель света’. У древних греков *Люцифер* считался сыном Авроры, а у древних римлян был прозвищем богов, ведавших небесными светилами. Это также одно из первых древнеримских названий «утренней звезды» — планеты *Венера*. Астрономические названия Древней Греции были перенесены в Древний Рим, где культы римских богов слились с культом олимпийских богов и греческих героев, что в дальнейшем вызвало их полионимию на международном уровне. Поскольку Венеру можно наблюдать вечером на западе, а утром на востоке, то греки ошибочно полагали, что это два разных небесных светила. В связи с этим Венера как вечерняя звезда была названа Фосфором ‘несущая свет’, а как утренняя звезда, предвещавшая восход солнца, — Эбсфор ‘несущая утро’. Именно Пифагор первый предположил, что это одна и та же планета. Когда эта точка зрения подтвердилась, то греки назвали планету Афродита.

Старое раздвоенное восприятие планеты Венера как вечерней и утренней звезды нашло отражение в латинских названиях по греческому образцу: Геспер или Веспер ‘вечерняя звезда’ и Люцифер ‘утренняя звезда’. Греческое название планеты Афродита было заменено на Венеру. Хотя в Древнем Риме Люцифер не имел отношения к дьяволу, но в раннехристианской литературе стал символом падшего ангела — сатаны, бога зла и тьмы, повелителя ада. В. Д. Рязанов указывает причину пейорации мифонима: Люцифер стал синонимом дьявола из-за небрежности перевода или ошибки, допущенной учеником Доната святым богословом Иеронимом (342–419 гг. или 420 г.) при переводе Библии с древнееврейского на латинский язык [7, с. 130]. Вергилий дает описание Люцифера в «Энеиде» — незаконченном патриотическом эпосе, состоящем из 12 книг, написанных между 29–19 гг. и опубликованных посмертно [9]:

Книга II

800: В землю любую со мной отплыть, куда захочу я.
Тою порой Люцифер взошел над вершинами Иды,
День вывода за собой. Охраняла данайская стража
Входы ворот. Наши силы уже не крепила надежда.
На плечи взял я отца и безропотно двинулся в горы.

Книга VII

590: Блещет в ночи Люцифер, больше всех любимый Веной,
Лик свой являя святой и с неба тьму прогоняя.
Матери, встав на стенах, провожают взором тревожным
Облако пыли и в нем горящие медью отряды.
Мчит напролом по кустам, сократить стараясь дорогу,...

Последняя, девятая планета *Плутон* была открыта 18 февраля 1930 г. американским астрономом Клайдом Томбо по расчетам другого американского астронома Персиваля Ловелла (1855–1916), который в 1915 г. вычислил ее орбиту. Принятое название планеты Плутон содержит два значения: 1) инициалы Персиваля Ловелла — П. Л., предсказавшего ее открытие; 2) традиционно сохраняет принятый в астрономии мифологический ряд имен богов в системе больших планет. В древнегреческой мифологии Плутон — одно из имен бога подземного мира, владыки царства мертвых Аида и земных недр. Он олицетворяет отдаленное и темное царство, и его вполне можно сравнить с самой удаленной из планет, на которой царит вечная ночь. В 1978 г. у Плутона обнаружен спутник, названный Харон.

Уран — седьмая по порядку от Солнца планета Солнечной системы, открытая в 1781 г. английским астрономом Вильямом Гершелем (1738–1822). По предложению немецкого астронома И. Э. Боде (1747–1826) планета названа именем первого верховного божества Неба в древнегреческой космогонической мифологии — Урана. Этим была нарушена латинская традиция присвоения наименований планетам, которые ранее носили имена только римских богов (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн). Причиной тому стало то обстоятельство, что в римской мифологии не оказалось бога, соответствующего греческому богу Неба Урану. Уран был первой планетой, открытой при помощи телескопа, так как находится на пределе видимости простым глазом. Уран относится к числу планет-гигантов, по диаметру он в 4 раза больше Земли. Интересен тот факт, что во время Великой Отечественной войны «Уран» — кодовое наименование Сталинградской наступательной операции в 1942–1943 гг., целью которой было окружение и разгром фашистской группировки под Сталинградом. «Уран» предусматривал нанесение глубоких охватывающих ударов по флангам вражеской группировки, сходящихся в направлении на Калач. При вторичной номинации сохраняются как первостепенные, так и второстепенные признаки, что позволяет сохранить образность.

Космонимы-антропонимы. Из 80 космонимов эта группа включает 20 единиц (25%). Они мимическому пространству, которое отличается чрезвычайной широтой и разнообразием входящих в его сферу единиц именования, присуща культурная непрерывность, определяющаяся связью имен, созданных людьми разных культур

и времен. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации. Показателем актуальности имени собственного является его использование как хорошо известного носителям языка при сопоставлении с объектами другой культуры. Практический материал свидетельствует о том, что в разряд вторичных космонимов входят в основном имена известных людей и названия крупных географических объектов, которые, безусловно, присутствуют в культурном тезаурусе как в российском масштабе, так и международном, которые, тем самым способны вызывать совершенно определенные ассоциации [4, с. 127].

Юрий Алексеевич Гагарин (1934–1968) — первый космонавт Земли, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза за первый полет в космос 12 апреля 1961 г. В память о Ю. А. Гагарине его имя присвоено: 1) в 1968 г. г. Гжатску — районному центру в Смоленской области; 2) в 1974 г. поселку в Джизакской области в Казахстане с присвоением ему одновременно статуса г. Гагарина. В нашем материале *Гагарин* — астероид № 1772 (1973 г.), а также кратер на обратной стороне Луны в южном ее полушарии. С диаметром 261,83 км он является одним из крупнейших кратеров Луны. О международном значении подвига Ю. А. Гагарина свидетельствует то, что мемориальное название кратера было официально утверждено 5 августа 1970 г. резолюцией № 8 Международного астрономического союза на XIV Генеральной ассамблее МАС в Брайтоне (Великобритания). Как известно, мемориальные названия свидетельствуют о наличии социально-исторической и идеологической коннотации во вторичной номинации.

Колумбия — небольшой астероид № 327 главного пояса, который принадлежит к светлomu спектральному классу S. Его открытие состоялось 22 марта 1892 г. благодаря французскому астроному Огюсту Шарлу в обсерватории Ниццы. Астероид назван в честь Х. Колумба, испанского мореплавателя и первооткрывателя Америки и приурочен к 400-летию открытия Америки. Интересен тот факт, что названия астероидов и небесных тел существуют только в женской форме. Старое «правило женского рода» действует в новых астероидных именах. Сейчас астрономы к названиям малых планет специального окончания женского рода не прибавляют, однако предпочитают избирать для этих названий вторичные топонимы, которые

уже имеют конечное *-а* или *-ия*. Союзные и автономные республики бывшего СССР, давшие свои названия астероидам, имеют окончание женского рода в самой своей форме: *Армения* (780), *Латвия* (1284), *Карелия* (1391), *Эстония* (1541), *Украина* (1709). Хороним Узбекистан, не имеющий женского окончания, в астероидном имени получил форму *Узбекистания* (1351). Грузия вошла в списки малых планет под своим старинным именем *Картвелия* (781), что соответствует ранним традициям в использовании географических названий для названий небесных объектов [10].

Космонимы-топонимы. Омонимия в космонимике развивается в сторону именованья объектов небесной сферы хорошо известными названиями крупных экономических центров планеты Земля. При этом переносе первоначальная семантика названий оказывается несущественной, тогда как развивающиеся коннотации приобретают первостепенное значение. В нашем материале лишь 3 (3,75%) оттопонимических космонима.

Киев — типичный астероид главного пояса был открыт 28 августа 1973 г. советской женщиной-астрономом Тамарой Смирновой в Крымской астрофизической обсерватории. Мотивом именованья в данном случае послужила знаменательная дата — астероид № 2171 был открыт накануне 1500-летия Киева [11]. Метеорит *Горловка* назван по месту его находки — г. Горловки в Донецкой области на Украине. Город назван в 1932 г. по фамилии горного инженера Петра Николаевича Горлова — основателя первой каменноугольной шахты.

Космоним-поэтоним. В словаре В. Д. Рызана обнаружен лишь один пример (1,25%) данной категории космонимов — *Дульцинея*, хотя имена литературных персонажей часто подвергаются эпонимизации и относятся к характеризующим типам апеллиативации: полной (гаврош, дон-кихот) или частичной (Гамлет). Малой планете № 571 было присвоено астрономами имя литературной героини романа «Хитроумный

гидальго Дон-Кихот Ламанчский» испанского писателя Мигеля де Сервантеса. *Дульцинея* (лат. *Dulcinea*) — это сравнительно небольшой астероид главного пояса, принадлежащий к редкому спектральному классу R. Астероид был открыт 4 сентября 1905 г. в обсерватории Хайдельберг немецким астрономом Полем Гётцом [12].

В практическом материале есть гибридное название — это аббревиатура, состоящая из сочетаний начальных частей слов. *Вега* — наименование научной программы, технического проекта и межпланетных станций для исследования планеты Венера и кометы Галлея, осуществленные в СССР в 1984–1986 гг. Наименование произошло от сокращенных начальных названий проекта «**ВЕ**(нера) и кометы **ГА**(ллея). Комета носит имя английского астронома и геофизика Эдмунда Галлея (1656–1742), который правильно предсказал очередное появление этой кометы в 1758–1759 гг., после наблюдения ее последний раз в 1682 г. Галлей научно доказал периодичность возвращения этой большой и яркой кометы к Солнцу через 76 лет. В 1896 г. состоялось очередное такое появление кометы Галлея.

Названием-посвящением является *Эсперанто* — астероид № 1421 в честь самого распространенного искусственного языка, созданного в 1887 г. польским врачом-офтальмологом Лазарем Заменгофом (1859–1917). Доктор Эсперанто (*Doktoro Esperanto* ‘надеющийся’) — псевдоним Л. Заменгофа. Астероид был открыт 18 марта 1936 г. финским астрономом Ирвё Вейсала в Турку (Финляндия) накануне 50-летия создания языка эсперанто.

Называние или номинация — процесс, постоянно сопутствующий познанию человеком мира. О важности небесных объектов в жизнедеятельности народов, об их тесных контактах с другими народами, свидетельствуют различные традиции и верования, мифология и фольклор. Несомненно, традиция именованья небесных тел указывает на неразрывную связь человека с его прошлым, настоящим и будущим.

Литература

1. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. — 7-е изд., испр. и доп. — М.: Центрполиграф, 2008. — 685 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. — М., 1972. — 601 с.
3. Доржиева Г. С. Апеллиативация онимов как мотивационная основа вторичной номинации (на материале французского языка) // Research writings. Humanities. Linguistics. Educology. III. — Ulaanbaatar, 2014. — P. 50–54.
4. Доржиева Г. С. Вторичные топонимы Франции и Квебека // Квебек в исследовательской практике и образовательных программах РГГУ. — М.: Изд-во РГГУ, 2007. — С. 118–135.
5. Кушеева И. Л. Лингвокультурная специфика терминов-мифонимов // Омский научный вестник. — 2012. — Вып. 5 (112). — С. 152.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — 198 с.

7. Рязанов В. Д. Имена и названия. — М.: Современник, 1998. — 284 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 368 с.
9. URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t139930.html> (дата обращения: 01.06.2015).
10. URL: <http://www.litmir.info/br/?b=188749&p=32> (дата обращения: 29.04.2015).
11. URL: <http://bsenc.ru/274/854987-2171-kiiev.html> (дата обращения: 02.04.2015).
12. URL: <http://bsenc.ru/274/987891-571-dul-sineya.html> (дата обращения: 22.03.2015).

References

1. *Bol'shoj slovar' inostrannykh slov* / sost. A. Yu. Moskvina; 7-e izd., ispr. i dop. [The Big Dictionary of Foreign Words. The 7th edition]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. 685 p.
2. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk* [The Russian Language]. Moscow, 1972. 601 p.
3. Dorzhieva G. S. Vtorichnye toponimy Frantsii i Kvebeka [Secondary Toponyms of France and Quebec]. *Kvebek v issledovatel'skoj praktike i obrazovatel'nykh programmach RGGU — Quebec in research practice and educational problems in RSTU*. Moscow: RGGU publ., 2007. Pp. 118–135.
4. Dorzhieva G. S. Appellyativatsiya onimov kak motivatsionnaya osnova vtorichnoj nominatsii (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Appellativisation of onyms as motivational basis of secondary nomination (on a material of French language)] — *Research writings. Humanities. Linguistics. Educology. III*. Ulaanbaatar. 2014. P. 50–54.
5. Kusheeva I. L. Lingvokulturnaya spetsifika terminov-mifonimov [Linguocultural specifics of terms-mythonyms]. *Omskij nauchnyj vestnik — Omsk scientific bulletin*. 2012. No. 5 (112). P. 152.
6. Podolskaya N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [The Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka, 1978. 198 p.
7. Ryzanov V. D. *Imena i nazvaniya* [Names and Proper Names]. Moscow: Sovremennik, 1998. 284 p.
8. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of Proper Names]. Moscow: LKI, 2007. 368 p.
9. Available at: <http://www.evangelie.ru/forum/t139930.html> (accessed June 01, 2015).
10. Available at: <http://www.litmir.info/br/?b=188749&p=32> (accessed April 29, 2015).
11. Available at: <http://bsenc.ru/274/854987-2171-kiiev.html> (accessed April 02, 2015).
12. Available at: <http://bsenc.ru/274/987891-571-dul-sineya.html> (accessed March 12, 2015).

УДК 81-139

Ассоциативное поле гидронима *Байкал* в языковом сознании молодежи г. Улан-Удэ

© Жигачева Елена Сергеевна

аспирант кафедры немецкого и французского языков Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16
E-mail: elena_zhigacheva@mail.ru

Статья посвящена анализу результатов ассоциативного эксперимента, проведенного в студенческой среде г. Улан-Удэ, цель которого — выявить и исследовать ассоциативное поле гидронима *Байкал*. Для проведения эксперимента составлена анкета и проведен опрос среди целевой группы; представлены количественные и качественные данные о респондентах (возраст, пол и образование); проведен частотный и логико-индуктивный анализ; выделены основные смысловые группы реакций; на основании семантической близости смысловые группы объединены в кластеры; осуществлена интерпретация и систематизация полученных данных; составлено ассоциативное поле гидронима Байкал (понятийные, образные и ценностные ассоциации). При изучении ассоциативного материала можно проследить, как социальные отношения моделируются в пространстве и времени, а также в четкой структурной неразрывности и зависимости от ключевого социального и геополитического объекта — озера Байкал.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт *Байкал*, понятийные, образные и ценностные ассоциации.

Hydronym *Baikal* associative field in lingual consciousness of Ulan-Ude students

Elena S. Zhigacheva

postgraduate of Department of German and French languages, Buryat State University
16 Suche-Batora Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the analysis of the associative experiment results, conducted among the students of Ulan-Ude for the hydronym *Baikal* associative field research. To conduct the experiment we composed the profile and held the survey; gave quantitative and qualitative data about the respondents (age, gender, education), had quantitative and logical analysis — determined basic groups of reactions; on the basis of semantic similarity united the reactions in clusters; interpreted and systematized the data; made the associative field of the hydronym *Baikal* (notional, figurative and evaluative associations). During the research of the associative material it is possible to see how social relations are modeled in space and time in the connection with key social and geopolitical object — Lake *Baikal*.

Keywords: associative experiment, concept *Baikal*, notional, figurative and evaluative associations.

Ассоциативный эксперимент как один из методов экспериментальной психологии и психодиагностики широко применяется в психолингвистике. Согласно Н. В. Уфимцевой, ассоциативный эксперимент способствует выявлению языковых стереотипов, специфических черт менталитета, т. е. является эффективным способом доступа к языковому сознанию человека [5, с. 65]. В топонимических исследованиях ассоциативный метод применялся в работах О. С. Сабитовой, И. С. Карабулатовой, О. Н. Минюшовой, А. В. Суперанской, Е. Л. Калининой, Г. С. Доржиевой и других. В нашей работе мы используем данные ассоциативного эксперимента как способа семантизации репрезентаций концепта, под которой мы, вслед за Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, понимаем процедуру описания, направленную на выявление смысла, значения некоторой языковой единицы [1, с. 103].

В нашем эксперименте использована методи-

ка цепного-ассоциативного эксперимента, в котором участвовали 200 студентов вузов Улан-Удэ в возрасте от 17 до 25 лет. Мы учитываем мнение Ю. Н. Караулова о том, что к этому возрасту (17–21 год) формирование языковой способности в основном завершается, представители этой возрастной группы будут составлять активное ядро общества в ближайшие 10–15 лет [3, с. 192–193]. Испытуемые отвечали на одно слово-стимул — *Байкал* для выявления как общих ассоциаций для разных этносов, так и специфики восприятия современной молодежью окружающего мира через отношение к Байкалу. Время ответа было ограничено 3 минутами. При этом мы следовали указаниям Л. А. Городецкой, согласно которым отсутствие времени на размышление приводит к появлению большого количества типичных ответов, тогда как увеличение времени приводит к большему разнообразию ответов и появлению необычных и даже

уникальных ассоциаций [2, с. 35]. В ходе эксперимента было получено 1706 слов-реакций.

На основе анализа различных методик проведения ассоциативного эксперимента нами была разработана методологическая модель описания и классификации ассоциативных реакций. Во-первых, мы провели частотный и логико-индуктивный анализ полученных данных: названные реакции были ранжированы по частотности и выделены в смысловые группы, пригодные для дальнейшей статистической обработки. Во-вторых, мы провели кластерный анализ, в ходе которого объединили слова-ассоциации на основании семантической близости в более крупные кластеры, а уменьшение исходного количества переменных позволило организовать ассоциации в наглядные структуры. В зависимости от выполняемых ассоциативных действий респондентов кластеры разделены на три основных типа реакций: понятийные (энциклопедические и этимологические), образные (метафорические и интертекстуальные) и ценностные (описательные, общечеловеческие и региональные).

Понятийные ассоциации — это обобщенно репрезентируемые в сознании носителей языка организованные совокупности существенных энциклопедических признаков объекта. В нашем материале понятийные ассоциации («*Байкал — озеро*») являются самыми многочисленными (1044 реакции, 60%), что объясняется стремлением испытуемого ответить на общий вопрос «что это?». Слово-реакция «озеро», обозначающее тип географического объекта, встречается в большинстве анкет (в среднем 82%), что подтверждает тезис А. В. Суперанской о том, что «для имени собственного основное — это соответствие с предметом» [4, с. 262–263].

Дифференцированность энциклопедических понятийных ассоциативных реакций свидетельствует о значимости уникальных многомерных характеристик озера Байкал в сознании жителей Бурятии в соответствии с установками современной региональной лингвокультуры. Отличаются частотностью реакции, отражающие уникальность Байкала в сравнении с другими водными объектами: кластер «качество воды» насчитывает 200 единиц и включает подгруппы: «чистота воды» (99 ед., 9%), «пресность воды» (62 ед., 6%) и «прозрачность воды» (39 ед., 4%). Глубина озера и крупные размеры отмечены 117 и 63 респондентами соответственно (11% и 6%), возраст Байкала выделен 49 респондентами (4,6%). Детальная параметризация Байкала как уникального географического объекта способствует дополнительному усилению аспектов ис-

ключительности и амбивалентности, в силу которых озеро является мировым достоянием ЮНЕСКО (32 ед., 3%) и чудом света (11 ед., 1%).

Детерминированность уникальности Байкала разнообразием флоры и фауны также становится культурно-значимой. Особенности фауны отметили 143 респондента (13,3%), указывая при этом как группу эндемичных видов в целом (21 ед., 2%), так и отдельные виды: омуль (57 ед., 5%), нерпа (50 ед., 5%), голомянка (5 ед., 0,4%) и другие, не встречающиеся ни в одном водоеме мира. Омуль является основным объектом промысла на Байкале, а байкальская нерпа — реликт третичной фауны, единственный представитель млекопитающих в озере и единственный в мире вид тюленя, который живет в пресной воде. Эстетическая привлекательность байкальской флоры была указана 90 респондентами (8,5%), информанты описывали таежные леса, растения Байкала, а также различные элементы байкальского пейзажа: «природа» (23), «пейзажи» (10), «вода» (10), «камни» (9), «песок» (5), «солнце» (5), «закат» (3), «тайга» (3), «туман» (3). В приведенных реакциях ассоциативный фон реципиентов сформирован через визуализацию объекта. Дополнительные энциклопедические данные о том, что Байкал является объектом многих исследований и заповедной зоной, подлежащей охране, отметили 8 и 4 респондента соответственно (0,8% и 0,3%). Указанные реакции занимают периферийное положение в ассоциативном поле концепта.

Среди ключевых географических объектов Байкальского региона наиболее частотным кластером становится «Республика Бурятия» (28 ед., 2,6%), включая реакции «буряты» и «бурятская культура». Республика Бурятия является ключевым транслятором байкальской культуры. Ряд информантов указывает на бурятскую этимологию гидронима Байкал (5 ед., 0,5%). Географический детерминизм региональной культуры также проявляется в 37 словах-реакциях, относящихся к наиболее известным географическим объектам Байкала (3,5%): остров Ольхон (15 ед., 1,4%), река Ангара (8 ед., 0,8%) и река Селенга (11 ед., 1%), которые можно назвать природными достопримечательностями озера Байкал. Названия туристических мест и баз (Байкальск, Максимиха, Турка, Байкальский прибой и др.) встречаются реже, хотя кластер «туризм» включает значительное количество реакций (37 ед., 3,5%). Возможно, данный факт объясняется отсутствием полноценной туристической инфраструктуры и предпочтением «ди-

кого туризма».

Образные ассоциации связаны с диалектическим единством чувственного и рационального в человеческом сознании. Устоявшимися метафорическими образами Байкала становятся «жемчужина» (25 ед., 16,9%) и «море» (46 ед., 28,7%) с использованием различных атрибутивов: 'священное' (14), 'Сибирское' (4), 'славное' (3). Данные образы-сигнификаты являются номинативными и используются в устной речи, СМИ, художественной литературе, а потому становятся коммуникативно-значимыми и доминантными. Интересным примером этнического самосознания является красочный образ «колыбель кочевников», устанавливающий неразрывную связь между Байкалом и проживающими в этом регионе этносами. Диапазон варьирования схожих смыслов достаточно широк, приведем такие ассоциации, как «богатырь» (3 ед., 1,9%), «шаман» (1 ед., 0,7%), «Бухэ-Батор» (1 ед., 0,7%), «дедушка» (1 ед., 0,7%). Многие респонденты подчеркивают таинственность (8 ед., 5,1%) и значимость Байкала в мировом масштабе, его называют «сердцем Сибири» (2 ед., 1,4%) и «надеждой всего мира» (1 ед., 0,7%), а также обожествляют его, называя «Богом» (1 ед., 0,7%). Источники свидетельствуют о таинственных и необъяснимых явлениях, связываемых с сильной энергетикой, чудодейственными свойствами воды и гор (6 ед., 3,8%).

Самой частотной интертекстуальной реакцией становится кинофильм «На Байкал» (15 ед., 10,7%) — романтическая комедия, выпущенная на экраны в Бурятии в 2011 г. и получившая известность на региональном уровне. Ассоциативный фон респондентов формирует также ряд других художественных произведений — песня «Славное море, священный Байкал» (5 ед., 3,7%) и гимн Бурятии «Таежная, озерная, степная...» (2 ед., 1,4%). Проникновенное начало в образах демонстрирует интегральность регионального национального самосознания, высокий уровень патриотизма и чувство неразрывной связи между понятиями Родины и Байкала. Региональное миропонимание также характеризуется значительной степенью фольклоризации: известные песни первопроходцев-казаков на Байкале (3 ед., 1,9%), легенда о Байкале и дочери Ангаре (3 ед., 1,9%) и роман М. Жигжитова «Подлеморье» (2 ед., 1,4%) признаны респондентами в качестве основных произведений о Байкале. Как известно, одним из основных качественных признаков концепта является его темпоральность, т. е. определенность временной эпохи, в которой концепт формируется и функционирует. Возможно,

именно поэтому ассоциативный поиск приводит наших респондентов к акцентированию внимания на современном художественном фильме, а не на древних легендах и преданиях, что обусловливается сильным влиянием средств массовой информации на ассоциативный фон современной молодежи.

Ценностные ассоциации проявляются в значительном количестве *описательно-оценочных* суждений, подразделяющихся на две группы: описание внешних характеристик (174 ед., 36,2%) и «характера» озера (92 ед., 17,3%). Плюрализм ценностных описаний проявляется в разнообразных реакциях, где иерархизация ценностных ориентаций происходит следующим образом: Байкал признается, в первую очередь, «красивым» (105 ед., 20, 8%), что указывает на эстетическое восприятие озера и его пейзажей. Ассоциация «холодное озеро» (44 ед., 8,5%) аргументирована: температура воды редко поднимается выше 8–10 градусов, в некоторых местах — 15 градусов. В то же самое время Байкальская земля признается солнечной, практически 300 дней в году сопровождаются солнечной погодой (25 ед., 4,7%). Интегрирующим ядром описательных ценностей «характера» Байкала становится его переменчивость: Байкал одновременно «могущественный» (38 ед., 7,5%), «спокойный» (23 ед., 4,3%) и «суровый» (17 ед., 3,2%). Возможно, такое совмещение семантически противоположных ассоциаций объясняется непостоянством погоды на Байкале, которая определяет вектор разворачивания ассоциативного фона.

Прагматизм массового сознания проявляется в наличии общечеловеческих ценностей эмоционально-психологического восприятия озера, где самым частотным кластером становится «отдых»: (140 ед., 26,7%), включающий подгруппы: 'рыбалка' (15), 'веселье' (10), 'друзья' (10), 'плавать' (10), 'шашлык' (9), 'буузы' (5), 'весело проводить время' (5), 'плов' (3), 'костер' (3), 'мангал' (3) и другие. Как следует из примеров, структура ценностного потенциала Байкала как места отдыха весьма дифференцирована: разнообразные инструментальные ценности составляют активное ассоциативное ядро. Кластеры «великий», «уникальный», «ценный» не так частотны, демонстрируя тем самым снижение востребованности гуманистических ценностей и возрастание потребительского спроса.

Современная экологическая ситуация на Байкале радикально ухудшается, многими экспертами признается критичной. Антропогенное воздействие на Байкал и его загрязнение, экологическая безопасность озера как одна из основ-

ных терминальных ценностей беспокоит 30 респондентов (5,7%), что меньше ожидаемого результата, так как средства массовой информации активно освещают происходящие в Байкальском регионе процессы, следовательно, респонденты хорошо осведомлены о насущных экологических проблемах. При этом в ответах информантов зафиксирована острая проблема последних месяцев — снижение уровня воды в озере, обсуждаемая многими политиками и СМИ (23 ед., 4,3%).

Регионально-субъективные характеристики проявляются в неразрывной связи Байкала с понятием Родина (10 ед., 1,9%), а также в оценочных характеристиках «любимый» (6 ед., 1,1%), «наш» (3 ед., 0,6%), «самый лучший» (3 ед., 0,6%). Байкал во многом является объединяющей константой духовного и социально-культурного начал в регионе, на его фоне культивируются ценности и жизненные приоритеты. Для респондентов Байкал — это светлые воспоминания из детства (4 ед., 0,7%).

Таким образом, нами рассмотрены три группы ассоциаций. Наибольшее распространение

получили понятийные и ценностные ассоциации. Респонденты стремились дать в первую очередь фактические энциклопедические знания об озере, затем свою оценку его пейзажей, климата и современной экологической ситуации. После этого информанты вспоминали образы Байкала, которые сформировались в их сознании под влиянием кинофильмов и художественной литературы, а также фольклорных традиций региона. В целом, по нашим наблюдениям, ассоциации к топониме *Байкал* выстраиваются по принципу: от общих, абстрактных, далеких от жизни ассоциаций к проявлению индивидуальных и эмоциональных переживаний, тесно связанных с ним.

Материал, полученный в результате эксперимента, представляет собой набор когнитивных признаков концепта *Байкал* в языковом сознании студенческой молодежи г. Улан-Удэ. Ассоциативный тест показал, как окружающая коммуникативная среда, в том числе тексты художественного дискурса, средств массовой информации, попкультуры и т. п., формируют ассоциативную систему наших современников.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
2. Городецкая Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Вестник Рос. коммуникативной ассоциации. — Ростов н/Д, 2002. — Вып. 1. — С. 28–37.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 368 с.
5. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — С. 65–71.

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Lingual and geographical word theory]. Moscow: Russkij yazyk, 1980. 320 p.
2. Gorodetskaya L. A. Assotsiativnyj eksperiment v kommunikativnykh issledovaniyakh [Associative experiment in communication research]. *Vestnik Rossijskoj kommunikativnoj assotsiatsii. Vyp. 1 — Bulletin of Russian Communication Association. V. 1*. Rostov-na-Donu, 2002. Pp. 28–37.
3. Karaulov Y. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and lingual personality]. Moscow: Nauka, 1987. 264 p.
4. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow: LKI, 2007. 368 p.
5. Ufimtseva N. V. Sopostavitel'noe issledovanie yazykovogo soznaniya slavyan [Comparative research of the lingual consciousness of Slavic nations]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki — Methodological problems of cognitive science*. Voronezh, 2001. Pp. 65–71.

УДК 81'373.21

Русский народный географический термин *грива* в топонимии Бурятии

© Дамбуев Игорь Александрович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: igor_dambuev@mail.ru

В статье выявляются особенности употребления русского народного географического термина *грива* на материале топонимии Бурятии. Значение образных терминов часто обусловлено географическим ландшафтом, что показано в статье на примере термина *грива*. Актуальность исследования термина автор связывает с более точным лексикографическим описанием топонимов в топонимических словарях, которые часто не учитывают явление семантического сдвига. Использование лингвогеографического подхода позволило установить, что термин *грива* употребляется в топонимии Бурятии в разных значениях. Чаще всего он употребляется в значениях 'невысокий горный хребет', 'вытянутая гряда', 'склон горы', которые распространены в Сибири и на Урале. Кроме этого, выделяется компактный ареал топонимов, где термин *грива* употребляется в значениях 'узкая полоса леса' и 'продолговатое сухое место на болоте', распространенных в севернорусских и среднерусских говорах.

Ключевые слова: народный географический термин, русская топонимия, семантика, диалектология, лингвистическая география.

The Russian geographical term *griva* in the toponymy of Buryatia

Igor A. Dambuev

PhD, Research Fellow of Department of linguistic, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
6 Sakhynovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The author reveals some semantic characteristics of the Russian geographical term *griva* in the toponymy of Buryatia. The meaning of figurative terms is often conditioned by landscape. This fact is showed in the article by the term *griva*. The relevance of the research is connected with more accurate description of place names in toponymic dictionaries which often neglected semantic shifts. Geographic approach made it possible to reveal different meanings of the term *griva* in the toponymy of Buryatia. More often it is used in the meanings 'a low chain of mountains', 'an oblong ridge', 'a flank of hill', widespread in Siberia and Urals. Besides, it has been discovered an area of place names where *griva* is used as 'a narrow strip of wood' and 'an oblong dry place on a bog' widespread in Northern and Central Russian dialects.

Keywords: popular geographical term, Russian toponymy, semantics, dialectology, linguistic geography.

Выявление и описание народной географической терминологии занимает центральное место в любом региональном топонимическом исследовании. В топонимии любой территории и языка содержится большое количество разнообразных терминов, обозначающих элементы земной поверхности, типы водных объектов, искусственных сооружений и т. д. Под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов эти термины часто могут изменять объем содержания и сферу употребления. Особенно это характерно для образных терминов, значение которых подвержено разнообразным семантическим сдвигам.

Рассмотрим особенности употребления русского народного географического термина *грива* в топонимии Бурятии, основные ареалы его распространения, а также проследим возможные пути его появления в регионе, сопоставляя ре-

гиональную топонимию с общероссийской. Актуальность исследования мы связываем, прежде всего, с более полным и качественным лексикографическим описанием топонимии Бурятии и других регионов.

Анализ топонимических словарей разных регионов свидетельствует о том, что их составители уделяют недостаточное внимание описанию географической терминологии. В словарях, описывающих преимущественно нерусскую топонимию, русские термины часто вообще остаются без каких-либо объяснений. В большинстве словарей термины сопровождаются наиболее распространенными значениями. Например, в одном из них словарная статья у топонима *Грива* выглядит следующим образом: «...название нескольких населенных пунктов ... Многие из них расположены в холмистой местности ... В основе этих топонимов народный географиче-

ский термин *грива* — «невысокая, продолговатая возвышенность» в болотистой местности, в пойме реки» [9, с. 79].

В ряде случаев в целях экономии места местные русские географические термины вынесены отдельным списком, где им также приписываются общеизвестные местные значения: «...грива — вытянутая невысокая гряда с пологими склонами, поросшая лесом; гребень горного хребта» [3, с. 137]. Из проанализированных нами словарей только в одном мы встретили дифференциацию значений термина в разных словарных статьях: «**ГРИВА**. Луг. Весной всю пойму затопят, а Гриву редко. Вот она торчит, как грива. Поэтому и назвали так. **Юморга Пильн**. [СРНГ: грива “более возвышенный участок низкого берега, идущий обыкновенно грядой”. Яросл. Новосиб.]]; «**ГРИВНОЙ ВРАГ**. **ГРИВА**. Овраг. Гривной враг, как грива лошади, был изрезан. — Крутой овраг, а от нёво, как отростки, ещё несколько овражков, как грива, вот так и зовут. **Крутой Майдан Вад**. [СРНГ: грива “склон горы”. “Вообще покатошь гор называют также гривами”. Вост.-Сиб.]]» [2, с. 276]. Несмотря на разные форматы и особенности топонимических словарей, необходимо, на наш взгляд, адекватно описывать каждый случай употребления географических терминов. Особенно это относится к Бурятии — региону, испытавшему несколько волн переселения русского населения из разных районов России.

К новизне нашего исследования отнесем ярко выраженный географический аспект. И хотя географический аспект присутствует во многих топонимических работах, и полностью соглашаясь с мнением А. В. Суперанской о том, что «прежде всего географическая среда оказывает определенное влияние на развитие человеческой культуры» [10, с. 229], добавим, что географическая среда является тем внешним фактором, который наряду с психическим, а именно — ассоциациями по сходству и по смежности, запускает механизм метасемии и способствует в результате изменению значения географического термина.

Географический аспект учитывается нами в использовании крупномасштабных топографических карт для идентификации топонимов с термином *грива* и определения типов географических объектов, в названиях которых содержатся эти топонимы. Сопоставление имен и объектов позволяет выявить закономерности в употреблении термина, что, в свою очередь, способствует достаточно точному определению значения термина. Данные лингвистических и энциклопедических словарей в целом подтвер-

ждают правильность подобной реконструкции значений термина. Использование такого лингвогеографического приема как картографирование позволяет очертить ареалы употребления тех или иных значений термина по данным топонимии и получить новый топонимический текст, который представит интерес для диалектолога, историка, этнографа, краеведа.

Русский народный географический термин *грива* имеет широкое распространение в топонимии России. По данным Государственного каталога географических названий чаще всего он встречается в топонимии Тюменской (53 раза), Новосибирской областей (38), Забайкальского (34), Красноярского краев (32), Томской области (29), Республики Бурятии (27; по авторской картотеке — 34), Алтайского края (26), Омской (20), Вологодской (15), Иркутской (15), Свердловской областей (15), Ханты-Мансийского автономного округа (14), Кемеровской (12), Ленинградской (11), Архангельской (10), Нижегородской областей (9), Пермского края (9), Республики Хакасии (9), Костромской (8), Новгородской (8), Владимирской областей (7), Республики Татарстан (6), Тверской области (6), Республики Коми (6), Псковской области (5). Таким образом, основные ареалы термина *грива* в топонимии совпадают в общих чертах с территорией распространения севернорусских и среднерусских говоров и маршрутами освоения Урала и Сибири в XVII–XVIII вв.

Основные значения термина *грива* в современном русском литературном языке выглядят следующим образом: ‘продолговатая возвышенность, невысокий горный хребет’, ‘продолговатая мель, подводная коса; продолговатая наносная гряда’ [8, с. 398]; ‘продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами, поросшая лесом’ [7, с. 347]; ‘элемент рельефа, который представляет собой невысокие, узкие, линейно вытянутые поднятия’ [1].

В Словаре русских народных говоров выделяются следующие областные значения термина *грива*: ‘высокий лес, растущий полосой’, ‘место, где кучно растут ягоды, грибы, деревья’, ‘не широкое, но длинное возвышение между двумя логами или пропастями’, ‘продолговатое сухое место на болоте’, ‘более возвышенный участок низкого берега, идущий обыкновенно грядой’, ‘длинный узкий мыс’, ‘обрывистый берег реки’, ‘склон горы’, ‘поле на возвышенности на месте выкорчеванного леса’, ‘поляна в лесу’, ‘край, грань лесорубного участка’, ‘заливной луг на острове’, ‘островок, оставшийся незатопленным

во время разлива Волги’, ‘быстрое течение на повороте реки’, ‘ряд подводных камней в порогах’ [6, с. 143].

В Словаре народных географических терминов Э. М. Мурзаева, помимо перечисленных выше значений, выделяются следующие: ‘пологий низкий увал, отделенный от другого ложбиной’, ‘низкая, некрутая, вытянутая гряда’, ‘узенькая и невысокая, длинная возвышенность, особенно на пойме реки, разделяющая ее русла’, ‘поле, пашня’, ‘горный хребет’, ‘гряда, покрытая лесом и возвышающаяся над болотами’ [4, с. 158].

Анализ речи жителей Пермского края позволил Е. Н. Поляковой сформулировать следующие значения термина *грива*: ‘возвышение на поверхности земли, имеющее продолговатую форму’, ‘вытянутая возвышенность между оврагами, ручьями, ложбинами’, ‘узкий, длинный участок леса’, ‘намытый песком узкий длинный островок на водной поверхности’ [5, с. 100–101].

Сопоставление топонимов и обозначаемых ими географических объектов позволяет говорить о том, что в Бурятии термин *грива* используется в разных значениях. Тринадцать топонимов называют небольшие хребты, представляющие собой *невысокую горную гряду с более или менее пологими склонами, являющуюся частью более крупного горного массива*, и соотносятся со значениями ‘продолговатая возвышенность, невысокий горный хребет’ [8, с. 398], ‘продолговатая возвышенность, гряда с пологими склонами, поросшая лесом’ [7, с. 347], ‘не широкое, но длинное возвышение между двумя логами или пропастями’ **Сев.-Вост., Сиб.** [6, с. 143], ‘низкая, некрутая, вытянутая гряда’, ‘горный хребет’ [4, с. 158]. Эти топонимы распространены в горных массивах Бичурского, Иволгинского, Кабанского, Прибайкальского, Селенгинского районов (*Голубичная Грива, Салзановая Грива, Березовая Грива, Осиновая Грива, Черная Грива* и др.).

Учитывая тот факт, что в регионах России термин *грива* в топонимии употребляется в разных значениях, все же можно выделить территории, где преобладают перечисленные выше значения. Обозначение термином *грива* горных хребтов и продолговатых возвышенностей наиболее характерно для Забайкальского края (*Анисимова Грива, Березовая Грива, Карпова Грива, Толстая Грива, Семеновская Грива* и др.), Красноярского края (*Аянская Грива, Большая Грива, Лиственничная Грива, Нарихтинская Грива, Проходная Грива* и др.), Алтайского края (*Бийская Грива, Веселая Грива, Долгая Грива, Лист-*

венная Грива, Становая Грива и др.), Иркутской области (*Быстринская Грива, Лиственничная Грива, Порожняя Грива, Снежная Грива, Шиманская Грива* и др.), Кемеровской области (*Бийская Грива, Катунская Грива, Становая Грива, Ожидаевская Грива, Плоская Грива* и др.), Республики Хакасии (*Грива-Атмачныххая, Грива-Краюшка, Плоская Грива* и др.). Обозначение термином *грива* продолговатых возвышенностей наблюдается в топонимии Новосибирской области (*Борковская Грива, Пеньковская Грива, Бугровская Грива, Веселая Грива, Казачья Грива* и др.), Свердловской области (*Богомоловская Грива, Высокая Грива, Грива, Еловая Грива*), Пермского края (*Аньюшинская Грива, Ставровая Грива, Чой-Грива*). В основном это территории с горным рельефом.

Три топонима в Прибайкальском районе (*Зеленая Грива, Толстая Грива, Толстая Грива*) называют отдельные горы, представляющие собой *вытянутые горные массивы*, и соотносятся с указанными выше значениями, а также со значением ‘склон горы’ **Вост.-Сиб.** [6, с. 143]. Следует отметить, что обозначение термином *грива* отдельных гор или вершин в горных массивах также характерно для перечисленных субъектов.

Совершенно другое значение термина *грива* реализуется в восьми топонимах Кабанского района (*Волчья Грива, Долгая Грива, Дровяная Грива, Каргиновская Грива, Кобылкина Грива* и др.), обозначающих урочища, которые представляют собой *узкую полосу леса посреди безлесной местности*. Значение термина в этих топонимах можно соотнести со значением ‘высокий лес, растущий полосой’ **Арх., Сев.-Двин., Яросл., Костром., Влад., Твер., Тамб., ‘роща’ Влад., Твер.** [6, с. 143].

Еще одно значение термина *грива* можно выделить в шести топонимах, также называющих урочища и расположенных в Кабанском районе (*Лесновая Грива, Лиственная Грива, Черемуховая Грива* и др.). Эти урочища представляют собой *узкую полосу растительности посреди болотистой местности*. Здесь значение термина можно соотнести с указанными выше значениями, а также со значением ‘продолговатое сухое место на болоте’ **Сев.-Двин.** [6, с. 143].

Наряду с реализацией отдельных значений термина ‘лес, растущий полосой’ и ‘продолговатое сухое место на болоте’, может происходить их совмещение. Анализ географических объектов, обозначенных термином *грива*, свидетельствует о том, что часто он употребляется для обозначения *полосы леса среди болотистой местности*. Перечисленные случаи употребления

термина преобладают в топонимии Тюменской области (*Аксенова Грива, Бугровая Грива, Дуговая Грива, Голубячья Грива, Березовая Грива* и др.), Новосибирской (*Амелькина Грива, Воронова Грива, Данилова Грива, Золотая Грива, Коршуновская Грива* и др.), Томской (*Айковская Грива, Белая Грива, Высокая Грива, Малиновая Грива, Орлиная Грива* и др.), Омской области (*Аверьянова Грива, Заливная Грива, Засеченская Грива, Кудиновская Грива, Муромцева Грива* и др.), Вологодской (*Грива, Дубовая Грива, Чистая Грива, Еловая Грива, Коровинская Грива* и др.), Свердловской (*Бисерова Грива, Данилова Грива, Зеленая Грива, Смоловатая Грива, Сухая Грива* и др.), Ханты-Мансийского автономного округа (*Горелая Грива, Долгая Грива, Зауторная Грива, Кедровая Грива, Песчаная Грива* и др.), Ленинградской области (*Борисова Грива, Высокая Грива, Гладкая Грива, Кобылья Грива, Орехова Грива* и др.), Архангельской (*Грива, Красная Грива, Шив-Грива* и др.), Нижегородской (*Большая Грива, Елевая Грива, Игониха Грива, Калинкина Грива, Липовая Грива* и др.), Пермского края (*Острая Грива, Тарапанова Грива*), Костромской области (*Белкина Грива, Красная Грива, Крестовая Грива, Низкая Грива*), Новгородской (*Болотная Грива, Остров Осиновая Грива, Темная Грива* и др.), Владимирской (*Гулливая Грива, Осиновская Грива, Золотая Грива, Сухая Грива*), Республики Татарстан (*Березовая Грива, Грива, Медвежья Грива, Татарская Грива*), Тверской области (*Белая Грива, Воеводинская Грива, Разбойницкая Грива* и др.), Республики Коми (*Грива, Грива-Лёдзи, Конда-Грива*), Псковской области (*Барская Грива, Березовая Грива, Темная Грива* и др.).

Избранная нами методология исследования позволила также выявить те значения термина *грива*, которые мы не обнаружили в топонимии Бурятии. К ним относятся: ‘обрывистый берег реки’ **Волог.** [6, с. 143], зафиксированное нами в топонимии Вологодской области (*Веселая Грива, Зеленая Грива, Исарова Грива*); ‘более возвышенный участок низкого берега, идущий обыкновенно грядой’ **Яросл., Новосиб.** [6, с. 143], отмеченное нами в топонимии Новосибирской области (*Высокая Грива*); ‘поляна в лесу’ **Новосиб.** и ‘поле на возвышенности на месте выкорчеванного леса’ **Арх., Новосиб.** [6, с. 143], выявленные в топонимии Тюменской области (*Артамохина Грива, Байтасова Грива, Белая Грива*), Новосибирской области (*Жикина Грива, Квашина Грива*), Алтайского края (*Некрасова Грива, Никулина Грива*), Омской области (*Провидошкина Грива, Поповская Грива, Чухонская Грива, Тонкая Грива*); ‘ряд подводных камней в порогах’ **Арх.** [6, с. 143], встретившееся только в Архангельской области (*Верхняя Грива, Нижняя Грива*).

В результате проведенного исследования можно сделать следующий вывод: изучение употребления термина *грива* на материале топонимии Бурятии показало, что на фоне преобладающего общесибирского употребления он имеет также областное значение, распространенное в севернорусских и среднерусских говорах. Компактный ареал употребления данного областного значения в Бурятии находится в левобережье реки Селенги Кабанского района (окрестности сел Посольское, Большая Речка, Закалтус, Кабанск, Степной Дворец).

Литература

1. Грива (элемент рельефа) [Электронный ресурс]. — URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Грива_\(элемент_рельефа\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Грива_(элемент_рельефа))
2. Климова Л. А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3 ч. Ч. 1: А-И. — Арзамас: АГПИ, 2006. — 403 с.
3. Мельников А. В. Топонимический словарь Амурской области. — Благовещенск, 2009. — 148 с.
4. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М.: Мысль, 1984. — 653 с.
5. Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. — 420 с.
6. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Институт русского языка; гл. ред. В. П. Филин. — Вып. 7: Гона-Депеть. — Л.: Наука, 1972. — 355 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип. — М.: Русский язык, 1985-1988. — Т.1: А-Й. 1985. — 696 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. — Т. 3: Г-Е. 1954. — 1339 с.
9. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. — М.: Армада-пресс, 2002. — 416 с.
10. Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. П. Непокупный. — Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с.

References

1. *Griva (element rel'efa)* [Griva (relief element)]. Available at: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Griva_\(element_rel'efa\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Griva_(element_rel'efa))
2. Klimkova L. A. *Mikrotoponimicheskij slovar' Nizhegorodskoj oblasti (Oksko-Volzhsko-Surskoe mezhdurech'e) v 3-kh ch. Ch. 1: A-I* [Micro-toponymic Dictionary of the Nizhny Novgorod region (Oka-Volga-Sura interfluve) in 3 parts]. Arzamas: AGPI, 2006. 403 p.
3. Mel'nikov A. V. *Toponimicheskij slovar' Amurskoj oblasti* [Toponymic dictionary of the Amur Region]. Blagoveshchensk, 2009. 148 p.
4. Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. M.: Mysl', 1984. 653 p.
5. Polyakova E. N. *Slovar' geograficheskikh terminov v russkoj rechi Permskogo kraja* [Dictionary of geographical terms in Russian speech of the Perm region]. Perm': Perm State University, 2007. 420 p.
6. *Slovar' russkikh narodnykh govorov / Vyp. 7. Gona-Depet' / gl. red. V. P. Filin.* [Dictionary of Russian folk dialects. V. 7]. Leningrad: Nauka, 1972. 355 p.
7. *Slovar' russkogo yazyka v 4-kh t. 3-e izd. stereotip. T. 1: A-I* [Dictionary of Russian language in 4 volumes. V. 1]. M.: Russkij yazyk, 1985. 696 p.
8. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17-ti t. T. 3: G-E* [The dictionary of modern Russian literary language in 17 volumes. V. 3]. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., 1954. 1339 p.
9. Smolitskaya G. P. *Toponimicheskij slovar' Tsentral'noj Rossii* [Toponymic Dictionary of Central Russia]. Moscow: Armada-press, 2002. 416 p.
10. *Teoriia i metodika onomasticheskikh issledovanij. Izd. 2-e* [Theory and methods of onomastic research. Edition 2]. Moscow: LKI, 2007. 256 p.

УДК 811.161. 1'367

Специфика содержания предложения со словом *опять*

© Варнаева Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и методики начального образования Смоленского государственного университета

Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

E-mail: anna6772@mail.ru

Предложения с наречием *опять* помогают понять некоторые важные стороны сочинительной конструкции. В статье утверждается, что глагол-сказуемое называет два разных одноименных действия, совершаемых в разное время. Глагол-сказуемое при однородных членах (общий член) тоже употребляется один раз и тоже называет одноименные действия. Их столько, сколько однородных членов. Общий член выражает сходство между действиями, однородные члены — различие. Акцент только на сходстве передается в предложениях с наречием *опять* и в сочинительных конструкциях с тождественными однородными членами.

Ключевые слова: сочинительная конструкция; однородные члены; предложения с наречием *опять*; одноименные действия; общий член; сходное и различное в равноправных компонентах; тождественные однородные члены.

Specific character of sentence with the word *Again*

Anna E. Varnaeva

PhD, A/Professor, Head of Department of theory and methodology of basic education, Smolensk State University

4 Przheval'skogo Str., Smolensk 214000, Russia

Sentences with the adverb *again* help to understand some important features of a coordinating construction. A verb in the function of a predicate names two different actions which are accomplished during different time: two actions of the same name. A verb in the function of a predicate which stays near homogenous elements of a sentence (a general element) may be used only once and names actions of the same name too. A general element displays similarity of actions while homogeneous elements display difference. Emphasis on the similarity is transmitted in sentences with the adverb *again* and in coordinating constructions with some identical homogeneous elements.

Keywords: coordinating construction, homogenous elements, sentences with the adverb *again*, actions of the same name, general element, similar and different features in the equal components, identical homogeneous elements.

Предложения с однородными членами, а также сложные предложения с сочинением называют несколько однородных предметов, действий и т.д. Однако такое наблюдается не только в сочинительных конструкциях. Сопоставление сочинительных конструкций с несочинительными выявляет некоторые стороны сочинительной связи, поэтому оно представляется полезным. В частности, предложения со словом *опять* не являются сочинительными конструкциями, однако в них, как и в предложениях с сочинительными союзами, имеются в виду несколько действий. Ср.: *Он немедленно кликнул Петрушку и возвратился в комнату совсем недовольный, даже расстроенный* (Ф. М. Достоевский). *Теперь с нетерпением ждали весны, когда **опять** можно будет сходиться под открытым небом* (А. П. Чехов).

В предложениях со словом *опять* подразумеваются два действия: одно из них названо при слове *опять*, а другое (первое по времени совершения) произошло раньше. Оно названо или

только подразумевается. Например: *И, впившись глазами в актера, барон **опять** начал бормотать советы* (А. П. Чехов). Налицо два разных действия: одно было до того, как барон впился глазами в актера, другое — после этого.

По форме смысловые равноправные компоненты, на которые указывает слово *опять*, могут быть полностью идентичными или различаться. Для нас здесь важно, что по содержанию они всегда различаются. В приведенном примере советы, даваемые бароном дважды, конечно, разные. Видимо, это разные советы, но даже если барон давал одни и те же советы, то они различались словами, в которые были облечены. Само повторение действия в разное время уже говорит о том, что это разные действия. В жизни не бывает двух абсолютно тождественных действий, предметов, состояний и т.д.

Подчеркнем: разные действия, предметы и т.д. в русском языке называются различно. В первых, они могут называться разными словами. Ср.: *ходить, искать* в предложении: *Весь этот*

день я ходил по городу и искал себе квартиру (Ф. М. Достоевский).

Во-вторых, разные действия могут быть названы одним и тем же словом, как в приведенном примере: *бормотать*. Бормотать одни советы – это не то, что бормотать другие советы. Это одноименные действия, которые чем-то отличаются друг от друга.

Предложения со словом *опять* по смыслу близки к предложениям с однородными членами при общем члене — глаголе, например: *Он с величайшим любопытством и участием стал заглядывать в тот угол кареты* (Ф. М. Достоевский).

Не подлежит сомнению, что заглядывать с любопытством — это совсем не то, что заглядывать с участием. Это, по сути, то же, что было обнаружено выше в предложениях со словом *опять*: бормотать одни советы — это не то, что бормотать другие советы. В том и в другом случае налицо одноименные действия.

Способность одного и того же глагола обозначать разные действия объясняется очень просто: глаголы, как и другие слова, своим лексическим значением обобщают действия. В сочинительной конструкции это обобщение обнаруживается при помощи однородного ряда, например, при глаголе — при помощи ряда однородных обстоятельств или дополнений. В предложениях со словом *опять* также обнаруживается эта обобщающая функция глагола (например, глагола *бормотать*).

В одних сочинительных конструкциях делается акцент на общем, в других — на том, что отличает один из равноправных компонентов от другого. Сама возможность обращать внимание читателя-слушателя в одних случаях на разном, в других — на общем в двух сходных действиях обусловлена сложностью многих действий. На эту сложность мы обычно не обращаем внимания. Однако более внимательный взгляд обнаруживает в действиях несколько и даже много компонентов. Сравнивая два действия, мы можем найти в них общие компоненты и компоненты, которые отличают одно действие от другого.

Х. Вайнрих пишет, что большинство совершаемых нами действий являются сложными [1]. Они бывают составными или комплексными, но мыслятся и воспринимаются как одно действие, например, открывание двери или написание письма. Зажигание спички представляет собой последовательность физических действий: движения руки, чирканья спичкой и т. д. Значит, это непростое действие. Движение рукой, какое мы

производим при зажигании спички, может быть в составе и другого сложного действия: *Я зажигаю спичку, чтобы развести огонь*. Зажигание спички — вспомогательное действие, так как оно подчинено действиям, имеющим более широкие цели: зажигание плиты, огня и т. д.

Для понимания сочинительной конструкции и предложений со словом *опять* важно замечание Х. Вайнриха о том, что различие простых и сложных действий, а также последовательности действий зависит от точки зрения и от целей наблюдателя или говорящего. Когда речь идет о достаточно сложных действиях, мы «часто не обращаем внимания на действия, которые нерелевантны для главного действия» [1, с. 286-290].

Однородные члены при общем члене — глаголе акцентируют внимание на разном. См.: *заглядывать с величайшим любопытством и участием*. Однородные тождественные члены, напротив, обращают внимание главным образом на общем: *Таня шла и шла*. Видимо, общим в сочинительных конструкциях является иерархически более высокий компонент сложного действия. Он называется глаголом (см.: *заглядывать, шла и шла*). Разное же выражается однородными членами при общем элементе (*с величайшим любопытством и участием*).

Предложения со словом *опять* сходны с предложениями, включающими тождественные однородные члены: они обращают внимание на общем в лексическом значении слова. При этом глагол может повторяться или не повторяться, что не меняет сути дела: то же действие возникает в сознании слушающего-читающего благодаря фоновым знаниям, использованию синонима и т. д. Различие между двумя одноименными действиями не стирается, лишь остается в тени. Например:

— *Грех!* — *шепнула Софья*.

— *Грех!* — *опять шепнула она* (А. П. Чехов).

Она рыдала, рвала волосы на голове, металась и, наконец, когда доктор объявил, что она может умереть от истощения и что положение ее в высшей степени опасно, я, пересиливая свой страх, опять спустился вниз и принес ей оттуда прабабушкино зеркало (А. П. Чехов).

Сравнения предложений, включающих слово *опять*, с сочинительными конструкциями выявляет специфические черты значения предложений со словом *опять*. Они составляют синтаксическую семантику, т. е. «отражение человеческим сознанием обобщенных моделей фактов и ситуаций» [2, с. 12]. Это **повторение одноименного действия**. Как уже было сказано, этой

чертой предложения со словом *опять* идентичны предложениям с однородными членами при общем члене — глаголе, а еще больше — предложениям с тождественными однородными членами. Этой чертой они отличаются от предложений с разными глаголами в качестве однородных членов.

Однако повторение в предложениях со словом *опять* отличается и от повторения тождественных однородных членов. В последних повторение действия именно как повторение того же действия частично устраняется: тождественные однородные члены, как уже было замечено в лингвистике, имеют значение интенсивности действия. Этого в предложениях со словом *опять* нет.

Предложения со словом *опять* в повторяющемся глаголе делают **акцент на общем** из лексического содержания глагола. Именно это содержание общего позволяет назвать разные действия одноименными. Одноименные действия бывают и в предложениях с однородными членами при глаголе. (*Он с величайшим любопытством и участием стал заглядывать в тот угол кареты*). Однако здесь обращается внимание говорящих уже не на общее, а на разное в лексическом значении глагола. Это разное специально названо однородными членами. Обе указанные черты предложения со словом *опять* прямо связаны с лексическим значением наречия *опять*: «еще раз, снова».

В полном соответствии с лексическим значением слова *опять* находятся и признаки предложения со словом *опять*.

В предложениях со словом *опять* говорится о каком-то действии, повторенном только один раз. Иначе говоря, слово *опять* не допускает трех и более повторений. Действие повторяется только два раза, т. е. налицо **только два** смысловых равноправных компонента.

Ни один сочинительный союз своим лексическим значением прямо не ограничивает количество равноправных компонентов. Правда, есть союзы, которые ограничивают границы сочиненного ряда, но делают это косвенно. Противительные союзы *а, но* и другие противопоставляют, противопоставление же всегда бывает только между двумя действиями, признаками и т. д. Поэтому противительные союзы всегда связывают только два равноправных компонента.

Косвенно же влияют на количество равноправных компонентов градационные (*не только...но и, не столько...сколько* и др.) и отрицательно-утвердительные союзы (*не...а, не...однако* и др.). Однако это ограничение про-

исходит потому, что кроме данного и нового, третьего не дано.

В предложениях со словом *опять* нет ни ограничивающего противопоставления, ни противопоставления данного новому. Слово *опять* прямо и непосредственно своим лексическим значением ограничивает количество смысловых равноправных компонентов.

В текстах встречается повторение слова *опять*. Это повторение аналогично повторению подчинительных союзов: от такого повторения конструкции не становятся ни сочинительными, ни многочленными. Например: *Песня стихла. Егорушка полпелся к бречке и опять от нечего делать занялся струйкой воды. И опять поплышалась тягучая песня* (А. П. Чехов). От двойного употребления слова *опять* не получилось одного ряда с четырьмя смысловыми равноправными компонентами. В одном случае речь идет о повторении действия со струйкой воды, в другом — о двойном слушании песни.

Принципиально то же самое наблюдается в других случаях повторения слова *опять*: *Взберись на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток по направлению дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, за ним третий и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед — и опять та же картина* (А. П. Чехов).

Смысловые равноправные компоненты в предложениях со словом *опять* — это **всегда действия**. Поэтому в основной массе предложений со словом *опять* есть глагол.

Роли не играет местоположение слова *опять*. Нахождение его рядом с другим словом есть средство выделения соответствующего содержания. При желании слово можно вернуть «на место», т. е. поставить перед глаголом. Иногда следует повторить глагол, ср., например: *Сейчас, батюшка...Ну, пиши. О здравии рабов Божьих: Андрея и Дарьи со чады...Митрия, опять Андрея, Антипа, Марьи* (А. П. Чехов).

Очень редко встречаются примеры без глаголов, в которых слово *опять* стоит перед прилагательными в разных функциях: *Он бормотал, а она, опять бледная и дрожащая, глядела на него недоумевающими, испуганными глазами* (А. П. Чехов). *Ольга Михайловна видела, как в комнате и в окнах менялся свет: то он был сумеречный, то мутный, как туман, то ясный, какой был вчера за обедом, то опять сумеречный* (А. П. Чехов). В данных примерах преобразование последних предложений в обычные конструкции со словом *опять* перед глаголом

затрудняется обособлением и заменой глагола связкой *быть*.

Предложения со словом *опять* представляют собой оригинальное явление: с одной стороны, два действия всегда связаны, с другой стороны, они разделены.

Два действия в предложениях со словом *опять* всегда связаны по смыслу. Если верно, что существуют три вида связи между предложениями: временная, логическая и пространственная [3, с. 7], то связь при помощи слова *опять* является по преимуществу временной.

Действия связаны благодаря лексическому значению слова *опять*. Это слово своим лексическим значением напоминает сочинительный союз направленностью и вправо, и влево от него. Оно «смотрит» влево, требуя найти в тексте то, что вторично названо позади него, т. е. одноименное действие. Слово *опять* «смотрит» и вправо, на глагол, стоящий рядом с ним. Конечно, слово *опять* — это не сочинительный союз, и предложение со словом *опять* — не сочинительная конструкция. Просто следует всегда иметь в виду, что несколько предметов, действий и т. д. далеко не всегда называются сочинительной конструкцией. Предложения со словом *опять* из прочих синтаксических конструкций (собственно подчинительной, сравнительной, пояснительной, присоединительной) ближе всех к сочинительным конструкциям.

Кстати, в предложениях со словом *опять*, как и в предложениях с сочинительными союзами, есть отрезок текста, который мог бы претендовать на роль общего члена. Речь идет о названии деятеля. Нет сомнения, что эта общая смысловая отнесенность с одним субъектом двух действий связывает эти действия. Например: *Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нежную улыбку* (А. П. Чехов). *Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость* (А. П. Чехов). *У него опять с женой что-то необычайное* (А. П. Чехов).

Два действия, которые понуждают мыслить слово *опять*, всегда разделены. Речь идет и о формальном, и о содержательном их разделении.

Название первого действия (если оно названо в тексте) формально отделено от названия второго действия. Чаще всего есть текст, который отделяет название первого действия от второго. Например:

Он хотел позвать Варвару Николаевну, которая спала за ширмами, но сделал усилие и проговорил:

— *Таня!*

Он упал на пол и, поднимаясь на руки, опять позвал:

— *Таня* (А. П. Чехов).

Но дело не только и не столько в форме. Между двумя действиями подчеркивается временной промежуток. Роли не играет, заполнен он каким-нибудь действием или событием или не заполнен. Например: *Немного погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников...* (А. П. Чехов). *Он чувствовал в своем теле что-то новое. Какую-то неловкость, которой раньше не было, и не узнавал своих движений: ходил он несмело, тыча в стороны локтями и подергивая плечами, а когда сел за стол, то опять стал потирать руки* (А. П. Чехов).

В предложениях с союзом *то...то* действия тоже связаны и тоже разделены. Например: *Наталья не отходила от матери и то задумывалась, то принималась за работу* (И. С. Тургенев).

И наше судно воздымалось

То вдруг до тяжких облаков,

То вдруг, треща, вниз опускалось (М. Ю. Лермонтов).

В голубовато-сером мареве, куда меня окунули, лишь изредка двигались плоские тени, то приближаясь, то удаляясь от меня (И. Вергасов).

Однако в сочинительной конструкции есть акцент на чередовании, а не на разделении.

Слово *опять*, несомненно, относится к словам, которые могут быть названы так: «языковые индексы как связующие элементы текста». Среди них есть не только наречия, но и существительные, местоимения. Они связывают не только отрезки текста, но связывают и текст с экстралингвистическими объектами [4, с. 185–186].

Показательно ограничение предложений со словом *опять* выражением **повторения только действий**. Чем можно это объяснить и как это связано с сочинительными конструкциями?

Лингвисты и философы дискутируют о том, что важнее для языка: имя существительное или глагол. В частности, Г. П. Павский пишет о глаголе: «В числе слов человеческого языка главное место занимает то слово, которым выражается приговор ума, принадлежит или не принадлежит такое-то качество известному лицу или вещи. Это слово названо в грамматике *глаголом*, то есть словом по преимуществу» [5, с. 97, 113].

Итак, анализ повторения действия, выраженное в предложениях со словом *опять*, помогает глубже понять сочинительные конструкции. Во многих сочинительных конструкциях выражаются одноименные действия. Общий член, выраженный глаголом-сказуемым, называет столь-

ко одноименных действий, сколько есть однородных членов (исключения здесь не рассматриваются). Он подчеркивает сходство между однородными членами. Однородные подлежащие, обстоятельства и дополнения акцентируют

внимание на том, чем отличаются одноименные действия. Акцент только на сходстве передается в предложениях с наречием *опять* и в сочинительных конструкциях с тождественными однородными членами.

Литература

1. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. 8. — С. 370–387.
2. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). — М.: Высшая школа, 1974. — 156 с.
3. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. 8. — С. 450–463.
4. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. 8. — С. 172–207.
5. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка // Щеулин В. В., Медведева В. И. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. — М.: Высшая школа, 1965. — 356 с.

References

1. Vainrikh Kh. Tekstovaya funktsija frantsuzskogo artiklja [Text function of a French article]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII — New in foreign linguistics*. Moscow: Progress, 1978. V. VIII. Pp. 370–387.
2. Moskalevskaya O. I. *Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa (na materiale nemetskogo yazyka)* [Problems on the system description of syntax (on the material of German language)]. Moscow: Vysshaya shkola, 1974. 156 p.
3. Todorov Ts. Grammatika povestvovatel'nogo teksta [Grammar of a narrative text] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII — New in foreign linguistics*. Moscow: Progress, 1978. V. VIII. Pp. 450–463.
4. Bellert I. Ob odnom uslovii svyaznosti teksta [About one condition of text coherence]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII — New in foreign linguistics*. Moscow: Progress, 1978. V. VIII. Pp. 172–207.
5. Pavsky G. P. Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka [Philological observations of Russian language content]. *Shcheulin V. V., Medvedeva V. I. Khrestomatiya po istorii grammaticheskikh uchenij v Rossii — Shcheulin V. V., Medvedeva V. I. Reading book about history of grammar doctrines in Russia*. Moscow: Vyschaya shkola, 1965. 356 p.

УДК 861.161.1.09

Глаголы совершенного вида с перфектным значением в аспекте типов речи

© **Хандархаева Ирина Юрьевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета

Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

e-mail: irina-68_68@mail.ru

Статья посвящена глаголам совершенного вида с перфектным значением и их «поведению» в описательном типе текста. Рассматриваются особенности функционирования этих глаголов в разных жанрах описательного типа речи. Текст типа «описание» мало изучен с точки зрения употребления периферийных членов аспектуальности, тогда как текстовый подход позволяет расширить представление о текстообразующей роли глаголов совершенного вида с перфектным значением. В зависимости от логико-смысловой принадлежности текста определяется роль стальной и акциональной разновидностей глаголов для выражения аспектуально-таксисных ситуаций. Исходя из общелогической основы описания (синхронологии), семантики предикатов, идеи состояния, в описании реализуется стальная разновидность глаголов совершенного вида с перфектным значением.

Ключевые слова: описательный текст, глаголы совершенного вида с перфектным значением, стальная разновидность, акциональная разновидность.

Verbs of perfect aspect with perfect meaning in speech types aspect

Irina Yu. KhandarkhaevaPhD, A/Professor, Department of Russian and general linguistics, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

This article reviews perfective verbs with perfect meaning and their «behavior» in the descriptive text type, the features of the functioning of these verbs in different genres such as descriptive speech. The text of the «description» is poorly understood in terms of using peripheral aspectuality members, while the text approach makes it possible to expand the understanding of the role of text-forming perfective verbs with perfect meaning. Depending on the logical-semantic text affiliation the role of statal and actional verb types for expressing aspectual-taxis situations is defined. Based on the general logical foundations of the description, the semantics of the predicate, the idea state description is realized in statal type of perfective verbs with perfect meaning.

Keywords: descriptive text, perfective verbs with perfect meaning, statal and actional types.

Проблема перфектности в русской аспектологии является актуальной в связи с различным представлением его временного плана. В лингвистической литературе указывается, что глаголы с перфектным значением могут функционировать в двух разновидностях: акционально-перфектной и стальной-перфектной.

В понимании Ю. С. Маслова акционально-перфектная разновидность семантически близка к аористическому значению. Данная мысль демонстрируется тремя основными группами по степени удаленности от стальной-перфектного значения:

1) глаголы местонахождения субъекта в пространстве, наиболее приближенные к стальной-перфектному значению: ушел, вышел, пришел и т. д.;

2) случаи, в которых имплицитно прямыми или косвенными логическими последствиями действия, чем-то важные для говорящего или для

мыслимого наблюдателя: «Вот наняли музыкантов, а чем платить?» (А. П. Чехов);

3) случаи, в которых о факте прошлого общается ради него самого, вне каких-либо специальных связей с hicetnunc говорящего: «Пушкин родился в 1799 и умер в 1837 г.» [5, с. 204].

Как показывают наблюдения, акциональная перфектность имеет следующие особенности: лексически не отягощена какими-либо дополнительными оттенками; семантически близка к значению аориста (контекстная зависимость); обозначает «факт свершившийся и пребывающий донныне», т. е. результат прошлого действия, актуальный в настоящем.

Рассмотрим это значение на примере:

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает

В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы. (А. С. Пушкин)

В этой описательной микротеме глагол с перфектным значением *наступил* указывает на действие, в результате которого констатируется факт появления осени. В данном случае важно действие в его акциональности, при этом значение всего контекста в целом указывает на актуальность последствия этого действия для более позднего временного плана (сейчас стоит осень).

По мнению В. Б. Кашкина, акциональный перфект переносит акцент с результативного состояния на само перфектное действие, в связи с чем наблюдается ослабление собственно перфектного значения и появляется возможность выражать аористическое значение [2, с. 59]. Следует добавить, что выбор того или иного значения глагольной формой зависит от того, в каком типе речи, описании или повествовании функционирует глагольная форма, и от контекстных условий.

Помимо акционального перфекта, существует и другая разновидность перфектного значения — статально-перфектная. Именно к этому значению применимо определение, данное А. А. Потебней: «Каков кто есть в силу прежде совершенного действия» [8, с. 257]. В лингвистической литературе указанную разновидность обычно называют «качественной» [9]. В основе семантики данной разновидности лежит наличное состояние, являющееся результатом действия, отягощенное качественной характеристикой предмета.

Выражение качественного значения у глаголов прошедшего времени совершенного вида с перфектным значением, в первую очередь, зависит от лексического значения глаголов, поскольку, как считает Г. Ф. Лебедева, эти глаголы образованы от именной основы, в них «лексикализован, заключен в лексическом значении слова качественный оттенок перфектного значения» [3, с. 141]. Значит, в таких глаголах перфектное значение выражено наиболее ярко, так как оно заключено в самой глагольной лексеме, но тем не менее в окружении глаголов с аористическим значением перфектное значение, даже с качественным оттенком, утрачивается и приобретает аористическое значение, так как активизируется таксисное значение последовательности (Она *побледнела*, *всплеснула* руками и *вскрикнула*).

Немаловажное значение имеет также и то, что в древнерусском языке в состав перфекта входило причастие на *-л*, семантика которого

весьма своеобразна: оно обозначало качество, изменение качественного состояния предмета. В современном русском языке семантика глаголов с перфектным значением стальной разновидности мало чем отличается от древнерусской: «...глагол обозначает переход субъекта в новое состояние, изменение его внешнего облика и т. д.» [5, с. 203].

Каждое состояние квалифицирует субъект как его свойство, качество. Общее значение изменения в состоянии субъекта образуется в результате равноправного употребления в одной микротеме (как правило, описательной), «если этому не препятствует смысл контекста, возможно даже изменение порядка следования глаголов без изменения временного соотношения действий состояний. Например: «она *обноси-лась*, *обтрепалась*, *спеклась* на ветру и на солнце, *исхудала* до костей и кожи». (И. Бунин. Дурочка). Здесь возможны перестановки: *исхудала*, *обтрепалась*, *обносила* и т. п.» 1, с. 98].

Такое равноправие возможно только лишь в тех случаях, когда описываются постоянные признаки, результат изменений, существующий в настоящем, длительный, постоянный. В ситуативном (контаминированном) описании, на наш взгляд, наоборот, одно из состояний является доминирующим, каждое из других последующих состояний может вносить новое содержание, раскрывать его, конкретизировать, тем самым создавая целостную характеристику изменения качества субъекта. Например: «[Прошло несколько мгновений этого смеха], и лицо Чани действительно очень *искажилось*: его столбняк, его комическая, трусливая потерянная вдруг *сошла* с него; но он ужасно *побледнел*: губы *закривились* от судороги...». (Ф. Достоевский). В этой описательной микротеме глагол с перфектным значением *искажилось* является основным понятием, обуславливающим значение остальных глаголов (*сошла*, *закривились*) конкретизировать переход в иное состояние.

«Она сильно *похудела*, *высохла*, голос у нее был слабый, и говорила она медленно, с усилием. Лицо ее почему-то стало меньше, чем было, и как бы затвердело; когда она говорила, лицо оставалось неподвижным, даже губы не шевелились». (В. Распутин). В данном примере характеризуется субъект одушевленный, глаголы с перфектным значением (*похудела*, *высохла*) употреблены в стальной разновидности. По мнению Г. Ф. Лебедевой, глаголы с перфектным значением стальной разновидности могут выражать: 1) длительное состояние субъекта (*постареть*, *состариться*, *похудеть* и др.); 2) вре-

менный характер (глаголы типа *побледнеть, раскиснуть*) [4, с. 130].

На наш взгляд, данная классификация глаголов со стательного-перфектным значением является наиболее приемлемой. Глаголы первой группы выражают действие постоянное: результат этих действий существует в настоящем, постоянно, заполняя собой все время. Глаголы второй группы носят ситуативный, кратковременный характер, результат существует только в момент речи.

Данные группы глаголов соответствуют двум типам описания: описание, признаки которого могут обозначать постоянные свойства, качества, состояния (описание внешнего вида субъекта действия, описание-характеристика); описание, признаки которого обозначают временные явления (описание портрета, чувств и психических переживаний субъекта действия в их динамике) [6, с. 39].

Рассмотрим две группы глаголов со стательного-перфектным значением более подробно.

«Он *постарел, похудел, побледнел, сгорбился*; он почти беспрестанно кашлял коротким, сухим кашлем, и впалые глаза его блестели странным блеском». (И. С. Тургенев). В данной описательной микротеме глаголы с перфектным значением стательной разновидности (*похудел, постарел, сгорбился*) выражают качественное изменение состояния как результат длительного действия. Глагол *побледнел* в этом случае выражает постоянный признак субъекта действия.

Вот пример, относящийся ко второй группе стательного-перфектной разновидности: «Вдруг все лицо его *преобразилось*: он ужасно *побледнел*, губы его *задрожали*, глаза *загорелись*». (Ф. Достоевский). В этом описании дан портрет, носящий ситуативный, кратковременный характер. Глаголы с перфектным значением стательной разновидности (*побледнел, задрожали, загорелись*) выражают временное изменение в состоянии субъекта действия.

Функционирование глаголов с перфектным значением стательной разновидности можно наблюдать не только в описании портретной характеристики, но и в описании обстановки. При этом отчетливо прослеживается употребление глаголов первой группы, выражающих постоянные свойства предмета, так как особенностью описания интерьера является большая степень статичности содержания, когда перечисляются неодушевленные предметы, которые находятся в состоянии покоя, образуя своим наличием данную обстановку комнаты. Например: «Жилище господина Чертопханова являло вид

весьма печальный: бревна *почернели* и *высунулись* вперед «брюхом», труба *отвалилась*, углы *подопрели* и *покачнулись...*». (И. С. Тургенев). Стательность перфектного значения отчетливо проявляется и в описании природных явлений: «Небо *потемнело*, выл ветер, нагоняя тяжелые тучи». В данном описании глагол *потемнело* носит кратковременный характер.

Таким образом, стательная разновидность перфектного значения обозначает состояние, являющееся результатом прошедшего действия, состояние, связанное с качественной характеристикой субъекта действия, выражая либо постоянные, либо временные признаки описываемого предмета.

Стательная разновидность перфектного употребления в отличие от акциональной разновидности лексически наполнена (качественность заключена в самой глагольной лексеме); эти глаголы сочетаются как с одушевленными субъектами действия, так и с неодушевленными; они способны выражать как временные, так и постоянные признаки субъекта действия; способны выражать переход в иное состояние, его изменение, а также чувства, психические переживания, физические и физиологические процессы.

Известно, что перфектное значение глаголов ярче проявляется в глаголах непереходных. Однако перфектное значение могут выражать и переходные глаголы. Впервые такую возможность увидел Н. С. Пospelов, анализируя употребление прошедшего совершенного переходных глаголов в сочетании с одушевленным субъектом, при этом прошедшее совершенное приобретает оттенок притяжательности при реализации в динамической речи [7, с. 80].

Нами выявлено, что перфектное значение могут иметь переходные глаголы, которые реализуются в основном в акциональной разновидности с переводом действия субъекта на объект, либо путем изменения его состояния (покрасить дом), либо создавая его (построить дом), либо уничтожая его (разрушить дом). По отношению к одушевленному объекту он может изменяться качественно (переходный глагол реализуется в стательной разновидности) в результате воздействия. В связи с этим можно выделить две группы, соединенные идеей изменения состояния:

1) изменение физического состояния одушевленного объекта: «Они *избили* его: Андрей лежал, хватая ртом морозный воздух, голова разрывалась от дикой боли, все члены его худого тела тупо ныли...». (С. Родионов);

2) изменение психического состояния одушевленного объекта: «Вид и запах водки, осо-

бенно теперь, когда он перезяб и уморился, сильно *смутили* Никиту. Он молчал и был мрачен потому, что ему страстно хотелось водки, и одно, что могло затушить это желание, был чай. А чая еще ему не предлагали». (Л. Н. Толстой).

Таким образом, наблюдения показывают, что перфектное значение преимущественно характерно для форм прошедшего времени совершенного вида от глаголов непереходных при обозначении ими состояния субъекта действия в момент высказывания (особенно реализуется в глаголах стальной разновидности). При пер-

фектном значении форм прошедшего совершенного от переходных глаголов результат действия переносится на объект. Установлено, что глаголы прошедшего времени совершенного вида в перфектном употреблении по своему значению бывают динамическими (с превалирующим значением действия в своей акциональности), стоящими ближе к аористу, и статическими (с превалирующим значением качественного изменения в состоянии предмета речи в своей статальности).

Литература

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. — М., 1971. — 239 с.
2. Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. — Воронеж, 1996. — 128 с.
3. Лебедева Г. Ф. Качественный и посессивный оттенки перфектного значения глагольных форм прошедшего совершенного // Вестник Моск. ун-та. Истор.-филол. сер. — 1959. — № 3. — С. 141-151.
4. Лебедева Г. Ф. Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1959. — 215 с.
5. Маслов Ю. С. Перфектность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — М., 1987. — С. 195-209.
6. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). — Улан-Удэ, 1974. — 261 с.
7. Пospelов Н. С. Мысли о русской грамматике. — М., 1990. — 179 с.
8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. — М., 1958. — 536 с.
9. Прокопович Е. Н. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. — М., 1982. — 286 с.

References

1. Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [The type and time of the Russian verb]. Moscow, 1971. 239 p.
2. Kashkin V. B. *Funktsional'naya tipologiya perfekta* [Functional typology of perfect tense]. Voronezh, 1991. 128 p.
3. Lebedeva G. F. *Kachestvennyj i possessivnyj ottenki perfektnogo znacheniya glagol'nykh form proshedshego sovershennogo* [Qualitative and possessive shades of perfect meaning of the past perfect verb forms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriko-filol. seriya — Bulletin of Moscow State University. History and Philology Series*. 1959. No. 3. Pp. 141-151.
4. Lebedeva G. F. *Upotreblenie glagol'nykh form proshedshego vremeni sovershennogo vida v perfektnom znachenii v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [The use of the past tense verb forms in perfect meaning in modern Russian language: PhD diss.]. Moscow, 1959. 215 p.
5. Maslov Yu. S. *Perfektnost'* [Perfect tense]. *Teoriya funktsional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis — The theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Localization of Time. Taxis*. Moscow, 2006. Pp. 195-209.
6. Nechaeva O. A. *Funktsional'no-smyslovyje tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie)* [Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning)]. Ulan-Ude, 1974. 261 p.
7. Pospelov N. S. *Mysli o russkoj grammatike* [Thoughts on Russian grammar]. Moscow, 1990. 179 p.
8. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From the notes on Russian grammar]. Moscow, 1958. V. I-II. 536 p.
9. Prokopovich E. N. *Glagol v predlozhenii. Semantika i stilistika vido-vremennykh form* [The verb in sentence. Semantics and stylistics of aspectual-temporal forms]. Moscow, 1982. 286 p.

УДК 81'27

**Производные от бурятских слов глаголы
в говоре русских старообрядцев:
семантические и словообразовательные особенности**
(на материале «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья»)

© **Егодурова Виктория Макаровна**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания
Бурятского государственного университета
Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: egodurova52@mail.ru

Статья посвящена исследованию производных от бурятских слов глаголов в говоре русских старообрядцев, что свидетельствует о длительных языковых контактах русских старообрядцев и бурят. Рассматривается процесс словообразования глаголов в русском старообрядческом говоре по словообразовательным моделям русского языка либо от бурятских существительных, напрямую заимствованных из бурятского языка, либо от бурятских глаголов или слов других частей речи. Источником языкового материала послужил «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (1999). Выявленные производные глаголы разделены на две группы: 1) глаголы, обозначающие действия в результате мыслительных процессов; 2) глаголы, обозначающие деятельность людей и животных. Представлены семантические поля производного русского глагола и производящего бурятского слова, показывающие их семантическую связь и словообразовательный потенциал в обоих языках.

Ключевые слова: производные глаголы, говор русских старообрядцев, производящие бурятские слова, языковые контакты русских старообрядцев и бурят, семантическое поле.

**Verbs derivatives of Buryat words in the Russian old believers' speech: s
emantic and word forming peculiarities**
(on the material of "Dictionary of the Transbaikalian old believers (the Semeiskie subdialects)")

Victoriya M. Egodurova

DSc, Professor, Department of Russian and general linguistics, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the verbs derivatives of Buryat words in the Russian Old Believers' speech which are evidences of their longtime language contact with the Buryats. The process of verbs formation in the Russian Old Believers' speech originated either from Buryat nouns which are derived directly from Buryat language or from Buryat verbs and other parts of speech. The source of the language material is the "Dictionary of the Transbaikalian Old Believers (The Semeiskie subdialects)" (1999). The derived verbs are divided into two groups: 1) verbs denoting actions as a result of thought processes; 2) verbs denoting human and animals' activity. Semantic fields of the derivative Russian verb and the original Buryat word show their semantic relation and word forming potential in both languages.

Keywords: derivative verbs, Russian Old Believers' speech, deriving Buryat words, language contacts of Russian Old Believers and Buryats, semantic field.

Проблема взаимодействия говоров старообрядцев с бурятским языком уже не раз ставилась в наших работах [1; 2]. Так, затрагивалась история ее изучения в исследованиях Т. Б. Юмсуновой, Е. И. Тынтуевой, Э. Д. Эрдынеевой, К. М. Матвеевой [3], рассматривавших особенности говоров русских старожилов и старообрядцев во взаимодействии с бурятским языком. Данными авторами установлены наиболее распространенные тематические группы заимствованных слов, рассмотрены особенности фонетической адаптации и семантического освоения бурятизмов как в русских старожиловских, так и старообрядческих говорах. Причем ими отмечалось, что

многие слова, вошедшие в старожиловские русские говоры из бурятского языка, вошли и в старообрядческие говоры. Имеются также работы Д. Д. Санжиной, Э. Д. Эрдынеевой, О. Д. Бухаевой [4] о взаимодействии русского и бурятского языков в русских говорах, в частности о заимствовании довольно большой группы слов — названий животных.

В статье «Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка» [2] нами дан более полный аналитический обзор исследований, посвященный региональным языковым контактам не только старообрядческих говоров и бурятского языка, но и

русских старожильческих говоров и бурятского языка в Байкальском регионе. Проведенный анализ лексики отражал отношение старообрядцев, отделившихся по религиозным убеждениям, не смирившихся с новой трактовкой православной веры, к иной вере и иноверцам, проживавшим на новой территории их расселения. Были рассмотрены слова и иллюстративный материал к ним, которые номинируют бурят с позиций приверженцев старообрядческой веры, и слова, которые обозначают заимствованные от бурят названия блюд, одежды, а также названия некоторых бурятских праздников, обрядов, которые старообрядцы знают и даже принимают участие в них. Как показали наши наблюдения, языковой материал является убедительным свидетельством того, что совместное проживание на одной территории людей, принадлежащих к разным этносам, проявляется во взаимовлиянии языков и культур при сохранении ими индивидуальных особенностей и уважительном отношении к иной культуре.

В настоящей статье продолжим изучение лексики, иллюстрирующей языковые контакты старообрядцев с бурятами. Отметим, что наиболее полно изучение одного из уникальных русских говоров Сибири — говора семейских Забайкалья, потомков старообрядцев, нашло отражение в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» [5], который представляет богатый «источник для проведения дальнейших историко-культурных, этнографических, сравнительно-исторических лингвистических исследований» [5, с. 8]. Знакомство со словарем, в котором собрано около 8 тысяч лексических единиц, позволяет утверждать, что путем прямого заимствования из бурятского языка в говор семейских проникли в основном существительные. На базе говора по словообразовательным моделям русского языка от освоенных говором бурятских слов образовывались новые слова с различными (например, уменьшительно-ласкательными: *отхон* – *отхончик*, *бурун* – *бурунчик*, *бурушок*; *курган* – *кургашек*, *кургашика*) значениями. Производных глаголов от бурятских слов немного, но они относятся к активно употребляемой лексике в говоре, поэтому представляют особый интерес с точки зрения освоения, приспособления к нуждам коммуникации в семейском говоре.

Рассмотрим производные глаголы, образованные от бурятских слов, свидетельствующие о длительных языковых контактах русских старообрядцев и бурят. Выборка всех указанных глаголов из «Словаря говоров...» позволила выде-

лить глаголы, которые можно разделить на две группы: 1) глаголы, обозначающие действия, в результате мыслительных процессов (*мыдыковать*, *мухлевать*, *худларить*, *схудларить*), 2) глаголы, обозначающие деятельность людей и животных (*архидачить*, *тарбаганить*, *ургечить*, *яманиться*). Проанализируем их на примерах употребления в речи с точки зрения особенностей словообразовательного освоения.

Трактовка значений слов и иллюстративные примеры к ним взяты нами из словаря без изменений, мы опустили только грамматические пометы. Методика анализа состоит из следующих операций: 1) номинировать производный глагол и его семантическое поле (только слова, зафиксированные в «Словаре говоров...»); 2) выявить производящее бурятское слово, проследить способ образования от него русского производного глагола и представить семантическое поле слов производящего слова (слова, зафиксированные в словаре К. М. Черемисова [6]); 3) определить, имеется ли зафиксированное в «Словаре говоров...» слово с таким же значением в самом говоре, какое имеет производный глагол.

Необходимость представить семантическое поле производного русского глагола и производящего бурятского слова объясняется тем, что образование производного русского глагола мотивируется, на наш взгляд, всей суммой образующей семантический объем однокоренных слов. В некоторых случаях, возможно, русский производный глагол образован от уже освоенного в говоре заимствованного бурятского существительного, в других случаях образован от бурятского глагола. Понятно, что носители старообрядческого говора в процессе контактирования с бурятами воспринимали из бурятской речи то или иное слово в контексте всего его семантического окружения и начинали употреблять, например, глагол с заимствованной семантикой, не задумываясь о том, как он вошел в их речь, каким способом они его образовали, приспособив к нуждам коммуникации, номинации понятий в новых условиях проживания. Хотя, надо заметить, о заимствованном происхождении некоторых слов они знают, о чем свидетельствуют иллюстративные материалы к ним в статьях «Словаря говоров...». Это лишь один из теоретически возможных вариантов образования в говоре производного глагола от одного из однокоренных бурятских слов, который предоставляет возможность наглядно увидеть семантическое поле производящего бурятского слова и семантическое поле производного глагола в русском говоре и проследить трансформацию, про-

никновение в заимствующий русский говор старообрядцев слов с заимствованной семантикой.

Наблюдения показывают, что производные глаголы образуются от бурятских производящих слов по словообразовательным моделям русского языка, с помощью русских суффиксов. Например:

Мыдыковать [мыдыкавать] — много знать, помнить; иметь представление обо всем: *Мыдыкавать — эта адали память иметь. «Ну, он мыдыкуить», — скажут — знать память харошая у ниво (Бич., Бич.) [5, с. 277].*

В семантическое поле слова **мыдыковать** входят в старообрядческом говоре слова: **мыдыковатый** [мадаковатый/ мудакаватый/ мыдыкаватый] — мудрый, умный, много знающий. То же, что и **мудаковатый**: *Знаюшый — эта мадакаватый (Бич., Бич.); Ну, чо я тибэ расскажу-та? Ты яди к сасётке, ана мудакаватая, ана тибэ фсе расскажут (Арх., Красночик.); Мудакаватый — умный, хитрый значить (Шарал., Мухор.); Витька у нас шибка мыдыкаватый: у ниво спраси, для чиво эта трава (Бич., Бич.).*

Мыдыковать от бур. **мэдэхэ** — знать, узнавать [6, с. 310]. При устном заимствовании в производящем слове происходит замена звуков [э] на [ы], [х] на [к]. Производный глагол в русском говоре образуется при помощи суффикса — **ова + ть** (суффикс инфинитива).

В семантическое поле бурятского слова **мэдэхэ** входят слова: **мэдэлтэй, мэдэнхэй** — осведомленный; **мэдэмгэй** — знающий, сведущий; **мэдэлгэ** — знание, осведомленность; **мэдэлсэхэ** — узнавать вместе, обмениваться сведениями, **мэдэхгүй** — не знать, не знающий, **мэдэнгүй** — не зная, **мэдэнтэхэ** — немного знать [6, с. 310].

В говоре старообрядцев есть слова, тождественные по значению производным от бурятского слова. Производное от бурятского слова русское прилагательное **мыдыковатый** [мыдыковатый/ мудакаватый/ мыдыкаватый] — мудрый, умный, много знающий тождественно по значению русским **мозговой [мазгавой], мозговатый [мазгаватый]** — умный, сообразительный: *Мазгаватый он, умный, мазгавой, харашо саабражат (Сиб., Тарб.); Мозги харашо работают у мазгаватава (Б.Кун., Тарб.) [5, с. 266, 267].*

Значит, русские прилагательные **мозговой [мазгавой], мозговатый [мазгаватый]** являются синонимами к производному от бурятского слова прилагательному **мыдыковатый (мыдыковатый)** от **мэдэхэ** путем фонетических изменений: перехода звука [э] в [ы], [х] в [к] в основе и прибавления русского суффикса — **оват**). Та-

ким образом, производное от бурятского слова прилагательное **мыдыковатый** [мыдыковатый/ мудакаватый/ мыдыкаватый] и прилагательные **мозговой [мазгавой], мозговатый [мазгаватый]** образуют одно семантическое поле.

Мухлевать [мухливать] — плутовать, обманывать; мошенничать: *Мухлюит — ниправду гаварит. «Нету», — гаварит или прячит чо такои. Мोजना уш видить, хто мухлюеть, а хто правду гаварить. А он привик смолладу рёткась правду гаварить (Шал., Тарб.); Канешна, он мухлюит, от и выигрывает фсигда. Чур, ни мухливать! (Шал., Тарб.) [5, с. 276].*

В семантическое поле слова **мухлевать** входят в старообрядческом говоре однокоренные слова **мухлёвщик, мухлёвщица**. **Мухлёвщик** — обманщик, плут, мошенник: *Он мухлёушык, ана мухлёушыца — эта абманываит усех, в види таво (Б.Кун., Тарб.); Мухлёушыки абманываюит, мухлюют. Да ани типерь прадають-та, пирипрадають туды-сюды, их на тиливизару пакызываюит, мухлёушыки они и есь (Б.Кун., Тарб.) (5, с. 276).*

Мухлевать от бур. **мэхэлхэ** — обманывать, надувать [5, с. 313]. При устном заимствовании в производящем слове происходит замена звуков [э] на [у], стяжение второго звука [э]. В русском языке слово образуется при помощи суффикса — **ева + ть** (суффикс инфинитива).

В семантическое поле бурятского слова **мэхэлхэ** входят однокоренные слова **мэхэ** — 1. обман, надувательство; хитрость, лукавство; 2. фальшивый, обманный; **мэхэлүүлхэ, мэхэлэгдэхэ** — быть обманутым; **мэхэлэлгэ** — обман; **мэхэлээшэ** — обманщик; **мэхэтэй** — хитрый, лукавый; **мэхэтэйхэн** — лукавый, с хитрецой [6, с. 313].

В говоре старообрядцев есть слова, тождественные по значению производным от бурятского слова. Производный от бурятского слова глагол **мухлевать** тождествен по значению имеющимся в русском говоре глаголам **облещать [аблишшать]** — обманывать лживыми обещаниями, уверениями, прельщать уговорами, лестью; **обманить [абманить]** — обмануть: *Лисливый чилавек будит падлиствиваца усё, будит тибэ аблишшять. Гаткий чилавек! (Б.Кун., Тарб.); Вот гаварять: «Ты чо аблишшайи чилавека». Эта навроди как абманываиш (Шарал., Мухор.); Абманила миня внучка-та и смиецца, азарница (Дес., Тарб.); Усех абманили з зямлей тада, дажы граматеиф абманили (Ник., Мухор.) [5, с. 308, 309].*

Таким образом, производный от бурятского слова глагол **мухлевать** является синонимом к

глаголам **облещать** [аблишшать], **обманить** [абманить], имеющимся в старообрядческом говоре и образует с ним одно семантическое поле.

Худлэричь [худлэричь], **схудлэричь** (сов.в.) — обманывать, хитрить: *Худлэричь — эта значить брехать. Вот кто-та збрэшитъ, тагда и скажутъ: «Чо-та ты худлэриши, таварииши»* (Покр., Бич.); *Ты бабе-та сваей фсе ни дакладывай, а схудлэрь маленка. Баба есь баба, ана фсе адно вьбалтат* (Шиб., Бич.) [5, с. 505, 463]. В словаре отсутствуют однокоренные слова. Однако, по нашим наблюдениям, слова **худлэричь** — **схудлэричь** образуют одно семантическое поле со словами **мухлевать**, **мухлэвщик**, **мухлэвщица**, доминантной семой их является сема обмана.

Худлэричь от бур. худал — 1. Неправда, ложь, вранье 2. Ложный, фальшивый; худалаар — ложно, фальшиво, притворно [6, с. 597]. Самым близким к производному глаголу с точки зрения морфемной структуры является бурятское наречие худалаар. Поэтому можно говорить, что глагол образован от него с помощью суффикса **-и + ть** (суффикс инфинитива), долгий [аа] в русском языке стал ударным звуком [а], краткий бурятский [а] исчез.

В семантическое поле бурятского слова худал входят однокоренные слова худалаар — ложно; фальшиво; притворно; худалша — 1. врун, лгун; 2. лживый, ложный [6, с. 597, 598].

Таким образом, производные от бурятских слов глаголы **мухлевать** [мухливать], **худлэричь** [худлэричь], **схудлэричь** и глаголы **облещать** [аблишшать], **обманить** [абманить], имеющиеся в говоре семейских, образуют синонимический ряд и одно семантическое поле. При этом наблюдаются оттенки значений, различающие производные глаголы **мухлевать** [мухливать] и **худлэричь** [худлэричь], **схудлэричь**. Глагол **мухлевать** [мухливать] содержит в своем значении семы «мошенничества, хитрости, плутовства, обмана», глаголы **худлэричь** [худлэричь], **схудлэричь** обозначают «обмануть», иногда в контексте «с хитростью».

Архидэчить [архидэчить] — пьянствовать вместе со знакомыми, соседями, переходя из одного дома в другой: *Ты мне ни худлэрь, гавари, где был. Апять архидэчил?!* (Шиб., Бич.); *Пасяуня на насу, а он, антихрист, архидэчить уш нядэлю* (Бич., Бич.) [5, с. 26].

В семантическое поле слова **архидэчить** входит однокоренное заимствованное бурятское слово **архи** — 1. молочная водка; 2. водка [5, с. 26]. Бурятское слово **архи** проникло в русский говор путем прямого заимствования. От него,

возможно, был образован производный глагол при помощи суффикса **-дэчи + ть** (суффикс инфинитива): *Па-ранишнему архи — эта малочная вэтка, а счас любая вэтка — архи. Тэка ни вино, а белая вэтка* (Шиб., Бич.); *Архи навалам стил, шэ минэ пэччивал* (Дес., Тар.); *Он менэ талэ, друх, значить, скэка мы с ём архи вьпили. Выручэим друх друику усягда* (Шиб., Бич.).

В самом говоре старообрядцев есть слова **пьюшка** [пьюшка], **пьянюшка** [пьянюшка], **пьянюшка** [пьянюшка] — пьяница, алкоголик: *Пьюшки, у них и нет ничэ, пьют ить, фсе праиваютъ* (Ник., Мухор.) [5, с. 390]; **выпиваха** [выпиваха/упиваха] — пьяница, алкоголик: *Сусэт тэ ли вьпиши? А врэди и ни выпиваха* [5, с. 89]; **алкоголист** [алкагалист] — пьяница, алкоголик [5, с. 23]; **глыкырь** [глыкырь] — пьяница, алкоголик: *Он глыкырь, вэтку многа пьёт* [5, с. 99]; **лагун** [лагун] (во втором значении) — о пьянице: *Мой лагун намэдни апэтэ эле на нагах дяржэлси* [5, с. 240]; **макэта** [макэта] (в первом значении) — пьяница, алкоголик: *Макэта — эта катэрий биз утиху пьёт и пьёт* (Калин., Мухор.) [5, с. 254]; **рюмочник** [рюмашник] — пьяница, алкоголик [5, с. 410]; **чэрочник** [чэрашник] — пьяница, алкоголик [5, с. 511]; **гобэлик** [гагэлик], **гогулик** [гагулик] — то же, что и **алкоголист**: *Муш-та-мой — гагулик! Пьёт бисрабэдна, а напэецэ — таг дрэца лэзит* (Дес., Тарб.) [5, с. 100, 101], которые образуют вместе со словами **архи**, **архидэчить** одно семантическое поле.

Производящим для глагола **архидэчить** мог стать и бурятский глагол **архидэча** — пьянствовать, выпивать, кутить согласно трактовке К. М. Черемисова [6, с. 60], в нашей трактовке — «принимать угощения, угощаться в доме (у кого-либо) по приглашению хозяев». В таком случае русский глагол образован от бурятского с помощью суффикса **-и** и фонетических изменений — замены звука [х] звуком [ч], **архидэч + и + ть** (суффикс инфинитива).

В семантическое поле бурятского слова **архидэча** входят однокоренные слова **архи** — молочная водка, тарасун, водка, вино [6, с. 60]; **архидэчашан** — приглашенные люди, собравшиеся в доме (в чьем-либо) в честь приема гостей (трактовка наша); **архидуулха** — быть угощаемым (трактовка наша); **архиин** — водочный, винный; **архинша** — пьяница, алкоголик [6, с. 60].

Тарбаганить [тарбаганить] — охотиться на тарбаганов: *Тарбаган — такая звярушка. Рэста он нябальшэньтий, с кыску, тэка паздарэушы кысти, патэлыш. Главнай шкурти, и ишишэ*

тарбаганий жыр цэницца. Он идёт для бальных: лёгаинити лёхтии имя лёчуть. Мы з братам у прошлым гóди тарбаганили кал Загана (Нов., Бич.); Как ранышы звáli «тарбаган», так и счас. Мех явó цэницца — вот и тарбаганять, хто мóжыть (Шиб., Бич. [5, с. 468].

В семантическое поле глагола тарбаганить входит слово тарбаганщик [тарбаганшык] — охотник за тарбаганами: За тарбаганами, ну, этими сурками мангольстими, ахóтюца каторы — эта тарбаганшыти. Есь у нас тати (Н.Заг., Мухор.) [5, с. 468].

Тарбаганить от бур. тарбагашалха — охотиться на тарбаганов или от тарбаган — степной сурок [6, с. 415]. Производный русский глагол образован, скорее всего, от бурятского существительного тарбаган при помощи суффикса -и + ть (суффикс инфинитива).

В семантическое поле бурятского глагола тарбагашалха входят слова тарбаган — 1. тарбаган (степной сурок); 2. тарбаганий; тарбаганай — сурковый, тарбаганий; тарбагатай — изобилующий тарбаганами (о местности); тарбагашалха — охотиться на тарбаганов; тарбагашан — охотник на тарбаганов; тарбагашалуулха — отправить охотиться на тарбаганов [6, с. 415].

Ургэчить¹ [ургэчить] — охотиться, устраивать загоны: Ургэчит — значить заганять в загоны. Любых вот: ушканау, лис, валкоу (Мот., Бич.); На изюбра мы тот гот ургэчили. Загнали ивó ф пать, акружыли са фсех старон (Шиб., Бич.); Вот, примёрна, пятаира ёдим, я их на намирам раставляю. Мётрау на сто — сто пидисят друг ад друга. Каждый знает, где астальны стаять, штоп ни стрэлит в ту стóрану. Адин гонщик кричит, гонит их на зверя. Вот эта ургэчить значить, но ф Куналеи так ни гаварят (Б.Кун., Тарб.); Уранышэ мужыки у лес хадили, ургэчили. Схóдють, загонють кавó, так и жывуть (Бич., Бич.) [5, с. 488].

В семантическое поле производного от бурятского глагола ургэчить¹ [ургэчить] входит имеющийся в русском говоре глагол сырычить [сырычить] — охотиться, устраивая загоны: Ранышэ-та чáста сырычили — загоны дэлали, усей дирэвней ахóтились (Ник., Мухор.) [5, с. 464]. Глаголы ургэчить¹ [ургэчить] и сырычить [сырычить] входят в синонимические отношения.

Ургэчить от бур. үргөөхэ от үргэхэ — 1) пугать, отпугивать, отгонять; устраивать загон (например, для коз) [6, с. 510]. В русском языке производящее бурятское слово претерпело значительные фонетические изменения: звук [ү] перешел в [у], долгий звук [өө] перешел в [э],

согласный [х] — в [ч]. Суффикс -и выступает как словообразующий в производном русском глаголе.

В семантическое поле бурятского глагола үргөөхэ входят слова үргөөлгэн — облава (охотничья); үргөөлшэ — загонщики на облаве [6, с. 510].

Яманиться [иманица/яманица] — рожать козлят (о козе): Имануха у нас на днях иманица будит (О.-К., Бич.); Ямануха яманилась, приняла двух яманят (Бич., Бич.); Яманы усяти бывают: и бёлы, и чорны, и красны. У нас был бёлый яман, и ямануха бёлыми яманилась. И сама бёла, канешна (Нов., Бич.) [5, с. 538].

В семантическое поле глагола яманиться [иманица/яманица] входят слова яман [еман/иман/яман] — домашний козел (проникло в русский говор путем прямого заимствования) и производные от него по словообразовательным моделям русского языка: яманёнок [иманёнак/яманёнак] — детеныш домашней козы; козленок; ямашок [ямашок] — то же, что и яманёнок; ямашонок [ямашонок/ямашонок] — то же, что и яманёнок; яманий [еманий/иманий/яманий] — то же, что и яманный [иманный/яманный] — относящийся к яману, козий; яманина [иманина/иманина/яманина/яманина] — шкура ямана, яманиха [яманиха/иманиха/яманиха/яманиха], яманка [яманка/яманка] — то же, что и ямануха [ямануха/ямануха] — домашняя коза [5, с. 537, 538]; гуран [гуран] — 1. дикий козел, самец косули (проникло в русский говор путем прямого заимствования) и производные от него по словообразовательным моделям русского языка: гуранёнок [гуранёнак] — детеныш гурана, то же, что гуранчик, гураний [гураний] — относящийся к гурану; гуранина [гуранина] — 1.мясо гурана, 2. шкура гурана, гураниха [гураниха/гураниха] — самка гурана. То же, что и гуранка [гуранка] [5, с. 110, 111]: Еманы рагаты такй, ну, «казлы» ишó па-другому (В.Саян., Тарб.); Иманёнак — дитёныш ад дамашиний казы (О.-К., Бич.); У яманухи есь ямашок, ямашки — эта иё дитёнышы (Бич., Бич.); Имашонок — эта малинький казлёнак. Матку-та «имануха» завут, а дитёнышэй — «имашата» (Бич., Бич.; Мяс-та хто «яманина», хто «яманий мяса» завёт, фкусный он (Мот., Бич.); Иманная шкура харóшая. Чичас дажа карóвыи шкуры стáli здавать. А иманьи фсигда в дэла шли (Нов., Бич.); Казёл будит иман, каза — имануха, шкура ихня «иманина» называцца у

нас (Бич., Бич.) [5, с. 537, 538].

Яманиться от бур. **ямаан** — 1. Коза. 2. Козий [6, с. 799]. При образовании русского глагола бурятский долгий гласный [aa] в производящем слове перешел в ударный гласный [a]. Производный глагол образовался с помощью суффикса **-и** + **ть** (суффикс инфинитива) + **ся** (суффикс с собственно возвратным значением).

В семантическое поле бурятского глагола **яманиться** входят слова **ямаанай** — козий, **эхэ яман** — коза-матка; **хаамхай яман** — дойная коза; **яман хахал** — козлиная борода; **ямаанай хүн** — козье молоко; **яманай, яманайхи** — козий (пух, молоко, шкура) [6, с. 799]; **гуран** — самец козули [6, с. 160], дикий козел (трактовка наша).

В самом говоре старообрядцев есть слова **козёл** [казёл] — дикий козел, самец козули; **козленёнок** [казлинёнок/ казлянёнок] — 1. детеныш дикой козы. 2. детеныш домашней козы; козленок; **козлұха** [казлұха] — самка дикого козла, козуля; **козулёнок** [кузулёнок] — то же, что и **козленёнок**, которые составляют вместе со словами **ямán** и производными от него одно семантическое поле. Однако следует заметить, что слова **ямán** (от бур.) и **козёл** разошлись в значениях. В старообрядческом говоре слово **козел** стало обозначать дикого козла, а слово **яман** — домашнее животное. Из бурятского языка заимствовано в старообрядческий говор еще и слово **гуран** — дикий козел в том же значении, в каком оно существует в языке-источнике. Таким образом, слова **козел**, **гуран** и их производные в говоре имеют отношение к диким животным, а слово **яман** и его производные — к домашним животным: **Казёл** — *эта дикай казёл, он у гарах живёт, а дома — эта яман* (Шиб., Бич.); **Казёл** — сам, **казлянёнок** — *малиньтий* (Шиб., Бич.); *Стариннае сямейскае названіе — «казлянёнок». Эта уш пёсли стáли звáть «яманёнок»* (Мот., Бич.); *Дікии козы у нас, канёшна, есь. Казлұха — бяз рох, казёл — с рауáми* (Нов., Бич.); *Казлы у нас рапридиляюцца в названіях. Самцоф мы бо́льшэ завём гура́нами. Абы́чна ані ры́жава цвёта. Наваро́ждиных казля́т да чытырэх-питі́ мэсицыф у*

нас назывáють кузулёнками. Ф такú по́ру лучшы ни нападáть на нивó, а то матъ ф такóм слұчае мóжыт самá напáсть на ахóтника (Таш., Заигр.) [5, с. 204, 205]; *У нас дитии козы — гура́ны. Сам — гура́н, матка — гура́нка. Эта усё мёснае названне у нас* (Бич., Бич.) [5, с. 110].

Проведенное исследование особенностей семантики и словообразования глаголов в говоре русских старообрядцев от бурятских слов позволяет сделать следующие выводы. Словообразование глаголов в русском старообрядческом говоре осуществляется с помощью русских суффиксов по словообразовательным моделям русского языка либо от бурятских существительных, напрямую заимствованных из бурятского языка, либо от бурятских глаголов или слов других частей речи (например, наречий) (**архидáчить** ← **архи** или **архидáчить** ← **архидаха**; **худлáрить** [худлáрить], **схудлáрить** ← **худал** или **худлáрить** [худларить], **схудлáрить** ← **худалаар**). Мы считаем, что определенно утверждать, от какого именно слова образован тот или иной глагол затруднительно, так как русские старообрядцы, слыша бурятскую речь, воспринимали все семантическое окружение его и доминантная сема становилась мотивирующей в целом для образования производных слов. В результате в старообрядческом говоре расширился лексический состав глаголов, обозначающих: 1) действия, в результате мыслительных процессов (*мыдыковать, мухлевать, худларить, схудларить*), 2) глаголы, обозначающие деятельность людей и животных (*архидачить, тарбаганить, ургечить, яманиться*). Вновь образованные глаголы вошли в активный словарный состав говоров старообрядцев, образовав синонимические отношения с глаголами собственно старообрядческими с тождественной им семантикой (**ургэ́чить**¹ [ургэ́чить] и **сыры́чить** [сыры́чить]). Зачастую они стали более употребительными по сравнению с собственно старообрядческими словами.

Рассмотрение производных слов в русских старообрядческих говорах с точки зрения семантико-словообразовательных отношений представляет интерес для дальнейшего изучения.

Литература

1. Егодурова В. М. Отражение межэтнических контактов в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ, 2007. — С. 331–339.
2. Егодурова В. М. Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка // Вестник Бурят. гос. ун-та. Спец. вып. А. — 2012. — С. 84–91.
3. Юмсунова Т. Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. — Новосибирск, 1992. — 197 с.; Юмсунова Т. Б. Лексические контакты семейских говоров с бурятским языком и старожильческими русскими говорами (на материале названий диких животных) // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. — Улан-Удэ. — 1988. — С.108–120; Тынтуева Е. И. Бытовая лексика говора «семейских» Забайкалья: дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1974. — 271 с.; Эрдынеева Э. Д. Диалектная речь русских старожилков Бурятии. — Новосибирск: Наука, 1986. — 92 с.; Эрдынеева Э. Д. Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. — Улан-Удэ, 1985; Матвеева К. Н. Адаптация заимствованных из бурятского языка слов в русских говорах Западного Забайкалья // Исследование лексики и фразеологии говоров Сибири. — Красноярск, 1984. — С. 70–78; Матвеева К. М. Заимствования в лексической системе русских говоров южной части Бурятии // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. — Улан-Удэ, 1985. — С.36–44.
4. Санжина Д. Д., Эрдынеева Э. Д. Об изучении взаимовлияния русской и бурятской речи на диалектном уровне // Слово в русской народной речи. — Улан-Удэ, 1991; Бухаева О. Д. О лексическом взаимодействии русского и бурятского языков (на материале диалектной лексики) // Русские народные говоры Забайкалья. — Улан-Удэ, 1995. — С.40–50.
5. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. — 562 с.
6. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. — М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973. — 804 с.

References

1. Egodurova V. M. Otrazhenie mezhetnicheskikh kontaktov v «Slovare govorov staroobryadtsev (semeiskikh) Zabajkal'ya» [Interethnic contacts in the "Dictionary of the Transbaikalian Old Believers (The Semeiskie subdialects)". *Staroobryadchestvo: istorya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii — Old Belief: history and modern age, local traditions, Russian and foreign connections. Proceedings of the V International research and practice Conference.* Ulan-Ude, 2007. Pp. 331–339.
2. Egodurova V. M. Zaimstvovannaya iz buryatskogo yazyka leksika kak component regional'nogo russkogo yazyka [Adopted from Buryat language vocabulary as a component of the regional Russian language]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Spets. vyp. A — Bulletin of Buryat State University. Special issue A.* 2012. Pp. 84–91.
3. Yumsunova T. B. Leksika govora staroobryadtsev (semeyskikh) Zabajkal'ya [The subdialect vocabulary of the Transbaikalian Old Believers (Semeiskie)]. Novosibirsk, 1992. 197 p.; Yumsunova T. B. Leksicheskie kontakty semeiskikh govorov s buryatskim yazykom i starozhil'cheskimi russkimi govorami (na materiale nazvanij dikikh zhyvotnykh) [Lexical contacts of the Semeiskie subdialects with Buryat language and old-Russian subdialects (based on the wild animals names)]. *Razvitie i vzaimodejstvie dialektov Pribajkal'ya — Development and interaction of the Pre-Baikalian dialects.* Ulan-Ude, 1988. Pp. 108–120; Tyntueva E. I. *Bytovaya leksika govora «semeiskikh» Zabajkal'ya: dis. ... kand. filol. nauk* [Colloquial vocabulary of the Transbaikalian Semeiskie: PhD diss.] Leningrad, 1974. 271 p.; Erdyneeva E. D. *Dialektnaya rech' russkikh starozhilov Buryatii* [Dialectical speech of the Russian old timers of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 92 p.; Erdyneeva E. D. *Dialektnaya leksika v russkikh govorakh Zabajkal'ya* [Dialect vocabulary in the Transbaikalian Russian subdialects]. Ulan-Ude, 1985; Matveeva K. N. Adaptatsiya zaimstvovannykh iz buryatskogo yazyka slov v russkikh govorakh Zapadnogo Zabajkal'ya [Adaptation of Buryat language words in the Russian subdialects of the Western Transbaikalia]. *Issledovanie leksiki i frazeologii govorov Sibiri — Research on vocabulary and phraseology of the Siberian subdialects.* Krasnoyarsk, 1984. Pp. 70–78; Matveeva K. N. Zaimstvovaniya v leksicheskoy sisteme russkikh govorov yuzhnoi chasti Buryatii. [Loan-words in lexical system of the Russian subdialects in the southern part of Buryatia]. *Dialektnaya leksika v russkikh govorakh Zabajkal'ya — Dialect vocabulary in the Transbaikalian Russian subdialects.* Ulan-Ude, 1985. Pp. 36–44.
4. Sanzhina D. D., Erdyneeva E. D. Ob izuchenii vzaimovliyaniya russkoj i buryatskoj rechi na dialektnom urovne [On studying Russian and Buryat speech interaction on a dialect level]. *Slovo v russkoj narodnoj rechi — A word in the Russian folk speech.* Ulan-Ude, 1991; Buxaeva O. D. O leksicheskom vzaimodejstvii russkogo i buryatskogo yazykov (na materiale dialektnoj leksiki) [On lexical interaction of Russian and Buryat languages (based on the dialect vocabulary)]. *Russkie narodnye govory Zabajkal'ya — Russian folk subdialects of the Transbaikalia.* Ulan-Ude, 1995. Pp. 40–50.
5. *Slovar' govorov staroobryadtsev (semeiskikh) Zabajkal'ya* [Dictionary of the Transbaikalian Old Believers (The Semeiskie subdialects)]. Novosibirsk: SB RAS publ., 1999. 562 p.
6. Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkij slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia publ., 1973. 804 p.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 820

Многообразие русских переводов стихотворения Кристофера Марло «Страстный пастух — своей возлюбленной»: опыт анализа*

* Исследование осуществлено в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-5818.2015.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция английской поэзии викторианской эпохи в синхронии и диахронии».

© Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета
Россия, 440039, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11
E-mail: ivb40@yandex.ru

© Рябова Анна Анатольевна

кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета
Россия, 440039, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11
E-mail: asnowflake@yandex.ru

В статье рассмотрена история русской переводческой рецепции пасторального стихотворения Кристофера Марло «Страстный пастух — своей возлюбленной», к осмыслению которого обращались ведущие русские переводчики XX — начала XXI в. Т. Л. Щепкина-Куперник, В. В. Рогов, Г. М. Кружков и др. Впервые публикуется сохранившееся в фонде 571 Российского государственного архива литературы и искусства в двух редакциях (ранней и окончательной) стихотворение Т. Л. Щепкиной-Куперник «Любовная песня пастушки (на тему из Марлоу)», созданное предположительно в 1930–1940-е гг. Не относясь к числу наивысших творческих достижений Марло, данная пастораль вместе с тем привлекала русских переводчиков как яркое отражение литературного и культурного процесса эпохи королевы Елизаветы, характеризовалась экспрессией, ощущением незатейливости, искренности и первозданности.

Ключевые слова: Кристофер Марло, пастораль, поэзия, традиция, русско-английские литературные связи, художественный перевод, межкультурная коммуникация.

The variety of Russian interpretations of Christopher Marlowe's poem «The Passionate Shepherd to His Love»: an experience of the analysis

Dmitrij N. Zhatkin

DSc, Professor, Head of the Department of Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological University
1a/11 Bajdukova Pr. / Gagarina Str., Penza 440039, Russia

Anna A. Ryabova

PhD, Professor, of the Department of Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological University
1a/11 Bajdukova Pr. / Gagarina Str., Penza 440039, Russia

The article reviews the history of Russian interpretation reception of Christopher Marlowe's pastoral poem "The Passionate Shepherd to His Love". Leading Russian translators of the 20th and the beginning of the 21st century such as T.L.Shchepkina-Kupernik, V.V.Rogov, G.M.Kruzhkov and others interpreted it. The article presents the first publication of T.L.Shchepkina-Kupernik's poem "The Shepherdess' Love Song (on the theme from Marlowe)" in two editions (early and final), created approximately in the 1930–1940-s, from the fund number 571 of the Russian State Archive of Literature and Art. Being not one of the most valuable Marlowe's creative achievements this pastoral poem at the same time attracted Russian translators as a bright reflection of literary and cultural processes during Queen Elizabeth's epoch characterized by some expression, sense of simplicity, sincerity and originality.

Keywords: Christopher Marlowe, pastoral, poetry, tradition, Russian-English literary connections, artistic translation, intercultural communication.

История русских прочтений пасторального стихотворения Кристофера Марло «Страстный пастух — своей возлюбленной» («The Passionate Shepherd to His Love», не позднее 1593) ведет свое начало от анонимного подстрочного перевода, опубликованного в 1914 г. в «Полном ключе к историко-литературной хрестоматии», приложении к книге «Историко-литературная хрестоматия», сопровождавшей издание курса английского языка Академии иностранных языков. В виду практически полной неизвестности и труднодоступности этого перевода приводим его полностью: «Приходи жить со мною и будь моей любовью; / И мы все удовольствия испытаем, / Которые холмы и долины, долинки и поля, / Леса или крутая гора предоставляет. / И мы будем сидеть на утесах, / Глядя на пастухов, пасущих их стада / У мелких речек, падениям которых / Мелодичные птицы поют мадригалы. / И я сделаю тебе постели из роз / И тысячи душистых букетов; / Шляпу из цветов и юбочку, / Окаймленную всю листьями мирты; / Платье, сделанное из лучшей шерсти, / Которую из наших хорошеньких овец мы вырываем; / Прекрасные подбитые туфли от холода / С пряжками из чистейшего золота; / Пояс из соломы и молодых побегов плюща / С коралловыми застежками и янтарными пуговицами. / И если эти удовольствия могут тебя тронуть, / Приходи жить со мною и будь моей любовью. / Юные пастухи будут танцевать и петь / Для твоего восхищения каждое майское утро; / Если эти удовольствия твой ум могут тронуть, / Ты живи со мной и будь моей любовью» [5, с. 18]. В комментарии к переводу отмечалось, что под *падением* мелких речек подразумевается *водопад* и что слова об удовольствиях, способных *тронуть*, были бы более точными при использовании глагола *прельстить*.

Следующим событием в русской рецепции марловского произведения стала вольная интерпретация Т. Л. Щепкиной-Куперник «Любовная песня пастушки (на тему из Марлоу)», которую можно предположительно датировать 1930–1940-ми гг.; это произведение, оставшись неопубликованным, сохранилось в двух редакциях — ранней и окончательной, отличающихся различиями в трех стихах, в фонде Т. Л. Щепкиной-Куперник (ф. 571) в Российском государственном архиве литературы и искусства [9; 10]: «Уйди со мной и будь моим! / И жизнь мы в счастье превратим. / Все радости познаем мы, / Что дарят лес, луга, холмы. / Мы не устанем никогда / Смотреть как резвятся стада, / У тихих рек, где птички малы / Струям слагают мадрига-

лы. / Из роз мы ложе возведем / В цветах душистых все кругом, / Ты вечно будешь мной любим: / Уйди со мной — и будь моим! / Тебе с овечки тонкорунной <в ранней редакции — Тебе из пряжи тонкорунной> / На платье соберу я пух. / Игрой свирельной ночью лунной <в ранней редакции — Игрой свирельною и струнной> / Я буду услаждать твой слух. / Налью я молока и меда / Тебе в серебряный бокал: / Плодов румяных даст природа, / Когда бы, милый, ты взалкал! / Из мирт устроим мы чертоги / И будем счастливы как боги: / Всю жизнь любви мы посвятим — <в ранней редакции — Всю жизнь любви мы отдадим> / Уйди со мной и будь моим!».

Первые поэтические переводы марловского стихотворения принадлежат И. Н. Жданову и В. В. Рогову, причем в сборнике Марло 1961 г. первоначально планировалась публикация перевода В. В. Рогова, о чем свидетельствует сохранившийся в авторском деле в РГАЛИ план издания однотомника [8], однако напечатан был все же перевод И. Н. Жданова [6, с. 610–611]. Перевод В. В. Рогова оказался востребован только в 1974 г., когда он вошел в том «Европейские поэты Возрождения» «Библиотеки всемирной литературы» [3, с. 501]. Вероятно, к 1970 — началу 1980-х гг. относится перевод пасторального стихотворения, выполненный В. В. Новожиловым — известным ученым в области механики, академиком АН СССР, Героем Социалистического Труда; этот перевод увидел свет в сборнике поэтических опытов ученого, выпущенном в 1995 г. Центральным научно-исследовательским институтом им. академика А. Н. Крылова [7, с. 53]. В постсоветскую эпоху произведение Марло было переведено Г. М. Кружковым и А. В. Лукьяновым, причем первый из названных переводов был включен в том «Поэты английского Возрождения» серии «Библиотека зарубежного поэта» [4, с. 182–183], второй — размещен в сети Интернет [2].

Авторский зачин «*Come live with mee, and be my love, / And we will all the pleasures prove*» [11, vol. 2, p. 537], повторенный в конце пятой строфы («*And if these pleasures may thee move, / Come live with mee, and be my love*» [11, vol. 2, p. 537]) и преобразованный в вывод в финале («*If these delights thy minde may move, / Then live with mee, and be my love*» [11, vol. 2, p. 537]), был передан И. Н. Ждановым однообразно: «*Приди, любимая моя! / С тобой вкушу блаженство я. / <...> / С тобой познаю счастье я, / Приди, любимая моя! / <...> / Волнение сердца не тая, / Приди, любимая моя!*» [6, с. 610–611]. Подобный же

подход характерен для перевода А. В. Лукьянова: «*Приди ко мне, и стань моей!* / Так насладимся мы полней / <...> / Коль жаждешь неги, поскорей / *Приди ко мне и стань моей* / <...> / Услады хочешь/жаждешь? Так смелей / *Приди ко мне и стань моей*» [2].

В. В. Рогов, как и Марло, счел необходимым внести минимальные отличия в текст первого и последнего стихов, однако заключительный стих пятой строфы оказался у него идентичен не первому (как у Марло), а заключительному стиху пасторали: «*О, стань возлюбленной моей, / Живи со мной среди полей!* / <...> / Коль мило то душе твоей, / *То стань возлюбленной моей.* / <...> / Коль есть отрада в жизни сей, / *То стань возлюбленной моей*» [3, с. 501]. В прочтении В. В. Новожилова усилен элемент нетерпения («*Приди ко мне <...> Приди скорей <...> Приди ж скорей*»), подчеркивающий одновременно и страсть, и отчаяние пастушка, переживающего любовные страдания: «*Приди ко мне и будь моей, / Счастливей станем всех людей / <...> / Коль мил тебе подобный рай, / Приди скорей и будь моя.* / <...> / *Приди ж скорей и будь моя*» [7, с. 53]. Г. М. Кружков сделал акцент на идеализации как одной из особенностей пасторального текста, в результате чего было внесено сравнение *как / словно голубь с голубком*, позволившее стихам зазвучать особенно трепетно и нежно: «*Пойдем со мной и заживем, / Любясь, как голубь с голубком, / <...> / Согласна ль ты в раю таком / Жить, словно голубь с голубком? / <...> / Чтоб нам с тобой в раю таком / Жить, словно голубь с голубком*» [4, с. 183]. Самое необычное из прочтений принадлежит Т. Л. Щепкиной-Куперник, в чьем стихотворении «на тему из Марлоу» монолог звучит из уст девушки: «*Уйди со мной и будь моим!* / И жизнь мы в счастье превратим. / <...> / Ты вечно будешь мной любим: / *Уйди со мной – и будь моим!* / <...> / Всю жизнь любви мы посвятим — / *Уйди со мной и будь моим!*» [10].

При помощи нагнетания предлога *среди* В. В. Новожилов и Г. М. Кружков подчеркнули значимые для пасторали красоты сельской природы, ср.: «*And we will all the pleasures prove, / That Vallies, groves, hills and fieldes, / Woods, or steepie mountaine yeeldes*» [11, vol. 2, p. 537] — «*Счастливей станем всех людей / Среди полей, холмов, долин, / Среди лесов, среди вершин*» (В. В. Новожилов; [7, с. 53]) — «*Любясь, как голубь с голубком, / Среди лугов, среди дубрав, / Среди цветов и горных трав*» (Г. М. Кружков; [4,

с. 182]). В других переводах и в стихотворении Т. Л. Щепкиной-Куперник данный мотив несколько ослаблен: «*Все радости познаем мы, / Что дарят лес, луга, холмы*» (Т. Л. Щепкина-Куперник; [10]); «*Открыты нам полей простор, / Леса, долины, кручи гор*» (И. Н. Жданов; [6, с. 610]); «*Всем наслаждаться будем мы, / Чем славны долы и холмы*» (В. В. Рогов; [3, с. 501]); «*Так насладимся мы полней / Красой долин, полей, лугов, / Крутыми склонами холмов*» (А. В. Лукьянов; [2]).

Г. М. Кружковым, пользовавшимся, вероятно, иной редакцией марловской пасторали, переведена дополнительная строфа, находящаяся между пятой и шестой строфами: «*В обед мы будем каждый день / На мраморный садиться пень / И пить нектар, как боги пьют, / И есть из золоченых блюд*» [4, с. 183]. Тот же мотив можно видеть в произведении Т. Л. Щепкиной-Куперник, не разделенном на строфы: «*Налью я молока и меда / Тебе в серебряный бокал: / Плодов румяных даст природа, / Когда бы, милый, ты взалкал! / Из мирт устроим мы чертоги / И будем счастливы как боги*» [10]. Т. Л. Щепкиной-Куперник дополнительно внесены строки о музыке, никак не соотносимые с текстом Марло: «*Игрой свирельной ночью лунной / Я буду услаждать твой слух*» [10].

Как видим, пасторальное стихотворение «*Страстный пастух – своей возлюбленной*», не относящееся к числу существенных творческих достижений Марло, вызвало значительный интерес у русских переводчиков, каждый из которых имел свои причины и основания, чтобы обратиться к его интерпретации. В содержательном плане пастораль Марло могла привлекать тем, что явилась ярким отражением литературного и культурного процесса своей эпохи, ушла в народ, где распространялась в многочисленных списках, была неоднократно положена на музыку, вызвала «поэтический разговор», в котором приняли участие Шекспир и Донн, Уолтор Рэли и неизвестный автор [1, с. 106–125]. Пастораль была насквозь пронизана живой экспрессией, характеризовалась языковой незатейливостью, придававшей ощущение искренности, чистоты, первозданности, что не могло не привлечь пристального внимания. Наконец, успешному решению переводческих задач способствовал и скромный по размерам текст пасторали, не идущий в сравнение с прочими объемными сочинениями Марло.

Литература

1. Макурenkova С. А. Поэтический разговор английских поэтов по мотивам пасторали: (К внутренней перекличке творчества Марло, Рэли, Шекспира, Донна) // Шекспировские чтения. 1985 / под ред. А. А. Аникста. — М.: Наука, 1987. — С. 106–125.
2. Марло К. Влюбленный пастушок — своей возлюбленной / пер. А. В. Лукьянова [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=30476>
3. Марло К. Влюбленный пастух — своей возлюбленной / пер. В. В. Рогова // Европейские поэты Возрождения. — М.: Художественная литература, 1974. — С. 501.
4. Марло К. Влюбленный пастух — своей нимфе / пер. Г. М. Кружкова // Поэты английского Возрождения / пер. с англ., сост., статья, комментарии Г. М. Кружкова. — СПб.: Наука, 2006. — С. 182–183.
5. Марло К. Страстный пастух к своей возлюбленной / <анонимный перевод> // Полный ключ к историко-литературной хрестоматии. Курс английского языка Академии иностранных языков. — СПб.: Книгоиздательское товарищество «Благо», [1914]. — С. 18. Местом издания «Историко-литературной хрестоматии», к которой прилагался указанный «Полный ключ...», означен Петроград. Датировка книги, в которой год выхода не указан, осуществлена по картотеке Российской национальной библиотеки.
6. Марло К. Страстный пастух — своей возлюбленной / пер. И. Н. Жданова // Марло К. Соч. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. — С. 610–611.
7. Марло К. Страстный пастух своей возлюбленной / пер. В. В. Новожилова // Новожилов В. В. Историко-биографические этюды. Переводы английских поэтов XVI–XVII вв. — СПб.: Тип. ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова, 1995. — С. 53.
8. План <издания «Сочинений» К. Марло> // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 1193. Л. 42.
9. Щепкина-Куперник Т. Л. Любовная песня пастушки (на тему из Марлоу) [ранняя редакция] // РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 24.
10. Щепкина-Куперник Т. Л. Любовная песня пастушки (на тему из Марлоу) // РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 23об.
11. The Complete Works of Christopher Marlowe: In 2 vol. / Ed. by F. Bowers. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. Vol. 1–2.

References

1. Makurenkova S. A. Poeticheskij razgovor anglijskikh poetov po motivam pastorali: (K vnutrennej pereklichke tvorčestva Marlo, Rjeli, Shekspira, Donna) [Poetic conversation of English poets based on pastoral (On creative exchange between Marlowe, Raleigh, Shakespeare, Donne)]. *Shekspirovskie čteniya 1985 — Shakespeare reading. 1985* / Ed by A. A. Anikst. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 106–125.
2. Marlowe C. *Vljublennyj pastushok — svoej vozljublennoj* / per. A. V. Luk'janova [The Passionate Shepherd to His Love]. Available at: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=30476>
3. Marlowe C. *Vljublennyj pastuh — svoej vozljublennoj* / per. V. V. Rogova [The Passionate Shepherd to His Love]. *Evropejskie poety Vozrozhdeniya — European Renaissance poets*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1974. P. 501.
4. Marlowe C. *Vljublennyj pastuh — svoej nimfe* / per. G. M. Kruzhkova [The Passionate Shepherd to His Love]. *Poety anglijskogo Vozrozhdeniya — Poets of the English Renaissance*. St. Petersburg: Nauka, 2006. Pp. 182–183.
5. Marlowe C. *Strastnyj pastuh k svoej vozljublennoj* <anonimnyj perevod> [The Passionate Shepherd to His Love <anonymous translation>]. *Polnyj klyuch k istoriko-literaturnoj hrestomatii. Kurs anglijskogo jazyka Akademii inostrannykh jazykov — Complete the key to the historical and literary anthologies. The course of English Language Academy*. St. Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Bлаго», [1914]. P. 18.
6. Marlowe C. *Strastnyj pastuh — svoej vozljublennoj* / per. I. N. Zhdanova [The Passionate Shepherd to His Love] // *Marlowe C. Sochinenija — Marlowe C. Writings*. Moscow: State publ. artistic literature, 1961. Pp. 610–611.
7. Marlowe C. *Strastnyj pastuh svoej vozljublennoj* / per. V. V. Novozhilova [The Passionate Shepherd to His Love] // *Novozhilov V. V. Istoriko-biograficheskie etyudy. Perevody anglijskikh poetov XVI–XVII vv. — Historical and biographical etudes. Translations English poets XVI–XVII centuries*. St. Petersburg: Central Research Institute named by Acad. A. N. Krylov, 1995. P. 53.
8. Plan <izdaniya «Sochinenij» C. Marlowe> [Plan <publication "Works" C. Marlowe>]. *RGALI — RSAL*. F. 613. Op. 9. Ed. hr. 1193. L. 42.
9. Shchepkina-Kupernik T. L. *Lyubovnaya pesnya pastushki (na temu iz Marlou) [rannaya redaktsiya] [Shepherdess' Love Song (on the motive by Marlowe) [Early Version]]*. *RGALI — PSAL*. F. 571. Op. 1. Ed. hr. 100. L. 24.
10. Shchepkina-Kupernik T. L. *Lyubovnaya pesnya pastushki (na temu iz Marlou) [Shepherdess' Love Song (on the motive by Marlowe)]*. *RGALI — PSAL*. F. 571. Op. 1. Ed. hr. 100. L. 23ob.
11. The Complete Works of Christopher Marlowe: In 2 vol. / Ed. by F. Bowers. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. V. 1–2.

УДК 82.09

Эволюция образа читателя в русской романтической прозе первой трети XIX в.

© Шипицына Наталья Владимировна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета
Россия, 670000, Улан-Удэ, Ранжурова, 6
E-mail: nataship26@mail.ru

Статья посвящена изучению эволюции «образа читателя» в романтической прозе. Проведен анализ категории «образ читателя», выделены основные характеристики. Рассматривается взаимодействие автора и читателя как на языковом, так и эстетическом уровне. Определяются особенности коммуникации и тип связей между автором-творцом и читателем в русской романтической прозе XIX в., а также специфика воплощения образа автора и образа читателя в художественном произведении. В качестве эмпирического материала использованы романтические повести XIX в. Тексты романтических повестей содержат прямые и скрытые авторские обращения к своему читателю. Авторское присутствие ощущается и в художественных описаниях, и в диалогах между героями.

Ключевые слова: образ читателя, автор, персонаж, рецепция, взаимодействие, текст.

Evolution of the image of a reader in Russian romantic prose of the first half of the 19th century

Nataliya V. Shipitsyna

Research Assistant, Department of Russian and foreign literature, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the evolution of "the image of a reader" in romantic prose, analyzes the "image of a reader" category, marks the main characteristics and examples. Reader and author interaction is described on linguistic and aesthetic levels. The author determines the characteristics and the type of communication between the author-creator and the reader in Russian romantic prose of the 19th century, as well as the specifics of personification of the image of author and reader in an artistic work. The article is based on the material of romantic novels of the 19th century. The romantic novels texts contain direct and hidden author appeals to his readers. Author presence can be found both in artistic descriptions and in the dialogues between characters.

Keywords: the image of a reader, author, character, reception, interaction, text.

В начале XIX в. на смену сентиментальному мировидению приходит романтическое, главный герой сентиментальной литературы — чувствительный человек — уходит со сцены, а вместо него появляется бунтарь-романтик, воплощающий идеал борющейся личности, которая не только сознает все несовершенство мира, но и стремится изменить его своими усилиями. С рождением нового направления, как правило, появляются новые жанры. Одним из них в русской романтической литературе можно считать новеллу, популярную в западноевропейском романтизме. Немецкий романтик Л. Тик так определял ее сущность: «Новелла представляет в самом ярком свете незначительный или значительный случай, который, хотя и вполне возможен, тем не менее, является удивительным, пожалуй, единичным. Этот поворот, этот пункт, где рассказ разворачивается совершенно неожиданно и, тем не менее, естественно, в соответствии с характером и обстоятельствами, сильнее запечатлевается в фантазии читателя, когда

предмет рассказа, даже чудесный, может при других обстоятельствах опять стать повседневным» [1, с. 114]. Эти особенности проявились и в русской романтической новелле, которая в начале XIX в. публиковалась с подзаголовком «повесть».

С целью выявления и описания образа читателя мы проанализировали следующие новеллы из сборника «Русская романтическая новелла»: «Лафертовская Маковница» А. Погорельского (1825), «Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова (1829), «Адель» М. П. Погодина (1830), «Перстень» Е. А. Баратынского (1831), «Латник» А. А. Бестужева-Марлинского (1832), «Кто же он?» Н. А. Мельгунова (1834), «Концерт бесов» М. Н. Загоскина (1834), «Поединок» Е. П. Ростопчиной (1838), «Станный бал» В. Н. Олина (1839), «Орлахская крестьянка» В. Ф. Одоевского (1842), «Черный гость» Бернета — А. К. Жуковского (1850). Все истории, объединенные жанром романтической новеллы, имеют общую черту — мистичность и фанта-

стичность сюжета. Их читатель никогда не мог с уверенностью сказать, что из рассказанного автором правда, а что — нет.

В сравнении с сентиментальной повестью принципиально изменились цель повествования и образ рассказчика. Если для автора-сентименталиста наиболее важным было воздействовать на своего читателя эмоционально, вызвать у него переживания, воспитать его чувства, то в романтической новелле обнаруживаются совсем другие цели. Авторы романтических новелл писали их прежде всего для развлечения и забавы читателей. Так, А. Немзер в статье «Тринадцать таинственных историй» отмечает: «Устанавливается своеобразная конвенция между автором и читателем: они готовы подтрунивать друг над другом, мистифицировать друг друга, но все же связаны некоторым единством — ощущением избранности, приобщенности к тайне» [2, с. 5].

Разгадка тайны для читателя романтической новеллы была важнее всего, и в связи с этим на первое место в поэтике романтических новелл выдвигается сюжет, который мог закончиться для читателей неожиданным образом. Так, например, не оправдываются ожидания читателей новеллы «Перстень» Е. А. Баратынского, ведь рассказчик, который держал их в напряжении до определенного момента, в конце концов объясняет загадочность личности Опальского совсем иначе. Сам Опальский описал свои страшные деяния в истории о том, что он заключил сделку с дьяволом и должен был следовать за своей тенью. На деле же это оказался жестокий розыгрыш: «Офицеры и некоторые из соседственных дворян выдумали непростительную шутку, описанную в рукописи: дворовый мальчик явился духом, Опальский до известного места в самом деле следовал за своею тенью. На это употребили очень простой способ: сзади его несли фонарь» [3, с. 118]. Таким образом, таинственность и мистичность моментально утрачивают для читателя свою притягательность.

В других новеллах автор не стремится к разоблачению своих героев и к внесению ясности для читателя, а наоборот, еще больше запутывает его. Так, Н. А. Мельгунов в новелле «Кто же он?» в постскрипуме «Для немногих», предлагая различные версии разгадки того, кто же является героем: «Злой дух, привидение, вампир, Мефистофель или все вместе?», на этот вопрос отвечает воображаемому читателю: «Не знаю! Отгадывайте» [2, с. 107]. Напомним, что романтические новеллы первой половины XIX в. являлись беллетристическими произведениями,

предназначенными в основном для легкого развлекательного чтения. И автор не мог раскрыть всех тайн рассказанной им истории потому, что в таком случае притягательность загадочных событий, которые волновали душу воображаемого читателя, могла исчезнуть.

Нами были выделены и проанализированы две группы романтических новелл в соответствии с двумя типами читателя — явного и скрытого. Отметим приемы, с помощью которых создаются их образы.

С образом *явного читателя* связаны следующие авторские обращения к нему: *почтенные читатели* («Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова [2, с. 53]); *господа, любезный читатель, насмешливый читатель* («Кто же он?» Н. А. Мельгунова [2, с. 107]); *приблизженный к автору читатель, «ты»* («Латник» А. А. Бестужева-Марлинского [2, с. 140]).

Можно заметить, образ читателя в романтической новелле является достаточно личным, близким автору. Исключением можно назвать новеллы «Лафертовская Маковница» А. Погорельского, где отсутствуют явные упоминания о читателе, адресат только подразумевается автором, и «Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова, где в обращении к читателю используются глаголы повелительного наклонения второго лица множественного числа: «*Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных, огромных строений...*» [2, с. 31]. Образ воображаемого читателя создается автором по принадлежности к некой общности, а не как индивидуальность. Зато в «Латнике» А. А. Бестужева-Марлинского автор, напротив, обращается к читателю на «ты»: «*Ты спросишь, откуда пробился ключ этих наслаждений моих, это перемещение сонных призраков в явную жизнь и действительных вещей в сонные мечтания?*»; «*Но веришь ли?...*» [2, с. 140]. Такой прием был необходим автору для создания иллюзии личного знакомства с читателем, а также иллюзии близкого общения. По мнению писателя, читатель, который знает автора лично, больше доверяет ему. В этом случае авторская программа воздействия на читателя реализовывалась успешнее.

В новеллах «Концерт бесов» М. Н. Загоскина, «Орлахская крестьянка» В. Ф. Одоевского автор использует композицию «рассказ в рассказе», благодаря которой появляется новый тип читателя — *читатель-слушатель*. Он, как правило, принадлежит к группе людей, которой обращает свой рассказ. В результате возникает двойное повествование, в связи с которым удваивается и

образ читателя, который одновременно и читает, и слушает загадочную историю: «Если кто-нибудь из вас, господа, жывал постоянно в Москве, — начал так рассказывать Черемухин, положив к стороне свою трубку, — то, верно, заметил, что периодические нашествия нашей братии, провинциалов, на матушку-Москву белокаменную начинаются по большей части перед Рождеством. <...> Я сам знаю один случай, который решительно оправдывает его догадки; и так как у нас пошло на рассказы, так, пожалуй, и я расскажу вам не сказку, а истинное происшествие. Быть может, вы мне не поверите, но я, клянусь вам честью, что это правда» («Концерт бесов» М. Н. Загоскина) [2, с. 214]. С самого начала автор вовлекает своего читателя не только в рассказ героя, но и в описание обстановки, в которой происходят события этого рассказа: «Говорят, будто бы меня нашли на площади подле театра; впрочем, *ты*, я думаю, давно уже знаешь остальное; в Москве целый месяц об этом толковали» [2, с. 226]. Слушатель, к которому обращается герой-рассказчик, знает его лично. Герой-рассказчик обращается к герою-слушателю на «ты», называет его своим другом: «Лауретта являлась мне после своей смерти: она умерла в Неаполе; а я, как видишь, мой друг, я жив еще», — промолвил с глубоким вздохом мой бедный приятель, оканчивая свой рассказ» [2, с. 226]. Так создается эффект живой беседы героя-рассказчика со слушателем, и читатель имеет возможность «прикоснуться» к мыслям и чувствам главного героя. Автор такой романтической новеллы как бы моделирует образ идеального читателя-слушателя, поскольку он является другом героя-рассказчика. Следовательно, сюжет романтической новеллы воспринимается воображаемым читателем как история, произошедшая с его другом или знакомым.

Рассмотрим приемы, которые используют авторы романтических новелл для создания образа *скрытого читателя*. Прежде всего, самой распространенной конструкцией в них является диалог автора с читателем. Автор задает предполагаемые вопросы от лица воображаемых читателей и сам на них отвечает: «Кто же был виновник всех этих напастей? Коварный Варфоломей, этот человек, которого он некогда называл своим другом и который, по его мнению, так жестоко обманул его доверенность» («Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова) [2, с. 39].

Как правило, для такого диалога с читателем автор романтической новеллы использовал риторические вопросы и восклицания, которые

усиливают эмоциональность повествования, а, следовательно, и эмоциональность восприятия. Более всего эта особенность проявилась в повествовании «женских» новелл, состоящем из предполагаемых вопросов воображаемого читателя и ответов автора-повествователя: «Знаете ли вы, где и как удобнее познаются человек, его склонности и привычки, даже его чувства и обычное расположение его мыслей? Я берусь вам это сказать...» [2, с.229]; «Да, Валеви́ч несчастлив. Но чем же больна его душа? Какое чувство в нем страдает? Не женщина ли заворочила его?» [2, с. 229]. Этим вопросам и ответам уделяются три абзаца, посвященных поиску причины несчастья своего героя, чтобы затем отвергнуть все: «Нет, нет! все не то. Нет! никогда женщина не была властительницей этого необузданного существа» («Поединок» Е.П.Растопчиной) [2, с. 229]. Увлекаясь размышлениями, не относящимися к теме повествования, автор-повествователь Е. П. Растопчиной как будто вспоминает, что читателя интересует дальнейшее развитие событий: «Но, кажется, я не про это с вами говорила, и мне странно, что сцепление моих мыслей могло меня перебросить к безмятежным бабушкам от мятежных случаев походной жизни их потомков» [2, с. 231]. Использование такого приема способствовало созданию эффекта произвольности авторской речи. Читатель находится в диалоге с автором, исход которого может быть так же непредсказуем, как и конец живого разговора между людьми.

В сентиментальных повестях риторические вопросы и восклицания были средством привлечения читательского внимания к внутреннему миру героев, к их чувствам и эмоциям. В предромантической повести они использовались для привлечения внимания читателя к тайне истории, рассказанной автором. В романтической новелле читатель часто встречается с такой разновидностью вопросов, как дубитация, т. е. ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения. Это еще и своеобразный способ установить контакт с читателем. Так, в повести «Кто же он?» Н. А. Мельгунов использует дубитацию в самом начале произведения: «Не является ли это чем-то большим, нежели игра воображения? Может ли привидение являться посреди дня, в толпе людей? <...> Не мог ли поступок быть следствием какого-нибудь обдуманного, злоумышленного плана? И нет ли в его власти скрытых таинственных средств, с помощью коих он приводит этот план в испол-

нение?» [2, с. 80]. Такой важный композиционный прием выполняет роль зачина и формирует очень динамичное вступление. Таким образом, высвещение тех или иных граней проблемы происходит на глазах у читателя и при его участии.

А. А. Бестужев-Марлинский также часто организовывал повествование своих новелл в вопросно-ответной форме: «Ты спросишь, откуда пробился ключ этих наслаждений моих? <...> Мне кажется, этому виной было раннее верование в привидения, духов и домовых»; «Но, веришь ли? — до сих пор бывают минуты, в которые я готов увлечься поверьями моего детства» [2, с. 140]. Иллюзия живого разговора поддерживается также за счет авторских поправок: «Бессонница, огорчение, тоска сломили меня: я схватил жестокою нервическую горячку. В бреду, в беспамятстве, наконец, в летаргическом расслаблении пробыл я почти два месяца. В беспамятстве, сказал я?» [2, с. 160]. Как видим, рассказчик, повествуя о своих чувствах, старательно подбирает выражения, показывая тем самым, насколько ему дорого мнение читателя.

Широко используются авторами романтических новелл синтаксические конструкции, которые и создают образ скрытого читателя. Например, конструкция *можно вообразить, можно догадаться* направлена в адрес преимущественно сообразительного читателя, который имеет обыкновение читать между строк: «Надобно догадываться, что...» («Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова [2, с. 52]); выражение *для вас довольно знать, что...* необходимо автору, который не стремится посвящать своего читателя в подробности, так как считает их лишними для развития сюжета: «*Не станем описывать* многих других свиданий, которые друзья наши имели вместе на Васильевском в продолжение лета. *Для вас довольно знать*, что в течение всего времени Варфоломей все более и более вкрадывался в доверенность вдовы» [2, с. 36]. Также автор новеллы В. П. Титова не договаривает читателю о том, что само собой разумеется, — о чувствах и эмоциях героев: «Чрез полчаса он вошел в спальню и как сумасшедший выбежал оттуда с вестью «Все кончено!». *Не стану описывать, что* в сию минуту почувствовала Вера! Однако сила ее духа была необычайная» [2, с. 48]). Автор предполагает, что читатель внимательно вчитывается в историю и поэтому сам может вообразить себе душевное состояние героя: «Всякому просвещенному известно, что разговор любящих всегда есть самая жестокая амплификация: итак, перескажу только сущность его»; «Но здесь я прерву картину свою

и, в подражание лучшим классическим и романтическим писателям древнего, среднего и новейшего времени, предоставлю вам дополнить ее собственным запасом воображения» [2, с. 43].

Сравнив прием умолчания в сентиментальных повестях и романтической новелле, отметим, что степень сообразительности читателя в последних должна заметно повыситься. Если писатель-сентименталист мог утаить от читателя только какие-то эмоции и чувства своих героев, о которых воображаемый читатель мог догадаться сам, то в романтической новелле писатель принципиально скрывает от читателя события из жизни героев и их разговоры. Таким образом, роль читателя в художественном произведении становится еще более активной, так как теперь ему приходится самому додумывать некоторые пропущенные автором сюжетные ходы, о которых говорится вскользь и намеками.

Еще один прием — дневник героя. Автор романтической новеллы полностью доверяет читателю переживания своего героя и поэтому дает ему право судить о нем: «Читатели могут судить, какие чувства питал он к ней... Но всего лучше пусть познакомятся они с ним из собственных отрывков, которые нашел я в его бумагах и в которых, при всем беспорядке, небрежности, пропусках, ясно отражается прекрасная душа его» («Адель» М. П. Погодина) [2, с. 54]. Автор надеется, что читатель поймет героя и поэтому именуется его «наш друг», чтобы подчеркнуть свою близость читателю.

Немаловажную роль играет заглавие новеллы. В отличие от сентиментальной повести, название которой часто указывало на то, что в ней будет рассказана история о несчастной любви героев, названия романтической повести нередко привлекает читателя своей загадочностью, за ними стоят таинственные истории. Предмет или герой, фигурирующий в названии романтической повести, наделялся необычностью происхождения, как, например, в новелле «Перстень» Е. А. Баратынского. Также в названии новеллы могла быть отражена история странного дома, как, например, в «Уединенном домике на Васильевском» В. П. Титова. Иногда в качестве заглавия выступал вопрос автора: «Кто же он?» — новелла Н. А. Мельгунова с самого начала инициировала интерес читателя. Иногда в названии новеллы содержался намек на мистический сюжет: «Станный бал» В. Н. Олина; «Черный гость» Бернета — А. К. Жуковского. Таким образом, читатель романтической новеллы с самого начала погружался в мистическую атмосферу.

Свое значение имел и эпиграф. В романтической новелле эпиграф используется для создания у читателя иллюзии достоверности описываемых событий. Например, В. Ф. Одоевский в новелле «Орлахская крестьянка» обращается к читателям уже в эпиграфе: «Я предвижу, что многие почтут слова мои за выдумку воображения; я уверяю, что здесь нет ничего выдуманного, но все действительно бывшее и виденное не во сне, а наяву. Шведенбург» [2, с.335]. Этот отрывок, взятый в качестве эпиграфа, наводит на мысль о духовидце и теософе Шведенборге и является сентенцией, которой Шведенбург обычно предварял свои мистические откровения. Сама же повесть основана на современной писателю и нашумевшей в свое время подлинной истории немецкой девушки-«прорицательницы» Магдалины Громбах из Орлаха, истории, зафиксированной позже немецкими учеными и рассказанной В. Ф. Одоевским по горячим следам,

еще при жизни Громбах.

Таким образом, автор прикладывает усилия, чтобы читатель ему поверил, и использует для этого диалоги с читателем, эпиграфы и другие приемы. Но вместе с тем автор признается в том, что и сам не знает, правдиво ли то, о чем он рассказал. Это и создает мистическое и фантастическое начала в новелле. Автор предполагает, что читатель ему не поверит, и искренно говорит ему об этом, невольно заставляя его сомневаться в сказанном. Отсюда образы и автора, и читателя является двойственными.

В тексте романтических новелл плотно переплетаются фантастика и реальность. Автор составляет для читателя специальные «знаки», по которым последний может ориентироваться в пространстве произведения. Рассмотренные приемы дают возможность передать читателю то особое видение мира, которое присуще автору и герою-рассказчику или персонажу.

Литература

1. Литературная энциклопедия: в 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. — М.: Изд-во Коммунистической академии, 1934. — Т. 8. — 736 с.
2. Русская романтическая новелла / сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. А. Немзера. — М.: Художественная литература, 1989. — 384 с.
3. Русская романтическая повесть писателей 20–40 годов XIX века / сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Сахарова. — М.: Пресса, 1992. — 464 с.

References

1. *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t. / pod red. V. M. Friche, A. V. Lunacharskogo* [Literature Encyclopedia in 11 vol. Moscow: Communist Academy publ., 1934. T. 8. 736 p.
2. *Russkaya romanticheskaya novella / sost., podg. teksta, vstup. st. i primech. A. Nemzera* [Russian romantic novel]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1989. 384 p.
3. *Russkaya romanticheskaya povest' pisatelej 20–40 godov XIX veka / sost., vstup. st. i primech. V. I. Sacharova* [Russian romantic novel by the writers of the 1820-1840 years]. Moscow: Pressa, 1992. 464 p.

УДК 820

Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А. А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты»)*

* Исследование осуществлено в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-5818.2015.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX — начала XXI века: рецепция английской поэзии викторианской эпохи в синхронии и диахронии».

© **Жаткин Дмитрий Николаевич**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета

Россия, 440039, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11

E-mail: ivb40@yandex.ru

В статье впервые систематизированы фактографические материалы, рассказывающие о влиянии деятельности английского художника-прерафаэлиты и поэта Данте Габриэля Россетти на формирование и развитие творческих индивидуальностей русских символистов — А. А. Блока и членов литературного кружка «аргонавтов» — молодого А. Белого, Элліса (Л. Л. Кобылинского), С. М. Соловьева (младшего). К анализу привлекается широкий круг мемуарных, дневниковых и эпистолярных источников, позволяющих воссоздать события во всем многообразии проявлений и оценок, данных современниками. Отмечается, что Данте Габриэль Россетти был интересен А. А. Блоку и «аргонавтам» прежде всего как художник, а затем уже как поэт; указано на воздействие творчества английского прерафаэлиты на формирование символистского мировоззрения, представлений русского символизма о влиянии искусства на внутренний мир человека, на расширение возможностей познания человеческой души.

Ключевые слова: Данте Габриэль Россетти, поэзия, русско-английские литературные связи, реминисценция, традиция, межкультурная коммуникация.

Dante Gabriel Rossetti and the Silver Century of Russian Literature (A. A. Blok, members of the literary society “Argonavt”)

Dmitrij N. Zhatkin

DSc, Professor, Head of the Department of Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological University

1a/11 Bajdukova Pr. / Gagarina Str., Penza 440039, Russia

The article for the first time systematizes facts containing the information about the English Pre-Raphaelite artist and writer Dante Gabriel Rossetti and the influence of his activity on the formation and development of artistic peculiarities of the Russian symbolist writers — A. A. Blok and members of the literary society “Argonavt” — young A. Bely, Ellis (L. L. Kobylinsky), S. M. Solovyev (younger). A great amount of memoir, diary and epistolary sources are used; they help to recreate various events evaluated by different contemporaries. It is noted that A. A. Blok and members of the literary society “Argonavt” were interested in Dante Gabriel Rossetti first of all as an artist and only then as a poet. It is pointed out that the English Pre-Raphaelite artist’s creative activity influenced the formation of the Russian symbolist writers’ views, ideas about the influence of art on the inner world of a person, widened possibilities of learning the soul of a person.

Keywords: Dante Gabriel Rossetti, poetry, Russian-English literary relations, reminiscence, tradition, intercultural communication.

Еще в 1965 г. Б. И. Соловьев в книге «Поэт и его подвиг: Творческий путь Александра Блока» отметил типичность увлечения творчеством прерафаэлитов в целом и Россетти в частности в среде русской интеллигентской молодежи начала XX в.: «Писатель, художник, студент, “пленный” английскими прерафаэлитам, будь то Гольман Гент, Данте Габриэль Россетти, Берн-Джонс или любой другой художник, принадлежавший к этой же школе, — крайне характерная фигура для мистически настроенных кругов интеллигентской молодежи на рубеже XX века»

[13, с. 29]. Более конкретно та же мысль была высказана в 1984 г. Г. Ю. Стерниным, отметившим восприятие русской творческой интеллигенцией начала XX в. прерафаэлитизма «как нарицательного понятия, как определенного философско-этического осмысления жизни в творческом процессе, как важной ветви в родословном древе символистских концепций» [14, с. 98] и тем самым подчеркнутым не просто увлеченность отечественных писателей и художников модными веяниями, но и созвучие прерафаэлитизма их умонастроениям.

Подтверждение слов исследователей можно найти в опубликованных уже в начале XXI в. мемуарных источниках. В частности, страстный любитель, знаток и исследователь искусства Л. В. Розенталь, проживший без малого сто лет, так описывал в 1981–1982 гг. свое вхождение в мир живописи, зарождение интереса к творчеству Боттичелли и Россетти, происшедшее в конце 1900-х гг.: «Мне бы хотелось тому петербургскому мальчику, каким я был в середине 1900-х годов, кроме восторга перед всякой героикой, жертвенной самоотверженностью, революционным бунтарством, приписать и начало восхищенности искусством: живописью, архитектурой. Но нет, по совести не могу! <...>. Несколько лет спустя, когда я сделался особенно серьезным, прочел уйму книг, пристрастился к истории искусств, увлекся Боттичелли и Россетти <...>» [12, с. 469–470].

В РГАЛИ (ф. 701, оп. 1, ед. хр. 25) хранятся принадлежащие неизвестной молодой женщине воспоминания о путешествии в Италию в 1896 г. После публикации в 11-м выпуске сборника материалов РГАЛИ «Встречи с прошлым» в 2011 г. эти воспоминания стали доступны широкому читателю. Из воспоминаний можно узнать, что уже в то время практически неизвестный на русском языке Д. Г. Россетти не только имел своего читателя, но и был кумиром для определенной части общества: «...как путеводители Ruskin, Dante Rossetti указывали мне путь в <...> лабиринте всевозможных художественных ощущений» [17, с. 33]. Автор воспоминаний была близко знакома с супругами Михаилом Сергеевичем (сын историка, брат философа) и Ольгой Михайловной Соловьевыми, причем увлечение Россетти могло быть связано с влиянием последней, активно занимавшейся живописью и унаследовавшей англomанию, интерес к прерафаэлитам от своего отца — М. И. Коваленского [15, с. 117]. В мемуарах тетки А. А. Блока М. А. Бекетовой «Шахматово. Семейная хроника» сообщается, что «ее <О.М. Соловьевой> любимцами в живописи были, во-первых, старые итальянцы и испанцы, а из более новых она особенно любила английских прерафаэлитов — Россетти, Берн-Джонса и других» [1, с. 720].

Вокруг М. С. и О. М. Соловьевых возник называвший себя «аргонавтами» литературный кружок символистской молодежи (А. Белый, Эллис, С. М. Соловьев–младший), ориентированный на философские воззрения В. С. Соловьева и творчество А. А. Блока, о чем писал Р. И. Хлодовский так: «Для “аргонавтов” Владимир Соловьев оказался почти тем же, чем был Иоахим Флорский для современников Данте.

Подобно последователям Иоахима Флорского, они тоже ждали “конца всемирной истории” и наступления царства Третьего завета <...>. Блок представлялся, с одной стороны, апостолом Третьего завета, а с другой, своего рода новым Данте, несколько стилизованным под Россетти» [16, с. 198–199].

Так, с образами прерафаэлитов соотносил внешний облик А. А. Блока и его жены Л. Д. Блок Андрей Белый в берлинской редакции «Начала века»: «...опять разливался в присутствии Блоков я радугой мысли, фонтаном, перед которым сидели А. А. и Л. Д., напоминающие мне отчетливо образы Россетти, Бёрн-Джонса» [3, с. 183]. Из письма «аргонавта» Эллиса А. А. Блоку от конца января 1907 г., хранящегося в РГАЛИ (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 40) и впервые опубликованного в 1981 г. А. В. Лавровым, вполне отчетливо вырисовывается та неразрывная связь между внутренним духовным миром английских прерафаэлитов (и в частности Д. Г. Россетти) и русских символистов, которая позволяла последним черпать силы в поэтическом и художественном творчестве великих предшественников: «Ваша “Прекрасная Дама” для меня, если и не Beata Beatrix, то Матильда из “Чистилища” Данте, к<ото>рая погружает его в Лету, заставляя забыть все земное, и уготовляет его душу и тело для видения Беатриче! В Ваших стихах о Пр<екрасной> Даме — есть нечто истинно *средневековое*... <...> Может ли современная душа молиться образам ср<едне>вековья?.. Да! Стоит для этого пересмотреть картины Габриэля Россетти! Вчера я получил их в подарок и как раз сейчас пересматриваю один, ночью... и, хотя 3 дня тому назад умерла моя мать, я чувствую полный подъем сил, внутреннюю дрожь восторга и желанье поделиться с Вами этим переживанием!» [11, с. 283].

Впоследствии А. Белый в «Воспоминаниях о Блоке» (1922) напрямую связывал с личностью О. М. Соловьевой как зарождение своего юношеского интереса к Д. Г. Россетти, так и в целом формирование собственного мировоззрения: «Михаил Сергеевич Соловьев, брат философа, и супруга его, поощряют меня в моих странствиях мысли; необычайные отношения возникают между нами; <...> особенно слагается близость между мной и Ольгой Михайловной Соловьевой, художницей и переводчицей Рёскина, Оскара Уайльда, Альфреда де Виньи; в душе у О. М. перекликаются интересы к искусству с глубокими запросами к религии и мистике. О. М. любит английских прерафаэлитов (Россетти, Бёрн-Джонса), иных символистов; <...> она обостряет и утончает мой вкус; ей обязан я многими часами великолепных, культур-

ных пиров» [2, т. 4, с. 18].

В тех же воспоминаниях А. Белый подробно говорил о своих юношеских идеалах: «Я чувствовал шопенгауэрианцем себя; принимая эстетику Рёскина, поклонялся Бёрн-Джонсу, Россетти; восточным покоем хотел переполнить свои гимназические досуги» [2, т. 4, с. 21]. В приложении к статье Е. В. Наседкиной «Несбывшийся проект: посмертное “Собрание стихотворений” Андрея Белого» в книге «Смерть Андрея Белого (1880–1934). Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты» (М., 2013) напечатана «Автобиография» А. Белого, которую предполагали опубликовать подготовители книги в издательстве «Academia» в 1935 г. (подготовка текста и комментарии К. Н. Бугаевой, П. Н. Зайцева и А. С. Петровского, статья Ан. Тарасенкова); в ней А. Белый называет Россетти в числе любимых художников юности: «...гимназистом я увлекаюсь французскими импрессионистами, Россетти, Врубелем» [10, с. 917]. Очевидно, что эта юношеская любовь к Россетти-художнику во многом стала следствием доверительного общения А. Белого с О. М. Соловьевой.

Неожиданные упоминания имени Россетти можно встретить в книге А. Белого «Мастерство Гоголя», написанной им незадолго до кончины и опубликованной сразу после нее (1934). Например, подготавливая читателя к рассуждениям о «натуре» изобразителя Гоголя, А. Белый отмечал противоборство стилей, приводил этому конкретные примеры – «“гиньоль” не украинская “кукла”; Бердслей — не Россетти» — однако указывал, что противоборство имеет точки пересечения: «...соединив и замкнув их, приходим — к “натуре”» [2, т. 9, с. 181]. Считая, что единственным человеком, который «мог бы “овнять” Гоголю “Тоголя”», оказался среди современников писателя В. Г. Белинский, А. Белый писал: «...первое из лиц, реально узренное, — Белинский, а не Аксаковы, не Толстой-католик, и не Россетти, и не Матвей» [2, т. 9, с. 210]. Как видим, Россетти оказался названным в контексте осмысления религиозно-мистического начала в позднем творчестве Н. В. Гоголя, которое, в полном соответствии с идеологией сталинской эпохи, решительно осуждалось.

А. А. Блок, отчасти благодаря которому «аргонавты», в том числе и молодой А. Белый, познакомились с Россетти, внимательно читал в № 6 «Нового пути» за 1903 г. статью Рихарда Мутера «Россетти, Бёрн Джонс и Уоттс», о чем свидетельствуют многочисленные отчеркивания и иные пометы в экземпляре журнала, сохра-

нившимся в библиотеке поэта [5, кн. 3, с. 187–188]. В статье утверждалось, что включение Данте в число «своих» поэтов в новейшей литературе произошло во многом благодаря Д. Г. Россетти, который «начал усматривать в судьбе знаменитого флорентийца некий прообраз своей собственной судьбы» [9, № 6, с. 27]. А. А. Блока привлекли: фраза Р. Мутера о пронизанности творчества Россетти духом старинных мастеров, мысль о стремлении прерафаэлитов «слагать жизнь из впечатлений искусства и только из них» [9, № 6, с. 23], рассуждения об отходе Россетти-художника от иконографического канона в «Благовещении», раскрывшем трепетную чувственность женщины, наконец, введение художником эротической темы, использование неожиданной трактовки образа Марии Магдалины. Многочисленные пометы А. А. Блок оставил в тексте статьи Вяч. И. Иванова «Две стихии в современном символизме» в его авторской книге «По звездам. Статьи и афоризмы» (СПб.: Оры, 1909), подчеркнув, в частности, упоминание о прерафаэлитам как о предтечах символизма [5, кн. 1, с. 294]. Также в библиотеке А. А. Блока имелась одна из немецкоязычных книг о Д. Г. Россетти: *Iessen I. Rossetti: Mit 70 Abb. von Gemälden.* — Bielefeld; Leipzig: Velhagen und Klasing, 1905 [5, кн. 3, с. 100].

Осмисливая в статье «Краски и слова» (1906) взаимосвязь литературы и живописи, А. А. Блок отмечал, что «живопись охотно подает руку литературе, и художники пишут книги (Россетти, Гогэн)», тогда как «литераторы обыкновенно чванятся перед живописью и не пишут картин» [6, т. 7, с. 17]. Это суждение позволяет предполагать, что Д. Г. Россетти был для А. А. Блока прежде всего художником и лишь потом автором поэтических книг. Еще одно упоминание имени Д. Г. Россетти можно встретить в написанной в 1906 г. рецензии А. А. Блока на второй том «Собрания сочинений» Эдгара По в переводе К. Д. Бальмонта, в которой Россетти (наряду с Ш. Бодлером и С. Малларме) назван поэтом, на чье творчество повлиял Э. По [6, т. 7, с. 188].

В 1908 г. А. А. Блок начал работу над составлением «Синхронистических таблиц XIX века» (к этим таблицам он вновь вернулся в 1918 г.), обозначив в них всего две вехи в развитии европейской живописи XIX в. — даты основания Братства прерафаэлитов (1848) и проведения первой выставки его участников (1849), причем отмеченные даты сопровождалась пометами с упоминаниями имени Россетти: «прерафаэлитское братство (Россетти, Милляэз, Гент)» [7, т. 2, с. 448]; «Россетти выставл<ает> первые карти-

ны» [7, т. 2, с. 450].

К установлению связей творчества А. А. Блока и прерафаэлитов одним из первых обратился Ю. М. Лотман. По его наблюдению, во второй строфе стихотворения «Анне Ахматовой» (1913) А. А. Блок вводил образ Мадонны, «женщины-девочки, соединяющей чистоту, беспристрастность и материнство», за которым стояли «Италия и живопись прерафаэлитов» [8, с. 213]. К настоящему времени наиболее полными материалами, осмысливающими данную проблематику, являются статьи Е. Л. Белькинд «Блок – читатель Дж. Рёскина» [4, с. 101–124] и С. Д. Титаренко «Блок и прерафаэлиты (О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности)» (2011) [15, с. 113–141]. В частности, С. Д. Титаренко обнаруживает в черновых набросках А. А. Блока к очерку «Ни сны, ни явь»

(1908–1909) воплощение «близкого Россетти стремления писателя познать душу человека, выступающую под разными именами и воссоздаваемую в различных женских образах – Маддалины, Саломеи и т. п.» [15, с. 115]. Также исследователь указывает, что в стихотворении А. А. Блока «В бездействии младом, в предрасветной тени...» (1901) «образ Души представлен в образе умирающей Беатриче Данте из самой известной картины Россетти “Beata Beatrix”» [15, с. 137].

Как видим, Россетти был интересен А. А. Блоку и «аргонавтам» прежде всего как художник, а затем уже как поэт; его творчество способствовало формированию символистского мировоззрения, представлений русского символизма о влиянии искусства на внутренний облик человека, на расширение возможностей познания человеческой души.

Литература

1. Бекетова М. А. Шахматово. Семейная хроника / вступ. ст. и публ. С. С. Лесневского и З. Г. Минца // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 5 кн. — М.: Наука, 1982. — Кн. 3. — С. 635–787.
2. Белый А. Собр. соч. — М., 1994–2014. — Т. 1–10, 14 (изд. продолжается).
3. Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923) / изд. подг. А. В. Лавров. — СПб.: Наука, 2014. — 1064 с.
4. Белькинд Е. Л. Блок — читатель Дж. Рёскина // Александр Блок. Исследования и материалы. — Л.: Наука, 1991. — <Т. 2>. — С. 101–124.
5. Библиотека А. А. Блока. Описание: в 3 кн. / сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. — Л.: Библиотека АН СССР, 1984–1986. — Кн. 1–3.
6. Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. — М.: Наука, 1997–2014. — Т. 1–6 (кн. 1), 7–8 (изд. продолжается).
7. Блок А. А. Собр. соч.: в 12 т. — Л., 1932–1936. — Т. 1–12.
8. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — СПб.: Искусство-СПб., 2011. — С. 17–252.
9. Мутер Р. Россетти, Берн Джонс и Уоттс / пер. Рапсод // Новый Путь. — 1903. — № 6. — С. 22–46; № 7. — С. 38–55.
10. Наседкина Е. В. Несбывшийся проект: посмертное «Собрание стихотворений» Андрея Белого // Смерть Андрея Белого (1880–1934). Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С. 903–928.
11. Письма Элліса к Блоку (1907) / вступ. ст., публ. и комментарии А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 5 кн. — М.: Наука, 1981. — Кн. 2. — С. 273–291.
12. Розенталь Л. В. Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века / вступ. ст., публ. и коммент. Б. А. Рогинского. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 816 с.
13. Соловьев Б. И. Поэт и его подвиг. Творческий путь Александра Блока. — М.: Сов. писатель, 1965. — 696 с.
14. Стернин Г. Ю. Русская художественная культура второй половины XIX — начала XX века: Исследования. Очерки. — М.: Сов. художник, 1984. — 296 с.
15. Титаренко С. Д. Блок и прерафаэлиты (О некоторых визуальных источниках и природе трансформаций архетипического образа Вечной Женственности) // Александр Блок. Исследования и материалы. — М.: Наука, 2011. <Т. 4>. — С. 113–141.
16. Хлодовский Р. И. Блок и Данте (К проблеме литературных связей) // Данте и всемирная литература / под ред. Н. И. Балашова, И. Н. Голенищева-Кутузова, А. Д. Михайлова. — М.: Наука, 1967. — С. 176–248.
17. «Connais-tu le pays où fleurit l'oranger». Воспоминания юной барышни, путешествовавшей по Италии / публ. И. Л. Решетниковой // Встречи с прошлым: сб. архивных материалов РГАЛИ. — М.: РОССПЭН, 2011. — Вып. 11. — С. 17–116.

References

1. Beketova M. A. Shahmatovo. Semejnaya hronika / Vstup. st. i publikaciya S. S. Lesnevskogo i Z. G. Mints [Shakhmatovo. Family Chronicle]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya: v 5 kn.* — *Literature Heritage. V. 92. Alexander Blok. New materials and research: in 5 books.* Moscow: Nauka, 1982. Book 3. Pp. 635–787.
2. Belyj A. *Sobranie sochinenij* [Writings]. Moscow, 1994–2014. V. 1–10, 14 (publication continuing).
3. Belyj A. *Nachalo veka. Berlinskaya redaktsiya (1923) / izd. podg. A. V. Lavrov* [Beginning of the century: Berlin Editorial (1923)]. St. Petersburg: Nauka, 2014. 1064 p.
4. Bel'kind E. L. Blok — chitatel' / Dzh. Rjoskina [Block — the reader of J. Ruskin.]. *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* — *Alexander Blok: research and materials.* Leningrad: Nauka, 1991. <Vol. 2>. Pp. 101–124.

5. *Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie: v 3 kn. / sost. O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ja. Vovina; pod red. K. P. Lukirskoj* [Library of Alexander Blok: description: in 3 books]. Leningrad: USSR Academy of Sciences Library, 1984–1986. Book 1–3.
6. Blok A. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters in 20 vol.] Moscow: Nauka, 1997–2014. V. 1–6 (book 1), 7–8 (publication continuing).
7. Blok A. A. *Sobranie sochinenij: v 12 t.* [Writings in 12 vol.]. Leningrad, 1932–1936. – V. 1–12.
8. Lotman Ju. M. Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of the poetic text]. *Lotman Ju. M. O poetakh i poezii — Lotman Ju. M. About poets and poetry.* St. Petersburg: Iskustvo–SPb., 2011. Pp. 17–252.
9. Muter R. Rossetti, Bern Dzhons i Uotts / per. Rapsod [Rossetti, Burne Jones and Watts]. *Novyj Put' — New Path.* 1903. No. 6. Pp. 22–46; No. 7. Pp. 38–55.
10. Nasedkina E.V. Nesbyvshijsya proekt: posmertnoe «Sobranie stihotvorenij» Andrey Belogo [Not realized project: posthumous "Collected Poems" of Andrei Bely]. *Smert' Andrey Belogo (1880–1934). Dokumenty, nekrologi, pis'ma, dnevniki, posvyashcheniya, portrety — Death of Andrei Bely (1880–1934). The documents, obituaries, letters, diaries, dedication, portraits.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. Pp. 903–928.
11. Pis'ma Ellisa k Bloku (1907) / vstup. st., publ. i comment. A. V. Lavrova [Letters from Ellis to Blok (1907)]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya: v 5 kn. — Literarischer Nachlass. T. 92. Alexander Blok. New materials and research: in 5 books.* Moscow: Nauka, 1981. Book 2. Pp. 273–291.
12. Rozental' L. V. *Nepriimechatel'nye dostovernosti. Svidetel'skie pokazaniya lyubitelya stihov nachala XX veka / vstup. st., publikacija i kommentarii B. A. Roginskogo* [Undistinguished truth. Testimony of a poetry lover of the beginning of the 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 816 p.
13. Solov'ev B. I. *Poet i ego podvig. Tvorcheskij put' Aleksandra Bloka* [The poet and his feat. The creative path of Alexander Blok]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1965. 696 p.
14. *Sternin G. Ju. Russkaya hudozhestvennaya kul'tura vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka: Issledovaniya. Ocherki* [Russian artistic culture of the second half of the 19th— the beginning of the 20th century: Research. Essays]. Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1984. 296 p.
15. Titarenko S.D. Blok i preraphaelity (O nekotorykh vizual'nykh istochnikakh i prirode transformacij arhetipicheskogo obraza Vечноj Zhenstvennosti) [Blok and the Pre-Raphaelites (Some visual sources and the nature of transformation of the archetypal image of the Eternal Feminine)]. *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy — Alexander Blok. Research and materials.* Moscow: Nauka, 2011. <V. 4>. Pp. 113–141.
16. Hlodovsky R. I. Blok i Dante (K probleme literaturnykh svyazey) / pod red. N. I. Balashova, I. N. Golenishheva-Kutuzova, A. D. Mihajlova [Blok and Dante: to the problem of literary connections]. *Dante i vseмирnaya literatura — Dante and world literature.* Moscow: Nauka, 1967. Pp. 176–248.
17. «Connais-tu le pays où fleurit l'oranger». Vospominaniya yunoy baryshni, puteshestvovavshej po Italii / publ. I. L. Reshetnikovoj [Memories of the young lady who traveled to Italy]. *Vstrechi s proshlym: sbornik arhivnykh materialov RGALI. Vyp. 11 — Meeting with the past: Sat. archival materials RSAL.* Moscow: ROSSPEN, 2011. Pp. 17–116.

УДК 820

К истории русской переводческой рецепции пьес Бернарда Шоу («Дом, где разбиваются сердца» в переводе И. А. Аксенова)*

* Исследование осуществлено в рамках реализации проекта № 2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

© Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета
Россия, 440039, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11
E-mail: ivb40@yandex.ru

© Футляев Никита Сергеевич

соискатель кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: futljaew.n@mail.ru

В статье осмысливаются обстоятельства создания И. А. Аксеновым в 1921 г. по заказу Государственного театра им. Вс. Мейерхольда первого русского перевода пьесы Б. Шоу «Дом, где разбивают сердца», сохранившегося в Российском государственном архиве литературы и искусства. Анализируются правки, внесенные выдающимся режиссером В. Э. Мейерхольдом в рукопись И. А. Аксенова с целью сделать перевод доступнее для русского зрителя и массового восприятия, адаптировать его к постановке на сцене. Осуществляется сопоставление перевода И. А. Аксенова с переводом С. П. Боброва и М. П. Богословской, впервые опубликованным в 1946 г. и до настоящего времени считающимся лучшим прочтением пьесы Б. Шоу.

Ключевые слова: русско-английские литературные связи, театральное искусство, В. Э. Мейерхольд, драматургия, художественный перевод, традиция, межкультурная коммуникация.

On the history of Russian translation reception of Bernard Shaw's plays ("Heartbreak House" in translation by I. A. Aksenov)

Dmitrij N. Zhatkin

DSc, Professor, Head of the Department of Translation and Methods of Translation of the Penza State Technological University
1a/11 Bajdukova Pr. / Gagarina Str., Penza 440039, Russia

Nikita S. Futlyaev

assistant of the Department of Russian history literature and folklore, Saratov State University by N.G.Chernyshevsky
83 Astrachanskaya Str., Saratov 410012, Russia

The article comprehends the circumstances of the creation of the first Russian translation of B. Shaw's play "Heartbreak House" by I. A. Aksenov in 1921 by the order of the State Theatre after V. E. Meyerhold preserved in the Russian State Archive of Literature and Art (fund 963, register 1, storage unit 870). It analyzes the changes made by the outstanding director V. E. Meyerhold in I. A. Aksenov's manuscript in order to adjust the translation for the Russian spectator and mass perception, adapt it to staging. It carries out the comparison of I. A. Aksenov's translation with S. P. Bobrov and M. P. Bogoslovskaya's translation, first published in 1946 and still considered the best reading of B. Shaw's play.

Keywords: Russian-English literature relations, theatrical art, V. E. Meyerhold, drama, literary translation, tradition, intercultural communication.

В фонде Государственного театра им. Вс. Мейерхольда в Российском государственном архиве литературы и искусства хранится принадлежащий И. А. Аксенову неопубликованный

перевод пьесы Б.Шоу «Дом, где разбивают сердца» (ф. 963, оп. 1, ед. хр. 870). Перевод был завершён 25 февраля 1921 г., о чем свидетельствует дата, стоящая под машинописью. Судя по

всему, он не предназначался для публикации, а делался по заказу В. Э. Мейерхольда, решившего поставить пьесу Б. Шоу в своем театре.

На момент появления перевода пьесы Б. Шоу была литературной новинкой. Ее премьера, в связи с открытым неприятием значительной частью общества антимилитаристской позиции автора, состоялась не в Англии, а на сцене американского театра «Гилд» 10 ноября 1920 г. [9, с. 195]. В том же году пьесу планировалось поставить в Вене, в связи с чем известно письмо Шоу австрийскому драматургу и переводчику З. Требитчу, в котором «Дом, где разбивают сердца» характеризовался как необычная пьеса, «столь же зависящая от атмосферы и тонкостей при постановке, как и любая драма Чехова» [7, с. 308]. Английская публика впервые смогла увидеть пьесу лишь 18 октября 1921 г. в лондонском театре «Корт» (постановка Д. В. Фейгена), однако вскоре спектакль была снят из репертуара театра; только 25 апреля 1932 г. пьеса была вновь представлена на сцене Театра ее величества. По свидетельству С. Б. Пэрдома, она была «воспринята зрителями с глубоким уважением и в дальнейшем всегда производила сильное впечатление на публику» [10, с. 641].

В. Э. Мейерхольд, уже имевший опыт постановки пьес Б. Шоу (в 1912 г. в Товариществе артистов, художников, писателей и музыкантов он поставил свою переработку пьесы «Ни за что бы вы этого не сказали», в 1915 г. — в Александринском театре (в помещении Михайловского театра) пьесу «Пигмалион»), активно принялся за реализацию своего замысла. В частности, он привлек к работе С. М. Эйзенштейна, разработавшего проект вещественного оформления для постановки. Однако спектакль так и не был осуществлен, о чем, в частности, в 1923 г. писал С. А. Марголин [6, с. 15–16]. Пьеса Б. Шоу была впервые поставлена в Советском Союзе в 1962 г., причем сразу в двух театрах — Московском театре сатиры и Латвийском художественном театре (г. Рига). В том же году Всесоюзным управлением по охране авторских прав был распространен новый перевод Е. М. Голышевой [13], который продолжает включаться и в некоторые современные издания Б. Шоу [15, с. 253–330].

На л. 3–44об. архивного дела можно ознакомиться со сценической версией перевода пьесы, идеально чистой машинописью, представляющей собой перепечатку текста после многочисленных правок В. Э. Мейерхольда. Далее, на л. 45–162 (в т. ч. 90об.), находится сам перевод И. А. Аксенова — машинопись с отдельными правками переводчика и многочисленными

правками В. Э. Мейерхольда, призванными придать переводу сценичность (сокращение длиннот, описаний и т. п.). Бесспорно, ранний текст имеет, в сравнении с чистой машинописью, больший исследовательский потенциал, поскольку позволяет увидеть и переводческие подходы к произведению И. А. Аксенова, и приемы, при помощи которых В. Э. Мейерхольд приспособлял полученный им перевод для сцены.

В предисловии к осуществленному в 1919 г. первому изданию пьесы «Дом, где разбивают сердца» (пьеса создавалась в 1913–1917 гг.), помимо откровенных высказываний о войне и ее виновниках, Шоу также толковал название своего произведения и его подзаголовок — «фантазия в русском стиле на английские темы». Шоу писал о своем желании представить «культурную, праздную Европу», которая в канун войны не желала воспринять масштаб и ужас надвигающейся катастрофы, неизбежность которой сознавали только «профессиональные дипломаты да весьма немногие любители, помешанные на внешней политике» [14, с. 463]. Ввиду своего нежелания вмешиваться в политику, культурное сообщество оказывается неспособным к решению значимых социальных вопросов, «подчиняется “варварам” из Манежа» [3, с. 115], условного места, ставшего скоплением невежественных авантюристов.

По верному наблюдению С. С. Динамова, правящие круги встречали приближавшуюся мировую катастрофу веселым разгулом, «бесконечными флиртами и танцами, бешеными спекуляциями, мошенничествами» [4, с. 36], соотнося жизнь с забавой, радуясь минутному наслаждению, не ведая прошлого, не думая о будущем. Культурное сообщество, с тревогой воспринимавшее этот разгул, и правящие круги «жили врозь», в результате чего некому было исправлять «невероятное невежество» варваров, оказавшихся на министерской скамье в палате общин, не зная ни современной мысли, ни политической науки. Вокруг власть имущих крутились лишь «высочки из счетных контор, занятые не столько своим образованием, сколько своими карманами» [14, с. 465].

Подзаголовок «фантазия в русском стиле на английские темы» Шоу объяснял своим восхищением пьесами Л. Н. Толстого («Плоды просвещения») и А. П. Чехова («Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Чайка»), «четырьмя прелестными этюдами для театра о Доме, где разбиваются сердца» [14, с. 463]. При характеристике в пьесе английской интеллигенции Шоу следовал тра-

дициям русских драматургов, однако при этом допускал и значительную самостоятельность в трактовках. Отчетливое укрепление связей Шоу с мастерами русской реалистической литературы, его возрастающий интерес к новым произведениям русских писателей обуславливались, по наблюдению П. С. Балашова, «обострением общественных противоречий и углублением критических элементов» [2, с. 496] в творчестве английского драматурга. Та же мысль подтверждается воспоминаниями Х. Пирсона о беседе с Шоу в 1916 г., в которой последний так говорил о пьесе «Дом, где разбивают сердца»: «Когда выпадает время, работаю над пьесой в духе Чехова. Это моя лучшая вещь. Вы Чехова-то знаете? Какой драматург! У него совершенно безупречное чувство театра. Рядом с ним я будто новичок» [8, с. 317]. В предвоенные и военные годы чеховские пьесы были известны в Англии сравнительно узкому кругу любителей «серьезной драмы», не выдерживавшей конкуренции с посредственными сентиментальными мелодрамами, ставившимися для массового зрителя коммерческими театральными предприятиями.

Годы спустя в письме советским читателям, опубликованном в газете «Литература и искусство» от 15 июля 1944 г., Шоу размышлял об А. П. Чехове и его влиянии на создание пьесы «Дом, где разбивают сердца»: «В плеяде великих европейских драматургов — современников Ибсена — Чехов сияет как звезда первой величины даже рядом с Толстым и Тургеневым. Уже в пору творческой зрелости я был очарован его драматическим решением темы никчемности культурных бездельников, не занимающихся созидательным трудом. Под влиянием Чехова я написал пьесу на ту же тему и назвал ее “Дом, где разбиваются сердца” — “фантазия в русском стиле на английскую тему”. Это не самая худшая из моих пьес, и надеюсь, она будет принята моими русскими друзьями как знак безусловно искреннего преклонения перед одним из величайших среди их великих поэтов-драматургов» [16, с. 3].

В Британском музее сохранились записи Шоу, связанные с репетициями «Дома, где разбиваются сердца», предшествовавшими премьере спектакля в Лондоне; эти записи подробно приведены А. Г. Образцовой в монографии «Бернард Шоу и европейская театральная культура на рубеже XIX–XX веков». В частности, «от Альфреда Кларка, игравшего Менгена, требовалось, чтобы он говорил: “*Pretending to be asleep*” (“Притворялся, что сплю”), а не “*pretending to asleep*” (д. II), “*Good-for-nothing capitalists*” (“ни

на что не пригодным капиталистам”), а не “*good-for-nothing capitalists*” (д. III)»; «Эрл Мэтьюрин, исполнявший роль Рэнделла, должен был произносить “*There is no animal...*” (“Нет такого животного...”), а не “*there is no animal*” (д. II)» [7, с. 348]. Как видим, Шоу предъявлял достаточно высокие требования к игре актеров, стремясь уточнить даже особенности интонации, логического ударения и т. д.

В современности ракурс осмысления пьесы несколько сместился, что, в частности, наглядно видно на примере ее постановки режиссером Евгением Каменьковичем в московском театре «Мастерская Петра Фоменко». За основу брался перевод произведения Шоу, выполненный С. П. Бобровым (в предреволюционные годы сподвижником И. А. Аксенова по футуристической группе «Центрифуга») и М. П. Богословской еще в 1946 г. [12, с. 356–407]. Мнения критики о постановке разошлись, однако общим стало суждение о сложности современного восприятия глобальных обобщений, касающихся заката европейской цивилизации: «...цивилизация эта с описанных в пьесе времен столько раз закатывалась, что пьеса Шоу, даром что он многоуважаемый классик, попросту устарела. И сколько бы ни заклеивали окна в доме крест-накрест, сколько бы ни предупреждало радио о воздушной тревоге, никакой настоящей тревоги в спектакле не чувствуется. <...> Так и остается непонятным, зачем было ставить сегодня пьесу Шоу? Зато романтично, стильно и беззаботно» [5].

В процессе перевода И. А. Аксенов старался в полной мере сохранить как формальные, так и содержательные особенности оригинала, что проявилось в интерпретации английского текста без каких-либо сокращений или дополнений. Тем не менее, работая над адаптацией перевода для сцены, В. Э. Мейерхольд внес коррективы, вольно истрактовал некоторые эпизоды, допустив значительные текстовые опущения. В. Э. Мейерхольд отказался от изображения постепенного нарастания конфликта между мистрисс Хешбай и Элли, нарочито ослабил, минимизировал сам конфликт, опустив эпизод, в котором Гесиона Хешбай сообщила Элли, что она уговорила мистера Денна отказаться от планировавшегося брака Элли с мистером Менгеном, и получила в ответ жесткую реакцию собеседницы, назвавшей мистрисс Хешбай «взбалмошной, глупой и самодовольной», «размякшей и слюнявой» особой, «не из тех, для которых существует только один мужчина и только одна возможность» [11, л. 105]. Сокращая данную сцену, В. Э. Мейерхольд существенно обеднял образ

Элли, так и оставшейся до конца пьесы юной, робкой и послушной девочкой.

Сокращения привели к заметным корректировкам образа мистера Менгена, представляющего у В. Э. Мейерхольда не столь эмоциональным, истеричным и грубым, как в оригинале и у И. А. Аксенова, — в сокращенной сцене мистер Менген после выхода из транса жалуется, что ему чуть «на всю жизнь об паркет нос не разворотили» [11, л. 109], он возмущен гадостью, ложью, несправедливостью, сказанной о нем обитателями дома, недоволен тем, что не в состоянии управлять ситуацией, поскольку Элли стала центральной фигурой, диктующей условия поведения для всех остальных героев.

Образ капитана Шотовера в сценической редакции В. Э. Мейерхольда ослаблен ввиду пропуска значимых художественных деталей. Например, из опущенной части реплики жулика можно было узнать о мистических способностях капитана: «...и умеет угадывать воду, чернить золото, одним своим взглядом взрывает у вас в кармане патрон и видит правду, спрятанную в сердцах человеческих» [11, л. 120]. Сокращение разговора Элли и капитана Шотовера в конце второго акта привело к тому, что капитан предстал заурядным пьяницей, что противоречит оригиналу, ибо в пьесе Шоу, равно как и в переводе И. А. Аксенова, этот персонаж «больше всего на свете боится быть пьяным» [11, л. 129], но обречен употреблять крепкие напитки, чтобы «отделаться от дремоты и снов» [11, л. 130], вооружая работу каждые десять минут. В целом вся беседа превращается у В. Э. Мейерхольда в грузный набор вопросов и ответов, исчезает непринужденность общения, происходит разрушение цельности текста.

Оценивая перевод И. А. Аксенова с позиций современных требований к художественному переводу, следует признать, что он имеет ныне более историко-культурную, нежели художественную ценность. Лучший из переводов, осуществленный С. П. Бобровым и М. П. Богословской, характеризуется большей художественностью и представлением деталей описания, продуманностью подбора лексем, призванных не только воссоздать оригинальный замысел, но и передать оттенки настроения, чувства, акцентировать характеризующие героев выразительные черты быта. В целом ряде случаев С. П. Бобров и М. П. Богословская значительно тоньше, в сравнении с И. А. Аксеновым, понимали отдельные эпизоды, например, И. А. Аксенов приписывал неловкое, но решительное выражение лица ребенку, тогда как в действительности оно

принадлежало Гестингсу Уттерворду: «...ребенком она изображала голову бугшприта моего корабля “Бестрашный”, самую красивую вещь на земле. Она была на нее похожа. У нее было то же выражение: неловкое, но решительное» [11, л. 48] — «...когда она была маленькой, она считала резную фигуру на носу моего корабля, который назывался “Неустрашимый”, самой красивой вещью на свете. Ну, а ее жених несколько напоминал эту фигуру. У него было точь-в-точь такое же выражение лица: деревянное, но в то же время предприимчивое» [14, с. 503]. Если И. А. Аксенов в эпизоде появления няни, приносящей чай Элли, не может точно передать значения английских слов *the stuff they tan their own leather insides with* [19] («материал, которым они сжигают собственные внутренности с кожи»), то С. П. Боброву и М. П. Богословской вполне удастся это сделать: «...это такая штука, что она им продубит себе всю кожу насквозь» [11, л. 49] — «...этим зельем, которым они дубят свои собственные кишки» [14, с. 503].

В отличие от И. А. Аксенова, в чьем переводе то и дело проступает неряшливость, выдающая работу, выполненную в спешке, переводчики С. П. Бобров и М. П. Богословская оттачивали свой текст, бережно относясь к каждому оттенку значения, ср.: «корабельное пожарное ведро» [11, л. 45] — «корабельное кожаное пожарное ведро» [14, с. 499]; «с широкими ручками и низкой отлогой спинкой» [11, л. 45] — «с широкими подлокотниками и низкой покатою спинкой» [14, с. 499]; «с подносом китайского лака» [11, л. 50] — «лакированный китайский поднос» [14, с. 505]. Неряшливость И. А. Аксенова, проявлявшаяся в отсутствии языковой чуткости, особенно ощутима при использовании им просторечий, разговорных и сниженных лексем, разрушающих саму атмосферу событий. То настроение, которое создавал английский автор, и должен был сохранять переводчик.

Впрочем, при внимательном сопоставлении двух переводов можно привести и обратные примеры, когда конкретные детали описаний воссоздавались И. А. Аксеновым с большей точностью: «большое ивовое, плетеное кресло» [11, л. 45] — «большое, плетеное кресло» [14, с. 499]; «наводящая на мысль об участии женщины в убранстве» [11, л. 46] — «позволяет допустить, что здесь участвовала и женская рука» [14, с. 500]; «пол без ковров, составленный из узеньких досок, вычищен и отполирован пемзой, как палуба» [11, л. 46] — «голый, из узких досок, ничем не покрытый пол проконопачен и начищен пемзой, как палуба» [14, с. 500]; «иди-

те посмотреть, чего ей надо» [11, л. 47] — «подите-ка узнайте, что ей нужно» [14, с. 501]; «седой бородой» [11, л. 47] — «белой бородой» [14, с. 501]; «в морской куртке» [11, л. 47] — «в бушлате» [14, с. 501] и другие.

Будучи первым переводчиком пьесы Б. Шоу, И. А. Аксенов столкнулся с многочисленными сложностями, вызванными необходимостью предлагать первые толкования трудных мест, первые прочтения употребленных английским автором имен собственных и другое. Однако в чем-то И. А. Аксенову было и проще, поскольку его перевод был современен оригиналу, создавался в ту же историческую эпоху. Именно в этом переводе с особой остротой ощущается сама атмосфера, «пульс» времени, его дух и настрой; языковые средства, использовавшиеся И. А. Аксеновым, «оживляют» описание, дают

ощущение сопричастности событиям. Актуальность пьесы Шоу для нового времени ощущал и В. Э. Мейерхольд, который, приближая перевод И. А. Аксенова к русскому зрителю, стремился отменить все «лишнее», громоздкое, сделать текст легче и доступнее для массового восприятия, опустив второстепенные образы, реплики персонажей, лишив сюжетного развития отдельные эпизоды; отчасти это делалось и с целью сокращения хронометража, поскольку постановка полного текста пьесы достигала бы по продолжительности четырех часов. Появление позднейших переводов (С. П. Бобров и М. П. Богословская, Е. М. Голышева) привело к тому, что перевод И. А. Аксенова стал исключительно историко-культурным фактом; его публикация, предпринятая нами [1, с. 330–427], имела лишь научное значение.

Литература

1. И. А. Аксенов и В. Э. Мейерхольд: неопубликованный перевод пьесы Б. Шоу «Дом, где разбивают сердца» и его сценическая редакция (по материалам РГАЛИ) / Вступ. заметка и публикация Д. Н. Жаткина и Н. С. Футляева // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. III: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Жаткин. — М.: Флинта; Наука, 2015. — С. 330–427.
2. Балашов П. С. Шоу // История английской литературы: в 3 т. (5 кн.). — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 3. — С. 448–523.
3. Гражданская З. Т. Бернард Шоу: Очерк жизни и творчества. — М.: Просвещение, 1979. — 175 с.
4. Динамов С. С. Бернард Шоу. — М.;Л.: ГИХЛ, 1931. — 77 с.
5. Должанский Р. Двор, где подкашиваются ноги // Коммерсантъ. — 2005. — 16 июня [Электронный ресурс]. — URL: <http://fomenko.theatre.ru/performance/house/5310/>
6. Марголин С. А. Из цикла неосуществленных постановок. Эксцентриада // Эхо. — 1923. — № 7. — С. 15–16.
7. Образцова А. Г. Бернард Шоу и европейская театральная культура на рубеже XIX–XX веков. — М.: Наука, 1974. — 392 с.
8. Пирсон Х. Бернард Шоу / пер. В. Харитоновой и М. Марецкой. — М.: Искусство, 1972. — 450 с.
9. Ромм А. С. Джордж Бернард Шоу. 1856–1950. — Л.;М.: Искусство, 1965. — 251 с.
10. Ромм А. С. «Дом, где разбиваются сердца»: [Послесловие] // Шоу Б. Полн. собр. пьес: в 6 т. — Л.: Искусство, 1980. — Т. 4. — С. 641–646.
11. Шоу Б. Дом, где разбивают сердца / пер. И. А. Аксенова // РГАЛИ. — Ф. 963. — Оп. 1. — Ед. хр. 870.
12. Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца / пер. С. П. Боброва и М. П. Богословской // Шоу Б. Избранное / под ред. Р. М. Гальпериной. — М.: Гослитиздат, 1946. — С. 356–407.
13. Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца: пьеса в 3-х действиях / пер. Е. М. Голышевой. — М.: ВУОАП, 1962. — 97 л.
14. Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца: Фантазия в русском стиле на английские темы / пер. С. П. Боброва и М. П. Богословской // Шоу Б. Полн. собр. пьес: в 6 т. — Л.: Искусство, 1980. — Т. 4. — С. 461–602.
15. Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца / пер. Е. М. Голышевой // Шоу Б. Пигмалион: Пьесы. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — С. 253–330.
16. Шоу Б. Письмо советским читателям // Литература и искусство. — 1944. — 15 июля (№ 29). — С. 3.
17. Meisel M. Shaw and the Nineteenth-Century Theatre. — Princeton – New Jersey: Princeton University Press, 1963. — 477 p.
18. Purdom C. B. Harley Granville Barker, Man of the Theatre, Dramatist and Scholar. — London: Harvard University Press, 1956. — 336 p.
19. Shaw G. B. Heartbreak House [Электронный ресурс]. — URL: https://arcive.org/stream/heartbreakhouse_03543gut/hrtbk10.txt

References

1. I. A. Aksenov i V. Je. Mejerhol'd: neopublikovannyj perevod p'esy B. Shou «Dom, gde razbivayut serdtsa» i ego stsenicheskaya redakciya (po materialam RGALI) / Vstup. zametka i publikaciya D. N. Zhatkina i N. S. Futljaeva [I. A. Aksenov and V. E. Meyerhold: an unpublished translation of Shaw's "Heartbreak House" and its stage version (based on RSAL)]. *Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. III: Sbornik nauchnykh trudov / otv. red. D. N. Zhatkin — Literary translation and comparative literature. III: Coll. scientific. works.* Moscow: Flinta; Nauka, 2015. Pp. 330–427.
2. Balashov P. S. Shou [Shaw]. *Istoriya anglijskoj literatury: V 3 t. (5 kn.) — History of English literature: in 3 vol. (5 book).* Moscow: USSR Academy of Sciences publ., 1958. V. 3. Pp. 448–523.
3. Grazhdanskaya Z. T. *Bernard Shou: Oчерk zhizni i tvorcestva* [Bernard Shaw: essay on his life and creativity]. Moscow: Prosveshchenie, 1979. 175 p.

4. Dinamov S. S. *Bernard Shou* [Bernard Shaw]. Moscow–Leningrad: St. publ. of artistic literature, 1931. 77 p.
5. Dolzhanskij R. Dvor, gde podkashivayutsya nogi [A yard where legs give way]. *Kommersant* 2005. 16 iyunya — *Kommersant*. June 12, 2005. Available at: <http://fomenko.theatre.ru/performance/house/5310/>
6. Margolin S. A. Iz tsikla neosushchestvlennykh postanovok. Ekscentriada [From the series of unfulfilled performances]. *Eho — Echo*. 1923. No. 7. Pp. 15–16.
7. Obratsova A. G. *Bernard Shou i evropejskaya teatral'naya kul'tura na rubezhe XIX–XX vekov* [Bernard Shaw and European theater culture at the turn of XIX–XX centuries]. Moscow: Nauka, 1974. 392 p.
8. Pirson H. *Bernard Shou* / per. V. Haritonova i M. Maretskoj [Bernard Shaw]. Moscow: Iskusstvo, 1972. 450 p.
9. Romm A. S. *Dzhordzh Bernard Shou. 1856–1950* [George Bernard Shaw. 1856–1950]. Leningrad – Moscow: Iskusstvo, 1965. 251 p.
10. Romm A. S. «Dom, gde razbivayutsya serdtsa»: Posleslovie [«Heartbreak House»: Afterword]. *Shou B. Polnoe sobranie p'es: v 6 t. — Shaw B. The complete collection of pieces: in 6 vol.* Leningrad: Iskusstvo, 1980. V. 4. Pp. 641–646.
11. Shaw B. *Dom, gde razbivajut serdca* / per. I. A. Aksenova [Shaw. «Heartbreak House»]. *RGALI. F. 963. Op. 1. Ed. hr. 870 — RSAL. Fund 963. Inventory 1. Unit of storage 870*.
12. Shaw B. *Dom, gde razbivayutsya serdtsa* / per. S. P. Bobrova i M. P. Bogoslovskoj [Shaw. «Heartbreak House»]. *Shou B. Izbrannoe / pod red. R. M. Gal'perinoj — Favourites*. Moscow: St. lit. publ, 1946. Pp. 356–407.
13. Shaw B. *Dom, gde razbivayutsya serdtsa: P'esa v 3-h dejstviyakh* / per. E. M. Golyshevoj [Shaw. «Heartbreak House»: piece in 3 acts]. Moscow: Management-Union Copyright, 1962. 97 p.
14. Shaw B. *Dom, gde razbivayutsya serdtsa: Fantaziya v russkom stile na anglijskie temy* / per. S. P. Bobrova i M. P. Bogoslovskoj [Shaw. «Heartbreak House»: Fantasy on English themes in Russian style]. *Shaw B. Polnoe sobranie p'es: v 6 t. — Shaw B. The complete collection of pieces: in 6 vol.* Leningrad: Iskusstvo, 1980. V. 4. Pp. 461–602.
15. Shaw B. *Dom, gde razbivayutsya serdtsa* / per. E. M. Golyshevoj [Shaw. «Heartbreak House»]. *Shaw B. Pygmalion: P'esy — Shaw B. Pygmalion: Piece*. St Petersburg: Azbuka-klassika, 2007. Pp. 253–330.
16. Shaw B. Pis'mo sovetskim chitatel'jam [Letter to Soviet readers]. *Literatura i iskusstvo — Literature and Art*. 15 July 1944 (No. 29). P. 3.
17. Meisel M. *Shaw and the Nineteenth-Century Theatre*. Princeton. New Jersey: Princeton University Press, 1963. 477 p.
18. Purdom C. B. *Harley Granville Barker, Man of the Theatre, Dramatist and Scholar*. London: Harvard University Press, 1956. 336 p.
19. Shaw G. B. *Heartbreak House*. Available at: <https://arcive.org/stream/heartbreakhouse03543gut/hrtbk10.txt>

УДК 821.161.1.09

Литературный портрет-лекция в критике В. В. Набокова

© **Затеева Татьяна Владимировна**

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: vlatat1954@yandex.ru

© **Айкашева Ольга Анатольевна**

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры «Реклама и связи с общественностью» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40в
E-mail: ajkashеваolga@mail.ru

Статья посвящена исследованию способов и особенностей воплощения концепции личности портретируемого писателя в литературном портрете-лекции В. В. Набокова. Утверждается, что критические работы В. В. Набокова, посвященные выдающимся русским писателям, могут быть рассмотрены за пределами лекции как характерной формы обобщенного научного или научно-популярного материала, поскольку они направлены не столько на традиционную читательскую рецепцию как восприятие специфического материала, сколько на содействие и сотворчество автора и читателя, что является целью жанра литературного портрета. На материале лекции о Федоре Достоевском рассмотрены основные признаки литературного портрета-лекции, выдвинут и обоснован тезис о том, что в основу критических размышлений В. В. Набокова было положено его субъективное представление о личности портретируемого писателя, обусловившее основные жанровые признаки его работ, где героем стал человек-творец, воплощающий авторскую идею о неидеализированной личности.

Ключевые слова: литературный портрет, портрет-лекция, критика, концепция личности портретируемого писателя.

The literary portrait-lecture in the criticism of V. V. Nabokov

Tatyana V. Zateeva

DSc, professor, Head of the Russian and foreign literature, Department of the Buryat State University
6 Rangurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Ol'ga A. Ajkasheva

PhD, lecture, Department of advertisement and public relations, East Siberian State University of Technologies and Management
40V Klyuchevskaya Str., Ulan-Ude 670013, Russia

The article reviews the ways of realization of the portrayed writer concept in V.V. Nabokov's literary portrait-lecture. The article states that V.V. Nabokov's critical works devoted to the outstanding Russian writers can be considered beyond lectures having characteristic forms of a generalized scientific or popular science material, since they are directed not so much on the traditional reader reception as the perception of a specific material, but on cooperation and co-creation of the author and the reader, which is the goal of the literary portrait genre. On a material of the literary portrait "Fyodor Dostoevsky" the basic features of Nabokov's literary portrait-lecture are analyzed; put forward and substantiated the idea that the basis of Nabokov's critical thinking was laid on his subjective view of the personality of the portrayed writer (hereinafter - the concept of the portrayed personality), to determine the main genre features of his speeches. Nabokov's portrait hero is a man-creator, embodying the author's idea of a non-idealized personality.

Keywords: the literary portrait, the portrait-lecture, criticism, the concept of the person of the writer.

Литературный портрет — один из самых признанных и популярных жанров в русской литературной критике. К нему обращаются как профессиональные критики, так и писатели, статьи которых часто называют «писательской» или «авторской» критикой. К числу ее самых ярких представителей, безусловно, принадлежит писатель, критик, публицист В. В. Набоков, раз-

мышления о русской литературе которого известны широкому кругу читателей как «Лекции по русской литературе». Набоков, действительно, в свое время подготовил лекционный курс для чтения американским студентам в период, когда в качестве приглашенного преподавателя выступал в многочисленных учебных учреждениях США: в Гарварде, Стэнфорде, Институте

международного образования, при этом признаваясь: «Мои университетские лекции <...> слишком сыры и хаотичны и никогда не должны быть опубликованы. Ни одна из них» [2, с. 602]. Однако, вопреки желанию автора, «Лекции по русской литературе» (как и «Лекции по зарубежной литературе») были опубликованы и вызвали множество критических отзывов, в первую очередь, благодаря разработанной в них авторской концепции личности каждого портретируемого писателя. К проблеме жанровой маркировки лекций Набокова исследователи до сих пор практически не обращались, считая авторскую рубрику наиболее соответствующей цели и характеру работ.

Однако при ближайшем рассмотрении текстов лекций выясняется, что они представляют собой гораздо больше, чем традиционный научно-популярный материал, предназначенный для устного представления студенческой аудитории. По нашему мнению, это можно объяснить не только писательским талантом В.В. Набокова, но и еще присущим ему актерским дарованием. Известно, что он даже проходил пробы на берлинской киностудии «Бабельсберг» в качестве драматического актера, но крупных ролей так и не получил, так что, вполне возможно, свои нереализованные актерские амбиции писатель воплотил, выступая в роли лектора. При этом бесспорно, что к материалу своих лекций Набоков подходил как к настоящему художественному произведению: тщательно выверял их лексическое и стилистическое содержание, часами продумывал композицию каждой лекции. Благодаря этому, вчитываясь в «Лекции по русской литературе», читатель легко представляет себе живой образ того или иного писателя, что закономерно приводит к мысли о близости их к специфическому жанру критики — литературному портрету.

Представляется, что критические работы В. В. Набокова, посвященные целой плеяде выдающихся русских писателей, могут быть рассмотрены за пределами лекции как характерной формы обобщенного научного или научно-популярного материала, поскольку они направлены не столько на традиционную читательскую рецепцию как восприятие специфического материала, сколько на содействие и сотворчество автора и читателя, что является целью жанра литературного портрета.

На то, что писатель создавал именно литературные портреты писателей, хотя и в форме лекций, указывает ряд обстоятельств: заглавия его литературно-критических размышлений

(«Федор Достоевский», «Лев Толстой», «Антон Чехов»); принципиальная «монопersonальность» каждой отдельной работы; «вершинность» системы образов и стремление критика к полноценному созданию образа портретируемого писателя на основе краткого обзора биографии, а также литературоведческого анализа его произведений.

Главной цели создания лекций как литературных портретов отвечает также их композиция: каждая лекция состоит из совокупности неодинаковых по объему частей, открывающих разные грани личности и творчества изображаемого писателя. Кроме того, все лекции построены таким образом, что в сознании слушателя или читателя достаточно легко формируются узнаваемые образы писателей. При этом речь идет не только о внешнем облике портретируемых, но их внутреннем, духовном мире.

Все лекции начинаются с небольшого введения, в котором Набоков разъясняет повод своего обращения к личности писателя. Так, например, причиной обращения к Ф. М. Достоевскому, по словам Набокова, явилось его желание «развенчать» писателя, а об А. П. Чехове он решил написать потому, что это, по его мнению, «настоящий художник» [6, с. 176]. За введением, как правило, следует краткое биографическое описание жизни писателя, затем — собственно литературоведческий анализ его художественного наследия, сквозь призму которого у Набокова «высвечивается» личность портретируемого.

Мы рассматриваем литературно-критические работы В. В. Набокова, включенные в книгу «Лекции по русской литературе» как особую жанровую разновидность литературного портрета первой половины XX в. — *литературный портрет-лекция*. Специфика данного понятия заключается, прежде всего, в семантическом синтезе художественного и научного начал. Интенция автора направлена не столько на осуществление образовательного процесса, сколько на формирование развитого литературного вкуса у слушателя. Композиционное построение портрета-лекции представляется точным и строго выверенным, а содержание данной формы литературно-критической рефлексии основывается на совмещении научно-аналитического и экспрессивно-эмоционального подходов критика. В. В. Набоков писал: «Неумеренный художественный пыл внесет излишнюю субъективность в отношении к книге, холодная научная рассудочность остудит жар интуиции. Но если <...> читатель совершенно лишен страстности и терпения — страстности художника и терпения уче-

ного, — он едва ли полюбит великую литературу» [5, с. 27]. Таким образом, очевидно, что для Набокова-критика рассмотрение художника и его творчества представлялось важным не только с позиции критика, читателя, но и с позиции ученого.

Как читатель В. В. Набоков постоянно использует в тексте портретов-лекций оценочные слова и выражения; как критик он наполняет свои работы эпитетами, метафорами, аллегориями, градациями, гиперболами и реминисценциями; в качестве ученого — избирает строго рационалистический подход не только к творчеству писателя, но даже к его личности. Причем последний аспект в «Лекциях...» В.В. Набокова явно преобладает.

При этом в случае, когда речь идет о личности писателя, в размышлении Набокова явно преобладает критическое начало, основанное на интуитивном (имманентном) подходе, который, как известно, предполагает рассмотрение личности писателя как феномена, извне не детерминированного — ни общественно-политической или историко-литературной ситуацией, ни обстоятельствами жизни писателя. В соответствии с этим в основу своих критических размышлений Набоков положил представление о личности портретируемого писателя, обусловившее основные жанровые признаки его выступлений. Героем портретов Набокова стал человек-творец, воплощающий авторскую идею о неидеализированной личности [1].

Для подтверждения выдвинутых тезисов рассмотрим литературный портрет-лекцию «Федор Достоевский» В. В. Набокова в предложенном аспекте. Обращение к личности Ф. М. Достоевского было далеко не случайным для В.В. Набокова. Известно, что писатель неоднократно критически высказывался о личности и творчестве Достоевского. Поэтому неудивительно, что уже в самом начале своей лекции автор прямо и недвусмысленно заявляет: «Не скрою, мне страстно хочется Достоевского развенчать» [6, с. 176]. При этом именно литературному портрету о Достоевском Набоков уделил в своих «Лекциях...» наибольшее внимание — биография и творчество писателя были рассмотрены в пяти лекциях.

В небольшом по объему вступлении Набоков обозначил сущность выработанной им концепции личности портретируемого: «Я испытываю чувство некоторой неловкости, говоря о Достоевском. В своих лекциях я обычно смотрю на литературу <...> как на явление мирового искусства и проявление личного таланта. С этой

точки зрения Достоевский писатель не великий, а довольно посредственный, со вспышками непревзойденного юмора, которые, увы, чередуются с длинными пустошами литературных банальностей» [6, с. 176]. Как видим, с самого начала автор декларирует свое кредо — рассматривать литературу (в том числе личность и творчество Ф. М. Достоевского) в контексте «мирового искусства» и «личного таланта». С позиции этого критерия Набоков отказывает писателю, гениальность которого является общепризнанным фактом, в наличии оригинального художественного дарования. Это позволяет предположить, что при создании литературного портрета автор отталкивался от представления о Достоевском как личности, далекой от идеала как с биографической, так и творческой точки зрения. Отсюда — жесткие эмоционально-экспрессивные выражения, иронический и саркастический подтексты рассуждения. Уже начальная характеристика, которую автор дает Достоевскому, создается с помощью слов с ярко выраженной экспрессивной (негативной) окраской: «посредственный», «банальности».

Ироническое отношение автора лекции к портретируемому проявляется во всех последующих рассуждениях о нем. Так, в том же вступлении, обращаясь к роману «Преступление и наказание», Набоков довольно язвительно высмеивает его сюжет, используя все то же определение «банальность». Он отказывается понимать, почему «к духовному возрождению» Раскольникова приводит именно любовь Сони Мармеладовой. Жестко парируя идею чистоты и невинности души героини, выдвинутую Достоевским, Набоков обвиняет писателя в пошлости и относит его произведение к «псевдолитературе» [6, 176].

Далее критик-портретист сосредоточивает внимание на биографии Ф. М. Достоевского, которая в его интерпретации также является, по нашему мнению, выражением набоковской концепции личности портретируемого, положенной в основу литературного портрета-лекции, а интуитивный метод Набокова-критика обусловил избирательное обращение ко многим частным подробностям жизни писателя. Это и описание отца Достоевского — «домашнего тирана», и упоминание о комплексе вины за его убийство у самого Достоевского, и указание на неврастению, которой, по словам критика-портретиста, страдал писатель [6, с. 177].

В целом, описание жизни писателя в работе В. В. Набокова носит оттенок отчетливой двойственности. С одной стороны, автор изображает

писателя иронически и даже саркастически. Так, рассказывая об известном случае, который произошел при знакомстве с романом «Бедные люди» его первых читателей (Некрасова и Григоровича), Набоков иронически замечает: «Но в четыре часа утра его разбудили Некрасов и Григорович <...>. От избытка чувств они решили разбудить автора и не медля ни секунды сообщить ему о своем впечатлении. “Ну и что же, что он спит, это поважнее сна, — решили они”» [6, с. 177–178]. Ирония в данном случае заключается в том, что, по мнению Набокова, Достоевский не являлся тем писателем, которого вряд ли можно было будить среди ночи, даже ради выражения уважения и признания. Тем самым критик как бы проводит грань, отделяющую Достоевского от литературной элиты его времени.

Более того, ирония портретиста достигает сарказма, когда он описывает отношения Достоевского с писателями, группировавшимися вокруг журнала «Современник»: «Его вторая повесть “Двойник” (1846) — лучшая, и, конечно, более совершенная, чем «Бедные люди», — была принята довольно холодно. Но Достоевский уже успел возомнить о себе невесть что и, наивный, неотёсанный, плохо воспитанный, не раз умудрился поставить себя в глупое положение и перессорился со своими новыми друзьями и поклонниками. Тургенев прозвал его прыщом на носу русской литературы» [6, с. 178]. Эта резкая оценка Достоевского как человека малообразованного и высокомерного также была призвана служить развенчанию писателя. Отметим, что большая часть семантической структуры портрета-лекции носит именно негативный, отрицательный оттенок. Приведенный фрагмент рассуждения наглядно демонстрирует, что автор-портретист не стремился выбирать более лояльные выражения для характеристики личности портретируемого писателя.

Представляется, что в этой части литературного портрета-лекции, посвященной Достоевскому-человеку, В. В. Набоков идет вслед за традицией, заложенной еще Ю. И. Айхенвальдом: специфика интерпретации личности портретируемого писателя раскрывается в манере, свойственной интуитивному методу критика начала XX в. Набокова-критика при этом не интересуется содержанием всех известных предшествующих отзывов о Ф. М. Достоевском: он рассматривает личность писателя исключительно сквозь призму собственной концепции личности портретируемого, которая, в свою очередь, основывается, на интуитивном постижении личности героя портрета. Тем самым Набоков выво-

дит свою лекцию за границы им же самим обозначенного жанра. Ведь лекция, согласно своему назначению, призвана донести до слушателя максимально объективную презентацию личности и творчества художника.

Лекция-портрет «Федор Достоевский» в части, посвященной обзору жизни писателя, обладает ярко выраженным эмоционально-экспрессивным субъективным началом. Так, для рассуждений критика характерна повышенная частотность восклицаний: «Свои впечатления он описал в “Записках из мёртвого дома” (1862). Вещь страшная!» [6, с. 179], а также оценочные фразы и выражения: «наивный, неотёсанный, плохо воспитанный», «безвкусица Достоевского» [6, с. 178, 183]. Кроме отмеченных особенностей, укажем на стремление автора-портретиста «вписать» себя в биографию Достоевского: «Во время предварительного следствия он находился в Петропавловской крепости, где начальником был генерал Набоков, мой предок» [6, с. 178]; «Роман “Братья Карамазовы” всегда казался мне невероятно разросшейся пьесой» [6, с. 183].

Выраженный субъективный характер портрета-лекции проявляется также в наличии в авторском повествовании о жизни писателя целого ряда фактических ошибок. Так, критик утверждает, что «Достоевский, несомненно, страдал неврастенией и с детства был подвержен таинственному недугу — эпилепсии» [6, с. 177]. Однако письма писателя к брату, опубликованные еще в XIX в., свидетельствуют, что первые признаки страшной болезни у него появились с 33 лет, к 1854 г. Еще одна фактическая ошибка Набокова кроется в указании на то, что роман «Бедные люди» был опубликован в журнале «Современник», а между тем известно, что произведение увидело свет в «Петербургском сборнике» в 1846 г. Также анализируя эпизод чтения Соней Мармеладовой Евангелия Родиону Раскольникову, критик относит его не к четвертой, а к десятой главе четвертой части романа.

Многочисленные фактические ошибки и неточности, допущенные автором, нуждаются в комментарии. По нашему мнению, они отнюдь не свидетельствуют о том, что Набоков являлся некомпетентным исследователем русской литературы или был недостаточно знаком с биографией Достоевского. Мы полагаем, что допущенные Набоковым фактические ошибки и противоречия были мотивированы причинами, носящими объективный характер.

Первая причина заключается в том, что у портретиста с портретируемым не было и не

могло быть прямого контакта уже только потому, что Ф. М. Достоевский и В. В. Набоков были отделены друг от друга целой эпохой.

Н. В. Штейникова, анализируя подобные ситуации в портретировании, высказала интересное предположение, что при воспроизведении облика художника критик может обращаться «к документам и творческому наследию писателя, при этом недостаточное количество сведений *компенсируется творческой фантазией*, что и обуславливает сюжетосложение» [7, с. 74]. Мы склонны согласиться с тем, что портретист действительно имеет право на «домысливание» биографии героя портрета (это, в частности, обуславливается достаточной жанровой свободой литературного портрета). В то же время известно, что Набоков не только прекрасно знал русскую литературу, биографии и творчество ее выдающихся представителей, но всегда выступал сторонником дотошного исследования всех, даже самых мельчайших деталей жизненного пути того или иного писателя. В таких случаях он выступал не как критик, а как историк литературы.

Исследователь М. В. Михайлова утверждает, что «критика, в отличие от историка литературы, меньше занимают подробности биографии, кроме тех случаев, когда в них кроется что-то необычное (как, например, в случае с М. Горьким, биографические подробности жизни которого всегда становились “изюминкой” его “изображения”). Нередко происходила даже “подмена” биографических данных вымышленными подробностями. Порой писатели, обеспокоенные своим “имиджем”, сами начинали подыгрывать создаваемому критикой мифу, способствовать его выработке» [4, с. 628-629]. В случае с Набоковым очевидно, что он, рассказывая о жизни Ф. М. Достоевского, в большей степени выступал как критик, поэтому его интересовали любые, даже самые, на первый взгляд, незначительные и даже вымышленные подробности из жизни портретируемого.

Вторая причина присутствия вымысла в художественной структуре портрета-лекции может скрываться в полемическом отношении Набокова к идеям Достоевского. Так, набоковеды справедливо утверждают, что аксиологические установки русско-американского писателя-критика были противоположны этико-эстетическим принципам и гуманистическому пафосу русской литературно-критической традиции. В частности, литературные «отношения» Набокова и Достоевского являются яркой демонстрацией этико-эстетических идеалов Набокова-писателя,

составляющих сердцевину его мировоззрения. Общеизвестно, что литературный опыт Золотова века провозгласил жалость и сострадание к «маленькому человеку», «униженным и оскорбленным» людям основополагающим принципом гуманизма. Однако для Набокова подобное утверждение отнюдь не являлось бесспорным. Кроме того, для писателя сама мысль о социальном пафосе художественного произведения казалась недопустимой и, более того, недостойной искусства и художника. Потому неудивительно, что Набоков, так и не достигнув своеобразного мировоззренческого «консенсуса» с Достоевским, изображал его сквозь призму «униженных и оскорбленных», в изобилии населяющих его произведения.

Наконец, третья причина наличия в портрете-лекции фактических неточностей может быть объяснена противоречивым отношением критика к художественному мастерству Достоевского. Несмотря на то, что Набоков упрекает писателя в недостатке «художественной соразмерности» [6, с. 190], он в то же время признает его талант. Так, рассуждая о повести «Двойник», критик называет ее «совершенным шедевром», признаваясь, что, на его взгляд, это лучшее, что написал Достоевский [6, с. 183].

Таким образом, в портрете-лекции «Федор Достоевский» мнение В. В. Набокова не остается неизменным, а сам критик-портретист предстает перед читателем своего рода двуликим Янусом. Сложившуюся ситуацию наиболее точно, по нашему убеждению, характеризуют слова Л. Н. Целковой о том, что «Набоков постоянно раздваивается: 1) как писатель он занят профессиональной критикой объекта исследования; 2) как читатель он не может скрыть своего восторга даже тогда, когда выявляет недостатки разбираемого автора» [3, с. 23].

В связи с этим целесообразно, на наш взгляд, говорить о таком атрибутивном признаке жанра литературного портрета-лекции В. В. Набокова, как синтез субъективного начала, обусловленного интуитивным методом, определяющим специфику интерпретации героя портрета, и строгого научно-аналитического (рационалистического) подхода к художественному творчеству личности портретируемого. Рассмотрим особенности этого подхода В. В. Набокова к исследованию отдельных произведений Ф. М. Достоевского.

Литературоведческий анализ Набокова, содержащийся в портрете-лекции «Федор Достоевский», посвящен романам «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и повести «Записки из подполья». При

этом большая часть работы посвящена разбору «Записок из подполья», при рассмотрении которых критик, несмотря на многочисленные негативные замечания, продемонстрировал строгий научно-аналитический подход, обнаружив явную склонность к четкой аргументации критической мысли. Так, например, предвзято анализируя повесть, критик заявляет, что его интерес к ней «ограничен исследованием стиля», в котором заключена «квинтэссенция Достоевщины» [6, с. 193–194]. Уже первая фраза аналитического разбора, благодаря употребленному в ней определению с ярко выраженным негативным эмоциональным значением — «достоевщина», указывает на полемическое отношение портретиста к идейно-художественной ценности данного произведения. Действительно, дальнейшее размышление критика основывается на опровержении практически всех художественных приемов, используемых писателем в «Записках из подполья».

Собственно интерпретация произведения начинается с указания критика на ряд творческих провалов Ф. М. Достоевского: это и неудачное композиционное построение повести, и тип рассказчика, и отсутствие связей между авторскими ссылками на исторические события и фабулы. Завершается набоковский разбор обвинением автора в создании «литературных манекенов», а не живых персонажей. При этом портретист выделяет «отличнейшую 4-ю главу» повести, посвящая ее разбору значительное место. Но в итоге пишет о приедающей фальши всего последующего содержания произведения.

Представляется, что в основе анализа «Записок из подполья» лежит рационалистический подход критика к рассмотрению композиционной, семантической и идейной структуры повести. Набоков, вглядываясь в произведение, осмысливает и объясняет читателю необходимость буквально каждого фрагмента и эпизода «Записок...». В данном случае уместно говорить о таком приеме, используемом портретистом, как стилевое «вычитывание» текста, сущность которого заключается в том, что критик, интерпретируя произведение, вчитывается не только в каждую главу книги, в каждый ее абзац, но и в каждое слово. Уже на начальной ступени словесного разбора произведения, В. В. Набоков приходит к неутешительному выводу: «Назойливое повторение слов и фраз, интонация одержимого навязчивой идеей, стопроцентная банальность каждого слова, дешевое красноречие отличают стиль Достоевского» [6, с. 197].

Вторая часть литературного портрета-лекции о Ф. М. Достоевском, посвященная литературо-

ведческому анализу романов писателя, производит впечатление иллюстрации основного пункта обвинения автору, создавшему произведение «без всякого чувства меры и гармонии». Частью обвинения является упрек в отсутствии правдоподобия. Набоков, например, негативно высказывается относительно «раздувания» писателем обычных человеческих чувств, что, по его мнению, выражается в чрезмерном количестве душевнобольных персонажей его романов. Автор даже составляет собственную классификацию болезней героев Достоевского, включающую эпилепсию, старческий маразм, истерию и психопатию [6, с. 186–187].

Обращение к данному портрету показывает, что наибольшее внимание Набоков уделяет научному анализу творческой деятельности писателя, сквозь призму которого критик, а вместе с ним читатель, составляют свое, субъективное представление о его личности. Думается, что подобная ситуация была обусловлена интуитивно-рационалистической направленностью литературно-критических размышлений критика. Мы склонны считать, что данная черта является важной составляющей критического метода Набокова в создании литературных портретов-лекций. Автор-портретист исследует личность портретируемого путем интуитивного постижения его внутреннего, духовного мира через биографию, а также сквозь призму его творчества, исследуемого в рамках научно-аналитического подхода.

Безусловно, для современного исследователя очевиден тот факт, что Набоков провоцировал своего читателя, обвиняя Достоевского в творческой несостоятельности; «комкал» материал, жертвуя художественной соразмерностью; допускал большое количество фактических ошибок и противоречий (известно, например, что сам Набоков называл литературу выдумкой, вымыслом, а между тем упрекал Достоевского в отсутствии правдоподобия); насыщал портрет язвительными замечаниями.

Интересно, что данная лекция-портрет В. В. Набокова, несмотря на ярко выраженный иронический оттенок, передает особенности творческой манеры Ф. М. Достоевского. Поспешность, свойственная, по словам Набокова, писательской манере Достоевского, обуславливает, на наш взгляд, специфическое семантико-композиционное «нагромождение» сюжетных линий в тексте литературного портрета-лекции самого Набокова. Так, в рамках одного критического рассуждения он уместил не только биографию писателя и анализ его произведений, но

и включил в него перечень психических болезней, которыми страдают герои Достоевского, а также многочисленные авторские отступления, посвященные уяснению сущности искусства.

На наш взгляд, все названные особенности литературного портрета-лекции о Ф. М. Достоевском можно объяснить не столько стремлением автора имитировать или пародировать поспешность, характерную для художественной манеры писателя, сколько концепцией личности портретируемого, основанной на восприятии Достоевского, прежде всего, как писателя.

Для В. В. Набокова Ф. М. Достоевский — это, прежде всего, творец, писатель, а уже затем — личность, человек. Это обуславливает, по нашему мнению, научный характер, свойственный всей книге «Лекции по русской литературе». В созданных Набоковым литературных портретах-лекциях доминирует взгляд критика на личность портретируемого сквозь призму его произведений, а не наоборот. Произведения Ф. М. Достоевского, как и Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других русских писателей, критик-портретист анализирует с точки зрения рационалистического подхода. Заметим, что даже в том случае, когда критик был настроен по отношению к творчеству изображаемого писателя полемически, он стремится к максимально объективной оценке его произведения. Сам В. В. Набоков еще до начала разбора повести и романов Достоевского в небольшом авторском отступлении, как бы разделяющем портрет на две части (первая посвящена личности Ф. М. Достоевского, вторая — анализу его произведений), обозначил сущность своего оригинального подхода к литературе: «Если вам не нравится книга, вы все-таки можете поучить от нее удовольствие, воображая себе иной, более правильный взгляд на вещи или, что то же самое, выражая свое отношение к ним иначе, чем ненавистный

автор <...> настоящую литературу не стоит глотать залпом <...>. Литературу надо принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолот <...> ее нужно разгрызть, с наслаждением, перекачивая языком во рту — тогда и только тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат <...>, к которому вы подмешали чуточку собственной крови» [6, с. 184].

Таким образом, внимание Набокова-критика сосредоточивается, прежде всего, на творческой деятельности писателя. Однако на создание целостного образа героя литературного портрета-лекции существенное влияние оказывало также субъективно-критическое видение личности портретируемого писателя. Развивая идеи Ю. И. Айхенвальда, В. В. Набоков в основу восприятия и интерпретации личности портретируемого писателя положил интуитивный (имманентный) критический метод, который обусловил оригинальный, самобытный, эскизный, «силуэтный» характер его критического творчества. Каждое его критическое размышление — это набросок, призывающий слушателя и читателя к «дописыванию» и «домысливанию» литературно-критического текста. Представляется, что Набоков осознанно оформил свои литературно-критические размышления в форме лекции, жанровые трактовки которой едва ли могут быть исчерпаны.

Таким образом, критико-эстетическая концепция личности портретируемого в критике В. В. Набокова представляет собой во многих отношениях уникальное явление. В русле этой концепции лежит синтез интуитивного и рационалистического начал, который в совокупности с выделенным типом героя позволяет определить критические работы В. В. Набокова, объединенные в книге «Лекции по русской литературе», как литературный портрет-лекцию.

Литература

1. Айкашева О. А. Литературный портрет: концепция личности портретируемого писателя и особенности ее воплощения (на примере работ В. Г. Короленко и Ю. И. Айхенвальда о В. М. Гаршине) // Мир науки, культуры и образования. Экология. Культура. Филология. Искусствоведение. Педагогика. Психология. — Горно-Алтайск, 2010. — № 4 (23), Ч. 2. — С. 6–8; Ее же. Способы воплощения концепции личности писателя в литературном портрете «А. П. Чехов» Н. Д. Телешова // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. — 2011. — Вып. 10. — С. 126–131.
2. Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. Биография: пер. с англ. — М.; СПб.: Независимая Газета; Симпозиум, 2004. — 927 с.
3. Егорова А. В. Лекция В. Набокова о Ф. М. Достоевском: особенности жанра и стиля // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 6, ч. 2. — С. 21–24.
4. Михайлова М. В. Литературная критика: эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. — М., 2009. — С. 620–705.
5. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. — М.: Независимая газета, 1998. — 512 с.
6. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. — М.: Независимая газета, 1999. — 440 с.
7. Штейникова Н. В. Жанр литературного портрета в творчестве В. Ходасевича: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Астрахань, 2006. — 20 с.

References

1. Ajkasheva O. A. Literaturnyj portret: kontseptsiya lichnosti portretiruemogo pisatelya I osobnosti ee voploshcheniya (na primere rabot V. G. Korolenko and Yu. I. Ajchenwal'd o V. M. Garshine) [Literary Portrait: the concept of the person of portrayed writer and especially its implementation (on the material of works by V. G. Korolenko and Yu. I. Ajchenwal'd on V. M. Garshin)]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. Ekologiya. Kul'tura. Filologiya. Uskusstvo. Pedagogika. Psichologiya — The world of science, culture and education. Ecology. Culture. Philology. Arts. Pedagogy. Psychology.* Gorno-Altajsk, 2010. No. 4 (23). Part II. P. 6–8; Ee zhe. Sposoby voploshcheniya kontseptsii lichnosti pisatelya v literaturnom portrete "A. P. Chechov" [Ways to translate the concept of the personality of the writer in a literary portrait "A. Chekhov " by N. D. Teleshov]. *Vestnik Buryat. gos. universiteta. Filologiya – Bulletin of Buryat State University.* 2010. V. 10. Pp. 126-131.
2. Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskije gody. Biografiya* [Vladimir Nabokov. American years. Biography]. Moscow, St Petersburg: Nezavisimaya gazeta: Symposium, 2004. 927 p.
3. Egorova A.V. Lektsiya V. V. Nabokova o F. M. Dostoevskom: osobnosti zhanra i stilya [Nabokov's lecture on F. M. Dostoevsky: peculiarities of genre and style]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya — World of science, culture and education.* 2010. No. 6. V. 2. Pp. 21-24.
4. Mikhajlova M. V. Literaturnaya kritika: evolyutsiya zhanrovych form [Literary criticism: evolution of genre forms]. *Poetika russkoj literatury konca XIX — nachala XX veka. Dinamica zhanra — Poetics of the Russian literature of the end of XIX — beginning of XX century. Dynamics of the genre.* Moscow, 2009. P. 620-705.
5. Nabokov V. V. *Lektsii po russkoj literatury* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta publ., 1999. 440 p.
6. Nabokov V. V. *Lekcii po zarubezhnoj literatury* [Lectures on foreign literature]. Moscow: Nezavisimaya gazeta publ., 1998. 512 p.
7. Shtejnikova N. V. *Zhanr literaturnogo portreta v tvorchestve V. Khodasevicha: dis. ... kand. filol. nauk* [Genre of the literary portrait in the works by V. Khodasevich: Author's abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Astrakhan, 2006. 20 p.

УДК 82-3

Особенности сюжета в драмах А. Вампилова «Утиная охота» и «Прошлым летом в Чулимске»

© Тихоненко Валентина Александровна

старший преподаватель кафедры языков стран АТР Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета

Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, ул. Аякс, 10, кор. D20.

E-mail: Tinka1980@mail.ru

В статье анализируются особенности сюжета в драмах А. Вампилова «Утиная охота» и «Прошлым летом в Чулимске». На основе анализа утверждается, что драматургом ставится проблема культуры человеческих отношений: как безнравственные поступки отрицательно сказываются на жизни других и какое влияние на людей может оказать высоконравственное поведение человека. Сюжет в обеих пьесах в сопоставлении с сюжетом в очерке А. Вампилова «Прогулки по Кутулику» позволяет прояснить авторскую идею о том, что культура взаимоотношений — основа человеческого существования — и главная ответственность за поведение всегда и везде лежит на личности. Ни влияние «среды», ни какой-либо этап в жизни общества не снимает с человека обязанности считаться с другими людьми.

Ключевые слова: А. Вампилов, действие в драме, конфликт, сюжетная канва, человек и «среда», ответственность личности.

Plot features in A. Vampilov's dramas "Duck Hunting" and "Last Summer in Chulimsk"

Valentina A. Tikhonenko

senior lecturer of Department of the Asia-Pacific Region Languages, School of Regional and International studies, FEFU.

building D20 10, Ayaks Str., Russian Island, Vladivostok 690922, Russia

The article analyzes the problem of culture of human relations (how immoralities affect others' life and how moral behavior can affect human) on the material of A. Vampilov's dramas "Duck Hunting" and "Last Summer in Chulimsk". The analysis of A. Vampilov's dramas in comparison with his story about moral problems of modern society "Walking in Kutulik" allows to clarify author's idea that culture of relationship is a basis of human existence and the main responsibility for human actions belongs to the personality, ever and everywhere. Neither environment influence nor any changes in society don't remove a person's responsibility to consider other people.

Keywords: A. Vampilov, action in drama, conflict, storyline, "community", man and environment, the responsibility of the individual.

Исследователи творчества А. Вампилова венцом его творческих достижений, как правило, считают драму «Утиная охота» (1967). Об этом писали А. Демидов, В. Лакшин, Н. Тендитник, С. Имхелова и другие. Между тем сам Вампилов, работая над своей последней законченной пьесой, считал, что драма «Прошлым летом в Чулимске» (первое название «Валентина») написана на достаточно высоком художественном уровне. О работе над «Валентиной» в 1969 г. Вампилов писал заведующей литературной части Московского драматического театра им. М. Н. Ермоловой Е. Якушкиной: «Новая пьеса («Валентина» — в двух действиях) наполовину написана набело, <...> придерживаюсь уровня «Охоты», а там авось, этот уровень и перемахну» [1, с. 601].

Представляется, что обе пьесы, высоко ценимые автором в период его творческой зрелости, близки по замыслу и сюжету: они о том, как поступки окружающих людей, занятых мыслями о собственном счастье, могут привести жизнь человека к трагической черте. Рассмотрим сюжетные линии двух пьес драматурга, выявив единство проблем, волновавших драматурга.

Сюжет в «Утиной охоте», на первый взгляд, определяется и движется поступками и действиями главных действующих лиц, прежде всего Виктора Зилова. В разговоре о нем критики пытались разобраться в причинах грубого, скандального поведения умного, тонко чувствующего героя. Исследователи указывали либо на причины, которые следует искать в характере героя, считая его ответственным за собственную несо-

стоятельность (Е. Гушанская, Т. Журчева, В. Соловьев, А. Демидов), либо на внешние, независимые от человека обстоятельства, каковым было состояние общества конца 1960-х гг., та атмосфера разочарования в прежних иллюзиях и идеалах, которая выдвинула на передний план заурядность и пошлость, регламентированность и внешние приличия вместо необходимости внутренней духовной работы (Н. Тендитник, В. Сахаров, И. Шайтанов, Б. Сушков, В. Лакшин).

Зилов, безусловно, самый интересный человек в выведенном Вампиловым круге персонажей: его отличают свобода суждений, остроумие, он ироничен, всегда владеет вниманием окружающих. Когда в начале пьесы Зилов просыпается в своей новой квартире и получает от друзей похоронный венок, он понимает, что жизнь его «в сущности проиграна», и мысленно прокручивает события последних трех месяцев. Пьеса так выстроена, что воспоминаниям посвящена большая часть действия — не менее 5/6 текста. Поведение окружающих и отношение к ним Зилова позволяют определить, в чем причина недостойных поступков героя: в его личности или в обстоятельствах, толкавших его на эти поступки.

В этих воспоминаниях окажется, что самым близким Зилову человеком, которого он потерял навсегда, была его жена Галина. Согласно авторской ремарке, Галина утомлена жизнью с «легкомысленным мужем», «бременем несбывшихся надежд», но сквозь ее усталость проглядывает «изящество, которое различимо не сразу и ни в коем случае не выказывается ею нарочно» [3, с. 182–183]. Авторская высокая оценка героини очевидна. Поведение Галины и в памяти Зилова постоянно подтверждает эту оценку.

Вначале Галина еще только подозревает об изменах мужа, но все же надеется на лучшее. Зилов благодаря хлопотам начальника Кушака получает квартиру, и новоселье для Галины представляется возможностью восстановить отношения с мужем, начать новый этап их совместной жизни, оставив все лживое в прошлом: «Мы здесь заживем дружно, верно? <...> По вечерам будем читать, разговаривать... Будем?» [3, с. 185]. Высокий душевный настрой Галины, ее любовь к мужу не вызывают сомнений.

В сцене новоселья ярко проявляется благородство Галины в отношениях с друзьями и знакомыми Зилова. Она не думает о потраченных деньгах, в отличие от, казалось бы, совершенно нерасчетливого мужа, который замечает, что «жратва нешуточная» подготовлена и что никто

из его друзей «такого не заслужил» [3, с. 183]. Галина не ждет от гостей подарков и старается поскорее завершить сцену дарения. В отличие от четы Саяпиных она не старается проявлять к Кушаку особое внимание и подчеркивать благодарность за новую квартиру. Она тепло приветствует Кузакова, когда тот из-за отсутствия денег в качестве подарка приносит садовую скамейку в дом, где пока не на чем сидеть: «Спасибо, Кузя! Лучше нельзя было придумать <...>. Поставьте ее к столу. На нее сядут дамы» [3, с. 190]. Очевидно, что из всего окружения Зилова Галина выделяет Кузакова, наверно, потому, что он «большой частью задумчив, самоуглублен», «в обществе он обычно в тени» [3, с. 189]. Зато официант Дима пугает ее. Невзирая на грубоватое, фамильярное поведение Веры, бывшей любовницы Зилова, и будучи интуитивно против ее визита, Галина попрощалась как с человеком, которого она хотела бы видеть в своем доме: «Надеюсь, вы будете у нас бывать. Я буду рада» [3, с. 194]. В свою очередь, Вера против своего ожидания верно оценила Галину: «Твоя жена мне понравилась. Удивляюсь даже, как тебе удалось на такой жениться <...>. Представляю, сколько она натерпелась из-за тебя... » [3, с. 194].

Отношение Зилова к жене на протяжении всей его «работы памяти» [5, с. 72] отвратительно: он изменяет ей, врет, рушит последние надежды на семейное счастье своей реакцией на слова о будущем ребенке. Его равнодушие объяснялось тем, что он в это время организовывал свидание с только что появившейся в его жизни юной Ириной — об этом тоже помнит только он.

ЗИЛОВ. Ребенок?.. <...> Ну рад... Да рад я, рад... Ну что тебе — спеть, сплясать?... Увидеться?... Сегодня увидимся. Ведь не сию же минуту он у тебя будет» [3, с. 204].

Когда Ирина пытается образумить Зилова во время скандала в кафе, заступаясь за оскорбленных им друзей, он оскорбляет и ее саму: «Вот вам еще! Еще одна! Хватайте! <...> Прелестное создание! Невеста! Ну! Что же вы растерялись? Думаете, ничего не выйдет? Ерунда! Поверьте мне, это делается запросто!» [3, с. 246]. Сюжетная линия Ирины показывает: все, что Зилов завоевывает у жизни своим обаянием, он не ценит и потому теряет. Теряет, потому что ни прекрасная жена, ни любовницы — сначала доступная Вера, потом юная, непосредственная Ирина — не давали ему счастья и удовлетворения. Не увлекала Зилова и не могла увлечь работа. Он понимал, что он не состоялся как инженер. Саяпину он говорит: «Старик, ничего из нас

уже не будет. <...> наша контора для нас с тобой самое подходящее место» [3, с. 215].

Кроме женщин, в жизни Зилова были и друзья, которые охотно проводили с ним время, уважали его страсть к утиной охоте и готовы были сделать приятное: на новоселье преподнесли ему особый охотничий подарок — деревянных подсадных уток. Но и они убеждаются, насколько Зилов не считается с ними и не уважает их. Ему нет никакого дела до Саяпина, до его мечты получить, как и он, Зилов, новую квартиру, презирает его за то, что тот заискивает перед начальником, перекадывая всю вину на него, Зилова, когда приходится отвечать за липовую статью, которую они вместе подписали.

Во время ужина в кафе по случаю отпуска и предстоящей утиной охоты Зилов оскорбляет своих гостей, что называется, по полной программе. Если он и теряет близких ему людей, то по собственной воле. Ум и обаяние героя, которые притягивали к нему людей, не должны были давать ему право обращаться с ними как угодно. И сюжетный парадокс в том, что умный обаятельный человек никому из близких и друзей не принес добра, да и себе не доставил счастья и радости — таков итог «работы памяти» героя. Сюжет пьесы и воспроизводит эту «работу» как процесс осознания того, как своими руками он разрушал связи между собой и окружающими людьми.

Во время обсуждения пьесы художественным советом Иркутского драматического театра им. Н. П. Охлопкова возник спор о том, можно ли Зилова с его отвратительными поступками назвать современным героем. Вставал вопрос, кто же виноват в жизненном фиаско героя: общество, которое не дало достойных целей, или же он сам, слишком много требовавший от общества и от жизни.

Вампилов, по свидетельству Н. Тендитник, высказался о своем Зилове вполне определенно: «А мы — вот такие! Это я, понимаете? Зарубежные писатели пишут о “потерянном поколении”. А разве в нас не произошло потерь?» [7, с. 178]. Эти слова объясняют не только социальную атмосферу времени, но и характер действия и сюжета «Утиной охоты», ведь важно, что герой проживает все события в своих воспоминаниях, а значит, сюжетные линии направлены на поиски героя в себе того, что «дурно отражается на других людях» [1, с. 450].

С одной стороны, Зилов — «виновник» всего произошедшего, но с другой — только он способен понять собственную вину. Придет ли он к ее пониманию, совершится ли раскаяние — оста-

ется за чертой пьесы. Но, как показало дальнейшее творчество Вампилова, он не снял ответственности с личности, видел именно в ней залог нравственного отношения к жизни. Взаимоотношения человека и среды, человека и обстоятельств времени, показанные в сюжетных линиях «Утиной охоты», составляют сложный, порой противоречивый и парадоксальный процесс взаимовлияний и взаимоотталкиваний.

Вслед за «Утиной охотой» драматург написал очерк «Прогулки по Кутулику» (1968). Его создание уже состоявшимся писателем было продиктовано внутренней необходимостью осмыслить волнующие его проблемы. Оценивая культурные изменения за последние пять-семь лет в райцентре, где он родился и вырос, достижения материальной культуры — асфальт на центральной улице поселка, новую школу, большой стадион, концерт и танцы в новом Доме культуры, Вампилов видит и другую сторону реальности в связи с грубым поведением подростков, увязавшихся после танцев за девушками. Вспоминает он и дикий случай в соседней деревне Табарсук, когда подростки забрались в пустую школу, порвали классные журналы, нагадили ради забавы. Объяснять такие поступки молодых людей влиянием среды, как это сделала общественность, Вампилов отказался. «Дикость» (если воспользоваться любимым выражением Вампилова) писатель объясняет отношением человека к другим людям и, рассуждая о «влиянии среды», приходит к выводу: «Среда — это то, как каждый из нас работает, ест, пьет, что каждый из нас любит и чего не любит, во что верит и чему не верит, а значит каждый может спросить себя со всей строгостью: что в моей жизни, в моих мыслях, в моих поступках есть такого, что дурно отражается на других людях?» [1, с. 450]. Очерк не оставляет сомнений, что для Вампилова было важно: никакие внешние влияния не снимают с человека ответственности за свое поведение и отношение к жизни и окружающим.

Эти размышления будут воплощены в драматической форме и в пьесе «Прошлым летом в Чулимске» (1972). Ее сюжетный конфликт заключается в выборе героями линии поведения: одни готовы драться за свое счастье «зубами и ногами», как аптекарша Кашкина, как Пашка; другие — Шаманов, Мечеткин, Помигалов, Хороших — бывают равнодушны к окружающим, к нормам человеческой морали. Всем им противостоит Валентина, ни при каких обстоятельствах не приемлющая насилия над личностью, невнимания к чужой жизни. Она ухаживает за палисадником, украшая жизнь посетителей чай-

ной, не принуждая никого следовать ее примеру — выращивать и охранять цветы. Любит Шаманова, не стремясь обратить на себя внимание. Наконец, она не позволяет отцу вступаться за ее поруганную честь.

Исследователь И. Григорай обращает внимание на сюжетную цепочку поступков всех персонажей, борющихся за свое счастье, которые подталкивают Валентину к тому, чтобы пожалеть Пашку и пойти с ним на танцы. В силу своего душевного склада Валентина не допускает возможности насилия. «Для каждого из героев, — пишет И. Григорай, — автор создает свою предельную ситуацию, <...> когда свой кровный интерес — чаще сильное чувство — заставляет даже хороших людей позабыть об окружающих» [4, с. 225]. Иными словами, всех героев объединяет мотив борьбы за счастье. Кроме Валентины — она не борется за счастье, понимая его по-своему.

В первом варианте финала, когда Валентина после совершенного над ней насилия совершает самоубийство, автор подчеркивал значение роли этой сюжетной цепочки борьбы за счастье. Дергачев, далекий от событий вокруг Валентины, хотя и косвенно с ними связанный ненавистью к Пашке, утверждает всеобщую ответственность за смерть Валентины.

ДЕРГАЧЕВ. Мы виноваты... Все виноваты. Слышь, Павел... Все причастные. Все будем отвечать [2, с. 678].

Мысль Вампилова ясна: виноваты все, а не только насильник Пашка. Примечательно, что от варианта самоубийства Валентины драматург затем отказался. Из воспоминаний В. Распутина известно, что Вампилов несколько дней чувствовал себя «скверно потому, что позволил себе усомниться в своей героине, поверить, что — да, сломали» [6, с. 8]. В последнем прижизненном (а значит, каноническом) варианте в заключи-

тельной утренней сцене первое, что делает Валентина, выйдя из дома, — берется чинить палисадник. Сильный характер героини не позволяет ей «надломиться» и утратить веру в людей, в то, что окружающие, в конечном счете, поймут назначение красоты в их жизни, придут к уважению чужого труда и друг друга.

Интересно, что в последнем варианте наметились две сюжетные линии. С одной стороны, поступки каждого действующего лица в драме ведут к трагедии Валентины, а с другой — ее нравственные нормы влияют на окружающих, утверждаются несмотря ни на что. Насильник Пашка уезжает из Чулимска, понимая, что не сможет завоевать ту, что не подчиняется силе. Следователь Шаманов готов вернуться в город и бороться в суде за справедливость в деле, которое раньше казалось безнадежным. Отец Валентины Помигалов теперь будет считаться с ее мнением и чувствами.

Если высоконравственное поведение человека может повлиять на людей, то и безнравственные поступки в немалой степени могут сказаться на их жизни — эта идея, высказанная в очерке «Прогулки по Кутулику», обернулась в развитии сюжета драмы «Прошлым летом в Чулимске». Если «среда», «окружение», «обстоятельства» в Чулимске привели Валентину к трагедии, это, по Вампилову, не причина, чтобы героиня отказалась от нравственных принципов, которые благодаря ей, в конечном счете, торжествуют.

Таким образом, в сюжетной канве драм «Утиная охота» и «Прошлым летом в Чулимске», в их действии и финалах воплощена сокровенная мысль драматурга о культуре человеческих отношений как основе нравственности. Именно эта авторская идея движет сюжет его зрелых пьес.

Литература

1. Вампилов А. Дом окнами в поле. — Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1981. — 690 с.
2. Вампилов А. Драматургическое наследие. — Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2002. — 844 с.
3. Вампилов А. Избранное. — М.: Согласие, 1999. — 778 с.
4. Григорай И. Особенности характеросложения в русской драматургии 50-70-х годов XX века. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. — 240 с.
5. Имхелова С. С., Юрченко О. О. Художественный мир Александра Вампилова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. — 106 с.
6. Распутин В. С места вечного хранения // Вампилов А. Избранное. — М.: Согласие, 1999. — С. 5–11.
7. Тендитник Н. Истины старые, но вечные // Тендитник Н. Мастера. — Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1981. — С. 125–210.

References

1. Vampilov A. *Dom oknami v pole* [House with windows in the field]. Irkutsk: East Siberian publ., 1981. 690 p.
2. Vampilov A. *Dramaturgicheskoe nasledie* [Dramatic heritage]. Irkutsk: Irkutsk regional printing No. 1 publ., 2002. 844 p.
3. Vampilov A. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Soglasie, 1999. 778 p.
4. Grigoraj I. *Osobennosti kharakteroslozheniya v russkoj dramaturgii 50–70-x godov XX veka* [Features of characters incarnation in Russian drama of the 1950–1970 years]. Vladivostok: Far Eastern University publ., 2004. 240 p.
5. Imihelova S. S., Yurchenko O. O. *Chudozhestvennyj mir Alexandra Vampilova* [The artistic world of Alexander Vampilov]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2001. 106 p.
6. Rasputin V. S mesta vechnogo hraneniya [From a place of eternal storage]. *Vampilov A. Izbrannoe — Vampilov A. Selected works*. Moscow: Soglasie, 1999. Pp.5–11.
7. Tenditnik N. Istiny starye, no vechnye [Old but timeless truths]. *Tenditnik N. Mastera — Tenditnik N. Masters*. Irkutsk: East Siberian publ., 1981. Pp.125–210.

УДК 82-1

Темы и проблемы в поэме «Двести десять шагов» Р. И. Рождественского

© Сипкина Нина Яковлевна

кандидат филологических наук, сотрудник кафедры литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Россия, 655000, г. Абакан, ул. Ленина, 92

E-mail: sipkina.nina@yandex.ru

Статья посвящена изучению поэтического наследия Р. И. Рождественского. Произведения поэта-«шестидесятника» — важная часть историко-литературного процесса, в какой-то мере определяющая общий ход развития русской поэзии второй половины XX в. Автором статьи исследуется тематическое содержание одной из значимых поэм Р. И. Рождественского «Двести десять шагов» в контексте литературного процесса 1970–х гг. Анализируются главы поэмы, посвященные актуальным общественным темам, раскрываются нравственно-эстетические принципы поэта, его отношение к насущным проблемам мира, человечества, являющимся актуальными и во втором десятилетии XXI в.

Ключевые слова: Р. И. Рождественский, поэма «Двести десять шагов», тема, нравственно-эстетические принципы, структура, стиль, рефрен, лиризм, публицистичность.

**The themes and problems in the poem “Two hundred and ten steps”
by R. I. Rozhdestvsky****Nina Y. Sipkina**PhD, employee of Department of literature, Khakasian State University named by N. F. Katanov
92 Lenina Str., Abakan 655000, Russia

The article reviews the topical problem of modern Russian literature — the study of the poetic heritage of R. I. Rozhdestvsky. The work of the poet, as well as the work of virtually all his colleagues (E. A. Evtushenko, A. A. Voznesensky, B. A. Akhmadulina, etc.) is insufficiently studied, although it's an important part of the history of Russian literature of the second half of the 20th century which incorporates 40 years of experience in development of artistic and social consciousness of the country. The article reviews the thematic content of one of the most important poems by Rozhdestvsky "Two hundred and ten steps" in the context of the literary process of the 1970s. The poem sections devoted to the themes of "war" and "peace" reveal the moral and aesthetic principles of the poet, his attitude to actual problems of the world community, which is relevant to the second decade of the 21st century.

Keywords: R. I. Rozhdestvsky, "Two hundred and ten steps" poem, theme, moral and aesthetic principle, structure, style, refrain, trails, lyricism, publicistic.

Проблема изучения творчества Р. И. Рождественского, чьи произведения, как и творчество многих его современников — Е. А. Евтушенко, А. А. Вознесенского, Б. А. Ахмадулиной и других, — недостаточно изученная страница истории русской литературы второй половины XX в., вобравшая в себя сорокалетний опыт развития художественного и общественного сознания страны.

После ухода из жизни поэтов-шестидесятников Р. И. Рождественского (1994), Б. Ш. Окуджавы (1997), А. А. Вознесенского (2010), Б. А. Ахмадулиной (2010) как будто появилась возможность закрыть разговор о шестидесятничестве как исчерпавшей себя теме. Вместе с тем их богатейшее творческое наследие, которое сохранилось в сотнях книг, десятках собраний сочинений, не позволяет вычеркнуть шестидесятников ни из истории литературы, ни из сферы критики новой России. Более того, у российских ученых-литературоведов вызревает убеждение о

том, что это литературное движение вполне сравнимо и даже в определенной степени соизмеримо с предшествующим Серебряным веком русской поэзии [9, с. 9].

Творчество Р. И. Рождественского — важная часть историко-литературного развития, совпадающая и, в какой-то мере, определяющая общий ход развития русской поэзии второй половины XX века. В современных учебниках по русской литературе XX века имя поэта упомянуто, но, к сожалению, выведено за рамки списка поэтов-шестидесятников, которым посвящены небольшие подразделы [2, с. 4, 132; 3, с. 115–131].

В творчестве поэта поэма «Двести десять шагов» (1978) занимает особое место. Тема войны и мира, поставленная в поэме, как никогда актуальна и современна сегодня. В 1970-е гг., когда писалась поэма, существовал идеологический и политический барьер между двумя мировыми системами, который сейчас — в начале XXI века

видоизменился, но не исчез и даже обострился. Нашему земному дому сегодня грозит беда: суперсовременные ядерные и водородные бомбы в течение нескольких минут могут уничтожить человеческую цивилизацию и все живое на земле. Проблема существования человека, природы, мира всегда волновала писателей России. Она звучала и звучит в прозе В. Распутина, поэзии Е. Евтушенко, в творчестве современных авторов, которые убеждены, что в третьей мировой войне победителей не будет.

В статье «Шаги истории: за строкой поэмы» (1978) Р. И. Рождественский раскрывает причину постоянного возвращения к военной тематике, памяти о ней в своих стихах и поэмах: «Хотя сам я не воевал, но о войне писал довольно много. В “Реквиеме”, созданном полтора десятилетия назад, я пытался выразить тогдашнее свое понимание этой высокой темы. Но память — не нечто застывшее, она взрослеет вместе с человеком. Приходит, может быть, не другое, но несколько иное понимание событий, связи их с сегодняшним днем. Можно сказать, что память с годами углубляется...» [8, с. 3].

А в беседе с В. Жегисом в 1980 г. на вопрос, какая тема главная для поэта, Р. И. Рождественский ответил: «Говорят, что самые сильные воспоминания — это воспоминания детства. Для меня оно совпало с войной. И хотя я не слышал свиста пуль и разрыва бомб, все равно дыхание войны опалило мою душу. Память возвращает меня в далекие годы. Вот я стою на затемненном вокзале, провожая на фронт отца. И не нахожу нужных слов на прощание. Вот вместе с матерью, военным врачом, я, “сын полка” и страшно гордый своим необычным званием, еду из Омска, где перед войной жила наша семья, в Москву. Вот я курсант военно-музыкального училища, шагаю в шеренге по улицам столицы. И далеко разносятся наши голоса под звуки воинского марша. Помню молчаливые очереди у хлебных магазинов. Шаркающие по лестнице шаги старенького почтальона (что у него в сумке — радость или беда?). И постоянное ожидание Победы» [1, с. 3].

Военной теме войны посвящена глава «Война» в поэме «Двести десять шагов», написанная в жанре баллады. Перед читателем разворачиваются история краткой жизни и бессмертного подвига, первый и последний бой «новоиспеченного» лейтенанта: «Было училище. / Форма — на вырост. / Стрельбы с утра. / Строевая — зазря... / Полугодичный ускоренный выпуск. / И на петлице — два кубаря...» [7, с. 169; далее ссылки на это издание даются в круглых скобках].

В содержании главы «Война» можно различить автобиографические черты — автор поэтизирует детские воспоминания о «путешествии» из Омска в Москву в военном эшелоне с мамой Верой Павловной, военврачом. Они едут очень медленно, подолгу останавливаясь на каждой станции: «Шёл эшелон / по протяжной / России, / шёл на войну, / сквозь мельканье / берез» (с. 170).

В образе молодого лейтенанта-мальчишки можно узнать черты и самого поэта-подростка: «...он по дороге вырос — / этот мальчик — / тонкая шея, / уши торчком... / Только во сне, оккупировав полку / в осатанелом / табачном дыму, / он забывал обо всем / ненадолго...» (с. 170).

В представлении автора поэмы война — это катастрофа. На протяжении всей главы перед читателями разворачивается картина трагедии: «Шел эшелон. / А навстречу, навстречу — / лишь санитарные поезда...»; «...Воздух наполнился громом, / гуденьем. / Мир был изломан, / был искажен...» (с. 171). Строки «Станции / как новгородское вече»; «Полночь / была, как курок / взведена...»; «Будто бы эта планета / кончалась / там, / где сейчас наступали / враги! / Будто ее становилось все меньше!..» — помогают представить нам драматическую, напряженную обстановку «глобального передвижения людского потока», в котором можно легко затеряться, погибнуть.

Ужасы и кошмары войны передаются с помощью образов-метафор: «Мир, / где клокочет людская беда»; «Мир был изломан, / был искажен... / Это / казалось ошибкой, / виденьем, / странным, / чудовищным миражом...»; «Дыбились шпалы! / насыпь качалась!» (с. 170–171). Рефреном-клятвой звучат слова под стук колес вагона в голове лейтенанта: «Мы разобьем их!..» / «Мы их осилим!..» / «Мы им докажем!..» (с. 170).

Интонационное напряжение достигает своего апогея в описании первого и последнего боя «новобранца». Трагична встреча лейтенанта со своей «судьбой-войной», как с «бедой-суженной»: «Танки!!..» / И сразу истошное: / «К бою!...» / Так они встретились: / Он / и Война...» (с. 171). Страх вызвала эта встреча, «судьбой предназначенная»: «...черный, / растерянный, / онемевший, — / в жестком кювете / лежал лейтенант» (с. 172).

Риторические обращения лирических героев поэмы к молодому командиру звучат как «слово» перед боем к воинам, взывающее к их храбрости в защите самого святого на земле — Ро-

дины. Так жертвовали божественным бесценным даром наши далекие и близкие предки-воины, защищая русскую землю от захватчиков. Преодолеть страх перед смертью «просят» лейтенанта (используются образы-символы, приемы перечисления) «дом», «город», «Отечество», «мама», «природа», «незнакомая девчонка», «чемпионы двора по футболу», «Маршал», «крейсер Аврора», «Тельман», «Солнце», «Гагарин», «нерождённые дети»: «Встань, / лейтенант!..»

Мальчишка-лейтенант «услышал» страстные призывы: «И тогда / встал / лейтенант. / И, шагнув по планете, выкрикнул не по уставу: / «Айда!!» (с. 174). Просторечная команда «Айда!» показала, что русским воином была преодолена грань страха, отделявшая смерть и жизнь. Он предложил своим бойцам как будто прогуляться в парке отдыха под музыку пуль и бомб.

Гибель лейтенанта — это совмещение временного пространства и «бесконечной тишины»: «Встал лейтенант!.. / И наткнулся / на пулю. / Большую и твердую, / как стена... / Вздрогнул он, / будто от зимнего ветра. / Падал он медленно, / как на распев. / Падал он долго... / Упал он / мгновенно. / Он даже выстрелить / не успел!» (с. 174). Символичен образ «смерти-подвига»: «Чем этот бой завершился — / не знаю. / Знаю, / что кончилась / эта война. Заклинанием звучат слова поэта о необходимости вечной памяти погибшим солдатам: «Мы про них / не вспомним, — / и про нас не вспомнят!».

В главе явно различима переключка с поэмой «Реквием» (1960) Р. Рождественского, где в 8-й главе есть строчки: «...И летят облака / над нами... / Приближается время дождей / Нарастающий ветер / колышет / большие хлеба...» (с. 38), которые продолжают в поэме «Двести десять шагов»: «... А над домом тучи / кружат-ворожат. / Под землей цветущей / нависше / лежат. / Дождь / идет над полем...» (с. 175).

С точки зрения интонационного рисунка для главы «Война» характерно сопряжение патетики и лиризма: «Не вспомнят / ни разу. / Никто / и никогда. / Бежит / по оврагу / мутная вода... / Вот и дождь / кончился. / Радуга / как польмя... / А ведь очень / хочется, чтоб и про нас / помнили!» (с. 175).

В упоминавшейся беседе с В. Жегисом Р. И. Рождественский говорил о волнующей его теме: «Это тема Памяти. Она относится, несомненно, к разряду вечных тем и в искусстве, и в жизни» [1, с. 3]. Афоризм: «Память / за прошлое держится цепко» (с. 144), открывает в мо-

нологе «Лирическое отступление о школьных оценках» жизненно эту важную для поэта тематику его творчества.

Память о школьных оценок «успевают» и «не успевают» разворачивать картину, по каким «пунктам», «предметам» жизни «не аттестован», отстал лирический герой поэмы. Оценка «не успеваю» превращается в рефрен, помогающий определить драматическое состояние души героя: он страдает от того, что «не успевают» общаться с природой («довериться лесу», «Птицу послушать», «Ветку потрогать»), прочитать книги («Книги / квартиру / заполнили. / Я прочитать их / не успеваю!..»), выслушать школьного друга («Школьного друга / нежданно встречаю. / «Здравствуй! / Ну как ты?..» / И — / не успеваю / вслушаться / в то, что он мне / отвечает...»), подумать («Надо бы / попросту сесть и подумать!.. / Не успеваю!»), сделать счастливой любимую женщину («Женщину, / самую лучшую / в мире, сделать счастливой / не успеваю!»), написать главное («А написать / свои главные строки / не успеваю!» (с. 144–146).

В главе дается оценка жизни лирического героя — неудовлетворительная. Эта одна из немногих глав поэмы, в которой раскрывается «истинное лицо» лирического героя-поэта, задыхающегося от невозможности что-то изменить и в своей, и в окружающей жизни. У него исчезают иллюзии, вера в победу «социализма с человеческим лицом» в нашей стране. В данной главе мы не найдем риторики и деклараций. Трагизм ощущается в каждой стихотворной строчке. «Мрачные» метафоры подтверждают «безнадежность» жизненной ситуации: «Время жалею. / Недели мусолою»; «Вижу / всё больше вечерние / зори. / Утренних зорь / я почти что не помню»; «Книги / квартиру / заполнили»; «Снова ползу / в бесконечную гору, / и от встречного ветра / немею».

Голоса лирического героя никто не слышит, а собственная жизнь представляется ему чем-то ужасным («В душном вагоне — / будто в горниле»; «Как протодьякон / в праздничной церкви, / голос / единственный / надрываю...»). Героя окружает: «Аэродромный разбойничий рокот»; «Липкий мотив»; «бессмысленно спорю», отсюда и соответствующее настроение «непонятной хандры» («Отодвигаю / и планы и сроки»), лишние действия, ощущаемых нагнетанием глаголов: «довериться», «послушать», «потрогать», «бегу», «подуют», «изнываю»). Неуверенность в душе поэта выражается с помощью тавтологической рифмы («...жить / по-другому! / Но по-другому...», «Надо бы, / надо бы остановить-

ся», *«Надо бы / попросту сесть и подумать! / Надо бы... / Надо бы...»*) и контраста: *«То прибывает, / то убывает», «Разочаровываюсь. / Увлекаюсь», «Сильным бываю. / Слабым бываю», «То улетаю, / то отплываю»*).

Жанровая разновидность еще одной «мирной» главы «Нелирическое отступление о дорогах» — публицистический монолог, в котором звучит актуальная тема — состояние дорог в нашей стране. Автор даже утверждает: *«Не ищите поэзии / в данной главе! / Не считайте ее / стихами!.. / Не стихи пишу / хриплым криком / кричу. / Не себе / прошу — / для Отчизны / хочу»* (с. 166). Критик А. Мальгин отмечал эту отличительную черту в творчестве поэта, в том числе и в поэме, — публицистичность. Поэт признавался, что «после опубликования вещи мне пришло письмо из Министерства автомобильных дорог РСФСР, в котором сообщалось, что министр включил эту главку в свой приказ по министерству...» [6, с. 19].

В главе можно прочесть несколько афористических высказываний о значении дорог для людей. В одном из них «дорога» символически воплощает человеческую жизнь: *«Все когда-нибудь / делают шаг / за порог. / Жизнь у всех — / на дорогах бранных...»* (с. 164), в других — образно претворена: *«А мечтаю я / о пятилетке дорог»* (с. 164); *«но в Державе такой, / в Государстве таком / бездорожье — / уже безнравственно!»* (с. 166). А заключительный афоризм *«...коммунизм / есть / Советская власть / плюс дороги!»* (с. 167) претендует уже на роль «новой доктрины» в коммунистической идеологии.

Поэтический стиль главы ироничен. Так, иронично метафорическое описание состояния российских дорог: *«...в черноземах / и в глинистой жиже / стонут в голос, / воюют, / режут ревя / на конкретных дорогах / машины!»* (с. 164). Иронично-драматична ситуация, выраженная с помощью гиперболы: *«Даже если какая беда пришла, то доехать / в середине марта / от села одного / до другого села — / Ни рессор не хватит, / ни мата!»* (с. 165), которая звучит «смехом сквозь слезы».

Критикуется российское «головотяпство» как особенность менталитета русской власти, начиная со времен «царя-гороха». Данной цели поэт достигает игрой омонимов: *«Знаю в слове «дорога» / звенит цена, — / Дорогие нынче / дороги!.. / Ладно, дорого...»* (с. 165).

Глава «Утреннее отступление о Москве» звучит как признание в любви городу-столице. Р. Рождественский признался: «Я очень люблю Москву, с которой у меня с детства много связа-

но» [5, с. 21]. Это пейзажная «зарисовка», легкий «набросок» из жизни утренней Москвы. Как сердцебиение, ритмично звучит рефрен, поигровому представляющий авторские мысли о любимом городе: *«Нас у Москвы — очень много...»* (с. 175), *«Нас у Москвы очень много, / много нас / у Москвы!»* (с. 178), а заключительный повтор с его итоговой мыслью уже носит афористический характер: *«Нас у Москвы / очень много. / А Москва у нас — / одна»* (с. 179).

Еще одним афоризмом: *«Город — / всегда диалог / прошлого / с настоящим»* (с. 176) — автор доказывает взаимосвязь времени с историей города. Образ дороги также приобретает символический характер: *«В городе — / сотни дорог, / вечность / в себе / таящих»* (с. 176).

Лирично раскрывается в главе образ города как живого существа. Счастливая картина просыпающегося мирного города: *«и задышало метро»; «Вот / добежав, / дотикая, / пробую голос свой, / полмиллиона будильников / грянули / над Москвой! / Благовест наш / небогатый, / утренний наш набат...»; «...плюхаются / на сковородку / солнечные / желтки!..»; «Будто гигантский / поршень, / в доме / работает лифт!..»* (с. 175–179).

Глава «Мир», как и глава о дорогах, также имеет публицистический характер. В ней речь идет о большой политической и человеческой проблеме — гонке вооружений и сохранении мира на нашей планете. Р. Рождественский признавался: «...речь действительно идет о нашей общей судьбе, о судьбе всего земного шара... Остановить гонку вооружений стало не только делом чести, но и делом жизни Человечества... Еще несколько лет назад я читал в американском журнале статью какого-то отставного военного. И он, хвастаясь американской мощью, заявлял, что количество ядерных боеголовок, накопленных США, достаточно для того, чтобы уничтожить Советский Союз и весь социалистический лагерь 17 раз! И что, дескать, СССР способен сделать то же самое с Америкой только 12 раз. Вывод, который сделал отставной генерал безумен, как и все его рассуждения: американцы сильнее русских... Но разве для того, чтобы уничтожить человека, не хватит одного единственного раза? И разве можно относиться к этому равнодушно? Защита мира — наш долг, главное дело нашей жизни, наш нынешний Мамаев курган...» [4, с. 3].

Начинается глава парадоксальным умозаключением: *«Мы — / жители Земли — / богатыри»*, которое звучит как «теорема». Далее показывается несостоятельность непосильной

тяжести, взваленной на плечи землян. Отсюда сатирические приемы, которые в жанровом отношении придают главе черты памфлетности.

Вновь развивается мысль о сложности, неоднозначности и тяжести жизни Поэт пишет: «... мы тащим тяжесть / на своих плечах... / промчавшихся годов...». Значение слова «тяжесть» — это ежедневная суетность, бесцельность существования: «пустых надежд / и долгих холодов, / отметины от чых-то губ / и рук, / нелепых ссор / бессмысленных разлук, / случайных дружб / и не случайных встреч» (с. 179).

Р. И. Рождественский саркастичен и парадоксален: «...любой из нас / несет пятнадцать тонн (взрывчатки)!..» (с. 180), «Пятнадцать тонн / на слабеньких плечах (новорожденного)! / Вот почему / все дети / так кричат...», «А ноша эта — / придумана и создана / людьми! / Людьюми самими / произведена. / В секретные бумаги / внесена. / Нацелена / и взвешена уже...», «Взрывчатки — вдоволь. / Хлеба — / ни куска» (с. 180–183). Звучит резкая, язвительная насмешка над стремлением правителей государств нашей планеты забавляться в «игру», «кто больше сделает бомб-убийц».

Иронично звучит и рассуждение-умозаключение: «Но... если / разделить / взрывчатку ... / на всех людей... / И несет любой из нас / пятнадцать тонн взрывчатки»; «Богатыри! / Я уважаю / вас...», «Пока — пятнадцать тонн» (с. 180–183).

Чувство бесконечной тревоги за судьбу планеты, взвалившей непосильную «ношу», звучит в образных словах поэта: «Пока что эти бомбы / мирно спят», «...Сквозь смех и боль, сквозь суету и сон / мы эту ношу / медленно / несем. / Ей подставляем / плечи и горбы»; «Земля / утробный исторгает стон! / Ей хочется / забыться поскорей. / Ей страшно / за своих богатырей!..» и др. (с. 180–183). Эмфатическая пауза перед заключительной поэтической фразой главы заставляет задуматься о масштабах угрозы смертельной опасности: «...И снова ночь / висит над головой. / Бездонная, / как склад пороховой» (с. 183).

А. Мальгин в книге «Р. Рождественский. Очерк творчества» утверждал: «Принципиальная удача поэта — глава «Пуля», которой завершается поэма «Двести десять шагов...» [6, с. 160]. Глава «Пуля» написана в форме диалога-спора. Завязка главы носит биографические черты и посвящена памяти рано ушедшего из жизни друга поэта Юстаса Красаускаса, литовского художника-графика, актера и спортсмена. Медицина оказалась беспомощной: «Поэт хирур-

гии / полсуток стоял у стола. / Хотел опровергнуть прогнозы. / И — не опроверг. / Там не было / пули...» (с. 186). Безнадежность ситуации достигается с помощью использования ассоциативной рифмы — практически каждое слово имеет внутреннюю рифму: «Поэт хирургии / полсуток стоял у стола. / Хотел опровергнуть прогнозы. / И — не опроверг. / Там не было / пули...». Друг умер от рака, но вопреки утверждениям поэт решает — от пули. Образ пули приобретает символический характер: пуля как смерть, судьба, стоящая перед каждым человеком..

Заключительная глава отличается афористичностью. Утверждение «На любом надгробье — / два / главных года: / год прихода в этот мир. / И год ухода» (с. 186) — развивает мысль поэта, полную пессимизма, о «бренности» человеческого существования. Данное высказывание подтверждается сравнением: «между датами — черта, / как след от пули!» (с. 186–189). Анализируемую строфу отличает стиль былинного сказа: повторы, тавтологические рифмы («Значит, всё-таки», «Всё», «ждала»), глаголы-рифмы («была», «смогла», «ждала», «летала»), начальные рифмы («домчалась», «дождалась», «досvistела»), кольцевая рифмовка («пуля эта», «долго мчатся», «дня и часа»).

Символические образы «дороги-жизни» и «пули-смерти» сплетаются в клубок, и уже нельзя один отделить от другого: «От порога / до другого порога / вьется-кружит по земле / твоя дорога. / Вьется-кружит по земле / твоя усталость»; «...обрываются / надежды и хвори! / Обрываются / мечты и печали!»; «Два числа на камне / время стирает. / След от пули / между ними / пылает!..» (с. 186–189). Образ пули обрамляет рассуждения лирического героя о суетно-бесцельной жизни («эти пули летят», «а они летят», «а пули летят», «а пуля летит!», «А пуля смеется, летя»). Образ пули сравнивается с роком: «И нельзя отсидеться в броне, / уехать, забраться...». Нельзя предугадать движение пули-«судьбы»: «Ударит (пуля) / в какой стороне / и с какой стороны?..»; «Вот что-то не сделал: «Успею...» / «Доделаю после...»; «...весёлая пуля, / проклятая пуля...»; «Постой! / Да неужто / не может промазать она?!».

В содержании главы возникает еще один символический образ Времени, которое «судит» лирического героя: «В сырое окно / неподкупное время / глядит. / И небо / в потерянных звездах, / как в каплях / дождя...» (с. 187–188). Эмфатические паузы — перед и после заключительного высказывания-рефрена: «...Пока эти пули ле-

тят / в тебя и в меня...») — придают главе незаконченность. Автор предлагает сотрудничеству с читателем — поразмышлять о смысле и значении своего пребывания на земле.

Высказывания-рефрены «пронзают» содержание последней главы, подобно «пулям»: «*На то мы и люди*» (строчка повторяется 4 раза); «*Пока эти пули летят*» (3 раза). Заключительные афористичные четырехстишия: «*Ну что же, / на то мы и люди / чтоб все понимать. / На то мы и люди, / чтоб верить / в бессмертные сны...*» и «*Пока эти пули летят, / мы должны /*

успеть / вырастить хлеб, / землю спасти, / песню сложить» (с. 188–189) — вносят оптимистические штрихи в «мрачное» философское рассуждение о неизбежности смертельного исхода.

Таким образом, в поэме «Двести десять шагов» Р. И. Рождественского воплощено художественное восприятие поэтом современного ему мира: войны, памяти о ней, мирного существования людей планеты Земля, актуальные проблемы человечества, которые не утратили своей значимости и в начале XXI в.

Литература

1. Жегис В. Что-то нужно досказать: беседа с Р. Рождественским // Литературная газета. — 1980. — 2 мая. — С. 3.
2. Кременцов Л. П. Русская литература XX века / под ред. Л. П. Кременцова. 2-е изд. М.: Academia, 2003. — 458 с.
3. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. — М.: Academia, 2003. — 416 с.
4. Литературная газета. — 1980. — 5 нояб. — С. 3.
5. Мальгин А. В. Беседы о поэме (Интервью критика с Е. Евтушенко, Р. Рождественским, Л. Озеровым, Е. Исаевым, И. Шкляровским, А. Вознесенским). — М.: Знание, 1990. — 64 с.
6. Мальгин А. Р. Рождественский. Очерк творчества. — М.: Художественная литература, 1990. — 203 с.
7. Рождественский Р. И. Семь поэм. — М.: Молодая гвардия, 1982. — 191 с.
8. Рождественский Р. Шаги истории: за строкой поэмы // Литературная газета. — 1978. — 20 дек. — С. 3.
9. Тимина С. И. и др. Современная русская литература (1990-е гг. — начало XXI в.) / под ред. С. И. Тиминой. — 2-е изд., стереотип. — СПб.; М.: Академия, 2010. — 352 с.

References

1. Zhegis V. Chto-to nuzhno doskazat': beseda s Rozhdestvenskim [Something need to be proved: conversation with Rozhdestvensky]. *Literaturnaya gazeta — Literary Gazette*. May 2, 1980. P.3.
2. Kremontsov L. P. *Russkaya literatura XX veka / pod red. L. P. Kremontsova. 2-e izd.* [Russian Literature of the 20th century]. Moscow: Academy, 2003. 458 p.
3. Lejderman N. L., Lipovetsky M. N. *Sovremennaya russkaya literatura. 1950–1990-e gody* [Modern Russian Literature. 1950–1990s]. Moscow: Academy, 2003. 416 p.
4. *Literaturnaya gazeta — Literary Gazette*. November 5, 1980. P. 3.
5. Mal'gin A. V. *Besedy o poeme: Interv'yu kritika s E. Evtushenko, R. Rozhdestvenskim, L. Ozerovym, E. Isaevym, I. Shklyarevskim, A. Voznesenskim* [Conversations about the poem: interview with E. Evtushenko, R. Rozhdestvensky, L. Ozerov, E. Isaev, I. Shklyarevsky, A. Voznesensky]. Moscow: Znanie, 1990. 64 p.
6. Mal'gin A. V. *R. Rozhdestvensky. Oчерk tvorchestva* [R. Rozhdestvensky. Essay on his creativity]. Moscow: Chudozhestvennaya literatura, 1990. 203 p.
7. Rozhdestvensky R. Shagi istorii: za strokoj poemy [Steps of history: beyond poem line]. *Literaturnaya gazeta — Literary Gazette*. December 20, 1978. P. 3.
8. Rozhdestvensky R. I. *Sem' poem* [Seven poems]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1982. 191 p.
9. Timina S. I. and others. *Sovremennaya russkaya literatura. 1990-e gg. — nachalo XXI v. / pod red. S. I. Timinoj. 2-e izd., stereotip.* [Modern Russian Literature. 1990s. — the beginning of the 21st century]. St Petersburg; Moscow: Academy, 2010. 352 p.

УДК 82-1

**В. Пьецух и А. П. Чехов: «футлярный человек»
как единственный способ существования**© **Веретнов Андрей Сергеевич**

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Иркутского государственного университета.
Россия, 664025, Иркутск, ул. Чкалова, 2
E-mail: franzvolant@mail.ru

Статья посвящена рецепции мифа о личности Антона Павловича Чехова и мифа о «футлярном человеке», созданном писателем Вячеславом Пьецухом. Автор статьи утверждает, что данные мифы имеют различные варианты, и доказывает, что столкновение вариантов важно для интерпретации художественных произведений В. Пьецуха. Приводятся примеры использования данных вариантов мифов. С разных сторон анализируются миф о личности Антона Павловича Чехова и миф о «футлярном человеке», указывается их происхождение и современные варианты. Данные мифы бытуют в следующих произведениях В. Пьецуха: сборнике очерков «Рассуждения о писателях», романе «Жизнь замечательных людей», рассказах «Драгоценные черты», «Наш человек в футляре», «Человек в углу», «Шкаф», «Дядя Сеня», «Крыжовник», «Д.Б.С».

Ключевые слова: А. П. Чехов, произведения В. Пьецуха, миф о личности Чехова, миф о «футлярном человеке».

**V. Piezuh and A. P. Chekhov: «case people»
as the only way to go****Andrey S. Veretnov**

Research Assistant, Department of Russian and foreign literature, Irkutsk State University
2 Tshkalova Str., Irkutsk 664025, Russia

The article reviews the reception of the myth about Anton Pavlovich Chekhov and the myth of «case people» created by Vyacheslav Piezuh. The article says that these myths have different versions and proves that their collision is important for the interpretation of works by V. Piezuh. The author provides examples of using both myths, reviews from different angles the myth about the personality of Anton Chekhov and the myth of the "case people", shows their origins and modern versions. These myths are portrayed in the following works by writer V. Piezuh: the collection of essays "Debates about writers", the novel "Life of remarkable people", the stories "Valuable features", "Our man in a case", "Man in the corner", "The closet", "Uncle Senya", "Gooseberry", "D.B.S".

Keywords: A. P. Chekhov, V. Piezuh, the myth about Chekhov, the myth of «case people»

В своем творчестве писатель В. Пьецух отводит А. П. Чехову особую роль. В интервью он называет А. Чехова «полубогом» [34, с.3], а жанр своих произведений определяет как «Чехов для бедных» [38, с. 10]. У А. Чехова и В. Пьецуха есть «общность настроения» [11, с. 246], «характерными чертами их мира являются неопределенность, неясность» [2, с. 6], В. Пьецух, исследуя нравственные изъяны общества, обращается к чеховским названиям, сюжетам, цитатам, героям.

Цель данной статьи — ответ на вопрос: для чего В. Пьецух использует в своих произведениях чеховский миф и чеховский текст? Для достижения данной цели выполним следующие задачи: рассмотреть в пьецуховских произведениях варианты чеховского мифа и чеховского ин-тертекста, найти точки их соприкосновения.

Категория чеховского мифа существует в произведениях В. Пьецуха в двух вариантах: это миф о личности А.Чехова и «миф о футлярности».

Рассмотрим сначала миф о личности А. Чехова. В рассказах В. Пьецуха наиболее частотны три грани этого мифа: детство А. Чехова, его зрелость и его смерть. Находкой автора является использование различных вариаций каждой грани по принципу «Сколько людей — столько мнений» — это помогает лучше понять многостороннюю личность А. Чехова. Так, в «Рассуждениях о писателях» В. Пьецух приводит следующую вариацию: детство А. Чехова было трудным, отец «сёк его, заставлял работать в холодной лавке. Чехов был двоешником...» [30, с. 192]. Об этом также говорит учитель в романе «Жизнь замечательных людей» [26, с. 101]. Со школьной скамьи нам известно, что сам А. Чехов говорил: «В детстве у меня не было детства». Его брат Александр вспоминал, что их отец широко применял «исправительные меры» к собственным детям.

Но тут же В. Пьецух пишет о том, что А. Чехов стал «человеком светлым». Как мог «обыкновенный мальчик» не озлобиться на мир? С

этого момента мы узнаем факты о том, что отец бережно хранил до самой смерти письма А. Чехова и не был расчетливым и жестоким. В. Гиляровский вспоминал, что «Павел Егорович был человеком, полным поэзии» [7, с. 20]. А сам А. Чехов говорил: «Талант в нас со стороны отца» [14, с. 150].

Вариации используются также при определении характера А. Чехова. В. Пьецух пишет, что А. Чехов был человеком «небывалой нравственности» [30, с. 190] и вел себя как «наследный принц» [29, с. 130]. Современники А. Чехова писали, что он был «простым, не лезущим в учителя жизни» [13, с. 560], «мягким в обращении, деликатным» [36, с. 100]. Однако далее мы узнаем, что А. Чехов «любил пирушки», «изящную одежду», «уютные экипажи», что никак не вяжется с образом «полуаскета». И. А. Бунин в воспоминаниях писал, что Чехов «любил и пошутить» [4, с. 515], К. Станиславский рассказывал, что шутки писателя «могли обидеть человека» [37, с. 372], В. А. Гиляровский вспоминал «историю об арбузе» [7, с. 114].

Следующее столкновение вариаций — «Чехов не переносил спиртного» и «Чехов перед смертью выпил бокал шампанского». В рассказе «Драгоценные черты» описан спор: один утверждает, что «Чехов не пил», а другой вспоминает миф о шампанском [24, с. 8]. В произведении «Письма из деревни» В. Пьецух пишет, что А. Чехов пил «французское вино» [29, с. 130], а в «Рассуждениях о писателях» рассказывает о последнем бокале шампанского [30, с. 192]. Сам А. Чехов в своих письмах писал о том, что он употребляет спиртное. Об этом же писали его современники, к примеру, А. И. Куприн приводил следующий совет А. Чехова: «Выпейте водки. Собираешь целое утро грибы, устанешь, а перед обедом выпьешь рюмки две или три. Чудесно!..» [13, с. 563].

Следовательно, В. Пьецух заявляет, что А. Чехов был человеком «небывалой нравственности», но не ханжой, а «веселым верным другом». А. Чехов — образец для подражания, символ нашей «высочайшей литературы», ориентир, к которому должен стремиться современный человек.

Следующий вариант чеховского мифа — миф о «футлярности» — неразрывно связан с категорией чеховского интертекста. Чеховские названия, цитаты, сюжеты «выстраивают» миф о «футлярности», помогая автору выразить свою точку зрения.

В. Пьецух считает, что спасение человека — в самоизоляции («футлярности»): «Надо уезжать

из города» [34, с. 3], «чтобы не впасть в грех...» [1, с. 100]. Это разрушает устоявшееся определение «футлярности». Прижизненные критики А. Чехова утверждали, что А. Чехов создал образ пошлой действительности. Беликова называли «ничтожным, отрицающим жизнь» [3, с. 263], «ходячей пошлостью» [16, с. 353], «уродливым и жалким» [5, с. 360]. Литературоведение XX в. согласилось с этим: Беликов — «иссушенное гербарийное существо» [12, с. 71], «выразитель рутины» [8, с. 99], а «футлярность» — «очерствение души» [20, с. 56].

В. Пьецух же рассматривает понятие «футлярности» под другим углом в своих рассказах «Наш человек в футляре», «Человек в углу», «Шкаф», «Дядя Сеня», «Крыжовник», «Д.Б.С». Футлярность для В. Пьецуха — не «рутина», а истинное существование человека. В. Пьецух «видоизменяет заглавие претекста, сохраняет его сюжет и апеллирует к чеховскому рассказу, провоцируя определенные читательские ожидания» [2, с. 7].

Название рассказа «Наш человек в футляре» отсылает к известному рассказу А. Чехова: связь с претекстом осуществляется за счет добавления компонента «наш» в названии. Вместе с тем, местоимение «наш» «разрушает иллюзию похожести» [21, с. 428]: это «понятный и близкий», «инакомыслящий» «футлярный диссидент» [17, с. 34]. Задача автора — «сопоставить человека чеховской эпохи и нашей» [33, с. 200]. Далее автор, «опираясь на чеховский сюжет, реализует установку на разрушение социальных мифов и стереотипов» [21, с. 429].

Внешне Беликов и герой В. Пьецуха Серпеев похожи. Во-первых, оба боятся окружающей действительности, во-вторых, и Серпеев, и Беликов работают учителями — это их «футляры». В-третьих, одинаковы приемы создания их фамилий: фамилия «Беликов» имеет родственное слово «белец» («живущий в монастыре»), фамилия «Серпеев» — «серпистый» («задавленный страхом»).

Но есть и отличия. Во-первых, страх Беликова — «иррациональный», а страх Серпеева — обоснованный. Бояться всего Серпеев стал под влиянием жестокой действительности: смерти — после откровений отца, насилия — после избиения и т. д. Таким образом, аллюзии с Беликовым становятся чертами различия, а не сходства. «Наш человек в футляре» в самом деле оказывается нашим, т. е. «близким современникам» [17, с. 92]. Во-вторых, страх Серпеева — это не малодушие Беликова, Серпеев — «человек порядочный», «чувствующий прекрасное»,

«который учит, руководствуясь идеалами «светлой литературы» [33, с. 2004]. Предать идеалы для него страшнее, чем быть наказанным начальством.

В рассказе А. Чехова «рутина» и «футлярность» — это одно и то же. Не только Беликов является человеком в футляре. В рассказах же В. Пьецуха «рутина» и «футлярность» — противоположные понятия.

Без литературы «человек не может быть нравственным» [2, с. 9]. Но идеалы Серпеева невозможны в страшном XX в., «интертекстуальные переключки с русской классикой подчеркивают несоответствие жизни и литературы» [15, с. 230].

Главный герой рассказа «Человек в углу» В. Э. Целиковский также боится окружающей действительности. Из-за страха его организм «изнашивается». Окружающая жизнь, порождающая в людях страх, кажется ему бессмысленной: «род человеческий выбрал себе путь духовного обнищания через научно-технический прогресс» [31, с. 101]. Средством от болезней является барсучий жир, для этого Целиковский вступает в охотничий клуб. И там он «чувствует себя лучше»: «освобождение от тлетворного влияния цивилизации ведет к возрождению человека» [31, с. 115]. Но охота — это путь через «насилие», что неприемлемо для Целиковского. Футляром для него являются чеховские мысли о светлом будущем, о «недоступном» идеале, к которому стремится «лучшая часть человечества». «По мнению Пьецуха, надежда на лучшее свойственна русскому человеку, и одной тоски по светлому будущему достаточно, чтобы оно наступило» [35, с. 287].

Футляром также являются посиделки с генералом Букетовым, где они «размышляют о прошлом», «обсуждают вечные темы». Ведь «речь для нас — первая реальность, а сама реальность вторична» [41, с. 180]. Сам В. Пьецух видит спасение в прошлом: «мне несимпатична современная жизнь», история «занимается образованием души» [1, с. 100].

От страшного настоящего прячется в шкафу актриса Ольга Чумова, главный персонаж рассказа «Шкаф». Однажды ее мужа забирают чекисты, Ольга решает «отсидеться в шкафу». Шкаф — это не тот футляр, в котором «сидишь, отгородился от всего и ничего не слышишь». Жизнь вокруг шкафа течет своим чередом: «жалуется на жизнь старуха Мясоедова», «занимаются супруги Воронины своим молодым делом». Ольга «всегда в курсе событий». Это «мечта русского человека» — всё знать, всё ви-

деть, но не принимать в этом участия и быть в безопасности. Вынужденное «отшельничество» не проходит для Ольги даром: она занимается самообразованием, много размышляет о жизни.

Шкаф как образ прошлого отсылает нас к пьесе «Вишневый сад». Здесь В. Пьецух спорит с А. Чеховым: если у А. Чехова прошлое и воспоминания о нем бессмысленны, то у В. Пьецуха прошлое является спасительным «футляром».

«Человек в футляре», «Человек в углу», «Шкаф» — это рассказы об «общерусском чувстве страха» перед жестоким миром. Но мир еще и бессмыслен и не упорядочен: «люди не влияют на события» [35, с. 285], «провидеть ближайшее будущее России невозможно» [22, с. 10]. Зачем к чему-то стремиться, если обыкновенного порядочного человека могут забрать в милицию? Всё это происходит с главным героем рассказа «Дядя Сеня», актером Семеном Литовкиным. Случайно он падает в обморок на улице, и его принимают за пьяного. Литовкин пытается восстановить справедливость, но ему говорят, что «с милицией судиться бесперспективно» и «жизнь на этом не заканчивается». Но это не устраивает его, так как. «много накопилось на душе». «В чем смысл моего существования?» — задает он себе вопрос.

Название настраивает читателя на поиски соответствий с пьесой А. Чехова. Войницкий тоже задавал подобные вопросы: «Что мне делать? Жизнь моя потеряна...» [39, с. 100]. Дядя Ваня «бунтовал» против своего существования, как «возмутившийся раб» [Соловьев, 2002, с. 280]. «Бунт» в рассказе В. Пьецуха выражается в том, что дядя Сеня идет жаловаться на незаконное задержание. Как и в пьесе А. Чехова, этот «бунт» бессмыслен и безрезультативен. Второе соответствие — театральная роль Семена Литовкина — дядя Ваня. Его театральная профессия является для него футляром, но этот футляр не является спасением. Ведь, во-первых, мысли Литовкина и Войницкого одинаковы, а во-вторых, данная пьеса имеет «новаторский» конец: в середине четвертого действия Войницкий кончает жизнь самоубийством.

У Чехова Войницкий отмечает все мысли о самоубийстве и решает «что-то делать» — и «торжествует жизнью». Самоубийство же убивает любую надежду. Повторяется мысль о том, что литература — это невозможный идеал. Литовкин вынужден «играть» свою смерть каждый день, лежать на сцене и ругать «все время ноющих» персонажей Чехова: «Слюнтяи, сволочи, жизнь им была нехороша! Нет, какую жизнь профукали, собаки, — феерию, а не жизнь!» [25,

с. 161]. Современный человек в интерпретации В. Пьецуха лишен любых иллюзий. Сбываются слова доктора Астрова о том, что люди, «которые будут жить через двести лет, будут презирать нас» [39, с. 109].

Продолжает эту тему рассказ «Крыжовник». Название отсылает нас к одноименному рассказу А. Чехова. Мечту о крыжовнике можно считать «футляром, в который втиснута вся человеческая жизнь» [10, с. 238]. Стал ли счастливым помещик? Ведь русскому человеку нужен «весь простор видимого света» [5, с. 361].

В отличие от помещика, у Саши Петушкова цели нет с самого начала. Он «чувствует в себе какое-то смутное призвание», но «плывет по течению»: попадает то в компанию бичей, то в языческую секту, занимается бизнесом. Он пытается организовать свою жизнь — но всё оказывается впустую: «путь к цели слишком запутан, непонятен смысл жизни» [27, с. 90]. Петушков вначале ведет себя как обыкновенный «нефутлярный» человек: «легко принимает чужое мировоззрение», но в конце рассказа «уходит в футляр» — «становится свободным». «Свободой», т. е. футляром, является выращивание крыжовника. Только это «нефутлярное» существование дает плоды: четыре новых сорта и вступление в общество селекционеров. У А. Чехова крыжовник является символом цели, но не счастья. Ведь достижение цели — не познание счастья. Достигнув цели, человек задает третий русский вопрос: «Ну и что?» [1, с. 101]. Герой же В. Пьецуха с самого начала ничего не планирует, и «счастье» случайно находит его.

Человек может быть счастливым только в самоизоляции, побеге от действительности. Крыжовник — это не «эгоизм», не «бескультурье», а «символ вечно юной жизни» [9, с. 177]. В рассказе А. Чехова есть крыжовник было «жестко и кисло» [40, с. 62], а в рассказе В. Пьецуха героя поразила вкус, «немедленно нахлынули детские воспоминания» [27, с. 110].

«Из своего футляра лучше не выходить», — говорит нам В. Пьецух и приводит пример «выхода» в рассказе «Д.Б.С». Перед нами цитата чеховского заглавия «Беззащитное существо» с «добавленным компонентом». В рассказе А. Чехова рассказывается о «беззащитной» госпоже Щукиной. В. Пьецух же благодаря наречию «действительно» вступает с А. Чеховым в полемические отношения. Главный герой, старуха Софья, «не палач, а жертва». Во время ужасов Октябрьской революции она сходит с ума, и с тех пор живет, закопавшись в свой футляр — в

одинокое сумасшествие. Но однажды надо выйти из футляра — поехать в Бердянск, что дает лишь «плач от недоумения» [23, с. 164]: никто не помогает Софье. Люди хаят пожилой женщине, вызывают милиционера. Бабка Софья не способна понять, почему до Бердянска нет билетов — это невозможность какого-то выхода из футляра.

В рассказах В. Пьецух показывает нам, как ужасно существование в «мире бескультурья», в котором бедным людям приходится прятаться в разные «футляры»: одним наивно верить в спасительную силу русской культуры, другим — жить в своем внутреннем мире. «Пьецух указывает на отрицательные явления в обществе и дурные качества человека» [35, с. 288]. Самому автору «глубоко омерзительна российская действительность», его «как человека цивилизованного оскорбляет та лексика, которую он слышит с экрана», он видит спасение в культуре, которая является «набедренной повязкой» [1, с. 102]. Именно поэтому для него важен образ А. Чехова. А. Чехов для него — выразитель культуры, «полубог», который «как писал, так и жил» [30, с. 193]. Именно поэтому В. Пьецух для изображения современной действительности использует отсылки к Чехову. Как и для А. Чехова, для В. Пьецуха «назначением художественной литературы является духовное просвещение человека» [35, с. 289]. А. Чехов, который все время возникает в рассказах В. Пьецуха, «стучит своим совестливым молоточком» в сердца читателей и кричит им: «Так жить нельзя!» [30, с. 198]. Это и является точкой соприкосновения мифа о Чехове и чеховского интертекста. Но «спасение в культуре» будет нескоро, так как культура не в состоянии выжить в условиях современной действительности.

Итак, в рассказах В. Пьецуха миф об А. Чехове существует в двух вариантах: как миф о личности Чехова и как миф о «футлярности». Первый миф звучит следующим образом: А. Чехов является образцом для подражания. Миф о «футлярности» разрушается В. Пьецухом: футлярность — не рутинная самоизоляция. Чеховский интертекст соприкасается с мифом об А. Чехове для того, чтобы показать, как страшна современная действительность, как бессмыслен и беспорядочен мир, и что единственным способом существования является «футлярность», а выходом из «кризиса» — стремление к культуре, которая, к сожалению, является «недостижимым идеалом».

Литература

1. Алехин А. Писатель против часовой // Эксперт. — 2008. — № 16. — С. 98–102.
2. Афанасьева А. С. Интерпретация классической литературы (Чехов и Пьецух) // Настоящи исследования и развитие. — 2014. — № 19. — С. 4–10.
3. Богданович А. И. Критические записки // Чехов: Pro et contra. — СПб., 2002. — С. 256–269.
4. Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М., 1986. — С. 512–539.
5. Вольнский А. Л. Антон Чехов // Чехов: Pro et contra. — СПб., 2002. — С. 355–368.
6. Гиляровский В. А. Антоша Чехонте // Друзья и встречи. — М.: Директ-Медиа, 2010. — 288 с.
7. Гиляровский В. А. Жизнерадостные люди // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М., 1986. — С. 104–135.
8. Дерман А. Б. Важное в обыкновенном. Эволюция чеховского смеха // О мастерстве Чехова. — М.: Сов. писатель, 1959. — С. 91–99.
9. Жиганова Е. П. Чеховский код в рассказе Вяч. Пьецуха «Крыжовник // Русская и белорусские литературы на рубеже XX–XXI веков. — Минск, 2010. — С. 174–178.
10. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 300 с.
11. Кенько А. А. Категория русского национального характера в творчестве Вячеслава Пьецуха // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2007. — № 18. — С. 242–249.
12. Кржижановский С. Д. Чехонте и Чехов (рождение и смерть юморески) // Литературная учеба. — 1940. — № 10. — С. 67–87.
13. Куприн А. И. Памяти Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М., 1986. — С. 539–570.
14. Лакшин В. Я. и др. «...Таганрога я не миную». — Ростов н/Д, 1985. — 224 с.
15. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм: монография. — Екатеринбург, 1997. — С. 228–251.
16. Михайловский Н. К. Кое-что о г-не Чехове // Чехов: Pro et contra. — СПб., 2002. — С. 332–355.
17. Михина Е. В. Интертекст как одна из форм коммуникации между автором и читателем в художественном дискурсе // Вестник Челяб. гос. ун-та. — 2011. — № 33. — С. 161–163.
18. Михина Е. В. Современные модификации малых форм чеховской прозы (В. Пьецух. «Чехов с нами») // Трансформации жанров в литературе и фольклоре. — Челябинск, 2008. — Вып. 1. — 71 с.
19. Михина Е. В. Чеховская трилогия в рецепции современных прозаиков // Филол. класс. — 2013. — № 3 (33). — С. 90–99.
20. Паперный З. С. «Мужики» — повесть и продолжение [Чехов] // В творческой лаборатории Чехова. — М.: Наука, 1974. — С. 54–77.
21. Петухова Е. Н. Чеховский текст как претекст. — М.: Наука, 2007. — С. 427–433.
22. Пьецух В. Гадание на бобах // Литературная газета. — 1994. — 21 апр. — С. 10–16.
23. Пьецух В. А. Д.Б.С. // В. А. Пьецух. Циклы. — М.: Культура, 1991. — С. 160–164.
24. Пьецух В. А. Драгоценные черты // В. А. Пьецух. Циклы. — М.: Культура, 1991. — С. 47–78.
25. Пьецух В. А. Дядя Сеня // В. А. Пьецух. Циклы. — М.: Культура, 1991. — С. 155–160.
26. Пьецух В. А. Жизнь замечательных людей. — М., 2006. — 280 с.
27. Пьецух В. А. Крыжовник // В. А. Пьецух. Плагиат: повести и рассказы — М.: Глобулус, 2006. — С. 89–110.
28. Пьецух В. А. Наш человек в футляре // В. А. Пьецух. Циклы. — М.: Культура, 1991. — С. 151–155.
29. Пьецух В. А. Письма из деревни // Октябрь. — 2001. — № 11. — С. 107–145.
30. Пьецух В. А. Рассуждения о писателях // В. А. Пьецух. Циклы. — М., 1991. — С. 168–264.
31. Пьецух В. Человек в углу // В. Пьецух. Государственное Дитя. — М., 1997. — С. 100–120.
32. Пьецух В. Шкаф // В. Пьецух. Государственное Дитя. — М., 1997. — С. 150–159.
33. Пыхтина Ю. Г. Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX — начала XXI в. — М., 2014. — 346 с.
34. Рябцев А. Писатель Вячеслав Пьецух: «Наворовал. Купил «Ламборгини». А дальше? Это теперь главный русский вопрос!» // Комсомольская правда. — 2008. — № 106. — С. 3–4.
35. Свифт М. Все совершенствуется — все идет к нулю: представления телеологии и разложения у А. Чехова и В. Пьецуха // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы междунар. конф. — Иркутск, 2004. — С. 283–290.
36. Станиславский К. С. А. П. Чехов в Художественном театре // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М., 1986. — С. 371–419.
37. Черненко Ж. Пьецух — Чехов для бедных // Московская правда. — 2011. — 15 февр. — С. 10–11.
38. Чехов А. П. Дядя Ваня // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: Т. 13. Пьесы. 1895–1904. — М.: Наука, 1978. — С. 61–116.
39. Чехов А. П. Крыжовник // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: Т. 10. Рассказы, повести, 1898–1903. — М.: Наука, 1977. — С. 55–65.
40. Шенкман Я. Добро должно быть с прибабахом: рецензия // Новый мир. — 2006. — № 12. — С. 179–182.

References

1. Alechin A. Pisatel' protiv chasovoj [Counterclockwise writer]. *Ekspert — Expert*. 2008. No. 16. Pp. 98–102.
2. Afanas'eva A. S. Interpretaciya klassicheskoj literatury (Chekhov i Pietsuh) [Interpretation of classical literature (Chekhov and Piezuh)]. *Nastoyashchi issledovaniya i razvitie — True research and development*. 2014. No. 19. Pp. 4–10.
3. Bogdanovich A. I. Kriticheskie zapiski [Critical notes]. *Chekhov: Pro et contra — Chekhov: Pro and contra*. St Petersburg, 2002. Pp. 256–269.

4. Bunin I. A. Chekhov [Chehov]. *A. P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov — A.P. Chekhov in the memoirs of contemporaries*. Moscow, 1986. Pp. 512–539.
5. Volynsky A. L. Anton Chekhov [Anton Chekhov]. *Chehov: Pro et contra — Chekhov: Pro and contra*. St. Petersburg, 2002. Pp. 355–368.
6. Giljarovsky V. A. Antosha Chekhonte [Antosha Chekhonte]. *Druz'ya i vstrechi — Friends and meetings*. Moscow: Direkt-Media, 2010. 288 p.
7. Giljarovsky V. A. Zhizneradostnye ljudi [Cheerful people]. *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov — A.P. Chekhov in the memoirs of contemporaries*. Moscow, 1986. Pp. 104–135.
8. Derman A. B. Vazhnoe v obyknovennom. Evoljutsiya chekhovskogo smeha [Important in the ordinary. The evolution of Chekhov's laughter]. *O masterstve Chekhova — On the skill of Chekhov*. M.: Sovetsky pisatel, 1959. Pp. 91–99.
9. Zhiganova E. P. Chekhovskij kod v rasskaze Vyach. Pietsuha "Kryzhovnik" [Chekhov code in the story by Viach. Pietsuh "Gooseberries"]. *Russkaya i belorusskaya literaturny na rubezhe XX–XXI vekov — Russian and Belarusian literature at the turn of XX–XXI centuries*. Minsk, 2010. Pp. 174–178.
10. Kataev V. B. *Proza Chehova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: Problems of interpretation]. Moscow: Moscow State University publ., 1979. 300 p.
11. Kenko A. A. Kategoriya russkogo nacional'nogo haraktera v tvorcestve Vyacheslava Pietsuha [Category of Russian national character in the works by Vyacheslav Pietsuh]. *Problemy istorii, filologii, kultury — Problems of history, philology, culture*. 2007. No. 18. Pp. 242–249.
12. Krzhizhanovsky S. D. Chekhonte i Chekhov (rozhdenie i smert' yumoreski) [Chekhonte and Chekhov (birth and death of humorous pieces)]. *Literaturnaya ucheba — Literary Studies*. 1940. No. 10. Pp. 67–87.
13. Kuprin A. I. Pamjati Chekhova [In Memory of Chekhov]. *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov — A.P. Chekhov in the memoirs of contemporaries*. Moscow, 1986. Pp. 539–570.
14. Lakshin V. J. and others. «...Taganroga ja ne minuu» ["...I will not pass Taganrog"]. Rostov-na-Donu, 1985. 224 p.
15. Lipovetsky M. N. *Russkij postmodernizm: monografiya* [Russian postmodernism: Monograph]. Ekaterinburg, 1997. 317 p.
16. Mihajlovsky N. K. Koe-cto o g-ne Chekhove [Something about Mr. Chekhov]. *Chehov: Pro et contra — Chekhov: Pro and contra*. St Petersburg, 2002. Pp. 332–355.
17. Mihina E. V. Intertekst kak odna iz form kommunikatsii mezhdru avtorom i chitatelem v hudozhestvennom diskurse [Intertext as a form of communication between author and reader in literary discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011. No. 33. Pp. 161–163.
18. Mihina E. V. Sovremennye modifikatsii malykh form chehovskoj prozy (V. Pietsuh «Chekhov s nami») [Modern modifications of Chekhov's prose genre forms (V. Pietsuh. "Chekhov with us")]. *Transformatsii zhanrov v literature i fol'klore. — Transformation of genres in literature and folklore. Issue 1*. Chelyabinsk, 2008. Vyp. 1. 71 p.
19. Mihina E. V. Chekhovskaya trilogiya v retseptsii sovremennykh prozaikov [Chekhov trilogy in the reception of modern prose writers]. *Filol. klass — Philology class*. 2013. No. 3 (33). Pp. 90–99.
20. Paperny Z. S. "Muzhiki" — povest' i prodolzhenie (Chekhov) ["Muzhiki" — the story and its sequel (Chekhov)]. *V tvorcheskoj laboratorii Chekhova — In creative laboratory of Chekhov*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 54–77.
21. Petuhova E. N. *Chekhovskij tekst kak pretekst* [Chekhov's text as a pretext]. Moscow: Nauka, 2007. Pp. 427–433.
22. Pietsuh V. Gadanie na bobakh [Guessing on beans]. *Literaturnaja gazeta — Literary Gazette*. April 21, 1994. Pp. 10–16.
23. Pietsuh V. A. D. B. S. [D. B. S.]. *V. A. Pietsuh. Cikly — V. A. Pietsuh. Cycles*. Moscow: Kultura, 1991. Pp. 160–164.
24. Pietsuh V. A. Dragocennye cherty [Precious features]. *V. A. Pietsuh. Cikly — V. A. Pietsuh. Series*. Moscow: Kultura, 1991. Pp. 47–78.
25. Pietsuh V. A. Dyadya Senya [Uncle Senya]. *V. A. Pietsuh. Cikly — V. A. Pietsuh. Cycles*. Moscow: Kultura, 1991. Pp. 155–160.
26. Pietsuh V. A. *Zhizn' zamechatel'nykh lyudej* [Life of remarkable people]. Moscow, 2006. 280 p.
27. Pietsuh V. A. Kryzhovnik [Gooseberry]. *Pietsuh V. A. Plagiat: povesti i rasskazy — Pietsuh V. A. Plagiarism: stories and tale*. Moscow: Globulus, 2006. Pp. 89–110.
28. Pietsuh V. A. Nash chelovek v futlyare [Our man in a case]. *V. A. Pietsuh. Cikly — V. A. Pietsuh. Series*. Moscow: Kultura, 1991. Pp. 151–155.
29. Pietsuh V. A. Pis'ma iz derevni [Letters from the village]. *Oktyabr' — October*. 2001. No. 11. Pp. 107–145.
30. Pietsuh V. A. Rassuzhdeniya o pisatelyakh [Debates about writers]. *V. A. Pietsuh. Cikly — V. A. Pietsuh. Series*. Moscow: Kultura, 1991. Pp. 168–264.
31. Pietsuh V. Chelovek v uglu [The man in the corner]. *V. A. Pietsuh. Gosudarstvennoe Ditya — V. A. Pietsuh. State child*. Moscow, 1997. Pp. 100–120.
32. Pietsuh V. Shkaf [Cupboard]. *V. A. Pietsuh. Gosudarstvennoe Ditya — V. A. Pietsuh. State child*. Moscow: Kultura, 1997. Pp. 150–159.
33. Pyhtina Ju. G. *Funkcional'no-semanticheskaya tipologiya prostranstvennykh obrazov i modelej v russkoj literature XIX — nachala XXI v.* [Functional-semantic typology of spatial images and models in Russian literature of the 19th — the beginning of the 21st century]. Moscow, 2014. 346 p.
34. Rjabtsev A. Pisatel' Vyacheslav Piezuh: «Navoroval. Kupil «Lamborghini». A dal'she? Eto teper' glavnyj russkij vopros!» [Writer Vyacheslav Pietsuh "Stole. Bought a "Lamborghini". And then? It is now the main Russian question!"]. *Komsomolskaya Pravda — Komsomol truth*. 2008. No. 106. Pp. 3–4.
35. Swift M. Vse sovershenstvuetsya — vse idet k nulyu [All improved — everything goes to zero]. *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Duhovnoe izmerenie prostranstva: materially mezhdunar. konf. — Siberia: A look inside out. Spiritual dimension of space: conference materials*. Irkutsk, 2004. Pp. 283–290.
36. Stanislavsky K. S. A. P. Chekhov v hudozhestvennom teatre [A. P. Chekhov in Art Theater]. *A. P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov — A.P. Chekhov in the memoirs of contemporaries*. Moscow, 1986. Pp. 371–419.

37. Chernenko Zh. Pietsuh – Chekhov dlya bednykh [Pietsuh — Chekhov for the poor] *Moskovskaya Pravda — Moscow truth*. February 15, 2011. Pp.10–11.
38. Chekhov A. P. Dyadya Vanya [Uncle Vanya]. *Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: T. 13. Piesy. 1895–1904 — Complete Works and Letters. V. 13. The plays*. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 61–116.
39. Chekhov A. P. Kryzhovnik [Gooseberry]. *Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: T. 10. Rasskazy, povesti, 1898–1903 — Complete Works and Letters. V. 10. Tale, stories*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 55–65.
40. Shenkman J. Dobro dolzhno byt' s pribabahom: recenziya [Good should be a bit crazy]. *Novy mir — New world*. 2006. No.12. Pp. 179–182.

УДК 82.2(09)

Роль одноактных пьес В. Ш. Кок-оола 1930-х гг. в зарождении национальной тувинской драматургии

© **Херел Алимаа Хензиг-ооловна**

научный сотрудник Института развития национальной школы (Республика Тува)

Россия, 667011, г. Кызыл, ул. Калинина, 1б

E-mail: herel.alimaa@mail.ru

В статье ставятся проблемы зарождения и становления тувинской драматургии. Одним из ее основоположников был Виктор Кок-оол (1906-1980). В 1930-е гг. он создал несколько одноактных пьес, в которых отразились результаты творческого освоения богатства национального устного народного творчества. Утверждается, что именно в пьесах «Чалым-хая» (1935) и «Эки хүн» (1937) зарождались истоки реалистического драматического искусства Тувы. В первой использовались средства народной смеховой культуры, во второй — сюжеты и мотивы тувинских легенд о богатырях, способных добиться победы над врагом в борьбе за справедливость и человеческое достоинство. Эта опора на народнопоэтическую традицию соединялась в пьесах В. Кок-оола со знанием реалий современной жизни тувинцев, зрительских ожиданий, в конечном счете со стремлением отразить духовные ценности и нравственное здоровье тувинского народа.

Ключевые слова: тувинская культура, национальная традиция, фольклор, народная смеховая культура, поэтика смешного, юмор, фольклорные жанры, благопожелание, охотничий рассказ, легенда, конфликт, монолог и диалог.

The role of one-act plays V. Sh. Kok-ool 1930s. in the birth of the national Tuvan drama

Alimaa Kh. Herel

Researcher, Institute for Development of the National School (Republic of Tuva)

1b Kalinina Str., Kyzyl 667011, Russia

The article raises the problem of the origin and formation of Tuvan drama. One of its founders was Viktor Kok-ool (1906-1980). In the 1930s. he created several one-act plays, which reflected the search for the foundations of the playwright, which would allow to master the creative wealth of national folklore. It is argued that it is in its infancy plays “Tsalym-chaya” (1935) and “Good afternoon” (1937) realistic sources of dramatic art of Tuva. The first funds were used culture of folk humor in the second themes and motifs Tuvan legends about heroes who can achieve victory over the enemy in the struggle for justice and human dignity. This reliance on national poetic tradition was connected in the plays of W. Kok-ool with knowledge of the realities of modern life Tuva, audience expectations, ultimately, with the desire to reflect the spiritual values and moral health of the Tuvan people.

Keywords: Tuvan culture, national traditions, folklore and culture of folk humor, poetics funny, humor, folklore genres of good wishes, hunter story, legend, conflict, monologue and dialogue.

В истории тувинской литературы одним из самых значительных художников, сумевших выразить особенности национального образа мышления и национального характера, является Виктор Шогжапович Кок-оол (1906–1980). Именно с его одноактных пьес, написанных в 1930-е гг., началось становление тувинской драматургии. В них уже можно увидеть самостоятельность художественного поиска писателя. Поиск этот подкреплялся не только личным театральным и артистическим опытом В. Кок-оола, артиста Тувинского музыкально-драматического театра. В утверждении нового, зарождающегося в условиях тувинской действительности и борьбы со старым отжившим необходимой опорой для него становится фольклорная традиция. Его раннее творчество в условиях культурного возрождения — яркий пример того, как притяжение фольклорных начал соединя-

лось с естественным и закономерным преодолением и отталкиванием от них, проявлением самобытных индивидуально-личностных качеств талантливого художника.

Одним из таких качеств следует назвать творческое отношение писателя к особенностям народной смеховой культуры. Как отмечает театровед К. Сагды, комическое изображение жизни всегда было присуще многим тувинским художникам. «Для литературной науки огромный интерес... представляет как раз свойственное большинству тувинских писателей особенное пристрастие их к народно-смеховым типам повествования — к шутке, басне и притче» [6, с. 37].

Обогащение этой традиции комизма в творчестве В. Кок-оола происходило за счет своеобразия индивидуального видения мира драматургом, самобытности его мироощущения. В про-

цессе поиска современного содержания и создания соответствующих форм драматического конфликта и сюжета внимание драматурга привлекали наиболее острые, неблагополучные сферы жизни, характеры, которые выбиваются из общего ряда, в изображении которых начинают проявляться свойственные писателю критическая направленность, тяготение к юмору и комическим ситуациям.

Одноактные пьесы В. Кок-оола 30-х гг. XX в. были написаны в период ученичества и художнического становления их автора и, как отмечает А. Калзан, несли на себе печать своего времени [3, с. 126]. Они имели целью идеологически-агитационное воздействие на зрителя, в них действовали однолинейно окрашенные герои — или положительные, или отрицательные, и финал пьес не всегда являлся результатом закономерного завершения действия. В пределах одноактного действия в пьесах «Чутту утпаальнар» («Не забывайте о джуге»), «Чалым-хая» (имя героя), опубликованных в 1935 г., автору не удалось в полной мере сосредоточиться на причинах социального неблагополучия и вывести яркие характеры. Но эти недостатки не смогли скрыть основное достоинство пьес — юмористический пафос в построении действия. Юмор как одно из проявлений смеховой культуры углубляет меру человеческого как в положительных, так и отрицательных персонажах, придавая характерам неоднозначность, дает возможность переводить критику с конкретных личностей на социальные причины.

Особенно следует выделить одноактную комедийную пьесу В. Кок-оола «Чалым-хая», в которой решается актуальная проблема 1930-х гг. — периода усиления в стране политической напряженности и приближения опасности войны — обучение населения, особенно молодежи, военному делу в кружках при добровольных союзах по обороне. Пьеса «Чалым-хая» показывает реальные современные проблемы, возникающие в жизни тувинцев, связанные с приобщением к новой жизни, с ломкой прежних, сложившихся стереотипов. Герой пьесы Чалым-хая в силу собственной аполитичности, нежелания приобщаться к этому новому, не раз попадает в смешные запутанные им самим ситуации, предвставая перед окружающими в неприглядном комическом виде.

Юмор для Кок-оола становится к тому же одним из средств контакта со зрителем, средством ухода от схематизма в построении образов, возможностью проявления творческой индивидуальности, свободы, иногда приходившими в

противоречие с идеологическими установками времени. Так, авторская позиция в критике комического героя, который отлынивает от общественного долга, была не совсем однозначной.

Рассмотрим, как создается комическая ситуация в пьесе. Вот герой *«притворяется всегда больным, говорит, если бы не головная боль, то обязательно пошел бы на военные учения»*. Вот он говорит: *«Друзья знают, что я больной и могу месяцами не ходить на учения»*. И при этом возникает ремарка: *«спокойно играет в это время на дошпудууре (музыкальный инструмент)»*. А когда ночью начинаются военные учения, *«Чалым-хая крепко храпя спит, жена Маны с трудом будит его — сама уже готова идти вместо него»*. Проснувшись, Чалым-хая, еще не одетый, говорит о том, что ружье сломано, *«на самом деле ружье просто находится под замком...»* [4, с. 6] (здесь и далее перевод наш. — А.Х.).

Подчеркивая незадачливость героя и смеясь над ним, автор несколько сочувствует ему. Смех здесь скорее сострадательный, чем критикующий, — его обманы, уловки, смешные, нелепые ситуации вроде непопадания ногой в штанины, незнание того, где затвор у винтовки, неумение кататься на лыжах и многое другое, скорее, становятся рефлексией, реакцией на страх перед участием в новом для тувинского мужчины деле, нежеланием заниматься не совсем понятным и нужным делом. Мягкость высмеивания проявляется и в других сценах, где изображаются реалии того времени: работа в кружках по обороне страны, обнаружение других недобросовестных и укрывающихся от обучения военному делу молодых людей.

На первый взгляд, эти сцены должны были способствовать пропаганде высокого общественного долга, делу возрождения народа, приобщавшегося к жизни страны. Но Чалым-хая осмеивается вовсе не сатирическим способом — наивный и бесхитростный герой заслуживает в чем-то сочувствия, вот почему он вызывал у зрителей-современников добродушный смех и надолго запоминался. Имя героя в переводе на русский язык означает «немая скала» и используется как синоним отсталости, непонимания целей и задач, которые должны восприниматься как государственно важные. А двойственное отношение зрителя к герою было настолько сильным по своему воздействию на зрителя, что не случайно его имя стало употребляться как синоним инертного человека, неизменно становившегося всеобщим посмешищем — до сих пор у тувинцев встречается ироническое выражение «ча-

лым-хаялаар», т. е. быть похожим на Чалым-хая.

При всех достоверных национальных реалиях жизни, изображенных драматургом, он активен в использовании народно-поэтического творчества, в понимании тувинского народного характера — как и в произведениях фольклора, герой пьесы может быть бесхитростным и одновременно лукавым, прекрасно осознающим на самом деле, чего от него хотят, прикрываясь в том числе и актерской игрой, ведь, как и всякий тувинский мужчина, он умеет играть на национальном музыкальном инструменте — дошпулууре.

Лукавство как проявление народного характера создает, с одной стороны, картину веселых насмешек над таким героем со стороны автора, его лукавство граничит с драматической интонацией — герой ищет всевозможные уловки, чтобы не быть исполнителем того, что ему чуждо. В конце пьесы герой от жалости к себе даже заплачет, и в этом столкновении комического и драматического возникает эффект более сложного отношения к герою — он все время делает все не так, как положено, ставится в ситуации незнания, непопадания, тогда как новая, устанавливающаяся в Туве жизнь требует того, что чуждо укладу его жизни. На столкновении этих противоречий в жизни тувинца и создается эффект комического, строится сам драматический конфликт, действительно сложный и трудноразрешимый, несмотря на его кажущуюся простоту. Г. Гачев в книге «Национальные образы мира» подчеркивает, что национальный характер народа, его мысли — очень «хитрая» и трудно уловимая «материя» [1, с. 55]. В основе данного конфликта пьесы, идущего от новых реалий жизни, видится глубина мировосприятия жизни автором, пьеса целенаправленно решает реальные проблемы национальной жизни, возникающие в ее сложных идейно-нравственных проявлениях.

Одноактная пьеса В. Кок-оола «Эки хүн» (Добрый день) (1937) давала пример другого использования фольклорной традиции. Сюжет в ней построен по мотивам так называемых охотничьих рассказов — популярного жанра у кочевых народов Сибири. В фольклоре тувинского народа циклы этого жанра часто вырастали из бытующих в народе устных баек, легенд и сказок, передававшихся из поколения к поколению, отражавших реальный быт и жизнь людей, живущих в тайге, степи, тундре — пастухов, скотоводов, охотников. Как правило, охотничьи легенды в фольклоре отражали мечту арата о богатой добыче, которая приносит достаток. Их сюжет предельно прост и по содержанию близок

повседневному быту тувинца-охотника: охотник отправляется в тайгу, на привалах он так искусно поет и играет на чадагане и игиле (народные струнные музыкальные инструменты), что красавица — хозяйка тайги, замороженная его игрой, решает увести его в свое стойбище. Только через многие годы охотник, как сказочный герой, с богатой добычей возвращается в свой аал. В отдельных вариантах легенды хозяйка тайги, очарованная искусством игры охотника, посылает к нему в награду много зверей.

Автору пьесы «Эки хүн» нужна была поэтика сказочного и чудесного из этих легенд. Идеализируя мечту о прекрасной жизни, тувинский народ создавал фольклорный образ охотника, идеализируя его, гиперболизируя его качества: это всегда красивый, сильный, ловкий, смелый человек, имеющий «сокровища выше плеча, богатства (скот) выше головы». Такая мифологическая типизация образа охотника в тувинском эпосе распространяется и на образы враждебных, часто мифических, существ.

Сюжет пьесы, развиваясь по таким фольклорным канонам, при этом позволяет поставить проблемы социального и нравственного содержания, близкие реальной жизни тувинцев. Три главных героя — Чечен с сестрой Дарый и Мерген, любимый муж сестры, живут в лесу и занимаются охотой. Недалеко от них находятся владения богача Орлан-хаана, который решил завладеть Дарый, а Чечена и Мергена превратить в своих послушных рабов. Вскоре Орлан-хаан является к ним со своим войском. Когда Чечена не удается убить, пришедший в ярость хаан-богач приказывает воинам привязать Мергена к дереву на растерзание хищным зверям, а самого Чечена и его сестру Дарый уводит в свой аал, где они подвергаются унижениям и оскорблениям. Сюжет пьесы во многом воссоздает социально выраженный конфликт, типичный для прошлой жизни тувинцев — бедный, неимущий человек подвергается унижениям со стороны богатых и т. д. В пьесе «Добрый день» не только изображается произвол, своеволие феодального богача, но и реализуется идея борьбы против деспотизма власти. Несмотря на то, что в пьесе присутствует сказочная условность, она реальна в раскрытии социальных противоречий, и поэтому изображенные события были узнаваемы как явления дореволюционной жизни тувинского общества и воспринимались зрителем живо и эмоционально. Охотнику Мергену в финале пьесы удается поразить стрелой Орлан-хаана, и тот замертво падает, что соответствует сказочным финалам фольклорных легенд.

Автор пьесы активно использует другие фольклорные жанры, такие как, например, благопожелания. Они придают речи персонажей яркость и близки текстам эпических повествований. Вот Мерген, обращаясь к жене, образно, в народно-поэтическом духе выражает свою любовь: «Ты была моими глазами и головой моей, / Сердцем моим, единственная моя Дарый!» [5, с. 4]. Вот привязанный к дереву Мерген произносит монолог, близкий по поэтике к эпическому благопожеланию:

Печень моя кроветворящая пусть станет священной горой,

Любящее сердце мое, пусть останется таким же,

Чтобы жить в вечных просторах этой тайги!

Крепкие кости мои пусть будут надежной опорой горы Сумбер-Уула,

Чтобы жить среди священного молочного моря тайги.

Глаза мои пусть станут, как две птицы кум-сум

Между двух святых деревьев Сандана! [5, с. 5].

Как видим, в монологах Мергена аллегория, богатая по глубине смысла, передается с помощью этнобытовых реалий, поэтически образных и красочных, подтекст которых был узнаваем зрителем — простым тувинцем. Диалоги и монологи во многом построены на близких эстетике фольклора выражениях. Так, Орлан-хаан, чтобы скрыть свое местоположение, говорит Дарый: «Если меня будут спрашивать, скажи, что я ушел в сторону реки Каргыраа-Карангыт, Коргураа-Корангыт», имея в виду какую-то сказочную, не существующую на самом деле реку.

Богач Орлан-хаан показан злым, жестоким в соответствии с его социальным положением: он владеет большим количеством скота и богатства, но при этом, как правило, одинокий и несчастный человек. Зато герои, будучи батраками-бедняками, обладают богатым духовным миром, готовы пожертвовать своей жизнью ради друга. Так, в отношении к родному брату, к любимому Мергену проявляется характер прекрасной Дарый. Она обращается к своему возлюбленному с нежностью и любовью, ее монологи по-фольклорному образны. «Я без тебя, как на острие ножа, как на тонкой веревке, могущей оборваться, милый» [5, с. 6].

Битва с врагом-захватчиком является центральным эпизодом пьесы Кок-оола. Как и в национальном эпосе, герой проявляет героические качества и одолевает своих врагов в честном

поединке. В пьесе описывается рукопашная борьба Мергена с воином Орлан-хаана, которая предваряется сценой их подготовки к бою. И хотя в переводе на русский язык трудно передать национальный колорит речи, метафорический, образный строй тувинского языка с его своеобразным обозначением понятий, представлений, выраженных экспрессивно, аллегорических, понятных только тувинцу, тем не менее, в нашем переводе диалога двух героев можно увидеть, как автор по-фольклорному красочно передает накал их противостояния.

«Воин Орлан-хаана. Во всей Вселенной нет равных человеку с такими щеками и губами, не давшему себя переспорить, человеку, не давшему себя положить на лопатки, человеку с сильной грудью, не давшему пересилить себя. Таков я — силач-воин Орлан-Хаана. Если ты смел, давай поборемся. Давай бороться двумя голыми (красными) руками, матерью данными нам при рождении. Лук и стрелу отдав рядом стоявшему человеку, передний подол тона (халата) крест-накрест подобрал, задний подол тоже крест-накрест подобрал, сняв рукава, завязав их на поясе, качая мускулы груди, встань, как я, во всей красе...

Мерген. Если он силач, то я тоже не могу не быть сильным, у меня тоже есть силы... и поэтому лук, стрелу отдав рядом стоявшему Чечену, передний подол тона (халата) крест-накрест подобрал, задний подол тоже крест-накрест подобрал, сняв рукава, завязав их на поясе, буду качать мускулы груди, укреплять мышцы. Если ты смел, делай свой ход... Давай поборемся. Будем бороться двумя голыми (красными) руками, матерью данными нам при рождении. Я против хаана пошел, и если ты со мной тоже идешь воевать, давай бороться как равные» [5, с. 11–12].

В этом эпизоде видны особенности народной поэтики, устойчивые стиливые приемы, но, отличаясь обобщенностью выражений, они тем не менее подчеркивают индивидуальность каждого из героев и творческий подход автора к их изображению: автор подчеркивает силу воина Орлан-хаана, которому нет равных в физическом могуществе, но сила Мергена, простого арататувинца, иная и выражена в нравственно-психологическом плане — в его убеждении, что борьба только тогда справедлива и имеет свое оправдание, когда она происходит между сторонами, равными по силе, и когда победа одной из сторон обеспечена нравственной целью.

В развязке пьесы, как и в фольклоре, предполагается счастливый конец. В конце пьесы Чечен обращается к Мергену и Дарый и их диалог

полон уверенности в светлом будущем:

«Чечен: Ну, мои родные, все уже позади, идите по белой (чистой) дороге, занимайтесь любимым делом.

Мерген: Спасибо!

Чечен: Действительно, перед нами белая дорога, живите счастливо, а я вместе с вами буду всегда.

Мерген: Пришел к нам солнечный добрый день, теперь нас никто не может обидеть. «Эки эки хун, Эки үе! — Добрый день, доброе время» [5, с. 14].

В этой пьесе, как и в других создаваемых автором одноактных пьесах, активно используются символические образы, приемы фольклорной поэтики. Герои пьесы, как и герои тувинских богатырских сказаний, искусно владеют луками и стрелами с железными наконечниками. Функции лука и стрелы в пьесе рассматриваются как атрибуты сражений и как средство добывания пищи: приближенные к бытовым, жизненно реальным функциям они одновременно выступают, как в фольклоре, доблестным оружием в борьбе за справедливость.

Одноактная пьеса «Добрый день» В. Кок-оола явилась заметным шагом в развитии молодой тувинской драматургии, сохраняя при этом фольклорную основу сюжета, фольклорные

приемы в изображении героев. Но при этом, не выходя из стихии народнопоэтической эстетики, драматург обогащает содержание пьесы социальными проблемами реальной жизни дореволюционной Тувы, добивается зрительского понимания, доступности и узнаваемости происходящего в действии пьесы. Впоследствии она не подвергалась художественной доработке и постепенно сошла со сцены в начале второй половины XX в.

Одноактные пьесы В. Кок-оола решали важную задачу в становлении тувинской драматургии — поиски национальной основы для воплощения реалий народной жизни, выражения нравственных ценностей и здорового духа тувинского народа. Опираясь на эстетику народнопоэтического творчества, используя принципы народной смеховой культуры, имеющийся в ней арсенал комических приемов, универсальную символику фольклорных образов и сюжетов, талантливым драматургом В. Кок-оолом «сделан первый шаг к созданию более зрелых, психологически ориентированных произведений тувинской драматургии» [2, с. 141]. Усилиями первых драматургов, таких как В. Кок-оол, создавалась почва для создания тувинского профессионального театра.

Литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Общие вопросы (Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский). — М.: Советский писатель, 1988. — 448 с.
2. История тувинской литературы. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944) / Тувинский институт гуманитарных исследований. — Новосибирск: Изд-во СО РАН. — 266 с.
3. Калзан А. К. Тувинская драматургия периода ТНР // Ученые записки ТНИИЯЛИ. — Кызыл, 1958. - Вып. 6. — С. 115–136.
4. Кок-оол. Салым-хажя: 3 козеге сии [Текст] / Кок-оол. — Кызыл, 1935. — 16 ар.
5. Кок-оол. Ekki xun: us cuui korgyzyq [Текст] / Кок-оол // Sii nomu: pir tugaar tepter. — Кызыл, 1937. — Ар. 15–35.
6. Сагды К. Ч. История возникновения тувинского театра. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. — 128 с.

References

1. Gachev G. *Natsional'nye obrazy mira. Obshchie voprosy (Russkij. Bolgarskij. Kirgizskij. Gruzinskij. Armyanskij)* [National images of the world. General questions (Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian)]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1988. 448 p.
2. *Istoriya tuvinskoj literatury. Vol. I. Istoki. Literatura Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1921–1944) / Tuvinskij institut gumanitarnyx issledovanij* [The history of Tuvan literature. T. I. Origins. Literature Tuvan People's Republic (1921-1944) / Tuvan Institute of Humanitarian Research]. Novosibirsk: SB RAS publ., 2013. 266 p.
3. Kalzan A. K. *Tuvinskaya dramaturgiya perioda TNR* [Tuvan drama in during of the Tuvan People's Republic]. *Uchenye zapiski TNIIYaLI. V. 6 — Scientific notes Tuvan Research Institute of Language and Literature. Issue 6.* Kyzyl, 1937. Pp. 115–136.
4. Кок-оол. Салым-хажя: 3 козеге сии. — Кызыл, 1935. — 16 ар. (Tuvan.)
5. Кок-оол. Ekki xun: us cuui korgyzyq // Sii nomu: pir tugaar tepter. — Кызыл, 1937. — Ар. 15–35. (Tuvan.)
6. Sagdy K. Ch. *Istoriya voznikoveniya tuvinskogo teatra* [The history of Tuvan theater]. Kyzyl: Tuva Book publ., 1973. 128 p.

УДК 811.512, 81'322

Монголоязычные корпуса: современное состояние

© **Бадмаева Любовь Дашинимаевна**

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: lbadm@gmail.com

Корпусная лингвистика, ставшая сегодня полноправной научной дисциплиной, развивается и на базе монгольских языков, оформляя свое направление как монголоязычная корпусная лингвистика. История составления корпусов по монгольским языкам в современном смысле началась не так давно и по времени охватывает около двух десятилетий. Формирование любой научной дисциплины идет этапами. Складывание корпусной лингвистики как научной дисциплины можно условно разделить первоначально на два основных этапа. Первый этап — период непосредственного составления самих языковых корпусов, второй — период развития лингвистики в новой научной парадигме, которая обусловлена использованием данных уже созданных корпусов. В монголистике же в данное время можно наблюдать в основном первый из названных этапов, связанный с формированием монголоязычных корпусных ресурсов — Монгольский корпус, Калмыцкий корпус, Национальный корпус калмыцкого языка, Бурятский корпус. Помимо своей научной и образовательной значимости, корпусные языковые ресурсы вносят весомый вклад в решение проблем долговременного сохранения культурного наследия монгольских народов в киберпространстве. Вместе с решением задач дальнейшего продвижения монголоязычных корпусных проектов встанут задачи выработки путей их координации ввиду как территориальной, так и государственной разобщенности самих монгольских языков.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, монгольские языки, языковой корпус, разметка.

Corpora of the Mongolian languages: modern state

Liubov D. Badmaeva

PhD, A/Professor, leading research fellow, Department of linguistics, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

Corpus linguistics has become a full-fledged scientific discipline, and now continues developing based on the Mongolian languages, forming itself as the Mongolian corpus linguistics. History of compiling of corpora of the Mongolian languages in the modern sense covers about two decades. Formation of the corpus linguistics as a discipline can be divided into two main stages: the first one is the period of plain compiling linguistic corpus, the second is the period of development of linguistics in the new scientific paradigm, which is due to data usage of already existing corpora. In Mongolian linguistics today we can see the first of these steps related with the formation of the Mongolian corpus resources: Mongolian corpus, Kalmyk corpus, National Corpus of the Kalmyk language and Buryat corpus. In addition to its scientific and educational significance, corpus linguistic resources make a significant contribution to solving the problems of long-term preservation of the cultural heritage of the Mongolian peoples in cyberspace. Together with the tasks to further promote the Mongolian corpora such projects develop ways of coordination due to both territorial and state disunity of the Mongolian languages.

Keywords: corpus linguistics, the Mongolian languages, linguistics corpus, tagging.

Корпусная лингвистика (далее — КЛ), начавшая свое развитие на данных английского языка в 60-е гг. XX в. (Брауновский корпус, У. Френсис и Г. Кучера, Брауновский университет, США; Survey of English Usage, Рандолф Квирк, Университетский колледж Лондона, Англия) стала к настоящему времени полноправной научной дисциплиной со своими научным аппаратом, терминологией, методами и технологиями в качестве ответвления компьютерной лингвистики, которая, в свою очередь, является частью прикладной лингвистики. К достижениям корпусной лингвистики можно отнести уже ряд

языковых корпусных ресурсов по всем крупным языкам мира, а также языкам и диалектам, носителями которых являются народы, которые условно можно охарактеризовать по их численности как «средние» или «малые», в отличие от крупных. Если несколько лет назад языковые корпуса, доступные в режиме онлайн, исчислялись десятками, то сейчас их численность перевалила уже за сотню единиц [12] и это число с каждым годом продолжает только расти.

КЛ стала развиваться и на данных монгольских языков, оформляя свое направление как монголоязычная корпусная лингвистика. Исто-

рия составления корпусов по монгольским языкам в современном смысле началась не так давно и по времени охватывает около двух десятков лет [11; 17; 18; 15; 14; 4; 1, 5]. Судя по опубликованным трудам указанных авторов, а также из бесед во время личных встреч с некоторыми из них, мы можем сказать, что первые шаги по составлению корпусов по монгольским языкам были начаты монгольскими, китайскими (внутренне-монгольскими), японскими и, соответственно, российскими исследователями. Доступные нам, т. е. опубликованные, работы данных исследователей сгруппированы между собой, что позволяет говорить о китайской, монгольской, японской и российской группах разработчиков. Мы отдаем себе отчет в том, что перечисляем здесь не всех участников корпусных проектов по монгольским языкам. Говоря о китайской группе, по данным Д. Боролзоя и Т. Пүрэвсүрэна, назовем внутренне-монгольских коллег, таких как Чойжинжав, С. Насан Урт, Хуашабу [12]. Постараемся отразить имена исследователей, являющихся, на наш взгляд, в своих группах ведущими.

Практически все начинания названных исследователей стимулированы интенсивным развитием компьютерных технологий на рубеже XX и XXI вв. и их главным стремлением — внедрить языковые данные в компьютерные технологии, что является уже закономерным явлением современной лингвистической парадигмы. Несмотря на схожесть основных предпосылок начинаний данных исследователей в составлении компьютерных ресурсов по монгольским языкам, их цели, задачи отличаются между собой, а значит, естественно допустить отличия в результатах работ, полученных названными группами исследователей. Вероятно, к факторам, влияющим на сходства и различия конечных результатов монголоязычных проектов в обсуждаемом нами направлении можно отнести и разные программные платформы, разрабатываемые совершенно независимо друг от друга исследователями Монголии, Японии, Китая (Внутренней Монголии), России. Различаются, например, работы по созданию машинных фондов языка, начинавшиеся во времена, когда еще не было Интернета, например, Машинный фонд русского языка [6], опыт разработки которого успешно использовали создатели Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). По современному монгольскому языку следует назвать работы в схожем направлении под руководством, например, проф. Т. Төрбата [18] в качестве предвестников корпусных ресурсов. Работы

японской группы исследователей в обсуждаемом направлении по своим целям и задачам в преобладающей степени тяготеют к компьютерной лингвистике. То же самое можно сказать и о монгольской группе [17; 16; 15]. Мы же озадачены характеристикой ресурсов, разрабатываемых в направлении КЛ. Ввиду малодоступности для нашего анализа работ китайской группы мы можем предположительно сказать, что, по всей видимости, она развивает монголоязычную как компьютерную лингвистику, так и корпусную.

Дальнейшее описание мы хотели бы провести, исходя из основного подразделения результативности работ названных групп исследователей — доступность / недоступность разрабатываемого корпусного ресурса для заинтересованных интернет-пользователей. Под доступностью мы понимаем соответственно онлайн-представление языковых корпусов в Интернете, чем и определяется их основная научная и практическая значимость. Никто не составляет языковые корпуса объемом в сотни миллионов словоупотреблений лично для себя (исключениями могут быть небольшие учебные корпуса в несколько сот или несколько тысяч слов). Понятно, что возможность использования крупных ресурсов неограниченным множеством пользователей только повышает их значимость.

Как известно, формирование любой научной дисциплины идет поэтапно. Складывание КЛ как научной дисциплины, являющейся частью компьютерной лингвистики, можно условно (поскольку границы не так строги) разделить первоначально на два основных этапа (нельзя исключать, что данные этапы, в свою очередь, могут получить дальнейшее дробление). Первый этап — период непосредственного составления самих языковых корпусов. Второй — это период развития лингвистики в новой научной парадигме, которая обусловлена использованием различных данных языка, извлекаемых из уже созданных корпусов, которые, как правило, позволяют исследователям оперировать масштабными статистическими параметрами языковых фактов, кардинально другими, чем в докорпусную эпоху, что позволяет получать наряду с уточнениями ранее полученных знаний совершенно новые результаты. Наличие глубоко разработанных корпусов по крупным языкам мира, соответственно, позволяет успешно выполнять исследования на базе корпусных материалов.

Можно привести примеры крупных языковых корпусов, которые свободно или на условиях регистрации, доступны в режиме онлайн, например, Корпус современного американского

английского (СОСА), Британский национальный корпус (British national corpus), НКРЯ, Корпус китайского языка, Корпус языка хинди и другие. В монголистика же в данное время можно наблюдать в основном первый из названных этапов, связанный с формированием монголоязычных корпусных ресурсов, некоторые из них стали доступными в режиме онлайн, хотя по степени разработанности различаются между собой [7; 8; 3; 2], что характерно для большинства подобных ресурсов в силу как объективных, так и субъективных причин. Относительно истории исследований языковых аспектов в монголистика с использованием корпусных данных в настоящий период времени, будет справедливо сказать, что она только начинает открывать свои первые страницы [4; 5]. Здесь следует отметить то, что корпусные лингвистические исследования зачастую полагаются на масштабные объемы фактического материала, позволяющие получать более чем достоверные результаты.

При описании доступных в сети монголоязычных корпусов, не исключено, то, что какие-то ресурсы остались за пределами нашего внимания. Если подобное имеет место, то причина будет заключаться в том, что мы не располагаем их адресами ссылок. На настоящем этапе развития монголоязычной КЛ можно дать краткое описание доступных корпусов в сети Интернет по монгольским языкам.

Три монголоязычных корпуса — монгольский, калмыцкий и бурятский — располагаются на одном сервере, который представляет более десятка корпусов, разработанных при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика». Данные три монголоязычных корпуса доступны онлайн с сайта <http://web-corpora.net/>. По начальным страницам с сайтов данных корпусов можно видеть то, что они используют поисковую платформу Восточно-армянского национального корпуса [13]. Ввиду того, что проекты разработки данных корпусов являются долгосрочными, при непосредственном обращении к ним можно заметить то, что коллективы их создателей продолжают постоянно работать над их усовершенствованием, отладкой лингвистического инструментария, редактированием погрешностей.

Монгольский представляет современный язык с кириллической графикой, соответственно функционирующий в Монголии. Создателем данного корпуса является С. А. Крылов (ИБ РАН, Москва, Россия), крупный специалист в области общего и монгольского языкознания, а

также компьютерной и корпусной лингвистики. Объем Монгольского корпуса охватывает 1,2 млн. словоупотреблений. Тексты корпуса представляют разные жанры и типы, отражая основные стили монгольского языка, но, следует сказать, что их разметка, к сожалению, не отражается на сайте. В данном корпусе есть возможности осуществлять поиск по словоформе, лемме, переводу, граммемам и лексическим категориям с выдачей контекстов.

Калмыцкий корпус имеет объем в 800 тыс. словоупотреблений. Корпус составлен А. Э. Ванькаевой при поддержке специалистов по компьютерной и корпусной лингвистике Т. А. Архангельского и М. А. Даниэля (НИУ ВШЭ, Москва, Россия). Во вступительной статье на сайте данного корпуса сказано: «Литературные тексты на калмыцком языке — романы, повести, рассказы, очерки, газетные статьи (вторая половина XX — начало XXI в.), включенные в корпус, снабжены морфологической разметкой, позволяющей осуществлять поиск по лексеме, по грамматическим характеристикам, по переводу, а также по сочетаниям словоформ на заданном расстоянии».

Второй корпус по калмыцкому языку имеет название Национальный корпус калмыцкого языка (далее — НККЯ). Он располагается на самостоятельном сервере со своей поисковой системой. Ведущим разработчиком данного корпуса является В. В. Куканова (КИГИ РАН, Элиста, Россия). В НККЯ состав, структура имеют уже углубленный характер. На страницах составных частей и подкорпусов НККЯ имеются разъясняющие статьи. Отсутствие подобных статей, судя по всему, свидетельствует о том, что данная часть находится в процессе разработки.

На наш взгляд, НККЯ в настоящее время можно назвать наиболее разработанным среди других монголоязычных корпусов как в плане лингвистических баз данных (текстотека, грамматические словники, словари переводов и др.), так и в плане лингвистических инструментариев к ним. При этом коллектив разработчиков продолжает активное продвижение своего фундаментального проекта, учитывая специфические предпосылки для составления калмыцкого языкового корпуса. Думается, что ознакомление с видением коллектива разработчиков НККЯ по части формирования его состава, структуры, готовящихся перспективных направлений будет чрезвычайно полезно для продвижения / разработки других корпусных ресурсов по языкам и диалектам монгольских народов в силу схожих путей исторического развития их языков.

Бурятский корпус с объемом в 2,2 млн. словоупотреблений включает в настоящее время тексты всех основных стилей функционирования языка — художественного, общественно-публицистического, учебно-научного, с преобладанием первого. Здесь имеются возможности поиска по словоформе, лемме и избранным текстам с выдачей всех контекстов, грамматических признаков лексических единиц на сегодняшний день к неполному объему корпуса и метаинформации к источникам. Возможность поиска по переводу и параллельный бурятско-русский подкорпус находятся на стадии подготовки. Во вступительной статье дается инструкция по использованию корпуса. Настоящая версия данного корпуса стала большим подспорьем для составителей Толкового словаря бурятского языка, давая возможность в считанные секунды находить примеры к словам, т. е. контексты, исчисляющиеся по объему от сотни до тысячи и более единиц.

Подведем краткие итоги по характеристике данных корпусов. Критерии сходства и различия таковы: наличие / отсутствие вступительных статей, разность / схожесть поисковой платформы, разность возможностей поиска, разность составных частей, наличие / отсутствие подкорпусов. Подкорпуса (начало их разработок) представлены только в НККЯ.

Помимо своей научной и образовательной значимости, корпусные языковые ресурсы вносят весомый вклад в решение проблем долговременного сохранения культурного наследия монгольских народов в киберпространстве. Вместе с решением задач дальнейшего продвижения монголоязычных корпусных проектов встают задачи выработки путей их координации ввиду как территориальной, так и государственной разобщенности носителей самих монгольских языков. Также перспективным для дальнейшего развития и взаимообогащения языков и диалектов монгольских народов в век высоких технологий представляется планирование и реализация совместных международных разработок в русле монголоязычной КЛ. В данном деле уже положено начало в виде международного проекта (Китай, Монголия, Россия) «Разработка кор-

пуса монгольских языков» (2012–2013) [9; 10], который представляет собой звуковой корпус, включающий записи разговорной речи, выполненные монголистами на протяжении многолетних экспедиционных работ в местах компактного проживания носителей языков и диалектов монгольских народов. Относительно онлайн-доступности / недоступности данного проекта приходится сказать, что он не представлен в Интернете. Предположительно мы позволим себе высказаться по поводу причины онлайн-недоступности результатов данного проекта, хотя не исключены причины, отличающиеся от наших представлений. По нашему мнению, одной из возможных причин является сложность представления в интегрированном виде на единой программной платформе баз данных языков и диалектов, несмотря на их близкую родственность, функционирующих на различающихся графических системах как вертикальная письменность во Внутренней Монголии Китая, кириллица современного монгольского, калмыцкого и бурятского языков. В свою очередь, как известно, кириллические системы данных языков также имеют между собой различия в передаче их специфических букв. Другой немаловажной причиной можно предположить сложность создания единого сайта для представления совместного ресурса, подготовленного международным коллективом.

Таким образом, сейчас в сети в корпусных ресурсах доступны в письменном виде языки монгольских народов с грамматическим описанием конкретной словарной единицы. Живая же монгольская речь, например, современная монгольская, калмыцкая, дагурская или бурятская и т. д. в корпусном ресурсе с соответствующими лингвистическими комментариями в сети (как, например, корпус устной речи Восточно-армянского национального корпуса) еще не получила свое представление, но если учитывать то, что работы в этом направлении ведутся группами исследователей разных стран (пусть даже и независимо друг от друга), можно сказать, что это является уже делом ближайшего будущего.

Литература

1. Бадмаева Л. Д. Бурятский языковой корпус: создание, проблемы // Вестник БНЦ СО РАН. — 2013. — № 2 (10). — С. 118–122.
2. Бурятский корпус [Электронный ресурс]. — URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru
3. Калмыцкий корпус [Электронный ресурс]. — URL: http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/?interface_language=ru
4. Крылов С.А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 2: Структурно-вероятностная модель монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка). — М.: Восточная литература, 2014.

5. Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калм. ин-та гуманитар. исслед. РАН. — 2012. — № 3.
6. Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. — М.: Наука, 1986.
7. Монгольский корпус [Электронный ресурс]. — URL: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru
8. Национальный корпус калмыцкого языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://kalmcorpura.ru/>
9. Разработка корпуса монгольских языков [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mongoloved.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=107:proekt-razrabotka-korpusa-mongolskogo-yazyka-mongol-khelnij-materialyn-kh-mr-g-bajguulakh-inzheniering-v-rossii&catid=8:novosti&Itemid=107
10. Сундуева Е. В. Проект «Разработка корпуса монгольского языка» в Бурятии // Вестник БНЦ СО РАН. — 2013. — № 3 (11). С. 189–190.
11. Bayatur Da., Djirumt Bu., Odu üye-yin Mongyul kelen-ü üge-yin dabtamji-yin toil. – Öber Mongyul-un suryan kümüjil-ün keblel-ün küriy-e. Kûke qota, 1998. 1482 n.
12. Боролзой Д., Пүрэвсүрэн Т. Компьютер хэл шинжлэл ба дэлхийн чиг [Электронный ресурс]. — URL: [http://borolzoi.blogmn.net/27067/kompiyutyer-hel-shinjlel-ba-tsahim-ugiin-san-\(1\)-bajguulah-asuudald.html](http://borolzoi.blogmn.net/27067/kompiyutyer-hel-shinjlel-ba-tsahim-ugiin-san-(1)-bajguulah-asuudald.html)
13. EANC: East Armenian National Corpus [Электронный ресурс]. — URL: http://www.eanc.net/ru/composition/oral_discourse/
14. Khaltar B., Fujii A., Ishikawa T. Extracting loanwords from Mongolian corpora and producing a Japanese-Mongolian bilingual dictionary // Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the ACL, Sydney, July 2006. P. 657–664.
15. Мөнх-Учрал Э. Монгол хэлний цахим хөмрөгийн тухайд // Gemeinsam Stark, Verein der mongolischen Akademiker in Baden Württemberg e.V., Universität Stuttgart. Stuttgart, 2010.
16. PAN Localization [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pan110n.net/mongolia/>
17. Purev J., Altangerel Ch. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pan110n.net/center-for-research-on-language-processing-crlp-national-university-of-mongolia-mongolia/>
18. Төрбат Т., Эрдэнэбатхаан Т., Монгол хэлний машинан боловсруулалтын тулгамдсан асуудал, түүнийг шийдэх арга замын тухайд, Хүмүүнлэгийн ухааны их сургуулийн эрдэм шинжилгээний бичиг, Боть 1 (06), УБ 2004.

References

1. Badmaeva L. D. Buriatskijazykovoju korpus: sozdanie, problemy i perspektivy [Buryat language corpus: creation, problems, prospects]. *Vestnik Buryat. nauch. centra SO RAN — Bulletin of SB RAS BSC*. 2013. No. 2 (10). Pp. 118–122.
2. *Buriatskij korpus*. Available at: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru
3. *Kalmytskij korpus*. Available at: http://web-corpora.net/KalmytskijCorpus/search/?interface_language=ru
4. Krylov S. A. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka i smezhnye problemy obshchej lingvistiki. Ch. 2: Strukturno-veroyatnostnaya model' mongol'skogo yazyka (na baze General'nogo korpusa sovremennogo mongol'skogo yazyka)* [Theoretical grammar of contemporary Mongolian language and related problems of general linguistics. Part 2: Structure-probabilistic model of the Mongolian language (based on the body of the modern Mongolian language)]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2014.
5. Kukanova V.V. Slovoizmenitel'nye tipy v kalmytskom iazyke v svete avtomaticheskoy obrabotki tekstov (na primere imeni sushchestvitel'nogo) [Word modifying types in Kalmyk language in the light of automatic text processing (on the material of a noun)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN — Bulletin Kalmyk Institute for Humanities Research RAS*. 2012. No. 3.
6. *Mashinnyj fond russkogo iazyka: idei i suzheniya* [Machine fund of Russian language: ideas and judgments]. Moscow: Nauka, 1986.
7. *Mongol'skij korpus*. Available at: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru
8. *Natsional'nyi korpus kalmytskogo iazyka*. Available at: <http://kalmcorpura.ru/>
9. *Razrabotka korpusa mongol'skikh iazykov*. Available at: http://www.mongoloved.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=107:proekt-razrabotka-korpusa-mongolskogo-yazyka-mongol-khelnij-materialyn-kh-mr-g-bajguulakh-inzheniering-v-rossii&catid=8:novosti&Itemid=107
10. Sundueva E. V. Projekt "Razrabotka korpusa mongol'skogo iazyka" v Buryatii [The project "Development of Mongolian language corpus" in Buryatia]. *Vestnik Buryat nauch. centra SO RAN — Bulletin of SB RAS BSC*. 2013. No. 3 (11). Pp. 189–190.
11. Bayatur Da., Djirumt Bu., Odu üye-yin Mongyul kelen-ü üge-yin dabtamji-yin toil. Öber Mongyul-un suryan kümüjil-ün keblel-ün küriy-e. Kûke qota, 1998. 1482 n.
12. Borolzoi D., Pürevsüren T. *Komp'iuter khel shinzhlel ba delkhiin chig*. Available at: [http://borolzoi.blogmn.net/27067/kompiyutyer-hel-shinjlel-ba-tsahim-ugiin-san-\(1\)-bajguulah-asuudald.html](http://borolzoi.blogmn.net/27067/kompiyutyer-hel-shinjlel-ba-tsahim-ugiin-san-(1)-bajguulah-asuudald.html)
13. EANC: East Armenian National Corpus. Available at: http://www.eanc.net/ru/composition/oral_discourse/
14. Khaltar B., Fujii A., Ishikawa T. Extracting loanwords from Mongolian corpora and producing a Japanese-Mongolian bilingual dictionary // Proceedings of the 21st International Conference on Computational Linguistics and 44th Annual Meeting of the ACL, Sydney, July 2006. P. 657–664.
15. Мөнх-Учрал Э. Монгол хэлний цахим хөмрөгийн тухайд // Gemeinsam Stark, Verein der mongolischen Akademiker in Baden Württemberg e.V., Universität Stuttgart. Stuttgart, 2010.
16. PAN Localization. Available at: <http://www.pan110n.net/mongolia/>
17. Purev J., Altangerel Ch. Available at: <http://www.pan110n.net/center-for-research-on-language-processing-crlp-national-university-of-mongolia-mongolia/>
18. Төрбат Т., Эрдэнэбатхаан Т. Монгол хэлний машинан боловсруулалтын тулгамдсан асуудал, түүнийг шийдэх арга замын тухайд, Хүмүүнлэгийн ухааны их сургуулийн эрдэм шинжилгээний бичиг, Боть 1 (06), Улан-Батор, 2004. (Mong.)

УДК 81'374.822=512.3

Безэквивалентность входных и выходных слов в переводных словарях (на материале русско-бурятских и русско-монгольских словарей)

© Цыренов Бабасан Доржиевич

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

В статье анализируется безэквивалентность слов в двуязычных русско-монгольских словарях. Идеальным для переводчика, который пользуется словарем, было бы полное соответствие значения или значений слов двух языков. К сожалению, это не всегда возможно. Автор приходит к выводу, что несоответствие входных и выходных слов в словарях обусловлено социально-культурными и хозяйственно-бытовыми различиями народов — носителей языков. Эквивалентность слов в двуязычных словарях в лингвистическом аспекте зависит от многих факторов, в том числе от разработанности системы значений многозначных слов в толковых словарях обоих языков, а в экстралингвистическом — от общности их культуры, быта, экономики и непосредственного контакта двух народов. Полное совпадение встречается в очень редких случаях, например, могут совпасть слова, обозначающие родственников: мать, отец и т. д., календарную лексику: понедельник, март, год и т. д.

Ключевые слова: эквивалентность, словари, бурятский и монгольский языки, перевод.

The non-equivalence of input and output words in translation dictionaries (on the material of Russian-Buryat and Russian-Mongolian dictionaries)

Babasan D. Tsyrenov

PhD, A/Professor, Research Fellow, Department of linguistics, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article analyzes the non-equivalence of words in Russian-Mongolian languages dictionaries. It would be ideal for dictionary user to find full compliance of meanings of words of the two languages. Unfortunately, this is not always possible. The author concludes that the disparity between input and output words in dictionaries is caused by social, cultural and economic differences. Equivalence of words in linguistic aspect depends on many factors, including the elaboration of the system of meanings of polysemantic words in explanatory dictionaries of both languages, while in extra-linguistic aspect it depends on commonness of their culture, way of life, economy and direct contact between the two nations. Full match occurs in very rare cases, for example, in words for family: mother, father; and calendar lexicon: Monday, March, year, etc.

Keywords: equivalence, dictionaries, Buryat and Mongolian languages, translation.

Многообразие народов, особенности их быта, традиций, верований, истории, национальной культуры естественным образом предполагает наличие некоторого количества реалий и слов их обозначающих, которые не имеют соответствий в другом, неродственном языке, а иногда даже в разных говорах одного языка. Наиболее ярко такое несоответствие проявляется в переводных словарях. В идеальном двуязычном словаре все слова или словосочетания входного языка должны иметь эквиваленты, т. е. переводиться без потери информации и с максимальной точностью. Но это в идеале. А реалии таковы, что не все слова одного языка имеют соответствия в другом языке. В этом случае часто применяется толкование или описание, что, естественно, противоречит самой сути переводной

лексикографии, поскольку она должна именно переводить, а не описывать внешне и / или функционально реалию (в широком смысле этого понятия), обозначаемую лексемой. Вследствие применения в двуязычной лексикографии, вместо перевода или наряду с ним, описания, толкования заголовочной единицы, или единицы левой части словарей, они превращаются во многом в переводно-толковые с элементами энциклопедизма [7, с. 153–154].

Безэквивалентность (по В. П. Беркову), обусловлена, во-первых, различиями разных народов в отражении окружающей действительности: «Поскольку мир практически неисчерпаем, его элементы по-разному выделяются и объединяются в более крупные категории сознанием разных языковых коллективов. Это отражается

языком: развиваясь стихийно, он не всегда последовательно и полно создает обозначения для всех элементов действительности». Подтверждением данного тезиса является пример со словами, обозначающими понятия 'брат' и 'сестра': «во многих языках нет слов для понятий 'брат' и 'сестра', а есть только обозначения понятий 'старший брат', 'младший брат' и 'старшая сестра', 'младшая сестра'» [1, с. 155]. Данное явление имеет место и в монгольских языках, в которых для обозначения родственных отношений между детьми одних родителей употребляется довольно сложная система: бур. *аха, ахай* (в южно-бурятских говорах — *абгай*), монг. *ах* 'старший брат; старший', бур. *эгэиэ, абгай* (в южно-бурятских говорах — *ахай, аджаа*), монг. 'старшая сестра; старшая', но бур., монг. *дүү*. Слова эти универсальны и могут обозначать и младшего брата, и младшую сестру. В ситуациях, требующих уточнения, они сопровождаются классификаторами: бур. *дүү хүбүүн / басаган*, монг. *дүү хүү / охин*, 'младший брат / младшая сестра'. *Дүү*, таким образом, не имеет в своем семном составе семы «указание на пол». Предложение *Энэ минии дүү* вне контекста может быть переведено двояко: 'Это мой младший брат' и 'Это младшая сестра', тогда как *Энэ минии аха* и *Энэ минии эгэиэ* (бур.) могут быть переведены однозначно: 'Это мой старший брат' и 'Это моя старшая сестра' [7, с. 154].

Отсутствие эквивалентов также обусловлено отличиями в культуре двух народов: «Отсутствие у лексемы входного языка эквивалента в выходном языке может объясняться различиями в культуре (подчеркнем еще раз, в самом широком смысле слова) между данными языковыми коллективами» [1, с. 155]. Эквивалентность в равной степени относится и к области перевода, и к области теоретической и практической лексикографии. Причем в теоретической переводной лексикографии она относится к числу сложных вопросов, требующих глубинных семантических исследований лексем входящего языка на предмет членения их значений. В практике принято придерживаться значений, выделенных в одноязычных (преимущественно, толковых) словарях входного языка, а свете темы данной статьи — в словарях русского языка.

При переводе любой литературы (художественной, публицистической, научной, научно-популярной и т. д.) именно словарь выступает своеобразным «трансформатором», в котором текст-оригинал преобразуется в текст языка перевода. Идеальным для переводческой деятельности было бы полное соответствие слова или

словосочетания двух или нескольких языков. Однако В. П. Берков пишет: «Очевидно, случай, когда слову или словосочетанию одного языка в другом языке соответствует слово или словосочетание, обладающее всеми теми же характеристиками, относительно немного по сравнению со случаями, когда полного соответствия нет» [1, с. 110]. Таким совпадением обладают лишь слова некоторых слоев лексики языка. «И только тот случай, когда совершенно однозначной слову подлинника находится твердое однозначное же (при разных контекстах) соответствие — относительно более редок; такая однозначность возможна в принципе по отношению к определенным слоям лексики — к терминам, к обозначениям календарных понятий (названия месяцев, дней недели), к некоторым именам родства (например, *fills, son, Sohn* — *сын*; *fille, daughter, Tochter* — *дочь*; *neveu, Neffe* — *племянник*), к некоторым названиям животных и общепотребительных предметов, к личным местоимениям» [2, с. 134].

В любом случае, пользователь, переводчик вправе требовать учета всех значений, семантических нюансов слова исходного языка и отражения их в переводном (выходном) языке. Это, естественно, труднодостижимая (а во многих случаях недостижимая) цель. Тем не менее, В. П. Берков предлагает: «Если в общем виде сформулировать требования, которые целесообразно предъявлять к словарному эквиваленту, то они будут весьма просты: в идеале переводящий эквивалент (для данного значения многоязычного* слова) должен сообщать всю ту и только ту информацию, которую сообщает переводимое слово, т. е. совпадать с ним по всем характеристикам. Теоретически такой идеальный эквивалент вообще невозможен, а на практике достаточно хорошее приближение к этому идеалу также случай нечастый. <...> Конечно, если оптимальная передача лексического значения должна быть признана основным требованием к эквиваленту, то переводящий эквивалент, более или менее адекватно передающий лексическое значение переводимого слова, может настолько резко расходиться с переводимым словом по другим характеристикам, что общая его адекватность будет весьма сомнительна» [1, с. 112–113].

Особенности эквивалентной передачи слов в русско-монгольских словарях попытаемся рассмотреть на примере глагола «идти». Бесспорным, прямым эквивалентом слова «идти» будет бур. *ябаха* и монг. *явах* 'передвигаться,

* Тут, видимо, описка, должно быть — *многозначного*.

переступая ногами? [6, с. 205–206]. У бурят, как и у монголов, в прошлом перемещение в пространстве было сопряжено именно с передвижением на ногах, будь то ходьба, будь езда верхом. Передача же других значений русского глагола «идти» осуществляется уже другими бурятскими (монгольскими, общемонгольскими) глаголами.

Другие же значения глагола «идти» требуют совершенно иных эквивалентов, сообразно общему и частному контексту, в том числе «направляться, отправляться куда-либо, с какой-либо целью» — *ошохо, ерэхэ* (РБС), в этом случае все русско-монголыязычные словари единодушны (ср. монг. *очих, ирэх*). Далее с определенными оговорками по порядку нумерации значений совпадают значения «простираться, пролегать; иметь то или иное направление» в СРЯ и РБС–08 — *үнгэрхэ, нэвтэ гараха*, в РБС–54 и РМС–82 *ошохо, гараха* и *нэвт гараха, шувт өнгөрөх*, соответственно. Совпадение порядка следования передачи значений в РБС–54 и РМС–82 легко объяснимо тем, что составители при подборе словника своего словаря ориентировались на РБС–54. Эквиваленты остальных 22 значений глагола «идти» получают хотя и семантически близкие, но иерархически разные порядковые места, например: «лечь, падать (об осадках)» — в РБС–54: *орохо* (снег), РБС–08: *орохо, унаха*, РМС–82: *орох, унах*. При этом следует заметить, что глагол *унаха* как в бурятском языке, так и в монгольском, скорее, калька, нежели собственная лексема. Этот глагол более употребителен к инею — *хюруу унаха* (бур.), *хяруу унах* (монг.), нежели к снегу, ср.: снег упал / выпал — *саһан ороо, цас унав*.

Так же в той или иной степени калькируемом можно объяснить передачу значения «иметь место, происходить, совершаться / исполняться, ставиться (о пьесе, спектакле и т. д.)» глаголами *табигдаха, наадагдаха* (РБС–08). Появление глагола *табигдаха* (букв. ставиться) в этом значении в русско-бурятском словаре 2008 года издания (в отличие от РБС–54, где только *гараха* ‘выходить, выпускаться’) в большей степени объясняется активным употреблением калькированных слов и выражений в современном бурятском языке. То же и со словом *наадагдаха* — букв. играть → играть, ср.: *Сегодня в оперном идет «Севильский цирюльник»* ‘Мүнөөдэр опернодо «Севильский цирюльник» наадагдана’. Хотя данная форма не употребляется в живой разговорной речи, здесь более уместно выражение: «*Севильский цирюльник*» *харуулагдана* или *гарана*.

«В очень большом числе случаев, конечно, значение переводного слова может быть переда-

но лишь несколькими эквивалентами. <...> Ситуация, когда слово одного языка может быть передано лишь совокупностью эквивалентов другого языка, объясняется тем, что языки обладают разными уровнями специфичности. <...> Характерно, что в теории лексикографии поставлен вопрос о том, что когда сумма частичных и связанных эквивалентов не обладают наглядной общностью, их необходимо снабдить объяснительным толкованием, однако в практике двуязычной лексикографии этот прием используется очень редко» [1, с. 119–120].

При составлении иноязычно-родных словарей, в данном случае русско-монголыязычных, номенклатура значений входного (русского) языка обуславливается рядом факторов, в котором немалое место занимает волонтаризм (как в позитивном, так и в негативном понимании этого слова). Так, РБС–54 основан на словнике, составленном Государственным издательством иностранных и национальных словарей под редакцией Т. Г. Брянцевой [4, с. 5]. Немалую роль играет и субъективизм составителей. Так, в РБС–08 представлено 25 значений глагола «идти», столько же, сколько и в четырехтомном Словаре русского языка, но, тем не менее, не представлены значения «длиться, продолжаться (*идет 1957 год*) и оттенок этого значения, касающийся возраста (*идет второй год* — ребенку)», значение «вступать в брак (о женщине — *идти замуж*)», «начинать что-либо, пускаться во что-либо (*идти в пляс*)», «иметь что-либо своим содержанием, касаться чего-либо (*о разговоре, споре* и т.п.)». Между тем, в отдельное значение выделено устойчивое сочетание «идти ко дну». Эта практика «тянется» с РБС–54: **6.** (*ко дну*) шэнгэхэ, шэнгэжэ ябаха; в РМС–82: **8.** живэх, чивэх, **лодка идет ко дну завь живжэ байна**; в РБС–08: **24.** шэнгэхэ; лодка идет ко дну *онгосо шэнгэбэ*. Здесь налицо подмена образного значения прямым: идти ко дну — терпеть фиаско, крах, неудачу. Ср.: Завод идет ко дну — завод не выполнил свои обязательства, показал свою финансовую несостоятельность и прекращает свою деятельность.

Влияние политического курса страны на словари очень ясно видно на лексикографических примерах. Например, в РБС–54: **4.** *перен.* ошохо, ябаха, **наша страна идет к коммунизму** манай орон коммунизм тээшэ ошохо ябана; РМС–82: **4.** хүрэх, явах; **наша страна идет к коммунизму** манай орон эв хамтад хүрэх гэж явна. В РБС–08 по вполне понятным причинам подобных примеров нет, как и нет выделенного значения этого глагола. Хотя владеющим

бурятским и монгольским языками совершенно ясно, что получается не совсем точный перевод значения глагола «идти» — стремиться. В таком случае более уместен перевод — *тэгүүлхэ* (бур.) и *тэгүүлэх* (монг.). Далеко не всегда, однако, причиной того, что словарь предлагает читателю необобщенный набор частичных эквивалентов, является отсутствие обобщающего перевода в выходном языке словаря. По-видимому, очень часто источником неоправданного дробления значения переводимого слова, представления всех или части конкретных частных реализаций вместо общего значения являются толковые словари переводимого языка, используемые при составлении двуязычных словарей.

Номенклатура эквивалентов значений глагола «идти» в РБС–08 в целом, представлена следующими глаголами и глагольными словосочетаниями бурятского языка: *ябах, хатарха, гүйхэ, ошохо, ерэхэ, хүдэлхэ, дабхиха, дүтэлхэ, ойртохо, орохо, унаха, таараха, зохихо, үнгэрхэ, эльгээгдэхэ, дамжаха, хүрэхэ, үнгэрхэ, нэвтэ гараха, ходо гараха, бааяха, адхарха, ябадал хэхэ, хэрэглэгдэхэ, дахаха, хойноһоо ябах, элсэхэ, гүйсэтэй байха, тараха, хангалтаха, гутаха, орохо, зоолдох, багтаха, табигдаха, наадагдаха, түлэгдэхэ, түлбэрилэгдэхэ, зүбиөөхэ, бүтэхэ, бүтэмжэтэй байха, гоожох, шэнгэхэ, хорохо, татаха, доошолхо* – итого 46 глаголов и глагольных словосочетаний. В РМС–82 представлены следующие эквиваленты: *явах, очих, хөдлөх, ирэх, ойртох, хүрэхэ явах, хойноос нь явах, дагах, мөрөөр нь явах, замнах, явах, ажиллах, орох, унах, живэх, чивэх, гоожих, орох, багтах, нэвт гарах, шувт өнгөрөх, гарах, баагих, анхилах, гутах, гарах, тархах, явах, гарах, орох, хэрэглэгдэх, таарах, тохирох, зохих, гарах, үзүүлэх, бүтэх, хийх, болох, орох, эхлэх, явах, гүйлгөөтэй байх, гүйх, өнгөрөх* (повторяющиеся эквиваленты, например, *явах*, отличаются сочетаемостью и небольшими семантическими оттенками).

Среди лексикографов от теории бытует мнение, что избыточность переводных эквивалентов является отрицательной характеристикой слова-

ря. Однако в случае, когда входной и выходной языки и генеалогически, и типологически далеки друг от друга, равно как и народы-носители их далеки по исконному традиционному быту, культуре, истории, хозяйственно-экономическому укладу, такое решение данной проблемы кажется оптимальным. В этом плане мы согласны с В. Н. Крупновым, который пишет: «Во избежание неясностей или недоразумений надо четко оговорить, что даже знаменательное слово, не говоря уже о словах служебных, не является постоянной самостоятельной единицей перевода. Смысл слова не автономен, он зависит как в оригинале, так и в переводе от контекста, проясняется в контексте (иногда – достаточно широко), и это всегда учитывается сколько-нибудь опытным и внимательным переводчиком. И нередки случаи, когда одно слово оригинала передается на другом языке сочетанием двух или нескольких слов или когда сочетание двух или нескольких знаменательных слов передается одним словом, или когда слово подлинника (притом полнозначное – даже термин) в переводе опускается, будучи ясным из предыдущего текста, или передается местоимением или, наконец, когда местоимение передается полнозначным существительным» [2, с. 133].

В этой работе мы рассмотрели безэквивалентность входных и выходных слов в русско-бурятском и русско-монгольском. Естественно, небольшой объем статьи не позволяет изучить все случаи этого явления. Тем не менее, на примере слова «идти» показаны наиболее существенные расхождения входного и выходного слова в словарях. Дальнейшее развитие русско-монгольскоязычной лексикографии, а также развитие самих монгольских языков, развитие семантической структуры слов этих языков, как нам кажется, позволит определить, расширить возможности подбора эквивалентов, не только увеличением их числа, но и оптимальным использованием лексического значения слова выходного языка, отработать вопросы их функциональной и стилистической дифференциации, адекватной передачи фразеологических единиц.

Литература

1. Берков В. П. Слово в двуязычном словаре. — Таллин, 1977. — 140 с.
2. Крупнов В. Н. Лексикографические аспекты перевода. — М.: Высшая школа, 1987. — 192 с.
3. СРЯ — Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. — М., 1989. — 797 с.
4. РБС–08 — Русско-бурятский словарь / под ред. С. Д. Намсараева. — Улан-Удэ, 2008. — 904 с.
5. РБС–54 — Русско-бурятский словарь / под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. — М: Изд-во иностр. и национ. словарей, 1954. — 752 с.
6. РМС–82 — Русско-монгольский словарь / сост. Ц. Дамдинсурэн, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор, 1982. — 840 с.
7. Цыренов Б. Д. Монгольско-русская лексикография (структура, принципы, семантизация). — Улан-Удэ: Бэлиг, 2013. — 208 с.

References

1. Berkov V. P. *Slovo v dvuyazychnom slovare* [The word in bilingual dictionary]. Tallin, 1977. 140 p.
2. Krupnov V. N. *Leksikograficheskie aspekty perevoda* [Lexicographic aspects of translation]. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 192 p.
3. SRYa — *Slovar' russkogo yazyka* / sost. S. I. Ozhegov [Dictionary of Russian]. Moscow, 1989. 797 p.
4. RBS-54 — *Russko-buryatskij slovar'* / pod red. Ts. D. Tsydendambayeva [Russian-Buryat Dictionary]. Moscow: Izdat. inostr. i natsion. slovarej, 1954. 752 p.
5. RBS-08 — *Russko-buryatskij slovar'* / pod red. S. D. Namsarayeva [Russian-Buryat Dictionary]. Ulan-Ude, 2008. 904 p.
6. RMS-82 — *Russko-mongol'skij slovar'* / sost. TS. Damdinsuren, A. Luvsandendej [Russian-Mongolian Dictionary]. Ulan-Bator, 1982. 840 p.
7. Tsyrenov B. D. *Mongoloyazychno-russkaya lexikografiya (struktura, printsipy, semantizatsiya)* [Mongolian-Russian lexicography (structure, principles, semantization)]. Ulan-Ude: Belig, 2013. 208 p.

УДК 811.51.36

Персонажи низшей мифологии в монгольских языках© **Сундуева Екатерина Владимировна**

доктор филологических наук, доцент, зав. отделом языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: sundueva@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению внутренней формы слов *albin* ‘злой бродячий, демон’, *čidkür* ‘черт; дух’, *booquldui* ‘дух’. Автор также рассматривает семантику бурятского фольклорного выражения *хоёр хултэй хойбонтон*, служащего, согласно легенде, для обозначения людей духами и передающего походку людей как их отличительную особенность. В результате исследования выявлено, что в основе номинации лежит внешний вид объектов. Так, лексема *albin* возникла, благодаря зрительному восприятию блуждающих огоньков. Выявлены такие физические параметры персонажей низшей мифологии, как худоба и сутулость. Изучение мотивов номинации духовной лексики монгольских языков, бесспорно, позволит в дальнейшем получить ценные сведения о специфике их духовной культуры, о ментальности народа и его культуры через язык.

Ключевые слова: мифология, легенда, персонаж, этимология, семантика, восприятие, визуальный образ.

Heroes of lower mythology in Mongolian languages**Ekaterina V. Sundueva**

DSc, A/Professor, Head of Department of linguistics, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude, 670047 Russia

The article reviews inner form of such words of Mongolian languages, as *albin* ‘demon, devil, sprite’, *čidkür* ‘demon, ghost’, *booquldui* ‘ghost’. It also reviews the semantics of Buryat phrase *хоёр хултэй хойбонтон*, which, according to legend, indicates ghosts and their specific gait. It is revealed that nomination is based on the visual representation of objects. So, the lexeme *albin* appeared due to visual perception of the wandering sparks. Such physical parameters of characters of lower mythology as leanness and stoop are revealed. Studying of motives of the nomination of spiritual lexicon of the Mongolian languages allows to receive further valuable data on specifics of people’s spiritual culture and mentality.

Keywords: mythology, legend, hero, etymology, semantics, perception, visual representation.

Монгольские языки обладают широким спектром обозначений персонажей низшей мифологии, т. е. существ, принадлежащих к потустороннему миру. Так называемый демонологический пантеон включает разные группы, характеризующиеся враждебностью к миру людей, индифферентностью к ним и пр. В данной статье предпринята попытка выявить основной мотив их номинации, особенностей их восприятия.

П.-мо. *albin* ‘демон, являющийся по ночам в виде сверкающего огня’ [9, р. 84], мо. *албин* ‘бес, злой бродячий дух, демон’, бур. *альбан* ‘волшебник, чародей, колдун; демон, злой дух’ представлялись в виде блуждающих огоньков, являющихся по ночам. «По анимистическим представлениям шаманистов, альбины — группа духов, блуждающих, кочующих то с запада на восток, то с востока на запад в пору между полнолунием и новолунием. Миф об альбинах является религиозным отражением территориальных перемещений, смены пастбищ и местожительства людей в условиях замкнутого образа жизни»

[2, с. 16]. «Происхождение и основная локализация блуждающего огня, или “огня духов” устойчиво связывается с кладбищами и вообще с человеческими останками, с ним ассоциируется и представление о призраках как о душах покойных. Появляется огонь там, где похоронили человека (записано от Лханаажавы 21 авг. 2007 г.). В доме не должно быть тазобедренной кости и челюсти. Они могут немного светиться — это “огни духов”, могут напугать детей (записано от Намсарая 13 авг. 2008 г.). Огни появляются на могилах» [4, с. 102].

Учитывая выражения п.-мо. *albin-u yal* ‘блуждающий огонь, призрак’ [9, р. 84], мо. *албины гал*, *чэтгэрийн гал* ‘блуждающий огонек’, а также общую “светящуюся” семантику лексемы, целесообразно связать ее с образными корнями с инициальными согласными *y / j* и доминантным корневым согласным *l*, передающими идею сияния, свечения, мерцания: бур. *яла-яла* — о мерцании, блеске, бур. *яла-сала* ‘блещущий’, *ялаб-*

ёлоб гэ-, ялаг-ёлог гэ- ‘поблескивать, мигать’, п.-мо. *ǰilabalǰa-* ‘вертеться, сверкать’ [9, р. 2345], мо. *жалбалз-* ‘отражаться, сверкать (о солнце)’ и другие. Этимологически близка лексема п.-мо.

ǰali ‘пламя’ [9, р. 2283], мо. *заль*, бур. *зали*, калм. *заль*, ойр. Сынцз. *заль* ‘пламя, блеск’, в бур. *залин* ‘гром с молнией’ первично значение ‘молния’: *залинта аадар* ‘гроза’. Н. И. Ашмарин подчеркивал особую роль звука *l*, встречающегося в световых обозначениях во многих языках не только алтайской языковой семьи. В приводимых автором примерах подражания блеску, сверканию (чув. *йал*, *йалт*, *йълт*, каз.-тат. *ǰалт-ǰалт*, *ǰалтыр-ǰалтыр*) тюркский *l* возник вследствие «симпатического» движения языка, когда первобытный наблюдатель, пораженный световым явлением, невольно и бессознательно двигал языком, подражая движению пламени или мерцанию далекой звезды [1, с. 156].

Относительно термина п.-монг. *ǰidkür* ‘дьявол, черт, злой дух леший’ [9, р. 2159], монг. *чөтгөр* ‘черт, бес; дьявол’, бур. *шүдхэр*, калм. *четкр* ‘черт’ И. А. Манжигеев пишет, что «после крещения часть западных (прибайкальских и приангарских) бурят стала верить в существование черта, уподобляя его своим шаманистическим “низшим духам” (*ада*, *муу шубуун*, *эзыхэ*). Но в отличие от них “православный” черт в представлении шаманистов сохранил шуточный, комический образ, созданный русским фольклором» [2, с. 100]. Этимологически слово, на наш взгляд, восходит к образному прилагательному *ǰördüger*, сохранившемуся в бур. *шүрдэгэр* ‘тонкий’, *шүрдэгэр нарин бэе* ‘длинная, тощая фигура’. Также известны производные от корня **ǰör*: монг. *чөргөр* ‘худой, тощий’, *чөрөгнөх* ‘идти, двигаться (о ком-л. худом)’, бур. *шүрэгэр* ‘худой’, *шүрэгэнэхэ* ‘быстро двигаться (о тонких, длинных, худых предметах)’.

Предположительно исходная форма *ǰörd-üger* претерпела процесс выпадения корневого согласного *r*, имевший место не только в монгольских, но и в тюркских языках. По сведениям Б. М. Юнусалиева, выпадение *r* происходит в позиции перед *t* в якутском языке: *там* < *тарт* ‘тянуть’, *түөт* < *түөрт* ‘четыре’, *бэт* < *бэрт* ‘очень, весьма’. Наблюдаются отдельные случаи выпадения *r* перед взрывным *k* и глухим свистящим *s*, напр. кирг., узб. и др. *бек* // каз., туркм. *берк* ‘крепкий’, кирг. *тескей* // каз. *терскей* ‘засолненная сторона» [8, с. 30]. Как пишет Н.Н. Поппе, в монгольских языках данное явление наблюдается перед **t*, **ǰ*, **ʃ* или **s*: монг. *urtu* ‘длинный’, бур. *ута*; монг. *toyosun* ‘пыль’ <

**toβar-sun*, *öber-sed* ‘сам’ < **öber-süd* ~ *öbesüd*, *jesün* ‘девять’ < **jer-sün*» [11, р. 162]. О выпадении *r* перед *-sun* в словах *usun* ‘вода’, *ǰisun* ‘кровь’, *yosun* ‘обычай’, *ǰasun* ‘снег’, *üsun* ‘волосы’, *ǰyasun* ‘рыба’, *sigüsün* ‘сок’, *kögesün* ‘пена’ см. подр. в работе [7].

Этимология монг. *боохолдой* ‘черт, оборотень, кикимора’, бур. *боохолдой* ‘дух, бохолдой; черт’, на наш взгляд, также связана с внешним обликом персонажа. Учитывая то, что диминутивный формант *-дай* присоединяется к именным основам, можно возвести корневую морфему к существительному *бүхэн* ‘горб’: *bökün* + *-dei* < *böküldei* < *bööküldei* < *боохолдой* ‘сгорбленный, сутулый’. В данном случае наблюдается, во-первых, морфонологический процесс замены конечного согласного производящей основы *n* согласным *l*, свидетельствующий о стремлении соединяющихся морфов к взаимному приспособлению (ср. также *уян* ‘мягкий, корректный’ — *уялдуу* ‘смягченный’). Кроме того, произошел переход слова из мягкого ряда в твердый ряд и удлинение гласного основы.

Примечательно, что в бурятском фольклоре встречаются обозначения не только самих демонологических персонажей, но и обозначения ими людей. Так, согласно легенде, записанной нами от Ламуевой З. Ц. (1944 г.р., род *шүбтэхэй шоно*, с. Баянгол Баргузинского р-на РБ, 25 янв. 2015 г.), сами духи называют людей *хоёр хүлтэй хойбонтон*. Содержание легенды вкратце сводится к следующему: «В одной бедной семье заболел ребенок. Каждый день родители приглашали то ламу, то шамана, проводя различные обряды. Здесь же собирались и духи (*шулмас боохолдой*). Не зря говорят, что при проведении обряда наедаются и люди, и духи (*Хэрэг хэхэдэ амидтяаш*, *альбантяаш саддагшм*). В последний вечер они говорят между собой: “Как же нам хорошо, угощения хоть отбавляй. Сегодня в последний раз приведут ламу, ребенок скоро умрет. Эти люди — очень глупые создания (*Эдэ хоёр хүлтэй хойбонтоншнни баһаш тэнэг амитад байна даа*). Если бы они капнули девочке в ухо капельку молочной водки второй или третьей перегонки, девочка бы поправилась. Она вовсе не больна, у нее в ухе сидит клещ”. Этот разговор услышал старик, знающий семьдесят языков (*далан хэлэтэй дээдүшкэ*), и передал его родителям. Те не поверили ему и попросили подтверждения. Тогда старик сказал: “У подножия восточного Куйтуна семь волков едят белолобую рыжую кобылу» (*Зүүн Хүнтэйн хормойдо долоон шоно халзан зээрдэ гүү эдижэ байна*).

Если мне не верите, то проверьте». Когда те поехали к указанному месту, там действительно семь волков доедали рыжую кобылу. Девочка вылечилась, однако за то, что старик раскрыл тайну людям, духи умертвили его».

В бурятском языке известен фразеологизм, обозначающий человека: *хоёр хүлтэй, хохимой толгойтой* (вариант *хохимой тархитан*) ‘с двумя ногами и с черепом’. В первую очередь, возникает противопоставление человека скоту и диким животным: *Зарим үедэ хүүгэдтэ үгэ ба нааданай сүлөө таби. Үдэр хүнигүй малшан болгоо хаа, хоёр хүлтэй мал болохо* ‘Иногда давай детям время повеселиться и поиграть. Если будешь заставлять их пасти скот днем и ночью, то они сами станут двуногим скотом’ (Э. Галшиев); *Шоно, баабгай, арсалан байгаал бэээ, харин хоёр хүлтэй арьяатанһаа аймшагтай аюултай юумэн энэ дэлхэй дээрэ үгы* ‘Что там волки, медведи и львы! Нет на свете ничего страшнее двуногого хищника’ (С. Цырендоржиев).

Однако при рассмотрении фольклорных произведений на первый план выходит оппозиция «свой — чужой», поскольку, согласно поверьям, духи, в отличие от людей, не имеют ног и передвигаются, как бы плавно плывя по воздуху. Н. Н. Николаевой в пос. Бохан Иркутской области записана от Асалханова Н. К. следующая быличка: «Это было в 1946–47 году, летом <...> Слышу, по деревне снизу топот человека. Топот какой-то легкий, воздушный, *хишгэн, һальси татаһан* (бур. ‘легкий, ветром потянуло’). Лежу-думаю, сейчас ко мне подойдут, поинтересуются. Дорога где-то в семи–восьми метрах, рядом совсем. Но по звуку слышу, человек мимо прошел. Ну, я как понял, что человек мимо прошел, соскакиваю, выхожу на угол улицы. Смотрю — идет женщина, в черном костюме. Удивился, не узнаю, кто эта женщина? В деревне все же друг друга знают. Но не узнаю. И главное, месяц молодой. Заметил, что ног нету, не вижу ног. А до колена как бы юбка черная, а ног нету. Человек идет, как бы туда-сюда качается, а эта прямо ровно идет, не качается, плывет словно» [5, с. 106].

А. Г. Митрошкина отмечает, что в качугском говоре бурятского языка бытует выражение *хоёр хүлтэй Хобёодой* ‘двуногий Хобёодой’, однако, к сожалению, не указывает контекста его функционирования. Антропоним *Хобёодой* возводится исследователем к глаголу *хобигонохо* ‘ступать ногами при ходьбе быстро и вкривь-вкось’ [3, с. 151]. Это подтверждают и сведения информанта Бубеева С. Ц. (1924 г.р., род *шүбтэхэй шоно*), согласно которым, слово *хойбон* означает

разновидность походки.

Глагол *хойбой*– встречается в словах ёхора: *Хатар, хатар наадаяа, / Хайбайн, хойбойн хатараяа. / Ёохор, ёохор наадаяа / Ёмпойн, ёмпойн хатараяа*, которые можно перевести примерно так: ‘Давайте танцевать, танцевать, / Давайте раскачиваться из сторону в сторону, двигаясь мелкими шагами, / Давайте водить хоровод, / Давайте танцевать с сосредоточенными лицами’. Таким образом, в обозначении человека *хоёр хүлтэй хойбонтон* отчетливо указывается на способ передвижения как его отличительную особенность.

О другой особенности, отличающих духов от людей, известна монгольская легенда, связанная со значениями монг. *хүн* ‘человек’ и *хун* ‘продолговатая ямка на верхней губе у человека’: «Однажды лунной ночью один человек встретился в степи с одиноким всадником. Ни конь, ни седло, ни одежда, ни даже говор не отличал всадника об обычного человека. Однако настоящий человек (*жинхэнэ хүн*), будучи очень наблюдательным, заметил у того отсутствие ямочки на верхней губе. Поэтому ямочку назвали *хун* как то, что отличает духа от человека» [10, с. 116]. Безусловно, легенда относится к сфере народной этимологии. Значение *хун* ‘ямка на верхней губе’ коррелирует с мо. *хөнхөр* ‘впадина, ложбина, овраг’, мо. *хүнхэр* ‘углубление’, бур. *хүнхэр* ‘долина, впадина, лог, лощина, низина; котловина’, мо. *хөндий* ‘полость; лощина, пещера; долина, падь, ущелье’, бур. *хүнды* ‘полость; падь’, калм. *көндэ* ‘дупло’; п.-мо. *qonggil*, мо. *хонгил*, бур. *хонгил*, калм. *хөңгл* ‘дупло; впадина, углубление; узкое ущелье; пещера’; калм. *хөңгл* ‘пещера; подледная пустота’, п.-мо. *qongkiy-a*, мо. *хонгио* ‘дупло; пустота; пещера’; бур. *хонгёо, хонги* ‘дупло; беличье гнездо (*в дупле дерева*)’, п.-мо. *qongqir*, мо. *хонхор*, бур. *хонхор* ‘углубление, впадина, яма’; бур. *хонхойдоһон* ‘вгиб, вмятина’, п.-мо. *qongqurqai*, бур. *хонхорхой* ‘впадина, выемка, углубление’, бур. *хонхосог* ‘буерак; рытвина’ и другие. Корневой этимон *qon* ‘вогнутый’ прослеживается в тунгусо-маньчжурских языках: ма. *қоңгохон* ‘впалый (*о глазах, щеках*); вогнутый’; *куңгун* ~ *куңгунхун* ~ *куңгунхэн* ‘впалый (*о глазах*)’ [6, с. 411, 433].

Таким образом, как видно из проведенного исследования, в номинации демонологических персонажей немаловажную роль играет их визуальный облик, который видится человеку. Так, лексема *albin* возникла, благодаря зрительному восприятию блуждающих огоньков, выявлены такие физические параметры персонажей низ-

шей мифологии, как хурба и сутулость. Изучение мотивов номинации лексики монгольских языков, бесспорно, позволит в дальнейшем по-

лучить ценные сведения о специфике их духовной культуры, о ментальности народа и его культуры через язык.

Литература

1. Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. гос. ун-та. — Баку, 1925. — С. 150–168.
2. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. — М., 1978.
3. Митрошкина А. Г. Словарь бурятских личных имен. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013.
4. Неклюдов С. Ю. Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore.* — Napoli: M. D'auria editore, 2010. — Vol. II. — P. 101–120.
5. Николаева Н. Н. Демонологические рассказы в современном фольклоре бурят (по материалам экспедиций) // *Siberian studies (SAD). Журнал исследований Сибири.* — Meram/KONYA. 2014. — Т. 2, вып. 5. — С. 97–121.
6. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л.: Наука, 1977. — Т. II.
7. Сундуева Е. В. Монгол хэлний язгуур морфемын R гийгүүлэгчийн сугарах тухай // Монгол судлал. Эрдэм шинжилгээний бичиг. — Боть XXXVI (386). — Улаанбаатар, 2013. — Х. 120–125.
8. Юнусалиев Б. М. Заметки о выпадении некоторых согласных в основах слов тюркских языков // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 4. — Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1966. — С. 23–34.
9. Kowalewsky J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. — Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849.
10. Лувсанбалдан Х., Шагдарсүрэн Ц. Монголчуудын үсэг бичиг, үг хэллэгийн түүх гарлаас. — Улаанбаатар, 1986.
11. Poppe N. N. Introduction to Mongolian comparative studies. — Helsinki, 1987.

References

1. Ashmarin N. I. Podrazhanie v iazykakh Srednego Povolzh'ya [Imitation in the languages of Middle Volga region] // *Izvestiya Azerbaidzhanskogo gos. un-ta — Proc. Azerbaijan State University.* Baku, 1925. Pp. 150–168.
2. Manzhigeev I. A. *Buriatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy: opyt ateisticheskoy interpretatsii* [Buryat shamanic and pre-shamanic terms: the experience of atheistic interpretation]. — Moscow, 1978.
3. Mitroshkina A. G. *Slovar' buriatskikh lichnykh imen* [Buryat Dictionary of personal names]. — Ulan-Ude: Burayt State University publ., 2013.
4. Nekliudov S. Iu. Dukhi i neliudi v nedruzheliubnom mire (o nekotorykh strategiyakh konstruirovaniia mifologicheskogo obraza) [Ghosts and non-humans in a hostile world (some of the strategies of constructing mythological image)]. *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. A cura di Sergio Bertolissi e Roberta Salvatore.* Napoli: Moscow: D'auria editore, 2010. V. II. P.p 101–120.
5. Nikolaeva N. N. Demonologicheskie rasskazy v sovremennom fol'klore buriat (po materialam ekspeditsij) [Demonological stories in modern folklore of the Buryats (based on expeditions materials)]. *Siberian studies (SAD). Zhurnal issledovaniy Sibiri.* Meram/KONYA. 2014. T. 2. Vyp. 5. Pp. 97–121.
6. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. T. II* [Comparative Dictionary of Tungus Manchu languages]. Leningrad: Nauka, 1977.
7. Sundueva E. V. Mongol khelnii iazguur morfemyn R giigüülegchiin sugarakh tukhai // Mongol sudlal. Erdem shinzhilgeenii bichig. Bot' XXXVI (386). Ulaanbaatar, 2013. P. 120–125. (Mong.)
8. Iunusaliev B. M. *Zametki o vypadenii nekotorykh soglasnykh v osnovakh slov tyurkskikh iazykov* [Notes on the loss of certain consonants in words of Turkic languages]. *Voprosy dialektologii tyurkskikh iazykov. T. IV.* — Questions of dialectology of Turkic languages. Baku: Azerbaijan Academy of Sciences of the USSR publ., 1966. P. 23–34.
9. Kowalewsky J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849.
10. Luvsanbaldan Kh., Shagdarsüren Ts. Mongolchuudyn üseg bichig, üg khellegiin түүх гарлаас. Ulaanbaatar, 1986. (Mong.)
11. Poppe N. N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1987.

УДК 39 (510)

Земледельческая терминология дауров как источник по изучению этногенеза*

*Статья написана при финансовой поддержке гранта РФНФ № 15-21-03004 «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык»

© **Базар Догсонович Цыбенов**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: bazar75@mail.ru

Цель статьи — выявление и сравнительно-сопоставительное изучение земледельческих терминов в даурском языке в свете комплексного исследования этногенеза народа. Поставлены и решаются следующие задачи: на основе имеющихся материалов по даурскому языку определить круг слов, относящихся к земледельческой лексике; объединить их в несколько тематических групп; провести сравнительный анализ даурских терминов с земледельческой лексикой в монгольских, тунгусо-маньчжурских, тюркских и других языках; основываясь на полученных данных, выявить древние языковые контакты дауров. Исследование земледельческой терминологии у дауров позволяет сделать вывод о том, что в даурском языке имеются названия, указывающие на взаимодействие дауров с древними и средневековыми народами Центральной и Восточной Азии. В то же время наличие терминов, не имеющих прямых соответствий в других языках, вероятно, свидетельствует об участии в этногенезе даурского народа древней земледельческой общности, проживавшей на стыке монгольского и тунгусо-маньчжурского миров.

Ключевые слова: дауры, язык, лексика, названия, значение, земледелие, культуры, солонны, заимствования, этногенез.

The agricultural terminology of the Daur people as a source for the study of ethnogenesis

Bazar D. Tsybenov

PhD in History, Research Fellow, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The object of the article is to identify and to study comparative agricultural terms in Daur language as part of comprehensive study of the origin. The author identifies agricultural lexicon, combines it in several thematic groups; and then after comparative analysis of Daur agricultural terms and Mongolian, Tungus, Turkish and other languages terms the author reveals ancient language contacts of the Daur people. A study of agricultural terminology shows that Daur language had interactions with ancient and medieval peoples of Central and Eastern Asia. Some terms have no direct correspondence in other languages. The author suggests that these words refer to the language of ancient agricultural communities living at the crossroads of Mongolian and Tungus worlds.

Keywords: Daur, language, vocabulary, names, value, farming, crops, Solon, borrowing, origin.

По данным многих источников земледелие у дауров было развито давно. В первой половине XVII в. дауры сеяли многие сорта зерновых культур, занимались огородничеством. Очевидно, что уже в то время у них имелась развитая земледельческая терминология. Основываясь на материалах отдельных словарей, работ по этнолингвистике, мы попытались выявить круг слов, относящихся к земледелию и дать свое видение исторической взаимосвязи даурских земледельческих названий с терминами, имеющими место в монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языках.

Рассмотрение земледельческих названий уместно начать с небольшой по объему темати-

ческой группы, характеризующей собственно название зерна и производных от него. Зерно или семена полевых культур дауры называют *хур*, ср.: монг. *үр*, бур. *үрэ* (плод; семя, зерно), маньчж. *бэлгэ*, ульч. *араха* [6, т. I, с. 48, 123], пратюрк. *ügür* (просо), др.-уйг. *üjür*, др.-огуз. *ügür*, ср.-уйг. *üjür* (просо, перен. «семена, зернышки»), чув. *вир* (просо) [3, с. 6]. Таким образом, *хур* можно отнести к древним тюрко-монгольским названиям. В даурском языке с ним связаны следующие словосочетания: *хур дуурсэн* — «колошение хлебов» (девятый из 24 сезонов лунного календаря, с 5–7 июня); *хур хургу* — сеять; *хур ялэгэгу* — отбирать семена для сева, рассады [5, с. 194]. Встречается также

другое название зерна — *ниргэс*, не имеющее прямых соответствий в других языках, за исключением солонского, ср.: сол. *ниргэ* (греча, гречиха) [7, с. 158].

Солоны, по всей вероятности, позаимствовали слово в период совместного проживания на территории Верхнего Приамурья в XV–XVII вв. Некоторые солонские роды были ассимилированы даурами и, таким образом, приняли участие в этногенезе народа. Ко времени контактов с ними преобладающим у дауров был хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев. В то же время большую роль играли охота и полукочевое скотоводство, поэтому многие традиционные блюда до сих пор представляют собой синтез продуктов этих хозяйств. Одним из них является гречневая каша с олениной, считающаяся хорошей едой для стариков. Можно предположить, что в определенный период взаимодействия двух этносов преобладающей зерновой культурой, использовавшейся в торговых обменах, была гречиха. Со временем значение слова *ниргэс* в солонском языке конкретизировалось и стало обозначением собственно гречихи. В языке дауров имеются и другие названия зерна, в зависимости от степени созревания, обработки. К примеру, *койтус* (плацента, послед) имеет переносное значение «неспелое зерно». Ближайшие аналоги имеются в монгольских языках, ср.: монг. хойтхи, бур. хойто, но в виде «неспелое зерно» эти слова не употребляются. Очевидно, что семантически производное наименование *койтус* относится к разряду метафорических образований, отражающих зародышевое состояние кого-либо (чего-либо). Перенос наименования мог произойти давно, в период длительного, изолированного развития земледелия у дауров.

Лексемы *шолгу*, *балт*, *будуун ам* означают «грубое, неочищенное зерно». Первые два слова не находят удовлетворительных параллелей в других языках, поэтому их предварительно можно отнести к разряду исконных даурских названий. Эти лексемы, вероятно, возникли после распада общего языка протомонголов, когда началось обособление дауров. В целом предстоит выяснить их принадлежность к общеалтайскому фонду, возможно, имеются соответствия в других языках. *Будуун ам* делится на составные части: *будуун* (грубое), *ам* (зерно), ср.: монг. *бүдүүн гурил* (мука крупного помола) [1, т. I, с. 291]. Лексема, на наш взгляд, относится к общемонгольским словам, подчеркивающим ранее знакомство с земледелием. В собственно монгольском языке словосочетание *бүдүүн ам(уу)* вышло из употребления, однако утвердилась

другая лексическая единица — *бүдүүн гурил*. Исконная форма, таким образом, сохранилась в даурском языке.

В отдельную тематическую группу включены названия отрубей, мякины и шелухи. Название отрубей *аага* имеет этимологическое соответствие в монгольском языке, ср.: монг. *аага* (рисовые высевки; отруби; мякина) [1, т. I, с. 3], нан. *араха* [6, т. I, с. 48]. В бурятском языке имеется название *аагаһан* со значением «толокно» [8, т. I, с. 20]. Наличие одинакового названия отрубей у дауров и монголов можно также отнести к свидетельствам автохтонного характера земледелия у протомонголов. Диалектизмом от *аага* является *хаагэ*. Как известно, в даурских говорах часто встречаются слова с начальным *х-*, например, *харба* (десять), *хукур* (корова), *халэг* (ладонь) и другие. Данное явление имело место и в языке средневековых монголов. Исследователями выявлен пласт слов, общих для даурского и средневекового монгольского языков. Что касается изучаемой тематической группы, многие наименования можно отнести к числу исконных слов даурского языка. Например, наименования отходов или побочных продуктов, полученных от переработки гречихи: *алэм* (лузга гречихи, шелуха), *ханнэл* (гречневая мякина), *хурдул* (гречневые отруби) [5, с. 177, 194]. На данный момент они не обнаруживают прямых соответствий в других языках. Эти термины могли появиться как на ранних этапах этногенеза дауров, в период после распада протомонгольской общности, так и в позднем средневековье, в XV–XVI вв. Поэтому возникает необходимость в определении времени, когда дауры начали возделывать гречиху.

К другим наименованиям относятся лексические единицы *далкьдул* (шелуха, остатки, после очистки зерновых), *муртул* (отруби), *урээ* (мякина) [5, с. 54, 117, 171], которые предварительно рассматриваем как собственно даурские слова. В ходе последующих сравнительно-сопоставительных изысканий, возможно, обнаружатся параллели в других языках. На данный момент, ввиду отсутствия таковых, мы склоняемся к мысли о раннем формировании отмеченных лексем.

Как известно, восточными соседями дауров были маньчжуры — народ с достаточно древними традициями земледелия и развитой земледельческой терминологией. Если предположить, что дауры, прибыв с территории Восточной Монголии на Верхний Амур в XIII в., стали под влиянием предков маньчжуров — чжурчжэней приобщаться к земледелию, то естественно мог-

ли у них позаимствовать и сохранить до наших дней отмеченные выше термины. Однако лексический материал по этой тематической группе представлен самобытными даурскими словами. Они указывают, с одной стороны, на принадлежность к древней земледельческой культуре, с другой — на более позднее формирование (XV–XVII вв.) новых лексических единиц в даурском языке. В последнем случае, большую роль сыграло изолированное развитие даурского языка. Даурское название *нуус* (отруби) [5, с. 136], очевидно, связано с китайским 麸子 *fūzi* (отруби, полова, мякина) [2]. По нашему предположению, дауры могли заимствовать это слово в результате прямых контактов с китайским населением на территории Западной Маньчжурии в XVIII–XIX вв.

Следующую тематическую группу образуют даурские названия зерновых культур. Часть их отмечена в донесениях русских служилых людей, проникших в первой половине XVII в. в речные долины Амура и Зеи. К «шести хлебам», упоминаемым в отечественных источниках, относились ячмень, овес, просо, греча, горох и конопля. Нами выявлены следующие названия вышеуказанных культур: *хаул* (гречиха, греча), *писгээ* (пшено, просо), *нареем* (чумиза, просо итальянское), *маңгэлэм* (вид проса, монгольское просо), *куалимп* (овес), *мургил* (ячмень), *борчоо* (горох), *олс* (конопля). Помимо этого, имеются и другие обозначения гречихи и проса, например, *аусэм* (очищенное просо), *ниж* (гречиха) [5].

Основным наименованием гречихи в даурском языке является *хаул*. В языках монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, на первый взгляд, оно не встречается, за исключением солонов, в языке которых есть лексема *хаоле* (греча) [6, т. II, с. 462]. Наименования гречихи в других языках следующие: монг. *сагаг*, *сагадай* [1, т. III, с. 66]; маньчж. *сачу*, ульч. *чачу*, нан. *чачо/у* [6, т. II, с. 386], тюрк. *кара будай* [3, с. 37], кит. *wūmài*, *qiáomài*, *yuánmài*, *kǔqiáomài* [2]. Таким образом, прямых лексических параллелей в других языках не обнаружено. Солонское *хаоле* относится к заимствованиям из даурского языка, как и *ниргэ*. Поскольку оба названия обозначают гречиху, возникает необходимость в дальнейшем лексико-семантическом изучении солонских слов. Что касается даурского *хаул*, то последующее, более подробное изучение выявило в монгольском языке наименование *хур* (гречиха восточная) [1, т. IV, с. 173], что позволяет отнести лексему к общемонгольскому пласту. Наблюдается явные отличия между мон-

гольскими наименованиями *сагаг* (*сагадай*) и *хур*. В последнем случае гречиха определена как восточная, что можно трактовать как обозначение культуры, произрастающей в понимании монголов к востоку от их места проживания. К такому могли относиться как собственно маньчжурские территории, так и сопредельные земли, населенные издревле смешанным маньчжуро-монгольским населением.

Наличие ряда даурских названий, связанных с гречихой, позволяет считать, что предки дауров познакомились с восточным вариантом культуры раньше монголов. К другому даурскому названию гречихи – *ниж* также не обнаружено прямых соответствий в монгольских и других языках. На данный момент выяснено лишь, что на китайском языке *ниж* именуется как. 荞麦糝子 *qiáomàisǎnzi*, где 荞麦 *qiáomài* обозначает гречиху. В отечественных работах имеется даурское название *ниджи* в значении «пшено» и приводится сравнение с маньчжурским словом *ничжихэ* (мелкая рисовая крупа) [7, с. 158]. Поэтому возникают сложности в определении зерновой культуры, именуемой *ниж* (*ниджи*). Исключая вероятность нашего ошибочного перевода этого слова как гречихи, мы склоняемся к мысли, что оно обозначает зерна гречихи, прошедшие определенный этап обработки.

Из даурских сортов проса выделяется *маңгэлэм* (вид проса, монгольское просо). Слово делится на две составные части: *маңгэл* и *эм*. В первой части мы видим видоизмененный этноним *монгол*, во втором — слово *ам*, имеющее в даурском языке два значения: 1) рот; 2) зерно, крупа, продовольствие. Параллели имеются в монгольском языке: *монгол амуу* (скороспелое просо; монгольское просо) [1, т. II, с. 86, 334], в тунгусо-маньчжурских языках данное слово отсутствует. Словосочетание «монгольское просо», очевидно, свидетельствует о том, что его возделывали именно монголы. И появление этого сорта проса у дауров связано с заимствованием указанной культуры. Достаточно сложно определить время, когда дауры могли позаимствовать этот сорт. Но понятно одно, что это событие имело место после появления и распространения этнонима *монгол*, т. е. предположительно в XIII–XIV вв. Можно предположить и более позднее появление названия *маңгэлэм*, в XVIII–XIX вв. Этноним *монгол* в даурском языке звучит как *моңгул* [5, с. 114]. И если дауры переняли название сорта проса в позднее время, то, соответственно, он именовался бы как *моңгулам*. Поэтому более логичной выглядит версия ран-

него появления этого названия у дауров. Другие монгольские наименования проса: *шар будаа*, *хар будаа*, *хоног амуу* [1, т. I, с. 273] не обнаруживают аналогов в даурском языке. Единственно, монгольское *будаа* (крупа; каша) связано с даурским *бадаа* (еда; рис). Название *амуу* в даурском языке именуется как *ам* (*ама*), в итоге восходит к древнемонгольскому названию *аму* (обдирной хлеб; крупа).

Наименование сорта проса *нареем* (чумиза, просо итальянское) встречено нами в языке южных монголов, в значении «пшено» имеется у солонов [6, т. I, с. 585]. Солонское название, очевидно, относится к заимствованиям. Отсутствие *нареем* в монгольских словарях позволяет также говорить о заимствованном, региональном характере названия, которое отмечено нами в речи информаторов, южных монголов (хорчинов, харачинов), проживающих в Хулун-Буирском аймаке АРВМ КНР. Ввиду отсутствия других явных лексических аналогов *нареем* предварительно относим к исконным даурским обозначениям. Другое наименование проса *нисгээ* находит свои аналоги в тунгусо-маньчжурских языках: ср. ороц. *пиксэ*, ульч. *пиксэ*), нан. *пиксэ*, маньчж. *фисикэ* ~ *фисихэ* (просо мелкое, красноватое, клейкое) [6, т. II, с. 38]. Таким образом, даурское *нисгээ* восходит к маньчжурскому *фисикэ* ~ *фисихэ*. В свою очередь, *фисихэ*, очевидно, связано с корейским *пхи* (курмак – род проса) [6, т. II, с. 38].

Термин *аусэм* встречается в наших полевых материалах 2004–2005 гг. в одном ряду с собственно зерновыми культурами, поэтому относим *аусэм* к сорту проса. В мире существует более 440 разновидностей проса, и некоторые его сорта могли культивироваться даурами как на территории Приамурья, так и на северо-востоке Китая. Название *аусэм* не встречается в языках соседних народов, что, возможно, свидетельствует о его возникновении в даурской среде. Тем не менее, ввиду малой изученности этимологии термина нельзя исключать и вероятности культурного заимствования у соседних народов. На китайском языке *аусэм* звучит как 稷子米 *jìzǐmǐ* и означает «просо посевное (неклейкое), гаолян». В представлении древних китайцев данный сорт проса был главным злаком. Его название явилось именем божеств земледелия и злаков, а также названием чинов, ведавших земледелием [2].

Овес дауры называют *куалимп*. В виде *холимпа* ~ *холимпо* он встречается у солонов. В говоре осолонившихся дауров название звучит

как *куалимп* ~ *кулимпа*. Термин *холимпа* встречается в маньчжурском языке как обозначение невыясненного злака (жито, похожее на кукурузу) [6, т. II, с. 469]. Составители «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» не могли не знать маньчжурское название овса, поэтому под словом *холимпа* понималась иная зерновая культура. Семантические расхождения данного слова у этих народов объяснимы усилением процесса развития и формирования языковых особенностей в новое время. Цепочка заимствований в данном случае может выглядеть следующим образом: 1) маньчжуры – дауры – солонь; 2) дауры – маньчжуры и солонь. Во втором случае предположение строится на даурском происхождении слова *куалимп*.

Особое место в даурской земледельческой терминологии занимает *мургил* (ячмень). Аналогичное название *мургил* имеется в солонском языке со значением «яровое поле» [6, т. I, с. 558]. Поскольку дауры не могли заимствовать его у солонов, в недавнем историческом прошлом бывших охотниками и отчасти скотоводами, полагаем, что *мургил* — это самобытное даурское обозначение ячменя. Оно не характерно для языков алтайской языковой семьи: монг. *арвай*, бур. *арбай*, маньчж. *арфа*, др.-тюрк. *арпа* [6, т. I, с. 52]. Название ячменя *арпа* имеется также в венгерском языке. Есть мнение, что слово происходит от индоиранского обозначения ячменя, ср.: санскр. *arbha*. Проникнув первоначально в язык древних тюрков, термин далее распространился в монгольских, тунгусо-маньчжурских и самодийских языках [3, с. 35]. Таким образом, даурское *мургил* стоит особняком среди них. О времени его появления говорить затруднительно, оно могло возникнуть очень давно, на ранних этапах этногенеза народа, в среде, отличной от древнетюркской и монгольской.

Название гороха *борчоо* относится к общеалтайскому фонду, ср.: монг. *буурцаг* (*бурсак*, *бурсаг*), тюрк. *борчак* (*бурчак*, *борсак*, *буршак*), алт. *мырчак*, маньчж. *бохори* (мелкий полевой горох, чечевица) [4, с. 513]. Как полагают тюркологи, термин относится к исконно тюркским и образован от глагола *бур* – (вить, скручивать), указывающего на характерную особенность стебля растения [3, с. 42]. Наименование гороха, безусловно, восходит к пласту слов, общих для монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. В монгольских языках также имеются глаголы с основой *бур*–, чьи значения, на наш взгляд, отражают особенности гороха. Например, *буржийх* (курчавиться, куд-

рваться, завиваться), *бурзайх* (витья, курчавиться, ветвиться). Имеются ботанические термины, образованные с помощью прилагательного *буржгар* (курчавый, завитой, вьющийся): *буржгар хонхлой цэцэг* (бубенчик курчавый), *буржгар сарана* (лилия кудреватая) [1, т. I, с. 282].

Даурское название конопли *олс* восходит к монгольскому *олс(он)*, ср. маньчж. *оло*, тюрк. *кендир*, венг. *kender*, ср.-монг. *kendir* [3, с. 40]. Прослеживается соответствие даурского и монгольского терминов, близко к ним стоит маньчжурское *оло*. Название *kendir* средневековых монголов указывает на языковые контакты с тюркским миром. Предстоит выяснить, когда могла произойти замена тюркского заимствования на общемонг. *олс(он)*. Или же мы имеем дело с более древней лексемой *оло(с)*, существовавшей в монголо-маньчжурском этнокультурном ареале.

Сравнительно-сопоставительное рассмотрение возделываемых даурами культур XVII в. показывает, что названия сортов проса *маңгэлэм* и *нареем* имеют прямые соответствия в монгольском языке; *мургил* — в языке солонов; *куалимп* — в маньчжурском и солонском языках, *хаул* — в солонском языке. Значение термина *ниж* точно не определено, близким к нему является маньчжурское *ничжжихэ*. К наименованию *аусэм* лексических параллелей не отмечено, возможно, оно возникло в результате длительного обособленного развития даурского языка. Название гороха относится к словам общеалтайского фонда, обозначение конопли характерно для монгольских языков.

Из других полевых культур, не отмеченных в русских донесениях XVII в., можно назвать следующие: сорт проса *гаулеен* (гаолян, сорго), *сусаам* (кукуруза), *канс* (рис), *майс* (пшеница). Их культивирование можно отнести к более позднему периоду, когда дауры уже проживали в Западной Маньчжурии, в долине р. Нонни. Название *гаолеен* (сорго зерновое китайское) восходит к китайскому 高粱 *gāoliang*. Тем самым оно существенно отличается от обозначения гаоляна в языках соседних народов: ср. маньчж. *шушу*, нан. *сисо*, п.-мо. *sisi*, монг. *шшиш*, кор. *сусу* [6, т. II, с. 99], бур. *улаан будаа*, *хитад будаа* [8, т. II, с. 147]. К ним примыкает и слово 秫秫 *shúshú* (гаолян), имеющееся в северных говорах китайского языка [2]. Под термином *сусаам* дауры понимают кукурузу или маис. Наиболее близко к нему стоят монг. *эрдэнэ шшиш* (кукуруза),

кит. *yùshùshù* 玉蜀黍 (кукуруза, маис).

Канс (рис; очищенный рис) обнаруживает следующие соответствия: ср.: сол. *ханда Жэктэ*, нег. *хандибла*, орош. *ханду-бэлэ*, ульч. *ханду-бэлэ*, нан. *ханду-бэлэ*, маньчж. *ханду* — 1) рис (на корне); 2) рисовое зерно (необработанное); кит. *хань дао* 旱稻 рис суходольный (богарный) [6, т. II, с. 461]. В монгольском языке рис называется *тутрага* или *цагаан будаа*. Даурское название риса, таким образом, существенно отличаясь от монгольского, обнаруживает близость с тунгусо-маньчжурскими обозначениями, в свою очередь, восходящими к китайскому языку. В то же время заметно отличие даурского *канс* от *ханду* (*ханда*) тунгусо-маньчжуров и китайского *хань дао*, выраженное в начальном согласном *к-* и окончании *-с*. Поскольку мы не имеем данных о выращивании риса даурами как в Приамурье так и в Западной Маньчжурии, можно полагать, что он попадал к даурам в результате торговых обменов. При этом знакомство дауров с рисом, учитывая отмеченные различия в названии, могло быть ранним. Возможно, в эпоху средневековья в районах Северо-Восточного Китая существовало и другое обозначение суходольного риса как 旱子 *han zi*. Таким образом, *канс* может представлять собой прямое заимствование из китайского языка без посредничества маньчжуров.

Название пшеницы *майс* указывает на взаимодействие с народами Восточной Азии, ср.: сол. *мауса*, маньчж. *майсэ*. Средневековые чжурчжени называли пшеницу *mai-tsi*. Слово заимствовано у китайцев в период раннего средневековья, на китайском языке 麦子 *màizi* [6, т. I, с. 520]. Таким образом, даурское *майс* относится к заимствованиям и не входит в категорию тюрко-монгольских названий *буудай*, *будай*, *бодай*, *bugdai*. В то же время в даурском языке имеется слово *бадаа* (еда; рис), восходящее к общеалтайской лексеме *буда(а)* со значением «пшено; крупа; каша».

В тематической группе названий земледельческих орудий основное внимание уделим рассмотрению *анжаас* (плуг, соха), ср.: п.-мо. *апзисун* ~ *апзисун* (соха), бур. *анзаһа(н)* (соха; сошник); сол. *анзасу*; ульч. *анза*; нан. *анза*; маньчж. *анза* [6, т. I, с. 43]. Близость даурского *анжаас* к общемонгольскому языку становится явственной в обозначении сошника (лемеха), ср.: даур. *анжасий косоо*; монг. *анжисны хошуу* [1, т. I, с. 102]; маньчж. *аньчжа халхань* [4, с. 16]. В даурском языке *анжаас* употребляется

редко. Другим, более распространенным у дауров обозначением плуга является *саур*. Термин *саур* не обнаруживает прямых соответствий в других языках и возможно, имеет древнее происхождение. Разгадка его этимологии, несомненно, приблизит нас к решению проблемы возникновения земледелия у дауров, и в целом — проблемы этногенеза народа. На данный момент, зафиксированы детали плуга: *саурий барьул* (рукоятка плуга); *саурий вал* (подошва плуга); *саурий дяндаал* (регулятор глубины пласта); *саурий жургу* (нижняя часть плуга вместе с плуговым ножом); *саурий толуунку* (стойки плуга.); *саурий толь* (лемех плуга); *саурий хач* (не определенная деталь плуга); *саурий ширж* (грязиль плуга) [5, с. 142]. Также кратко рассмотрены детали плуга в солонском языке и выяснено, что только одно название *anjasong toggonko* (стойки плуга) [9, с. 34] соответствует даурскому *саурий толуунку*. Названия других деталей солонского плуга — *anjasong aral*, *a. dusi*, *a. eebelj*, *a. jeyi*, *anjasonni algang*, *a. bilehu*, *a. jawangko*, *a. need*, *a. sugur* [9, с. 34] не совпадают с даурскими терминами.

Даурское название бороны *наргоор*, очевидно, относится к числу маньчжурских заимствований, ср.: маньчж. *нарга* (борона с зубцами) [4, с. 212]. *Кот* (орудие для сеяния) не имеет аналогов в других языках. *Тарее хадур* (серп) восходит к общемонгольскому названию серпа, ср.: монг. *тарианы хадур*, бур. *хадур*. *Гунс* (каменный каток, используемый при молотье) не обнаруживает удовлетворительных лексических параллелей, детали катка имеют следующие названия: *гунсий жаас* (деревянная рама катка); *гунсий хэрэг* (ось для крепления катка к раме); *гунсий чомоо* (отверстия в катке для оси) [5, с. 46]. Название *ин* (крупорушка) относится к разряду общемонгольских земледельческих терминов, ср.: монг. *ин* (жернов) [1, т. II, с. 274]. Такие даурские термины, как *маус* (жерновой постав, жерновая мельница), *муэ* (ручная мельница; жерновой постав), по всей вероятности, восходят к китайскому слову 磨 *mò*; *mó* —

1) молот, размалывать; 2) тереть, растирать; 3) мельничный камень, жернов; мельница [2]. Появление этих и других китайских заимствований может быть связано с участием в этногенезе дауров ассимилированных китайских родов — някан хала, вошедших в состав народа предположительно в XVIII–XIX вв.

Таким образом, изучение отдельных тематических групп земледельческой лексики выявляет новые термины даурского языка, их исторические взаимосвязи с терминологией других народов. Отчетливо прослеживается общеалтайская и общемонгольская основа ряда ключевых названий. Вместе с тем, некоторые неизвестные в других языках слова, очевидно, указывают на раннее обособление предков дауров от монголоязычных народов. Часть терминов, несомненно, была заимствована у маньчжуров, или у их предков — чжурчжэней. Сходство многих наименований в даурском и солонском языках можно объяснить непосредственным влиянием даурской земледельческой культуры. Отдельные названия восходят к китайскому языку. Одни китайские заимствования могли войти в даурский язык в древнее время, другие связаны с позднейшим периодом, когда дауры начали проживать в Западной Маньчжурии. Несмотря на многие заимствования в земледельческой лексике дауров, тем не менее, выявляется ряд названий, указывающий на существование самобытной земледельческой культуры. Носителем этой культуры мог быть древний монголоязычный народ, проживавший на стыке монгольского и тунгусо-маньчжурского миров. В заключение заметим, что одного изучения земледельческой лексики недостаточно для построения целостной картины этногенеза дауров. Необходимо продолжить этнолингвистическое изучение лексики даурского языка, с привлечением данных других дисциплин: этнографии, фольклора, археологии. Только применение комплексного подхода поможет решить сложную проблему происхождения даурского народа.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. А. Лувсандэндэва. — М.: ACADEMIA, 2001. — Т. 1. — 486 с.; Т. 2. — 507 с.; Т. 3. — 440 с.; 2002. — Т. 4. — 532 с.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. — URL: <http://bkrs.info/>
3. Дегтярев Г. А. Чувашская народная агроботаническая терминология. — Чебоксары: ЧГИН, 2002. — 140 с.
4. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1875. — 1129 с.
5. Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков; отв. ред. Ж. Б. Бадагаров. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. — 236 с.
6. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. — Л.: Наука, 1975. — Т. 1. — 672 с.; 1977. — Т. II. — 992 с.

7. Тодаева Б. Х. Дагурский язык. — М.: Наука, 1986. — 190 с.
8. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: в 2 т. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. — Т. 1. — 635 с.; 2008. — Т. 2. — 708 с.
9. È hàn cidiǎn (Ewengki nihang bilehu biteg) / Dù. Dàoěrjī biānzhù. — Hǎilǎer: Nèi Ménggǔ wénhuà chūbǎnshè, 1998. 795 p.

References

1. *Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'*: v 4 t. / pod red. A. Luvsandendeва [Large academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: ACADEMIA, 2001-2002.
2. *Bol'shoj kitaisko-russkij slovar'* [Great Sino-Russian dictionary]. Available at: <http://bkrs.info/>
3. Degtyarev G. A. *Chuvashskaya narodnaya agrobotanicheskaya terminologiya* [The Chuvash people's agro-botanical terminology]. Cheboksary: CHGIN, 2002. 140 p.
4. Zakharov I. *Polnyj man'chzhursko-russkij slovar'* [Complete Manchu Russian Dictionary]. St Petersburg: Printing of the Imperial Academy of Sciences, 1875. 1129 p.
5. *Kratkij dagursko-russkij slovar'* / sost. G. Tumurdei, B. D. Tsybenov; otv. red. Zh. B. Badagarov [Short Dagur Russian Dictionary]. Ulan-Ude: SB RAS BSC publ., 2014. 236 p.
6. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov* / otv. red. V. I. Tsintsius: v 2 t. [Comparative Dictionary of Tungus Manchu languages]. Leningrad: Nauka, 1975; 1977.
7. Todaeva B. Kh. *Dagurskij yazyk* [Dagur language]. Moscow: Nauka, 1986. 190 p.
8. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkij slovar'*: v 2 t. [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude: Republican printing publ., 2006; 2008.
9. È hàn cidiǎn (Ewengki nihang bilehu biteg) / Dù. Dàoěrjī biānzhù. — Hǎilǎer: Nèi Ménggǔ wénhuà chūbǎnshè, 1998. 795 p. (Chinese)

УДК 811.51.36

**Раннесредневековые (древнеуйгурские) этнические связи
Прибайкалья с Центральной Азией
(на примере этнонимов *буин* и *абазай*)***

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ 05-01-00317

© **Нанзатов Баир Зориктоевич**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: nanzatov@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению семантики названий бурятских племен *буин* и *абазай*, связанных своим происхождением с древнеуйгурским периодом истории Центральной Азии. Эти этнонимы являются уникальными для Центрально-Азиатского региона и среди тюрко-монгольских народов встречаются только у бурят. Этноним *абазай* представляет собой этимологическую проблему, так как две рассмотренные версии в данной статье позволяют предположить его тюркское происхождение из двух ареалов — либо енисейского, либо центральноазиатского, в обоих случаях связанное с древними тюрками (уйгурами). К разрешению проблемы происхождения этнонима *буин* представлена гипотеза, связанная с расцветом буддизма в Уйгурском каганате в раннем средневековье. Приведенные версии происхождения двух бурятских этнонимов позволяют расширить гуманитарные знания об этногенезе бурят.

Ключевые слова: этимология, этноним, этногенез, буряты, тюркский пласт, Центральная Азия, Байкальский регион.

**Early Middle-Ages (Old Uighur) ethnic connections of Baikal region
with Central Asia (on example of ethnonyms *buin* and *abazai*)**

Bair Z. Nanzatov

PhD in History, Research Fellow, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article reviews the semantics of names of the Buryat tribes *buin* and *abazai*, which are connected with Old-Uighur period of the Central Asian history. These ethnonyms are unique in the Central Asian region and found only among the Buryats, but not among the other Turkic-Mongolian peoples. Ethnonym *abazai* is etymological problem, since the two versions discussed in this article suggest its Turkic origin from the two areas, Yenisei area, or Central Asian area. In both cases it linked to the ancient Turkic (Uighur). To resolve the problem of the origin of the ethnonym *buin* the author presents a hypothesis associated with the rise of Buddhism in Uyghur Khaganate in the early Middle Ages. These two versions of the origin of the Buryat ethnonyms help to expand the humanitarian knowledge about ethnogenesis of the Buryats.

Keywords: etymology, ethnonym, ethnogenesis, the Buryats, Turkic layer, Central Asia, Baikal region.

Этнонимия бурят представляет собой мозаичную картину, сложенную в основном из этнонимов монгольского происхождения, а также этнонимов тюркского, тунгусского, самодийского происхождения. Крупнейшим из немонгольских пластов является группа этнонимов тюркского происхождения [12; 15]. В тюркском пласте бурятской этнонимии явно прослеживаются этнонимы древнеуйгурского происхождения, булагатской группы племен «Обогони олон» [14]. В данной статье сделана попытка интерпретации еще двух этнонимов, сложившихся во времена Уйгурского каганата, которые предположительно имеют отношение к религиозной

принадлежности их носителей.

Значительная часть населения Уйгурского каганата в течение длительного периода исповедовала буддизм. Буддизм довольно глубоко проник в сознание древних уйгуров. Как пишет М. А. Бартаханова: «...положение буддизма среди прочих религий в уйгурских государствах во все времена было главенствующим. Буддийские монастыри обладали огромной экономической мощью, их влияние проникало во все сферы жизни уйгурского общества. Все население активно участвовало в религиозных службах, праздниках и обрядах. Жители окрестностей зачастую были связаны со своим монастырем

различными связями, в том числе и торгово-ростовщического характера. Правящие круги во главе с каганом, а позднее идикутом, оказывали всестороннюю поддержку буддийской церкви. Многие было сделано буддийскими монахами для повсеместного распространения грамотности и знаний, причем не только религиозного характера» [2, с. 26].

После разгрома Уйгурского каганата и установления власти Кыргызского каганата в Центральной Азии значительные группы уйгурского населения покинули пределы современной Монголии и двинулись в основном в юго-западном направлении. Вместе с тем, часть уйгурского населения осталась на местах, а часть двигалась в других направлениях [8, с. 26–33, 35–36, 97–98; 10, с. 25–30].

С. А. Васютин отмечает: «Падение Уйгурского каганата и завоевания кыргызов вызвали мощную волну миграций в Центральной Азии. Уйгуры и их союзники, разделившись на несколько групп, переселились к границе империи Тан, откочевали в тибетские владения в Восточном Туркестане, в Ганьчжоу и Гаочан, часть бежала на запад в Семиречье, а некоторые племена укрылись на востоке у шивэй и киданей. В Семиречье уйгуры наряду с карлуками и ягма сыграли важную роль в провозглашении и дальнейшей истории Караханидского каганата. Другой миграционный поток привел к образованию в Восточном Казахстане и степном Алтае Кимаковского каганата. Это в свою очередь подтолкнуло к переселению в западном направлении огузов, печенегов и другие кочевые группы» [5, с. 23]. Вполне вероятно, что одной из колоний токуз-огузов оказался и район добычи пушнины, известный еще со времен Тюркского каганата – Прибайкалье. Возможно, потомками буддийского населения Уйгурского каганата являются представители бурятского племени буин.

Буин (буян) является одним из древнейших племен булагатов Кудинской долины. В XIX в. в его состав входили четыре буиновских административных рода в составе Кудинской степной думы [11, с. 53–54]. Буиновцы расселялись в верхнем и среднем течении реки Оёк и по ее притокам, в низовьях Мурина, в местностях Хоринхон и Хабшал (Капсал). Кроме того, часть буинов переселилась в долину Кахи, где они входили в состав 3-го Онгоева рода [1, с. 155], часть — в долину Селенги, однако отдельного административного рода не составляли, очевидно, ввиду немногочисленности. В рамках полевых исследований мы встречались с представителями племени буин / буян / буянгууд в селе

Жаргаланта, часть их присутствует в составе селенгинских бурят, ушедших в Монголию.

До настоящего времени отдельного этимологического исследования этнонима *буин* не принималось. Возможным значением термина *буин* / *буян* может являться древнетюрк. *boj* ‘скопление людей, племя, род’ [6, с. 110] и его производное *bojin* ‘народ’ [6, с. 111]. Другим возможным вариантом является древнетюрк. *bijan* > санскр. *piṇya* ‘благодатный поступок, благодеяние’ [6, с. 120]. В настоящее время термин *буян* также широко используется буддистами в монгольском мире. Вполне вероятно, что этот термин мог быть использован как антропоним, от которого впоследствии образовался этноним, либо как топоним (жители местности также могли приобрести этноним от топонима). В любом случае буины, по нашему мнению, являются одними из древнейших насельников Кудинской долины и вполне могут оказаться наследием расцвета буддизма в Уйгурском каганате.

Бурятское племя абазай / абзай / абазя входит в состав эхиритского племенного союза. В XVII в. абазяевцы были расселены в долине реки Мурин, впадающей в реку Куду. Их западными и северными соседями были эхириты племен олзон, буура и баяндай, и племя хурумши, входившее в булагатский военный союз в XVII в., но не входившее в булагатское племенное объединение с юга. В дальнейшем после завоевания русскими Прибайкалья часть бурят племени абазай переселилась на Ольхон, откуда они расселились в двух направлениях: в Баргузинскую долину и Кударинские степи. Таким образом, буряты племени абазай к концу XIX – началу XX в. были известны в составе четырех территориальных групп бурят: верхоленской, ольхонской, баргузинской и кударинской.

Этноним *абзай* / *абазай* также принадлежит «коренному» эхиритскому малому племени. Его этимологию можно выяснить, используя тюркские лингвистические материалы. Согласно первой версии, этноним можно связать с кыргызским субстратом. Как отмечает В. Я. Бутанаев, «хакасский сеок *аба* ведет свое происхождение от медведя (*аба*)» [3, с. 65]. Архаичным термином по отношению к медведю в хакасском языке является *азыг* [3, с. 66]. Исходя из этого материала, можно предположить, что термин *абазай* возник путем слияния слов *аба* и *азыг*: *aba + azyğ ~ abaazy ~ abaza ~ abazai*.

Однако, исходя из материалов древнетюркского и современных алтайского и хакасского языков, очевидной может показаться и другая трактовка этнонима. В древнетюркском языке

использовалось слово *abišik / abizik* от санскр. *abhiseka* ‘помазание (на трон); посвящение, рукоположение в духовный сан’ [6, с. 2]. В современных алтайском и хакасском языках слово *абыс / абызы* переводится как ‘священник’, причем оно противопоставляется шаману [4, с. 17; 7, с. 9]. Можно полагать, что этот термин когда-то употреблялся тюркскими предками бурятского племени абазай в этом же значении. В этой связи вполне допустимой видится связь бурятского этнонима с древними уйгурами, среди которых был распространен буддизм. В этом случае термин означает ‘[буддийский] священник’, так как термин имеет санскритские корни и непосредственно связан с буддизмом.

Во втором случае напрашиваются параллели с этнонимом токуз-огузского племени, известного по танским хроникам в составе Уйгурского каганата, как **阿布思** или **阿布斯** *абусы* [9, с. 173–175]. Впервые этноним *абусы* встречается в тексте о районировании степей к северу от пустыни Гоби, датированном 647 г. В нем говорится, что на территории расселения племени абусы был создан округ [9, с. 173]. Далее известно, что после гибели Уйгурского каганата часть его населения, в основном собственно уйгуры во главе с вождями из рода яглакар, бежала к границам Танского государства в район Ордоса. В составе беженцев были и представители абусы. Один из вождей абусы сдался вместе со знатными людьми рода и в дальнейшем сражался в танских пограничных войсках. За заслуги ему была пожа-

лована императорская фамилия Ли [8, с. 38]. В период «Пяти династий» был известен другой представитель абусы — командующий конницей Моногань [8, с. 50]. Также можно предполагать, что представители абусы присоединились к каракитаям в XII в. [8, с. 77].

По нашему мнению, вполне вероятным может оказаться то, что часть племени абусы / абазай после разгрома Уйгурского каганата ушла на север — в Прибайкалье, где и осела в долине Мурина, притока Куды. В таком случае бурятские абазай являются осколком древнеуйгурского племени, проникшего на территорию Прибайкалья после разгрома Уйгурского каганата. Возникновение подобного этнонима у древних уйгуров вполне логично, так как на протяжении долгого периода население каганата было поликонфессиональным, буддисты должны были выделяться в обществе как этноконфессиональная группа, и, соответственно, за ними мог закрепиться социальный термин, который постепенно трансформировался в этноним.

Таким образом, перед нами две возможные версии этимологического значения этнонима *абазай*, общим для которых является их тюркская принадлежность, что позволяет связывать их либо с енисейскими, либо с теле-уйгурскими тюрками. Представленные этимологические исследования двух этнонимов объединяет такой ключевой момент, как расцвет буддизма в Уйгурском каганате в раннем средневековье.

Литература

1. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты и эхириты. — Улан-Удэ, 1970. — 362 с.
2. Бартаханова М. А. Уйгурская раннесредневековая культура в системе мировой буддийской цивилизации: Социально-философский анализ: автореф. ... канд. филос. наук. — Улан-Удэ, 2002.
3. Бутанаев В. Я. Медведь по воззрениям хакасов // Медведь в древних и современных культурах Сибири. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2000. — С. 65–67.
4. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. — Абакан, 1999. — 240 с.
5. Васютин С. А. Падение Уйгурского каганата и основные пути социально-политической эволюции кочевых обществ Центральной Азии в IX-X вв. // Вестник КемГУ. — 2010. — № 4. — С. 22–28.
6. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — 677 с.
7. Когунбаева Н. И. Алтайско-русский словарь. Русско-атайский словарь. — Горно-Алтайск, 1991. — 182 с.
8. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. — Новосибирск: Наука, 1974. — 210 с.
9. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1989. — 432 с.
10. Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. — Новосибирск: Наука, 1983. — 297 с.
11. Нанзатов Б. З. Административные образования бурят в Российской империи в XIX в. — Кудинская степная дума (расселение и этнический состав кудинских бурят) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2015. — № 1(17). — С. 41–56.
12. Нанзатов Б. З. К этногенезу бурят по материалам этнонимии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. — Иркутск, 2003. — С. 28–48.
13. Нанзатов Б. З. Тюркский пласт бурятской этнонимии эпохи господства тюркских каганатов // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. — С. 330–350.
14. Нанзатов Б. З., Сундуева Е. В. Раннесредневековые (древнеуйгурские) этнические связи Прибайкалья с Центральной Азией (на примере группы булагатских племен «Обогони олон») // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Филология. — 2014. — Вып. 10. — С. 17–20.
15. Нанзатов Б. З., Сундуева Е. В. Статус суффикса *-дар* в бурят-монгольских и тюркских этнонимах // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Филология. — 2013. — Вып. 10. — С. 93–98.

References

1. Baldaev S.P. *Rodoslovnnye predaniia i legendy buriat. Ch.1. Bulagaty i ekhirty* [Pedigrees verbal histories and legends of the Buryats. Part 1. Bulagats and ehirts]. Ulan-Ude, 1970. 362 p.
2. Bartakhanova M. A. *Uigurskaia rannesrednevekovaiia kul'tura v sisteme mirovoi buddiiskoi tsivilizatsii: Sotsial'no-filosofskii analiz: avtoref. ... kand. filos. n.* [Uighur early medieval culture in system of the world Buddhist civilization: social-philosophical analysis: Author's abstract of Cand. philos. sci. diss]. Ulan-Ude, 2002.
3. Butanaev V. Y. Medved' po vozreniyam khakasov [Bear in the views of the Khakasos]. *Medved' v drevnikh i sovremnykh kul'turakh Sibiri — Bear in ancient and modern cultures of Siberia*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS publ., 2000. Pp. 65–67.
4. Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkij istoriko-etnograficheskij slovar'* [Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, 1999. 240 p.
5. Vasyutin S. A. Padenie Uigurskogo kaganata i osnovnye puti sotsial'no-politicheskoi evolyutsii kochevykh obshchestv Tsentral'noj Azii v IX-X vv. [Fall of Uighur khaganate and the main ways of social and political evolution of nomadic societies of Central Asia in the 9th–10th centuries]. *Vestnik KemGU — Bulletin of Kemerovo State University*. 2010. No. 4. Pp. 22–28.
6. *Drevneturkskij slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p.
7. Kogunbaeva N. I. *Altaisko-russkii slovar'. Russko-ataiskii slovar'* [Altai-Russian dictionary. Russian-Altai dictionary]. Gorno-Altai, 1991. 182 p.
8. Malyavkin A. G. *Materialy po istorii ujugurov v IX–XII vv.* [Materials on the history of the Uighurs in the 9th–10th centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 210 p.
9. Malyavkin A. G. *Tanskije khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noi Azii* [Tang chronicles of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 432 p.
10. Malyavkin A. G. *Uigurskie gosudarstva v IX–XII vv.* [Uighur states in the 9th–10th centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 297 p.
11. Nanzatov B. Z. Administrativnye obrazovaniya buriat v Rossiiskoi imperii v XIX v. – Kudinskaia stepnaia duma (rasselenie i etnicheskii sostav kudinskikh buriat) [Buryat administrative institutions in the Russian Empire in the 19th century - Kuda steppe Duma (settlement and ethnic composition of the Kuda Buryats)]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN — Bulletin of SB RAS BSC*. 2015. No. 1 (17). Pp. 41–56.
12. Nanzatov B. Z. K etnogenezu buriat po materialam etnonimii [Ethnogenesis of the Buryats on ethnonymy materials]. *Narody i kul'tury Sibiri. Vzaimodeistvie kak faktor formirovaniya i modernizatsii — Peoples and Cultures of Siberia. Interaction as the factor of formation and modernization*. Irkutsk, 2003 Pp. 28–48.
13. Nanzatov B. Z. Tiurkskij plast buriatskoj etnonimii epokhi gospodstva tiurkskikh kaganatov [Turkic formation of Buryat ethnonymy in the era of domination of Turkic Kaganates]. *Etnogenez i kul'turogenез v Baikalskom regione — Ethnogenesis and cultural genesis in the Baikal region*. Ulan-Ude: SB RAS BSC publ., 2010. Pp. 330–350.
14. Nanzatov B. Z., Sundueva E.V. Rannesrednevekovye (drevneuygurskie) etnicheskie svyazi Pribaikal'ia s Tsentral'noi Aziei (na primere grupy bulagatskikh plemen "Obogoni olon") [Early medieval (ancient Uigur) ethnic ties between Baikal region and Central Asia (on the example of the group of Bulagat tribes "Obogoni olon")]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. — Bulletin of Buryat State University. Series Philology*. 2014. V. 10. Pp.17–20.
15. Nanzatov B. Z., Sundueva E.V. Status suffiksa -dar v buriat-mongol'skikh i tiurkskikh etnonimakh [Status of -dar suffix in Buryat-Mongol and Turkic ethnonyms]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya — Bulletin of Buryat State University. Series Philology*. 2013. V. 10. Pp. 93–98.

УДК 81'373.23

Специфика женских имен в Китае: экстралингвистический аспект

© Дашеева Вера Витальевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: denisova.v@mail.ru

Статья посвящена особенностям женских имен в Китае. Китай обладает традиционной культурой, которая складывалась в течение нескольких тысячелетий, и хотя каждая эпоха имеет свои отличительные особенности мотивов и функций номинации, при анализе мужских и женских имен различных эпох можно обнаружить, что иероглифы, используемые в отдельные периоды, сохраняют свое употребление и более-менее универсальны. Экстралингвистические характеристики также имели важное значение при формировании китайского женского антропонимикона, но они, в отличие от лингвистических особенностей, подвергались значительным изменениям в разные исторические периоды. Так, в Средневековом Китае имена женщин употреблялись с большими ограничениями, могли использоваться исключительно в пределах женской половины дома и никогда не «выносились» за его стены. Позднее, уже в эпоху Тан, когда общественные нравы стали более свободными, женщины также обрели определенную свободу.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, антропоним, лингвокультурология, этнолингвистика, психоллингвистика, гендерная лингвистика.

Specific features of female names in China: extra-linguistic aspect

Vera V. Dasheeva

PhD, A/Professor of the Department of philology of Far East countries, Buryat State University
4 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews specific features of female names in China. Chinese traditional culture has been evolving for over thousands of years, and although every period of Chinese history has its own distinctive features of motives and nomination functions, the analysis of male and female names of different eras shows that the characters used in some periods preserve their usage and retain universality. Extra-linguistic characteristics were also important in the formation of Chinese female anthroponymic systems, but unlike the linguistic features, they changed much in different historical periods. For example, in medieval China female names had many restrictions, they could be used exclusively within the female half of the house and never used outdoors. Later, in the Tang era, when social morals became more free, women also gained a certain freedom.

Keywords: onomastics, proper name, anthroponym, cultural linguistics, ethno-linguistics, psycholinguistic, gender linguistics.

Нами уже отмечались процессы, которые способствовали четкому разделению в речевом сознании мужчин и женщин, и, как следствие, различию в лексико-семантических полях мужского и женского антропонимикона: «Оппозиция двух ипостасей человека — «мужчина» и «женщина» — фундаментальная в человеческой культуре. На ранних этапах существования первобытного общества особых гендерных различий не существовало. Позднее произошло разделение труда, определяемое половым (биологическим) различием. Язык зафиксировал эту патриархальную установку: ...в речи женщин зафиксировано большее количество слов, описывающих чувства и эмоции, эвфемизмов, уменьшительно-ласкательных слов...» [1, с. 59–60]. Для «истинно женских» имен характерны иероглифы с абстрактным значением: *любовь, милосердие, верность, красота, нежность, счастье, истина*. Также используются иероглифы,

связанные с растительным миром: *цветок, рис, хризантема, ива* и т.д. Женские имена отличаются от мужских образностью его внутреннего содержания. Такие имена обычно наделены положительным значением (как и современные мужские), и здесь во внимание принимается как их буквальный перевод, так и, чаще всего, переносное, метафорическое значение.

Это явление характерно для современных антропонимиконов многих народов. В настоящее время первоначальное значение имени не играет существенной роли, происходит повсеместный процесс рэтимологизации, в именах на первый план выходит символическое содержание, и порой современное содержание оказывается переосмысленным по-новому.

Официальные женские имена в Китае — это обычно сочетания слов, связанные с красотой, изяществом, названиями цветов, бабочек и т. п., например: 明霞 *Минся* 'ясная заря', 月梅 *Юэмэй*

'цветок лунной сливы'.

При этом в Китае существует целый пласт имен, которые, с точки зрения семантики, являются женскими, но присваиваться могут и мужчинам — в качестве охранных имен. Данный обычай выражается следующим образом: помимо основного имени, родители дают своему сыну женское имя, наряжают его как девочку, даже используют косметику для украшения мальчика. Тем самым они демонстрируют свое желание защитить ребенка от злых духов, избежать каких-либо жизненных неприятностей. Мальчик является привлекательной добычей для негативных сил. Следовательно, если дать ему женское имя и тем самым обмануть злых духов, он будет более защищенным. Поэтому в мужских именах могли использоваться иероглифы и слова с чисто «женской» семантикой: 姑 Гу *'тетя по отцу'*, 妹 Мэй *'младшая сестренка'*, 女 Нюй *'женщина'*, 仙女 Сяньньюй *'фея, небожительница, святая дева, красавица'*, 妇 Фу *'замужняя женщина, супруга'*, 夫人 Фужэнь *'госпожа, миссис'*, 姬 Цзи *'придворная дама, знатная женщина'* и т.п. Так, во времена эпох Весны и осени и Борющихся царств были известны такие носители женских имен, как мужчина по имени 马妇 Ма Фу с личным именем Фу *'замужняя женщина, супруга'*, 徐夫人 Сюй Фужэнь с личным именем Фужэнь *'госпожа, миссис'* — мастер по владению мечом в период Борющихся царств, 姬息姑 Цзи Сигу с личным именем Сигу *'дышать, утихомиривать + тетя по отцу'* — правитель династии Западная Чжоу (период правления 721–711 гг. до н.э.), 石曼姑 Ши Маньгу с личным именем Маньгу *'широкий, прелестный, мягкий, изящный + тетя по отцу'* — они носили женские имена всю свою жизнь.

Во времена эпохи Западная Хань жил мужчина — реальная историческая личность по имени 丁夫人 Дин Фужэнь, с личным именем Фужэнь *'госпожа, миссис'*. Один из генералов эпохи Южных царств по имени 鲁爽 Лу Шуан (?–454 г.) носил детские имена 女生 Нюйшэн *'ученица; девочка, девушка'* и 马仙俾 Ма Сяньби с личным именем Сяньби *'принцесса + покоряться'*. Во времена династии Сун среди национальных меньшинств был известный руководитель, которого звали 罗妹 Ло Мэй, где Мэй *'младшая сестренка'*.

Даже в наши дни в некоторых китайских деревнях можно по-прежнему наблюдать явление, когда родители дают своему сыну женское имя. Однако такой способ именования, по мнению

детских психологов, может привести к неблагоприятным результатам. На основании исследований в четырех крупных городах Китая (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу) был выявлен рост случаев детского суицида, связанных с этой традицией и вызванных насмешками сверстников.

Интересная тенденция наблюдается в писательской среде: чтобы утаить свою личность и статус от читателей, а также в случае написания ученым романов или драм, которые считались низким жанром, некоторые из них берут себе псевдонимы в виде женских имен. Например, это псевдонимы 安娜 Аньна *'Анна'* (настоящее имя: 龙珠若 Лун Чжужуо), 春燕 Чунь Янь *'весенняя ласточка'* (настоящее имя: 马春 Ма Чунь) и т. п.

В Китае существует множество неписаных обычаев именования женщин. Интересно, что если при именовании мужчин иногда используют иероглифы с «женским значением», то и в качестве женских имен используются иероглифы, обозначающие сугубо мужские качества, например, 男 Нань *'мужчина'*, 弟 Ди *'младший брат'*, 力 Ли *'сила'*, 虎 Ху *'тигр'*, 君 Цзюнь *'благородный муж'*, 子 Цзы *'сын, потомок, плод, семя'*, 卿 Цин *'сановник, вельможа, министр, канцлер'*.

В эпоху Троецарствия были известны женщины с именами: 卫君若 Вэй Цзюньжэ, где 君 Цзюнь *'благородный муж'*, 卫子夫 Вэй Цзыфу — 子夫 Цзыфу *'сын и отец'*, 窦政军 Доу Чжэньцзюнь — 政军 Чжэньцзюнь *'управление армией'*, 窦军力 Доу Цзюньли — 军力 Цзюньли *'военная сила, военная мощь'*, 孙小虎 Сунь Сяоху — 小虎 Сяоху *'тигренок'*. В современных женских именах также часто используются иероглифы с «мужским» значением. Например: американский ученый-физик китайского происхождения 吴健雄 У Цзяньсюн (1912–1997), дизайнер почтовых марок 卢天桥 Лу Тяньцяо, первая женщина-дипломат в Китае (1918–2011) 丁雪松 Дин Сюэсун, шахматистка (род. в 1962 г.) 谢思明 Се Сымин, легкоатлетка (род. 1964 г.) 徐永久 Сюй Юнцзю, писательница (род. в 1957 г.) 铁凝 Те Нин. Иероглифы, которые входят в состав этих и подобных им имен, традиционно относятся к числу «мужских»: 健雄 Цзяньсюн *'крепкий самец/петух'*, 天桥 Тяньцяо *'небесный мост, виадук, надземный переход'*, 雪松 Сюэсун *'гималайский кедр; снежная сосна'*, 思明 Сымин *'мысль+ясный'*, 永久 Юнцзю *'долговременный,*

неизменный, постоянный’, 凝 Нин ‘строгий, справедливый, бесстрастный, холодный, упорный, настойчивый’.

Китайские женские имена имеют гораздо более глубокие корни, чем мужские. Ведь в условиях существования первобытного китайского общества дети порой не знали своих отцов, и все жизненные обстоятельства зависели от женщин. Постепенно влияние женщин слабело. Вспомним образы женщин в китайской мифологии: 女娲 Нюйва — одна из великих богинь китайского пантеона, создательница человечества, которая слепила людей из глины, починила небосвод и избавила мир от потопа, богиня сватовства и брака. 简狄 Цзяньди — родоначальница рода Шан (согласно легенде, проглотила сырое яйцо и от этого забеременела и родила предка рода Шан), 姜嫄 Цзяньюань — легендарная родоначальница династии Чжоу. Известно, что Нюйва была сестрой (и женой)伏羲 Фу Си — первого императора Китая. А Цзяньди и Цзяньюань — жены 帝喾 Ди Ку — одного из пяти мифических императоров. Несмотря на глубокое уважение к этим трем женщинам, их влияние на китайский народ не может даже сравниться с силой и славой их легендарных мужей. Можно сказать, что в начале правления династии Чжоу из-за непрерывного влияния новых религиозных систем и формирования феодального строя положение женщин постепенно утрачивало свое значение и именованию девочек стали уделять гораздо меньше внимания.

В истории есть крайне небольшое число выдающихся женщин, которые оставили нам свои имена. Даже знаменитую женщину-историка 班昭 Бань Чжао — младшую сестру автора исторической хроники династии Хань «Ханьшу», которого звали 班固 Бань Гу, очень многие не желали называть ее собственным именем. Ее предпочитали называть 曹大家 Цао Дацзя ‘государыня Цао’, так как она вышла замуж в семейство 曹 Цао.

Когда женщины выходили замуж и поселялись в доме супруга, их имена начинали употребляться все реже. Женщина, вышедшая замуж, обычно именовалась только по ее девичьей фамилии, фамилии семьи мужа или словом, аналогичным русским понятиям «некая», «имярек», «такая-то». Некоторые просто нарекались «жена такого-то», превращаясь тем самым в собственность, придаток своего мужа. В повседневной жизни женщина зачастую именовалась во внутренних покоях произвольным именем,

которым нарекала ее семья мужа, например, в романах Лу Синя есть героини 祥林嫂 Сянлинсяо (роман «Моление о счастье»), где 嫂 сао ‘невестка, тетушка’, 豆腐西施 Доуфу-сиши ‘торговка соевым творогом доуфу’, 杨二嫂 Янэрсао ‘вторая невестка Ян’ и т. п. У некоторых героинь совершенно нет личных имен, а ведь эти произведения писателя-реалиста Лу Синя, по свидетельству литературоведов и историков, обладают правдивым изображением нравов того времени.

Так как множество женщин в Китае совершали различные подвиги, их биографии появились в официальной китайской династической истории, но у них не было возможности оставить для потомков свои имена. Так, например, в «Истории династии Сун» есть раздел 列女传 Ляньчжуань «Истории о знаменитых женщинах», в котором содержатся рассказы о сорока женщинах, при этом только у трех женщин есть реальные имена, остальные названы «имярек», или же «некая супруга», «некая женщина»; в ранней истории могли быть записаны только имена их отцов и мужей. Также есть немало известных женщин, чьи имена связаны только с именами их сыновей, так в «Троесловии» упоминается 孟母 Мэнму — мать Мэнцзы. Эта почтенная мать семейства вовсе не имела никакого имени, мы знаем только, что ее сына звали 孟轲 Мэнкэ — имя великого философа-конфуцианца Мэнцзы. Были также приводящие всех в восхищение, пользовавшиеся широчайшей известностью женские литературные персонажи 徐母 Сюму ‘мать Сюй’, 岳母 Юэму ‘мать Юэ. Авторы-романисты даже не считали нужным придумать для них какие-нибудь имена — настолько сильными оказывались культурные традиции, дискриминирующие женщин в Китае.

Несколько тысяч лет назад женщина имела в китайском обществе статус приниженного, подавляемого человека, принцип 男尊女卑 наньцзунь нюйбэй ‘уважение к мужчине и презрение к женщине; превосходство мужчины над женщиной’ был основополагающим в содержании традиционной китайской культуры. Апологеты консервативных взглядов на семью, принятых в феодальном Китае всячески ратовали за то, что женщине необходимо блюсти целомудрие, обладать стойкими добродетелями, и если женщина останется вдовой, она обязана оставаться верной памяти умершего мужа и отказываться выйти замуж вторично

Известно высказывание Конфуция: «Трудно

иметь дело с женщинами и низкими людьми. Если с ними сближаешься, то они перестают слушаться. Если же от них удаляешься, то неизбежно испытываешь с их стороны ненависть», где женщина приравнивается к «низкому, подлому человеку», что в очередной раз подчеркивает презрение к ней. В период феодализма это высказывание считалось непреложной истиной, мало кто ставил под сомнение это утверждение. Общество предписывает женщине традиционные буддийские заповеди «тройкой покорности»: «В юности покорна отцу, в замужестве покорна мужу, после смерти мужа – покорна сыну», что фактически делает ее абсолютной рабой представителей мужского пола. В феодальном государстве самыми важными считались этические принципы «трех устоев», которые предполагали абсолютную власть государя над подданным, отца над сыном, мужа над женой; постанова знака равенства между отношениями мужа и жены и властью господина над слугой — не подлежащая сомнению социальная основа жизни феодального Китая. То, что положение женщин было столь печальным, не могло не найти отражения в женских именах того времени.

Низкое положение женщин в обществе Средневекового Китая отражается в одной очень важной области — им многое запрещено. Вследствие того, что активное пространство женщин чрезвычайно сужено, их имена также используются в крайне узких пределах. Так, имена женщин носят название 闺名 гуймин или 闾名 куньмин 'женское имя, имя женской половины дома', могут использоваться исключительно в пределах женской половины дома и никогда не выносятся за его стены. На имя девушки начали накладывать табу. В Древнем Китае женщин могли называть словом 闺 гуй 'девушка, женщина, дочь'. Это «имя» применялось только в семье. Когда женщины переступали порог своего родительского дома, их имена подвергались ограничениям: т. е. никто, кроме близких родственников, не должен был знать имя девушки. Даже когда речь шла о замужестве, семья жениха могла спрашивать имя невесты только после того, как сообщала о своем намерении и преподносила подарки невесте. После сообщения имени обе семьи переходили к обсуждению брачных дел, а также обращались к астрологу.

Согласно конфуцианскому этическому учению, есть два очень важных пункта, касающихся отношения к женщинам: «между мужчиной и

женщиной есть различие» и «между внутренним и внешним есть различие». Второй принцип подчеркивает необходимость скрывать некоторую «внутреннюю» информацию от посторонних. В одной из книг «Пятикнижия» — «Лицзи» («Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов») записан кодекс поведения женщин по нормам раннего конфуцианства. Так, женщинам запрещается сидеть дома вместе с мужчинами свободно, по-домашнему, в неформальной обстановке — без соблюдения определенных церемоний; не разрешается вешать женскую одежду на одну вешалку с мужской; нельзя пользоваться теми же салфетками, щетками, гребнями, что и мужчины; запрещено передавать вещи из рук в руки. Нельзя невестке общаться с братьями ее мужа. Если мужчина занят делами вне дома, возвращаясь домой, он не разговаривает о них с женщинами. Ни мать, ни жена, ни дочь не должны его о них расспрашивать: «То, о чем говорится снаружи, не входит в женскую половину дома, а то, что происходит на женской половине, не выходит из нее». Все, что касается женской половины дома, связано с мерами строжайшего ограничения, есть понятие так называемой «границы дома» или «порога» в современном понимании: все, что происходит как вне дома, так и внутри него, должно быть изолированно друг от друга, внутренний и внешний мир — два различных мира, и жизнь мира женщин протекает только внутри дома. Женское поведение регламентируется определенными правилами: «Покидая дом, женщина должна скрывать лицо». Выходя из дома, женщина обязана была прятать свое лицо, можно было только глаза оставить открытыми, чтобы видеть дорогу.

В действительности же эти традиции не соблюдались так строго, особенно в эпоху Тан, когда общественные нравы стали более свободными, женщины тоже обрели определенную свободу.

«Традиционная антропонимическая система китайцев характеризуется тем, что указывает на принадлежность индивидуума к определенному родственному коллективу. Согласно обычаю, получившему название 排行 пайхан 'выстраивание в ряд, порядок по старшинству', лица одного поколения в пределах одной группы родственных семей получают имена с общим детерминативом» [3, с. 44–53]. Выбор имени регламентировался правилами системы пайхан 排行, согласно которой, имена всех представителей одного поколения в пределах родственной груп-

пы (первоначально — широкой родственной группы, большого патрилинейного клана 宗族 *цзунцзу* ‘род, клан’, позднее — отдельной большой или малой семьи) включали один общий повторяющийся элемент.

Ранее система *пайхан* традиционно применялась только в отношении мужских имен, сейчас и при наречении девочек используют принцип соименования (правда, он ограничен объективными причинами: демографическая ситуация в Китае такова, что в семье обычно рождается только один ребенок, в редких случаях разрешается иметь двоих детей). Интересное воплощение системы *пайхан* в современном ее применении наблюдал автор в 90-е гг. XX в. в г. Сунхуа (КНР). Там в семье учителя по фамилии 李 *Ли* проживали 7 дочерей и только один сын (один из младших детей). Одна из дочерей была его родным ребенком, остальных детей он усыновил и удочерил после гибели родного брата. При этом все дети: родные и двоюродные брат и сестры, в том числе и девочки, получили имена, содержащие иероглиф 男 ‘мужчина, мужской’, например: 李笑男 *Ли Сяонань* ‘смеющийся мужчина’, 李达男 *Ли Данань* ‘достигающий цели мужчина’, 李仁男 *Ли Жэньнань* ‘гуманный мужчина’, 李豪男 *Ли Хаонань* ‘выдающийся мужчина’, 李善男 *Ли Шаньнань* ‘добрый мужчина, филантроп; буддист’, 李财男 *Ли Цайнань* ‘богатый мужчина’ и т. п., причем имя юноши

Девушка:

李敏

Ли Минь

син мин

Юноша:

张雷

Чжан Лэй

ши мин

Замужняя женщина:

李 张 敏

Ли Чжан Минь

син ши мин

«Таким образом, замужняя женщина носила сразу две фамилии, и ее полное имя состояло обычно из трех или даже четырех (если в личном имени два иероглифа) иероглифов. Приведем пример имени из четырех иероглифов: 黄王节庆 *Хуан Ван Цзецин*, где 黄 *Хуан* — фамилия отца, 王 *Ван* — фамилия мужа, 节庆 *Цзецин* — личное имя. За последние десятилетия этот обычай изживается. Сейчас женщина, выходя замуж, как правило, сохраняет свою девичью фамилию, так что антропонимическая мо-

структурно ничем не отличалось от имен его сестер.

Что касается фамилий, то и здесь антропонимические традиции коренным образом отличаются от традиций, присущих фамилиям мужчин. У женщины-китайки в Древнем Китае до ее замужества имя состояло из наследственного имени *син* и прозвища, указывавшего на ее относительный возраст среди детей в семье: 高 *Гао* — старшая, 仲 *Чжун* — вторая, 叔 *Шу* — третья, 季 *Цзи* — младшая. Выходя замуж, женщина не меняла фамилию отца, присоединяла к ней фамилию мужа. Замужняя женщина принимала наследственное имя *ши* своего мужа, сохраняя при этом свое первоначальное имя *син*, таким образом, она имела в составе своего наименования два различных по своему характеру наследственных имени (*ши* и *син*), а личного имени не имела вовсе, что можно считать определенным показателем социального положения женщины в Древнем Китае. Позднее, когда женщины стали получать и личные имена, форма их официального имени после замужества стала выглядеть следующим образом: 姓 *син* (наследственное имя – фамилия отца) + 氏 *ши* (фамилия мужа) + 名 *мин* (личное имя). Например, девушка, по имени 李敏 *Ли Минь*, выходя замуж за юношу по имени 张雷 *Чжан Лэй*, получала имя 李张敏 *Ли Чжан Минь*:

дель мужчины и женщины в принципе аналогичны» [2, с. 167].

Подводя итог, мы можем сделать следующий вывод: экстралингвистические характеристики, наряду с чисто языковыми, всегда имели первостепенное значение при формировании китайского женского антропонимикона, но, в отличие от сравнительно стабильных лингвистических особенностей, подвергались значительным изменениям в разные исторические периоды.

Литература

1. Денисова (Дашеева) В. В. Универсальность основных предпосылок гендерных различий речевого поведения // Современные проблемы взаимодействия языков и культур: материалы науч.-практ. конф. — Благовещенск, 2003. — С. 59-60.
2. Системы личных имен у народов мира. — М.: Наука, 1986. — 383 с.
3. 孩子起名必读 Руководство по имянаречению. — Пекин, 2008. — 374 с.

References

1. Denisova (Dasheeva) V. V. Universal'nost' osnovnykh predposylok gendernykh razlichij rechevogo povedeniya [The universality of the basic prerequisites of gender differences in verbal behavior]. *Sovremennye problemy vzaimodejstviya yazykov i kul'tur. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii*. Modern problems of interaction between languages and cultures. Conference materials]. Blagoveshchensk, 2003. Pp.59-60.
2. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names of peoples of the world]. Moscow: Nauka, 1986. 383 p.
3. 孩子起名必读 [The handbook of naming]. Beijing, 2008. 374 p. (Chinese)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22

Семантика формульного выражения в эпосе монгольских народов*

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-24-03004

© Дампилова Людмила Санжибоевна

доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом фольклористики и литературоведения
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: dnadezhda@mail.ru

В статье предпринимается исследование этнопоэтических констант, или устойчивых формул, присутствующих в фольклоре монгольских народов, выявляющих национальную специфику текста. Для анализа автор останавливается на одном из архаичных формульных выражений, встречающемся в фольклоре монголов, бурят, калмыков и ойратов и обнаруживающем корреляции с глубинными архетипами, восходящими к общей традиции. В метрически упорядоченном повествовании эпоса отличающиеся стереотипностью формульные выражения имели возможность долгого хранения и устной передачи с семантическими, стилистическими и лексическими трансформациями. Несмотря на стадильно-типологическую разнородность эпических текстов монгольских народов, единая поэтическая формула обнаружена во многих локальных традициях. Составляющая из постоянных эпитетов, устойчивых сравнений, выявленная константа получает разное семантическое наполнение в зависимости от контекста, сохраняя вариативность и множественность смыслов. Подобные формулы в эпосе монгольских народов свидетельствуют о сохранении генетической общности, единых истоках устно-поэтической традиции.

Ключевые слова: эпос монгольских народов, формульное выражение, константа, семантика, контекст, вариант, образное выражение, архетип, традиция.

Semantics of formula expression in the epos of the Mongolian people

Lyudmila S. Dampilova

DSc, A/Professor, head of Department of Folklore and Literature Studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article reviews poetic and stylistic features of works of folklore of the Mongolian people. The ethno-poetic constants revealing national specifics of the text have correlations with the deep archetypes which go back to the general tradition. The author considers one of the archaic formula expressions which is presented in folklore of the Mongols, Buryats, Kalmyks and Oirads. Metrically ordered epos narration saved the formula expressions from century to century with semantic, stylistic and lexical transformations. Despite the phasic and typological heterogeneity of epic texts of the Mongolian people, common ethnically peculiar poetic formulas are found in all local traditions. Such formulas in folklore of the Mongolian people consisting of constant epithets, steady comparisons, thematic standards, stylistic cliché, figurative stereotypes kept a genetic community, common sources of oral and poetic tradition.

Keywords: epos of the Mongolian people, formula expression, constant, semantics, context, figurative expression, archetype, tradition.

В современной отечественной фольклористике актуальным представляется компаративистский анализ тюрко-монгольских эпических текстов. Составной частью этой задачи является исследование отдельных этнических традиций монгольских народов, выраженных в поэтико-стилевых особенностях произведений устного народного творчества. Среди разных видов структуризации фонда поэтических констант выделим формульную организацию, символически типические образы эпических произведений монгольских народов. Для выявления роли поэтических констант в создании художественных

образов обратимся к монгольским, бурятским, калмыцким и ойратским эпическим текстам.

Как известно, фольклорные и паралитературные тексты ориентированы на коллективный опыт. Выявляя корни коллективных представлений, семантику формульных выражений, символических типических образов, попытаемся проследить сохранность, трансляцию во времени и реконструкцию образных выражений, фрагментов текста в вербальном материале. Восстановив утерянный или трансформированный смысл типических мест в фольклоре монгольских народов, можно выявить общие архаические мон-

гольские корни. Поэтические константы конструируются и воспринимаются согласно правилам эстетики тождества. Сюда относится тождество структурной организации текста, сходство в наборе типических мест при включении их в разные функционально-семантические поля. Подобные формулы, являющиеся образцами этнической традиции, становятся «центром семантической гравитации, на которой оседают духовные ценности целых эпох» [5, с. 87].

Для анализа остановимся на одном из архаичных формульных выражений, встречающемся

*Арбан елдэ үлдхү-гүй
Абаахая тохойё
Аман дээрээ шингээбэ.
Хорин елдэ үлдхү-гүй
Хорхойн тоһон идеэгээ
Хошуун дээрээ шингээбэ.*

*Арбан елдэ үлдэхгүй
Абаахая тоһиё
Аман дээрээ шэнгээбэл,
Хорин елдэ үлдэхгүй
Хорохойо тоһиё
Хошуун дээрээ шэнгээжэ
Абалсана бэлэйл даа.
(Абай-Гэсэр-хан [1, с. 145])
Хорин елдэ үлдэхэ үгыгөөр
Хорхойн шара тоһо
Хушуундаа шингээлдэн абаба.
Арбан елдэ үлдэхэ үгыгөөр,
Абаахайн шара тоһо
Амандаа шингээжлдэн абаба.*

Чтоб десять лет
Не быть голодным,
Поели паучьего масла.
Чтоб двадцать лет
Не чувствовать голода,
Покушал червячьего масла.
(Ересе́й [3, с. 109])
Свой рот пропитал
Чудодейственным маслом паука,
От чего десять лет не почувствуешь голод.
И губы свои пропитал
Чудодейственным маслом червяка,
От чего двадцать лет
Не почувствуешь голод.

Чтобы двадцать лет не быть голодным,
Червячьим желтым жиром
Губы свои пропитали,
Чтобы десять лет не быть голодным,
Паучий желтый жир
Во рту у себя растворили.
(Осоодор Мэргэн [4, с. 314–315])

В приведенных примерах видно, как одна и та же формула в разных текстах обладает тождественностью на семантическом, лексическом, синтаксическом уровнях. На семантическом уровне остаются неизменными действующие лица, время действия и общий смысл — способность героя-богатыря довольствоваться малым для достижения большой цели. На синтаксическом и лексическом уровне поэтические строки подчиняются правилам монгольского стихосложения — передней рифме или «единоначатию» (*толгой холболт*). Анафоричны *аалзны / арван, хорхой / хорин*. В трех эпических текстах формула употребляется с единым семантическим значением, немного изменяется лексический состав и грамматическое построение текста.

Возникает вопрос: почему формульное выражение основано на употреблении в пищу масла (жира) паука и червяка, а не масла, скажем, змеи или жира медведя? Возможно, это выражение появилось в столь древние времена, когда

в фольклоре монгольских народов и связанном с употреблением в пищу мелких насекомых — паука и червяка. Эпический герой находит в них такое особенное сильнодействующее питательное свойство, помогающее ему в пути или сражении, что десять и двадцать лет может продержаться на этой малой пище. Так, в эхиритбулагатском варианте бурятского эпоса традиционно используется следующее выражение, заключающее в себе желание богатырей выжить в тяжелых и длительных походных условиях и победить в сражениях:

люди еще не охотились на больших зверей, хорошо знали свойства мелких насекомых, которых употребляли в пищу. О том, что червяк мог быть продуктом питания, доказывает следующее высказывание в халхаском эпосе «Алтан Гургалдай»: «*Эрэгнээс гарсан билуу, / Эрээлж хорхой идэж өссөн билуу*» 'Вышел ли из берегов, / Попробовал ли пестрого червяка' [8, с. 44].

Данное формульное выражение может быть и образным, используемым в мифологическом контексте согласно специфике фольклорного синкретизма. Возможно, в сказочных и эпических сюжетах маркируется мифологема необыденного сознания, в любом случае, это специфически традиционная формула, имеющая статус символического образца или тропа.

В монгольском эпосе часто встречаются в паре именно паук и червяк как в прямом смысле, так и метафорически. В халхаском эпосе «*Хошоо чулуун зүрхт Хувэй буйдар хуу*» (Хувэй буйдар молодец с каменным сердцем) два

мангаса разговаривают между собой: «*Том бор аалз унаган, / Том соохор хорхой / Хурч иржэ унт-лаа / Уунийг долоон мөчөөр нь / Хувааж идье*» ‘Огромный серый паук конь, / Огромный пестрый червь / Прибыли и спят, / Разделив их на семь частей по суставам, / съедим’ [8, с. 103]. Понятно, что в монгольской традиции принято не называть, а окольно обозначать вещи своими именами. И по логике древнего кочевого племени, близко наблюдавшего окружающий мир, естественно коня уподоблять пауку, а богатыря — червю.

Примечательно, что формульное выражение об использовании масла червяка и паука не встречается в монгольском эпосе, но подобные примеры встречаются в монгольских сказках.

*Хорхойн мөрөөр
Хорь хонож,
Аалзны мөрөөр
Арав хонож ирээд...*

Ползя как червяк,
Ночуя двадцать раз,
Идя паучьим шагом,
Ночуя десять раз, прибыл... [8, с. 114]

В ойратском (баядском) эпосе «Түшээт хааны көвүүн долоон наст Көлөг баатар» (Сын Түшэту-хана семилетний Колог-батор) формульное выражение показывает, как тщательно богатырь преследует врага-мангаса. Глагол *кэрчив* ‘разре-

*Арван жил болсон
Аалзны мөр кэрчив,
Хорин жил болсон
Хорхойн мөр көөв.*

Десятилетней давности
Следы паука разрезал,
Двадцатилетней давности
Червячий след преследовал [7, с. 214].

В монгольской традиции существовала целая наука по изучению следов (*мөр үзэх эрдэм*), думается, самые мелкие следы паука и червяка естественно имели свои особые приметы и обозначали особенный путь героя, который способен видеть этот мелкий след через десять или двадцать лет. В том же ойратском эпосе говорится о человеке, изучающем такой путь: *Хорин жил болсон хорхойн мөр, / Арван жил болсон аалзны мөрийг / Мөшгөдөг күмэн билээ* ‘Двадцатилетней давности следы червя, / Десятилетней давности следы паука / Изучающий он человек’ [7, с. 213–214].

Как видим, в относительном постоянстве воспроизводятся стилистические трафареты, но смысл в каждом случае меняется. Если в первом приведенном примере имеется в виду медлительность героя, во втором — давность события, то в третьем варианте с помощью этих же ключевых слов показывается скрупулезность изучения преследуемого врага.

Данная образная формула, редко встречаю-

То, что данное выражение сохранилось в архаичной эхирит-булагатской версии эпоса бурят, возможно, доказывает древние корни формулы, имевшей первоначально мифологическое значение, а в дальнейшем трансформировавшейся в реальные координаты конкретного пространства.

Формульное выражение о богатырском пути, напоминающем движения червяка и паука, имеет разное семантическое наполнение в зависимости от контекста: в самой константе основные ключевые слова остаются, зато меняются смыслопорождающие глаголы. В халхаском эпосе «Алтай ноён Галуу хүү» сказитель, описывая путь героя, использует данное выражение. В этом контексте цифры двадцать и десять обозначают время в пути:

зал’ как бы зрительно представляет картину трудной борьбы героя, чьи действия направлены против многолетней паутины, множественных следов, оставленных врагом:

щаяся в обрядовых материалах, в этом значении встречается в бурятской шаманской «поэме», построенной по эпической канве: *Хорин элэй / Хорхойн мурөөр ерээжэ, / Арбан элэй / Абаахайн мурөөр дахажа...* ‘По двадцатилетним / Следам червя придя, / По десятилетним / Следам паука преследуя...’ [6, л. 998–1004]. Изречение подчеркивает, насколько тщательно готовится и долго продолжается путь героя. Скорее всего, подобные формулы, составляющие смысл фольклорного универсума, «не наделяются в тексте смыслом, а сами наделяют им текст» [5, с. 65]. Естественно, построение шаманских текстов по эпической канве, по нашим наблюдениям, в первую очередь, связано с исполнителем и его творческими возможностями. И что примечательно, в бурятском эпосе эта формула не встречается в данном значении.

Думается, подобные устойчивые, однотипные формулы, сохранившиеся в фольклоре монгольских народов, служат основным средством характеристики традиций. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» (из рукописи цикла

песен джангарчи Давы Шавалиева) эта же константа также обозначает сложность пути и цели

*Арвн жѣл болсн
Аралжѣна мѣр мѣрдѣд,
Хѣрн жѣл болсн
Хорхан мѣр мѣрдѣд.*

Перевод на русский язык может иметь и другие версии, меняющие смысл формулы: '[Путь длиной] в двадцать лет / Прошел по «червячьему» следу, / [Путь длиной] в десять лет, / Преследовал по «паучьему следу»'. Или может быть такой вариант: 'Преодолевали паучий след / Длинною в десять лет, / Преодолевали червячий след / Длинною в двадцать лет'. В формуле из репертуара Эялана Овла, исполнявшего эпос «Джангар», изменяется только глагол, в результате чего возникает новый смысловой оттенок, содержащий обобщение – символическое движение человека к далекой цели: *Арвн жѣлд гүүсн / Аралжѣни мѣр мѣрдѣд, / Хѣрн жѣлд гүүсн / Хорха-меклэн мѣр мѣрдн гүүхэд...* 'Десять лет бежавшего / Паука след преследует, / Двадцать

Ступая по десятилетнему следу
Паука,
Ступая по двадцатилетнему следу
Жука,
Кончиками четырех стальных черных копыт,
Едва касаясь [земли] конь прошел [2, стк. 729–742].

Приведенные примеры употребления лишь одного формульного выражения могут раскрыть художественную специфику поэтической традиции, ее типологическое своеобразие. Вариативная природа фольклорного знака предполагает полное, свернутое и частичное употребление формулы. Так, в калмыцких загадках сохранилась часть данного формульного выражения: *Өрүһәр босад, аралжѣна мѣр мѣрджэ* 'Встав рано, пошел по следам паука' (*бичг бичх* 'писать письмо').

Итак, несмотря на стадийно-типологическую разнородность эпических текстов монгольских народов, единые этнически своеобразные поэтические формулы обнаружены во многих локальных традициях. Формулы в фольклоре монголь-

эпического героя:

[Поехали] по следу паука
Десятилетней давности,
[Поехали] по следу жука
Двадцатилетней давности [2, стк. 97–100].

лет бежавшего / Червяка след преследует...'. Выявление эстетических особенностей в поэзии «общих мест» приводит нас к мысли: как бы ни была устойчива формула, контекст произведения может изменить ее содержание. Изменение контекста — в соответствии с эстетикой фольклорного слова — приводит к возникновению нового смысла, нового варианта, а значит — к множественности значений в употреблении формульного выражения.

В калмыцком эпосе «Джангар» константная единица, о которой идет речь, употребляется в более общем значении неведомого тяжелого пути, который может преодолеть только волшебный конь богатыря:

ских народов, состоящие из постоянных эпитетов, устойчивых сравнений, тематических стандартов, стилистических клише, образных стереотипов, сохранили генетическую общность, единые истоки устно-поэтической традиции. В метрически упорядоченном повествовании эпоса отличающиеся стереотипностью формульные выражения имели возможность долгого хранения и устной передачи из века в век с семантическими, стилистическими и лексическими трансформациями. Этнопоэтические константы, присутствующие в фольклоре монгольских народов, выявляя национальную специфику текста, обнаруживают корреляции с глубинными архетипами, восходящими к общей традиции.

Литература

1. Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант). / подг. текста, пер. и прим. М. П. Хомонова. — Улан-Удэ, 1961. — Ч. 1. — 230 с.
2. Джангар: калмыцкий героический эпос / сост., подг. текстов, коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова. — М.: Наука, 1990. — 167 с.
3. Еренсей / подг. текста, перевод и прим. М. Н. Хомонова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — 207 с.
4. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — 1383 с.
5. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. — Л.: Наука, 1989. — 168 с.

6. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Хангалов, ф. 1, д. 674, л. 998–1004.
7. Баяд ардын аман зохиол / подг. текста, предисл. и примеч. Б. Катuu. — Улаанбаатар, 2011. — 256 с.
8. Халх ардын тууль / подг. текста, предисл. и прим. Р. Нарантуяа. — Улаанбаатар, 1991. — 320 с.

References

1. *Abaj Geser-hubun. Epopeja. (Ehirit-bulagatskij variant) / podg. teksta, per. i prim. M. P. Homonova [Abaj Geser-hubun. Epopee (Ekhirit-Bulagat version. Part I). Ulan-Ude, 1961. Ch. I. 230 p.*
2. *Dzhangar: kalmytskij geroicheskiy epos / sost., podg. tekstov, komment. i slovar' N. C. Bitkeeva, E. B. Ovalova [Dzhangar: Kalmyk heroic epos]. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 167 p.*
3. *Erensej / podg. teksta, perevod i prim. M. N. Homonova [Erencej]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1968. 207 p.*
4. Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri [Index of typical places of the heroic epos of the Siberian peoples]. Novosibirsk: SB RAS publ., 2005. 1383 p.*
5. Mal'tsev G. I. *Tradicionnye formuly russkoj narodnoj neobryadovoj liriki [The traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics]. – Leningrad: Nauka, 1989. 168 p.*
6. Manuscript Department IMBTS SB RAS. Hangalov, f. 1, d. 674, l. 998–1004.
7. Bajad ardyn aman zohiol / B. Katuu. Ulaanbaatar, 2011. 256 x. (Mong.)
8. Halh ardyn tuul' / R. Narantujaa. Ulaanbaatar, 1991. 320 x. (Mong.)

УДК 398.22

**Причины появления мотивов “обставить ножами” и “наточить нож”
в корякских сказках**

© Голованева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8

E-mail: gta-77@mail.ru

© Игумнов Андрей Георгиевич, доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: anigumnov@mail.ru

В статье на примере наиболее популярных корякских сюжетов рассматриваются причины, под влиянием которых меняется мотивный состав традиционного корякского фольклора. Первая причина — изменение хозяйственного уклада. Из фольклорного текста исчезают непонятные, не подкрепленные жизненным опытом рассказчика детали. Из текстов мифологических сказок исчезают отсылки к традиционной технологии, утраченной к настоящему времени. На их место приходят такие мотивы, которые кажутся рассказчику более логичными. Вторая причина изменения мотивного состава корякского традиционного национального фольклора — влияние русской сказочной повествовательной традиции. Наиболее устойчивые, эмоционально насыщенные мотивы русских сказок запечатлеваются в сознании корякских слушателей-читателей, а затем воплощаются в их национальных текстах.

Ключевые слова: коряки, фольклор коряков, сказки, мотив, мифологический эпос, этнографические истоки.

**Reasons for motives “to furnish with knives” and “to sharpen a knife”
in the Koryak tales**

Tatyana A. Golovaneva

PhD, research fellow, Department of Siberian folklore, Institute of Philology, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

8 Akademika Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russia

Andrey G. Igumnov

DSc, A/Professor, research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

On the material of the most popular Koryak tales subjects the article reviews reasons which lead for changes of motives in the traditional Koryak folklore. The first reason is the change of the economic structure. Details which are unclear and unknown for a narrator, references to traditional and now lost technologies vanish from the folklore texts. Those details are replaced by the motives which seem more logical for a narrator. The second reason is the impact of Russian fairy-tale narrative tradition. The most stable, emotionally rich motives of Russian fairy tales are imprinted in minds of the Koryak readers, and then are incarnated into their national texts.

Keywords: the Koryaks, Koryak folklore, fairy tales, motives, mythological epos, ethnographic sources.

Влияние русского фольклора на корякскую повествовательную традицию неизбежно коснулось даже самых устойчивых, наиболее распространенных сюжетов. И влияние это выразилось не столько в изменении сюжетной линии, сколько в насыщении текста такими изобразительными деталями, которые не могли естественным образом возникнуть в корякской повествова-

тельной традиции. Мы коснемся только одного момента: в корякской хозяйственной жизни совершенно особую роль играли ножи. По этнографическим данным, обрабатывать железо на Камчатке могли в двух селах — Парень и Куэл. В. И. Иохельсон в самом начале XX в. отметил, что эти села «славятся производством железных орудий. Ножи, топоры и копыя паренских и ку-

эльских кузнецов расходятся не только среди коряков и чукчей, но проникают и на Камчатку, и к соседним тунгусам» [1, с. 131]. Однако коряки не могли плавить железо из руды, поэтому использовались любые обломки железных инструментов. Паренские ножи славились на всю Камчатку и являлись особенной ценностью. В связи с этим закономерно, что в корякском фольклоре среди традиционных исконных мотивов повествования выделяются мотивы “поиски ножа”, “получение ножа в дар”:

Идет дальше [Куткыннюку]. Нашел кита. <...> «Как же я без ножа? Каким бы ножом мне его (разделить)?» Тут же наверх посмотрел. Там по скале лазают какие-то, лица, обросшие кустами. «Наверное, у них нож есть. Пойду попрошу нож». Подошел [Куткыннюку] к китовому уху, залез туда. Залез, заглядывает. «Здесьние дедушки, ножик подкиньте». Кто-то как будто бы сказал: «Ножи подкиньте». В ухо залезает. Там кита выбросило на берег, может, ножи просят они. Опять начал: «Здесьние дедушки, ножик подкиньте» [АМ, текст (далее — т.) 104, с. 688].

Нож является настолько большой ценностью, что может быть использован как выкуп за невесту во время сватовства:

Всю ночь Сисисъын делал нож. Весь в бисере большой нож сделал. <...> «Я вам дам за сватовство нож». Начали хорошо жить. Начали постоянно хорошо ездить по родственникам жены [АМ, т. 81, с. 579].

В корякских сказках нож изображается как нечто очень ценное, необходимое, единственное в своем роде. Тем интереснее, что в современных записях корякских сказок появляются мотивы, противоречащие этой традиции.

Популярный на Камчатке сюжет сказки «Куткыннюку и мыши» повествует о комических издевательствах мышей над Куткыннюку (Большим Вороном). За то, что он отобрал у мышей найденную добычу, они проникают ночью в дом Большого Ворона, крадут приготовленную еду и безобразничают:

Ночью, пока Куткыннюку и его жена спали, Мыши-девочки украли остатки мяса и вместо мяса они покакали [Johelson, t. 130, с. 324; перевод с английского наш. — Т.Г., А.И.];

Люди-мыши забрали всё. Они только оставили бульон от мяса нерпы. Но побросали камни в котелок. Они положили острые камни в обувь Мити и Большого Ворона [Johelson, t. 88, с. 261–262; перевод с английского наш. — Т.Г., А.И.];

Остро мышата острых камней навтыкали. Положили кусок дерна, обкакали кастрюлю,

мясо к себе унесли [АМ, т. 43, с. 279].

Только в одном варианте, записанном А.А. Мальцевой от Марии Васильевны Камак в с. Вывенка в 2004 г., в эпизоде, изображающем, как мыши безобразничают в доме Куткыннюку и Мити, вдруг появляется совершенно не предсказуемый для корякской повествовательной традиции мотив “мыши утыкивают пол Куткыннюку ножами”:

Ночью уснули Куткыннюку и Мити. А их племянники мыши пришли. И все мясо (лахтака, морского зверя) украли. Землей, какашками наполнили кастрюлю. А пол утыкали острыми ножами. Всё из кастрюли унесли домой [АМ, т. 19, с. 136–137].

Казалось бы, эта изобразительная деталь, этот мотив “утыкать пол ножами” практически идентичен традиционному изображению мышинных безобразий, когда мыши насыпают в обувь и на пол острые камни. Не все ли равно — острые камни или ножи? Для корякской традиции абсолютно нет. В древней корякской культуре нож не был чем-то обиходным. За ножом закрепляются отдельные особенно значимые функции. Рассказчица М. В. Камак (на момент записи ей 46 лет) воспитана уже в совершенно иной системе ценностей, где от традиционного корякского хозяйства остались только отголоски. В тексте, рассказанном Марией Васильевной, мотив “утыкать пол ножами” появляется не на пустом месте, это не есть плод фантазий рассказчицы. На появление этого мотива в тексте традиционной корякской сказки повлияло, с одной стороны, изменение хозяйственного уклада: в современном мире нож — уже обиходный кухонный предмет, не представляющий собой особой ценности, его можно купить в любом магазине. С другой стороны, появление мотива “утыкать пол ножами” непосредственно связано с русской сказочной традицией, причем не обязательно в ее устном варианте. Изучение русских народных сказок в школе, чтение русских сказок детям, мультфильмы, снятые по мотивам русских народных сказок, — все это влияет на бытование исконной национальной корякской традиции. Мотив “утыкать окно ножами” встречается в русской народной сказке «Перышко Финиста Ясна Сокола»:

На другой день сестры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы. Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился, бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал. <...> Утром просыпается

[девица], смотрит – на окне ножи да иглы натканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками: – Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!» [2, с. 170].

В русской сказке «Перышко Финиста ясна сокола» мотив “утыкать окно ножами” функционален. Он необходим для дальнейшего разворачивания сюжетного действия: ножи ранят крылья сокола и он вынужден покинуть свою возлюбленную. В корякской сказке о мышах и Куткыннюку, записанной от М. В. Камак, мотив “утыкать пол ножами” абсолютно нефункционален, т. е. этот мотив не имеет дальнейшего развития:

Ночью уснули Куткыннюку и Мити. А их племянники-мышы пришли. И всё мясо (лахтака) украли. Землёй, какашками наполнили кастрюлю. А пол утыкали острыми ножами. Содержимое кастрюли всё унесли домой. Утром проснулись Куткыннюку и Мити. Мити сказала: «Куткыннюку, носи кастрюлю, поедим». Встал Куткыннюку. Туда пошел, к кастрюле: «Ой-ой-ой, ой-ой-ой». Мити спросила: «Что с тобой, на старости лет так радуешься еде?» Что же дальше, подождите, забыла. Еле-еле дошла до кастрюли Мити. Начали есть. Едят» [АМ, т. 19, с. 139–140].

Отчетливо видно, что, в отличие от русской, в корякской сказке мотив “утыкать пол ножами” не имеет дальнейшего развития. Появление этого мотива совершенно никак не отражается на дальнейшем повествовании, что лишний раз подтверждает его заимствованную природу.

Другой популярнейший на Камчатке сюжет — сказка «Старуха-злой-дух и мышы» — также испытал на себе влияние русской сказочной традиции. Образная система этой сказки подвижна: в качестве главного героя выступает либо Старуха-злой-дух, либо Старик-злой-дух, либо Куткыннюку.

Первый эпизод развития сюжета устойчив: мышы катаются с горы, Старуха-злой-дух (Куткыннюку), услышав их возню, подставляет внизу горки свои штаны, ловит туда мышей для того, чтобы съесть. Интрига создается благодаря тому, что Старуха-злой-дух не сразу съедает мышей, а сначала оставляет их завязанными в штанах на дереве. Для развития сюжетного действия необходимо, чтобы Старуха-злой-дух (или Куткыннюку), завязав мышей в штаны, оставила их на дереве. В следующем эпизоде мышей спасает лиса. В традиционных текстах мотивировка, почему старуха не сразу съедает мышей, очень устойчива: мышы должны немного полежать в штанах и прокиснуть, прокваситься:

Покатились (мышы). В штаны все упали. Снял штаны [Куткыннюку]. И завязал. Ввалил на себя. Пошел в тундру. Пришел в тундру. Там начал... ой. Нашел дерево очень прямое. Стал говорить: «Согнись, согнись». Дерево согнулось. Повесил это (мышей, завязанных в штанах). «Тут прокисайте. Через несколько дней приду. Я вас съем, как раз хорошо прокиснете». Да, так [АМ, т. 132, с. 942];

Потом сказал [Куткыннюку]: «Я вас поймал, мышы. Вы не слушались матери». Стемнело. «Я вас поймал, буду вас проквашивать. Прокиснете, буду вас есть. <...> Ну, теперь прокисайте. Через несколько дней приду, как раз прокиснете». Пошел домой [АМ, т. 146, с. 1024];

Что ж, мышей наверху повесила [Старуха-злой-дух]. «Ну, домой пойду. Кисните. Ещё покатайтесь (мне), надоеды! Прокисайте». Домой пошла эта Старуха-злой-дух [АМ, т. 148, с. 1036].

Появление и устойчивость эмпирически достоверной детали “оставить на время, чтобы проквасить” непосредственно связаны с традиционным ведением хозяйства. Квашение было очень популярно у береговых коряков и ительменов. Еще в 1928 г., по свидетельству С. Н. Стебницкого, квашение рыбы составляло неотъемлемую часть промысла приморских коряков: «Выловленную рыбу сваливают в глубокую яму, вырытую на берегу реки невдалеке от места ловли. <...> В яме рыба подгнивает и превращается в сплошную серую массу. Запах, исходящий от “кислых ям” так силен, что к такой яме невозможно подойти за несколько десятков метров. Как правило, кислая рыба служит кормом для собак, но “кислые головки” едят и люди, причем это считается даже лакомством. <...> А на следующий день, после того как все наедятся “кислых головок”, ни к кому подойти невозможно. В “кислом виде” едят не только рыбу, но также и “лахтачье мясо”» [3, с. 99]. Технология традиционной кухни естественным образом не просто отразилась в тексте сказки как изобразительная, эмпирически достоверная деталь, но повлияла на сам процесс формирования сюжета.

По мере русификации национального населения меняются традиционные национальные кулинарные технологии, которые с позиции «достижений цивилизации» кажутся антисанитарными. С. Н. Стебницкий в 1928 г. отмечал: «В последние годы местные организации ведут борьбу против заготовок рыбы в ямах» [3, с. 100].

Насколько нам известно, в настоящее время технология квашения рыбы практически утра-

чена. Во время нашей экспедиции 2003 г. в с. Тигиль коренная ительменка Валентина Ивановна Успенская рассказывала, что она помнит вкус кислых рыбьих головок с детства. Во взрослой жизни это традиционное лакомство она уже не пробовала: перестали квасить рыбу в ямах. Однако, как сообщила нам А. А. Мальцева в устной беседе, в 2004 г. во время экспедиции в с. Вывенка она видела, как береговая корячка Дарья Мулинаут и ее племянница ели заквашенные в кастрюле рыбы головы. Из-за ужасного запаха, который от них исходил, всем предложили отойти и встать с подветренной стороны. Доставая головы из кастрюли по одной, они, наклоняясь, промывали их в реке и сразу ели, с большим удовольствием хрустя хрящами. Дарья Андреевна Мулинаут — 1918 г. рождения, т. е. на момент экспедиции 2004 г. ей было 86 лет. Будучи укорененной в национальной традиции, она сохранила традиционный рецепт, приспособив его к реалиям цивилизованного мира. Пример сохранения традиционной кулинарной технологии, увиденный А. А. Мальцевой, является исключением из общего правила утраты традиционных технологий под влиянием достижений цивилизации.

Изменение традиционных технологий влияет на процесс текстообразования. Рассказчики могут заменять непонятные им, реликтовые детали, на более, по их мнению, правдоподобные. В варианте сказки «Старуха-злой-дух и мыши», записанном А. А. Мальцевой от Сергея Григорьевича Йокки, Старуха-злой-дух ловит не мышей, а девочек. Изменения коснулись не только образной системы, но и самой детализации изображения:

Старуха-злой-дух сказала: «Дерево, дерево, наклонись, чтобы я накормила тебя жировой толкушей». Наклонилось дерево. [Старуха-злой-дух] повесила камлейку. Маленькие девочки там находятся. [Сказала:] «Дерево, дерево, выпрямись, чтобы я покормила тебя жировой толкушей». Береза выпрямилась. «Пойду пока домой. Схожу за ножом, еще и поточу его. Здесь пока подождите» [АМ, т. 18, с. 134].

Показательно, что рассказчик Сергей Григорьевич Йокка достаточно молод. Родившись в 1952 г., он уже не видел «кислых ям», поэтому исконная отсылка текста сказки к традиционному укладу непонятна рассказчику, так как он этого уклада уже не видел. Непонятная деталь «оставить, чтобы проквасить» заменяется более логичной, более понятной и в то же время — более русской.

Мотив “наточить нож” в русской сказочной

традиции востребован и функционален:

«Белая уточка»: Заморышек отвечает: — Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие; ножи точат булатные [2, с. 191];

«Сестрица Аленушка, братец Иванушка»: Видит козленочек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю, и просится: «Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал: «Аленушка, сестрица моя! Выплывь, выплывь на бережок. Огни горят горючие, Котлы кипят кипучие, Ножи точат булатные, Хотят меня зарезати!» [2, с. 189];

«Крошечка-хаврошечка»: Старик так, саяк: «Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая» «Режь, да и только!» Наточил ножик... Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать» [2, с. 59].

В русских народных сказках мотив “наточить нож” не только функционален, но он еще и очень эмоционально насыщен, что создает у слушателей эмоциональное напряжение в ожидании расправы над героем сказки. Мотив “точить нож” встречается в очень известных русских народных сказках: «Крошечка-хаврошечка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Тексты этих сказок дети слушают в детском саду и в школе, родители читают детям книжки с русскими народными сказками. И вследствие всего этого сильный, эмоционально-насыщенный мотив “наточить нож”, запечатлеваясь в сознании потенциального рассказчика корякской национальности, начинает проявляться в корякской повествовательной традиции.

В традиционных корякских сказках мотив “наточить нож” не встречается. Если нож затупился, то его не точат, а ищут новый. Острый нож обеспечивает удачу. Тупой нож изображается как помеха, как препятствие, как нечто мешающее, затрудняющее исполнение миссии героя:

Вскочила Зеркальная-изморозь. Нож использует как воронье крыло, настолько красивый большой нож на бедре, вытащила его. Тем ножом сильно ударила [женуха-Амамкутыкылыына], побежала по лестнице. Вышла. Убежала. Нож вот так впился. Затупила. Оказывается, из стали. Кожу бы порезала — убила бы [Амамкутыкылыына]. <...> У Зеркальной-Изморози товарищ — Гремящий-через-перевал-поток. Пришла к нему. Он ей делает

ножи. [Зеркальная-Изморозь говорит:] «Знаешь, друг, у меня затупился нож, испортился, (когда) срезала иван-чай». [Гремящий-через-перевал-поток удивляется:] «Ты что, о лобную кость дикого оленя нож испортила? Он ведь из стали! Как тебе удалось? Об чью-то челюсть, о челюсть дикого оленя-быка? Такой крепкий нож затупился!» Другой дал. И все время так [АМ, т. 66, с. 426–427].

Если нож затупился, то он стал негодным. Гремящий-через-перевал-поток дает Зеркальной-изморози новый нож, но не точит старый.

В корякских народных сказках, записанных от пожилых информантов, в частности от М. И. Притчиной (1918 г.р.) [АМ, т. 66] и Д. А. Мулинаут (1918 г.р.) [АМ, т. 20] острый нож — средство достижения цели, однако мотив “точить нож” не встречается в этих текстах:

Потом Ымми сказала: «В самом конце, заметь, твой отец будет. Загарпунь его. Только острый нож носи с собой. Загарпунишь, скорее разрежь его. Твой отец там» [АМ, т. 20, с. 160].

Исконно в корякских сказках “острый нож” — особая ценность, это то преимущество, которым обладает истинный герой. В русских сказках за ножом закреплены совершенно иные функции: нож является орудием расправы, в связи с чем упоминание ножа усиливает эмоциональную насыщенность текста. Слушатель, даже будучи этнически причастен совершенно иной культуре, тем не менее, воспринимает эту эмоционально выделенную деталь текста и мо-

жет воплотить ее в традиционном тексте корякской сказки.

На примере двух рассмотренных в статье мотивов хорошо видно, как и почему происходит изменение мотивного состава традиционного национального фольклора. Наиболее четко выделяются две причины. Первая — изменение традиционного хозяйственного уклада. Из текста исчезают непонятные, неподкрепленные жизненным опытом рассказчика детали. Отсылки к национальным традиционным технологиям, не соответствующие современной рассказчику хозяйственной практике и, вследствие этого, непонятные ему, утрачивают свою эмпирическую достоверность. На их место приходят такие мотивы (устойчивые детали изображения), которые кажутся рассказчику более логичными. Но возникают новые мотивы не на пустом месте. Вторая причина изменения мотивного состава традиционного национального фольклора — влияние иной, более устойчивой повествовательной традиции. Русская народная сказка как повествовательный культурный феномен в современной жизни активно существует не столько в устном, сколько в печатном своем варианте. Однако это не мешает русской сказочной повествовательной традиции откладываться в сознании читателей и слушателей самых разных национальностей. Наиболее устойчивые, эмоционально насыщенные мотивы запечатлеваются в сознании слушателей-читателей, а затем воплощаются в национальных текстах.

Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье

АМ — **Архив А.А. Мальцевой**. Архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1992-2006 гг. Все тексты расшифрованы с аудиозаписи и переведены на русский язык ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН Аллой Александровной Мальцевой при участии коряков-алюторцев, владеющих родным языком.

АМ, т. 18 — рассказал Сергей Григорьевич **Йокка**, 1952 г. р., уроженец с. Вывенка. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована и переведена на русский язык А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 19 — рассказала Мария Васильевна **Камак**, 1958 г. р., уроженка с. Вывенка. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 43 — рассказала Анна Егоровна **Мулитка**, 1926 г. р., уроженка с. Вывенка. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован и переведен с алюторского языка А. А. Мальцевой при участии А. Е. Мулитки в с. Вывенка в 2004 г.

АМ, т. 81 — рассказал Василий Николаевич **Чечулин**, ок. 1942 г. р., уроженец с. Анапка. Текст записан в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 104 — рассказала Татьяна Васильевна **Котавынина**, 1933 г. р., уроженка с. Рекинники. Текст записан А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2000 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

АМ, т. 132 — рассказала Варвара Кондратьевна **Белоусова**, 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в п. Палана в 2006 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в п. Палана в 2007 г.

АМ, т. 146 — рассказала Екатерина Кондратьевна **Яганова**, 1943 г. р., уроженка с. Лесная. Текст записан в ходе экспе-

диции ИФЛ СО РАН в с. Лесная в 2006 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в с. Лесная в 2006 г.

АМ, т. 148 — рассказала Мария Кондратьевна **Яганова**, 1943 г. р., уроженка с. Лесная. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в п. Палана в 2006 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с алюторского языка А.А. Мальцевой в г. Новосибирске в 2006 г.

Johelson, t. 88 — рассказала Па'џа, жительница с. Каменское. Записал В. И. Иохельсон в с. Каменское в 1900 г. Опубликовано только перевод текста на английском языке.

Johelson, t. 130 — сведений о рассказчике нет. Записал В. И. Иохельсон на р. Алука в 1901 г. Опубликовано перевод текста на английском языке.

Литература

1. Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. — СПб.: Наука, 1997. — 238 с.
2. Народные русские сказки: Из сборника А. Н. Афанасьева. — М.: Художественная литература, 1990. — 270 с.
3. Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. — СПб.: Наука, 2000. — 234 с.

References

1. Johelson W. *Koryaki. Materialnaya kul'tura i sotsial'naja organizatsiya* [The Koryaks material culture and social organization]. St Petersburg: Nauka, 1997. 238 p.
2. *Narodnye russkie skazki: Iz sbornika A. N. Afanasyeva* [Russian folk tales: From the collection of A. N. Afanasyev]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. 270 p.
3. Stebnicky S. N. *Ocherki etnografii koryakov* [Essays on the Koryak ethnography]. St. Petersburg: Nauka, 2000. 234 p.

УДК 398.22(571.54)

250 лет на земле Бурятии: предания и устные рассказы старообрядцев-семейских как отражение субэтнической общности

© Тихонова Елена Леонардовна

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tipldk@yandex.ru

В статье рассматриваются предания и устные рассказы старообрядцев Бурятии с точки зрения отражения в них народного понимания тех или иных исторических событий, а также с точки зрения отражения в них субэтнической общности. Стремление старообрядцев сохранить свою идентичность не могло не отразиться в фольклоре, в котором сконцентрирован нравственный, духовный и исторический опыт народа. Анализ преданий и устных рассказов старообрядцев Бурятии показал, что главный фактор, способствующий сохранению субэтнической общности семейских, — это приверженность древней вере отцов. Древлеправославие для прежних старообрядцев являлось главным жизненным ориентиром, давало старообрядцам нравственные и физические силы в непростых жизненных ситуациях. Отход от религиозных традиций отцов также признается современными старообрядцами и подвергается порицанию, так как это приводит к размыванию границ субэтнической идентичности.

Ключевые слова: фольклор, старообрядцы, исторические предания, устные рассказы, субэтническая общность.

250 years in the lands of Buryatia: legends and verbal stories of the old believers (Semeyskie) as a reflection of sub-ethnic community

Elena L. Tikhonova

PhD, A/Professor, senior research fellow, Department of folklore and literature studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article reviews the legends and verbal stories of old believers of Buryatia from the point of view which reflects people's understanding of certain historical events, and also from the point of view reflecting sub-ethnic community. The desire of the old believers to preserve their identity reflected in their folklore, focusing on the moral, spiritual and historical experience of the people. Analysis of the legends and verbal stories of the old believers of Buryatia showed that the main factor contributing to the preservation of the Semeyskie sub-ethnic community is a commitment to the ancient faith of the fathers. The "ancient Orthodoxy" for the former old believers was the main guide to life, gave the believers moral and physical strength in difficult life situations. A departure from the religious traditions of the fathers is admitted by modern believers and is reproached, as it leads to washing out of the boundaries of sub-ethnic identity.

Keywords: folklore, the old believers, historical legends, verbal stories, sub-ethnic community.

В 2015 г. общественность нашей республики широко отмечает 250-летний юбилей прибытия старообрядцев на землю Бурятии. Масштабность этого события, его общественно-политическую, экономическую и культурную значимость для региона переоценить трудно. Однако интересно проследить, какую оценку прошлым событиям из их истории дают сами старообрядцы в фольклорных текстах: прежние старообрядцы — в преданиях, и современные — в устных рассказах. Ведь именно фольклор сопутствует народу на протяжении всей его истории, и именно в фольклоре мы находим народную интерпретацию тех или иных исторических событий, а также отражение этнической, или

субэтнической, общности.

Русское старообрядчество — феноменальное явление не только в истории России, но и в мировой истории. И всегда перед старообрядцами остро стояла проблема самосохранения. Ориентируясь на дониконовские церковные традиции своих предков, ставя во главу угла труд и семейные ценности, старообрядцы долгое время сохраняли основные элементы базовой русской православной культуры. Русские старообрядцы, отмечает И. В. Поздеева, «сумели сохранить себя в постоянно изменяющейся окружающей их действительности, найти, или скорее, построить свою неповторимую экологическую нишу» [2, с. 13]. Подобная «экологическая ниша», созда-

ваемая прежде всего многочисленными запретами и строгими ограничениями, способствовала сохранению и отеческой древлеправославной веры, и традиционного бытового уклада жизни, и традиционного фольклора старообрядцев, в котором сконцентрирован нравственный, духовный и исторический опыт народа.

В среде старообрядцев-семейских особенно свято сохранялись ценности духовного, религиозного характера. Религия являлась для них главным жизненным ориентиром, давала старообрядцам нравственные и физические силы в непростых жизненных ситуациях. Именно поэтому в рассказах старообрядцев о прошлом содержатся мотивы, обусловленные религиозной историей старообрядчества, такие как раскол веры, приверженность старым обрядам и обычаям, гонения на старообрядцев и некоторые другие.

Задавая вопросы жителям семейских сел по поводу жизни их далеких и недалеких предков, мы, к сожалению, очень часто слышали в ответ, что, мол, мы этим в молодости не интересовались, не до того было, много работали и т. д. Однако этнически важная информация, в том числе содержащая указание на систему ценностей субэтнической общности, в устной традиции сохранилась и дошла до современных старообрядцев. К такой информации мы можем отнести все, что касается религии/древлеправославия. Именно религия регламентировала всю жизнь старообрядческого села. Соблюдение религиозных норм отражалось и на фольклорной традиции старообрядцев-семейских.

Потомки прежних старообрядцев рассказывают, что, отправляясь в Сибирь, в ссылку или «добровольно» переселяясь, старообрядцы в первую очередь везли с собой старинные иконы и «непереписанные» книги — атрибуты древлеправославного культа, позволявшие отправлять религиозные обряды. Рассказывая о переселении семейских на новое место жительства, Черных М. П. сообщила: «*Деревня (Ягодное. — Е.Т.) заселилась в 1925 году. Из Тарбагатая, из Кордона шли. Везли сундуки, детей и иконы*» (ПМА 1). Последняя фраза очень показательна с точки зрения обозначения приоритетов в жизни старообрядцев: древлеправославие (*иконы*), труд (*сундуки*, в них перевозились плоды труда) и семья (*дети*).

И на новых территориях проживания основной ценностью, материальной и духовной, для старообрядцев были иконы и богослужебные книги как знак, как символ их веры и их страдания за веру. Благодаря этому старообрядцы-семейские до наших дней сохранили многие

старинные иконы, древние книги и рукописные источники религиозного содержания. Поэтому люди, которые в 30-е гг. прошлого столетия принимали участие в разорении церквей, истреблении икон, богослужебных книг подвергались основной частью старообрядцев строгому осуждению, сначала тайному (по понятным причинам), а сегодня — и явному. Отвечая на наш вопрос о сохранении семейскими древлеправославия, информант неожиданно перевела разговор именно в это русло: «(Притесняли семейских. Но вот сохранили же веру? — соб.) *Но сохранили, конечно. Иконы, бывало, с избы вытаскивали, выбрасывали. Которы даже с икон делали собакам гнезда. Разве можно это? Делали, у нас старики делали. Так оне все пропали.* (А почему старики-то делали? — соб.) *Так вот, таки были, не верили, что Бог есть. И у бани ставенки делали. Вот, с тридцать седьмого года вот эти старики оставались. И церкви разоряли, усё.* (А что им за это было? — соб.) *Ну, почти нишиши стали, больные. Всех потянуло их*» (ПМА 2). Информация о том, что некоторые старообрядцы делали из старинных икон собакам будки (*гнезда*) очень нас удивила, на что информант дала подтверждение: «*Делали, у нас старики делали. <...> И у бани ставенки делали.*»

Из истории известно, что в 20-30-е гг. XX в. молодежь особенно активно начала отходить от религии, вполне искренне считая ее заблуждением отцов и дедов, и принимала активное участие в разорении церквей и уничтожении церковной утвари. В фольклорной прозе старообрядцев, повествующей об этих событиях, традиционными являются мотивы разорения церквей (*церкви разоряли*) и неизбежно следующего за этим наказания (*все «пропали»/стали больными, нищими*).

Однако зафиксированы и другие рассказы, повествующие о том, как старообрядцы избавлялись от икон и богослужебных книг (а по существу, сохраняли их). В семейском селе Ягодное информант Черных М. П. рассказала нам о том, что в семье ее родителей были старинные старообрядческие книги. После смерти матери (это было еще в советские времена) Мария Петровна положила эти книги к ней в гроб. Объяснила информант это тем, что в то время божественные книги были молодым не нужны, в том числе и ей, так как она не умела по ним читать. И чтобы эти книги не осквернили, она положила их в гроб матери. Мария Петровна сообщила и другой интересный факт. После смерти стариков их родственники, люди в то время (советское) не очень верующие, поступали со старинными

иконами следующим образом: они уносили иконы высоко в горы и опускали их в расщелины скал. Делалось это также с целью сохранить святость икон, не дать возможности кому-либо осквернить их (ПМА 1).

Современные старообрядцы осознают, что во времена раскола и в дальнейшей истории их предки принятию «другой веры», т. е. новых церковных канонов, предпочли страдания «за веру Христову», дальний путь в неизведанные края: «А за что ссылали? — соб.) *За веру, наверно. Крестьяне православные тремя перстами, а наши двумя, полагается, крестятся. Вера, вера. За это и ссылали. Раскол был какой-то в этом, в православии*» (ПМА 3).

В рассказах старообрядцев, содержащих мотив раскола, явно прослеживаются оппозиции «свое–чужое», «старое–новое», функционирующие в рамках сюжетно-тематического цикла «раньше–теперь». Положительная оценочность рассказчиков направлена на «свое/старое», на соблюдение религиозных и бытовых традиций своих предков. Во всем цикле рассказов старообрядцев оппозиции «свое–чужое», «старое–новое» выходят на новый уровень противостояния — «старообрядчество–новообрядчество». В фольклорных текстах эта оппозиция проявляется на уровне соблюдения/несоблюдения религиозных, а также морально-этических норм, установленных далекими предками: старообрядцы соблюдают/соблюдали раньше — новообрядцы не соблюдают. Известно, например, что у некоторых старообрядческих согласий (например, бегунское согласие) довольно долго существовал запрет не только на съемку в кино или на телевидении, но и на фотографирование. Ортодоксальные старообрядцы не фотографировались даже на паспорт, так как считалось, что запечатленным для лицезрения мог быть только Лик Господень (ПМА 4). Показательно в этом отношении следующее высказывание: «*У нас, у семейских, совсем по-другому. У нас щас, если ты Богу молишься, ты ни в телевизоре не должен сниматься, ни петь, ни плясать. (И до сих пор так? — соб.) А таперь-то все перепуталось*» (ПМА 5). Постепенно происходящая трансформация официальной православной церкви в сторону ее обмирщения, отход от единого церковного канона вызывают неодобрение современных сторонников древнего православия.

Но и отход самих старообрядцев от религиозных традиций также признается ими и также подвергается порицанию. Например, рассказывая о своем многолетнем участии в фольклор-

ном ансамбле «Рябинушка» (с. Ягодное), Улита Григорьевна Сычева не преминула отметить: «*Батюшка не разрешает петь, и телевизор не разрешает. Нам надо такие, божественные, молитвы*» (ПМА 6).

Декларируя в своих рассказах религиозные и бытовые установки, нормы поведения, современные старообрядцы постоянно указывают на то, что раньше все было намного строже, а значит упорядоченнее, что после революции многие религиозно-бытовые запреты стали нарушаться и жизнь от этого становилась греховной, а посему непонятной и бессмысленной. Рассказывая о том, какие усилия прилагали «деды наших дедов» при освоении новых земель за Байкалом, информант делает ремарку: «*А теперь вот как стало — хлебом кормят, хоть и не работаем*» (ПМ 7). С традиционной точки зрения, нарушена логика, жизненный принцип «Кто не работает, тот не ест». Несмотря на объективные, часто положительные изменения в жизни старообрядцев, в их мировосприятии явно ощущается ориентированность на традиции прошлого, порицание современного «греховного» образа жизни.

Выживать на новом месте, при этом самосохраняясь, помогало и то, что старообрядческие религиозные нормы от поколения к поколению передавались закрепленными в знаковых/символических формах, определяющих в том числе и внешний вид человека, и способ его поведения. Хорошо известно, например, что мужчины-старообрядцы не брили бороды и борода стала одним из знаков/символов неприятия старообрядцами нововведений не только в религии, но и в быту, который опять-таки регламентировался религиозными нормами. Символы в народной, и в том числе в религиозной культуре настолько значимы, что в фольклорном тексте отказ брить бороду отождествляется со старообрядческим вероисповеданием: в Сибирь ссылают не за саму веру, а за нежелание брить бороду: «*Нас, семейских, семьями выгнали оттуда (из Польши. — Е.Т.), вот семейские так и называются. Почему? Потому что дед, бабушка, сыновья. Бороду не хошь брить — марш в Сибирь, там тебе! (А почему деды бороды брить не хотели? — соб.) А поверие такое. Вера Божия*» (ПМ 8).

В бритье бороды старообрядцы видели отход от религиозных и морально-этических традиций своих предков. Вот что об этом нам рассказали в с. Хасурта: «*Обязательной принадлежностью каждого мужчины была борода. Уставщики говорили, что Бог на иконах изображен с бородой, а человек — это подобие Божие, поэтому*

что Бог дал, то и должно быть, естественно. Поэтому все носили бороду. И даже когда служили в армии (сбривали бороды) и приезжали домой — пока не отрастала борода, в переднем углу, под иконами, кушать не садились, ели за печкой где-то. Вот такая строгость была» (ПМА 9).

Итак, для старообрядцев, 250 лет назад оказавшихся за Байкалом, основным культурным концептом, духовной константой, помогающей сохранять этноконфессиональную идентичность, долгое время являлось древлеправославие. Религиозно-духовное начало старообрядцев не могло не отразиться на их фольклоре как форме сознания и форме отражения специфических черт менталитета народа. В фольклорной

традиции старообрядцев-семейских наблюдается стремление сохранить древнерусские корни. «Базовым, основным для мировосприятия старообрядцев, — пишет по этому поводу исследовательница народной культуры сибиряков Р.П. Матвеева, — была приверженность старине. Культура старообрядцев тщательно сохраняла связь с духовно-культурным наследием Древней Руси, с многовековыми народными культурными традициями» [1, с. 48]. И поддерживать эту связь, а, следовательно, «охранять» границы субэтнической общности, помогало строгое следование древлеправославным канонам, которые фиксировались и передавались от поколения к поколению в том числе и в фольклорных формах.

Примечания

ПМА 1 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Ягодное Селенгинского р-на РБ в июне 2009 г. Информант: Черных М. П., 1930 г.р.

ПМА 2 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информант: Филиппова П. А., 1929 г.р.

ПМА 3 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в июле 2001 г. Информант: Сучков С. П., 1934 г.р.

ПМА 4 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информация получена от Шевченко З. Н., 1930 г.р., которая сама никогда не фотографировалась и поэтому не имеет паспорта и одна из последних на селе постоянно носит семейскую одежду.

ПМА 5 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в июле 2001 г. Информант: Мясникова А. Е., 1926 г.р.

ПМА 6 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Ягодное Селенгинского р-на РБ в июне 2009 г. Информант: Сычева У. Г., 1935 г.р.

ПМ 7 — Полевые материалы Потаниной Р. П., Гавриловой Р. А. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в апреле 1971 г. Информант: Сластина С. А., 1898 г.р.

ПМА 8 — Полевые материалы Кушнаревой Л. Л., Жарниковой Н. В. Фольклорная экспедиция в с. Бичура Бичурского р-на РБ в июле 2003 г. Информант: Ястреб Г. А., 1929 г.р.

ПМА 9 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информант: Иванов В. Ф., 1966 г.р.

Литература

1. Матвеева Р. П. Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — 124 с.

2. Поздеева И. В. Традиции и новации в истории, культуре и жизни русского старообрядчества // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2007. — С. 13–21.

References

1. Matveeva R. P. *Narodno-poeticheskoe tvorchestvo staroobryadtsev Zabajkal'ya (semeyskikh)* [People's poetry of the Transbaikalian Old Believers (Semeyskie)]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2005. 124 p.

2. Pozdeeva I. V. *Traditsii i novatsii v istorii, culture i zhizni russkogo staroobryadchestva* [Traditions and innovations in the history, culture and life of the Russian Old Believers]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi — Old Belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign connections*. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2007. Pp. 13–21.

УДК 398.1

Образы исторических личностей в сказочной прозе бурят (легендарный герой Дамба тайша)

© **Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна**

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: bch58@yandex.ru

Основное содержание исследования составляет анализ устных рассказов исторического содержания — одного из разновидностей сказочного прозаического фольклора бурят. Особое внимание уделено характеристике деятельности реально существовавшего исторического лица, получившего общественное признание, что нашло отражение в устной народной поэзии. Значительное внимание уделяется сопоставлению содержания преданий с достоверными свидетельствами письменных исторических источников. В статье рассмотрены характерные жанровые признаки бурятских легенд и преданий об исторических личностях как повествований о фактах реальной действительности.

Ключевые слова: устные рассказы исторического содержания, сказочная проза, письменные источники, легендарный герой.

Images of historical figures in the fabulous prose of the Buryats (legendary hero Damba Taisha)

Badma-Khanda B. Tsybikova

PhD, leading researcher of Department of Folklore and Literature Studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article analyzes verbal stories of historical content — one of the varieties of fabulous folklore prose of the Buryats. Particular attention is given to the characteristic of activities of real historical person who has received public recognition, as reflected in verbal folk poetry. Considerable attention is paid to the comparison of the content of legends with reliable evidence of written historical sources. The article describes the characteristic features of the genre of Buryat legends and stories about historical figures as narratives about the facts of reality.

Keywords: verbal stories of historical content, fabulous prose, written sources, the legendary hero.

В преданиях об исторических личностях в центре любого события всегда стоит одна яркая личность. Это предания с ярко выраженной исторической основой, где вокруг легендарного героя и разворачивается основной сюжет. В устных рассказах об известных людях, передающихся из уст в уста, переходящих от поколения к поколению, предметом передачи становятся их неординарные деяния, поступки, подвиги, выдающиеся заслуги, оставившие в народной памяти неизгладимый след, иногда обрастая неправдоподобной историей, которая приукрашивает действительность. Один из таких персонажей устных народных рассказов бурят является образ Дамба ноёна (тайши), как он фигурирует во многих фольклорных текстах. Речь идет о тайше хори-бурят Дамба-Дугар Ринчинэй (вариант — Иринцеве), который в этой должности находился в период с 1768 по 1804 гг. [3, с. 38]. Деятельность этого человека, довольно продолжительное время осуществлявшего и регулиро-

вавшего основные сферы жизнедеятельности своего племени (в течение 36 лет являлся главным родоначальником), очевидно, особенно запечатлелась в сознании народа, что нашло отражение в фольклоре хори-бурят.

Первое известие о том, что хоринцы живут зажиточнее, чем другие бурятские племена, принадлежит академику И. Г. Георги, побывавшему в 70-х гг. XVIII в. в Забайкалье. В то время хоринцы каждый год сдавали тысячи пудов шерсти для производства солдатских шинелей на Тельминской фабрике Иркутской губернии [2, с. 84]. Д-Д. Иринцев в 1801 г. организовал Анинскую ярмарку, которая впоследствии проводилась ежегодно с 15 ноября по 15 декабря. По его инициативе началось строительство одной из первых бурятских школ — Анинского училища, открытие которого состоялось в 1806 г. За свои заслуги был удостоен высокого ранга надворного советника [2, с. 105).

С. Ю. Даржаев пишет: «С 1743 года в бурят-

ских ведомствах учреждались “Степные конторы” в составе главного тайши и 6 депутатов. При конторе устраивались албанские сугланы (служебные собрания) для раскладки податей и решения иных вопросов» [4, с. 16]. Так вот тайша Дамба-Дугар Ринчинэй являлся первым организатором подобной конторы в Хори: «Ахамад тайшаа Дамба-Дугар Ринчинэй үедэ тэрэ гэрые Баргажанай земскэ сүүд болон бусадшые яаман газарнууд 1794 онһоо эхилэн, Хориин ахамад тайшаагай бэшэгэй конторо гэжэ бэшэдэг болоод, бидэ Хориин сайднар өөрын гуйлтануудые хэхэдээ, ахалагша абай ноёной Анаагай зургаан гэжэ бэшэжэ байһан байнабди» [2, с. 64] (Во времена тайши Дамба-Дугара Ринчинэй, начиная с 1794 г. Баргузинский земский суд и другие учреждения стали писать о том доме “Письменная контора главного тайши”, мы — хоринские чиновники, когда оформляли свои просьбы, мы писали так: “Заведение Анинского главного и старшего ноёна”) (здесь и далее перевод наш. — Б-Х. Ц.).

О других организаторских способностях и введенных Дамба тайшой новшествах находим у Вандана Юмсунова в его летописной повести о родословной одиннадцати хоринских родов [2]. К примеру, им построен Анинский дацан: «Хориин ахамад тайшаа Ринчинэй гэгшэ өөрын мүргэлэй хүмэ гэжэ Анаа голый Аалан гэдэг горхоной зүүн гарта 1795 ондо Дондоб Дашинлин гэдэг нэгэ бишыхан модон дасан барюулаад, тэндэнь ламань дархан нанса Ринчэн дид (бага) ламанартай байбашые хаань, засагай баталалгатай дасан бэшэ туладань Худанай дасангай шэрээтэ лама морилжо, шухала мүргэлэй ёһололые дүүргэжэ байһан юм» [2, с. 45] (В 1795 г. хоринский главный тайша Ринчинов на левом берегу реки Алан в Анинской долине построил маленький деревянный дацан Дондоб Дашинлин, так как дацан не был утвержден властями, прибыл настоятель Кодунского дацана и исполнял основные религиозные требы, хотя там и числился младший лама дархан нанса Ринчэн с ламами).

В период активной деятельности Дамба ноёна поддерживался транспортный узел между Читой и Верхнеудинском: «Энэ забһарта 1770 онһоо 1870 он хүртэр Дээдэ-Үдын городһоо Шэ-тэ хүртэр харгын верстовой столбнуудые шэрдэжэ зоохо, тэдэнэй хуушархада шэнэлжэ байха хүдэлмэриие нэгэ зуун жэлдэ хэжэ байгаабди» [2, с. 8] (В период с 1770 г. по 1870 г. от города Верхнеудинск до Читы красили верстовые столбы и устанавливали [их]; когда они приходили в ветхость, обновляли — такой работой мы зани-

мались в течение ста лет). Хотя официально Агинская степная дума была образована в 1839 г. [4, с. 33], Дамба тайша участвовал на начальном этапе отделения агинских семи родов из ведения Хоринского ведомства: «Хориин ахалагша тайшаа Дамба-Дугар Ринчинэй 1780 онной шиидхэбэрээр тэдэнэй (агын зоной — Б-Х. Ц.) сайднарай зариманиинь тэрэ нютагай (Ага нютагай. — Б-Х. Ц.) главна зайһангууд болгодожо, бусад бүгэдээ захиража байха түрүүшын хүнүүдынь...болобо») [2, с. 86] (По решению главного хоринского тайши Дамба-Дугара Ринчинэй от 1780 г. некоторые чиновники тех (агинцев) стали главными зайсанами той местности (Агинска) и стали первыми людьми, несущими ответственность за остальных).

Буряты в результате контактов с русскими стали осваивать новые навыки и способы ведения хозяйства — строить деревянные дома и заниматься сенокосением: «Энэ үеһөө эхилэн Хориин зон ород гуримаар байшан гэр барижа һуудаг болобо, тэрэшэлэн литовкоор үбһэ сабшадаг журамтай болобо» [2, с. 104] (С этого времени хоринский люд по русскому обычаю стали строить дома и жить, кроме того, взяли за правило косить сено литовкой). Образцом для подражания выступил Дамба тайша, который построил два дома, но из-за того, что не знал, как отапливается и чем освещается такое жилище, испытывал определенные трудности [2, с. 81].

Обратимся к устному творчеству бурят для выявления соответствий исторических фактов в преданиях о Дамба ноёне, наиболее характерных аспектов в изображении одного из любимых персонажей устных рассказов хори-бурят. По преданию, «Дамба был известен в Хоринской и Кижингинской долине как самый бедный из всех бедняков. Он жил с матерью, пропитание добывал охотой» [5, с. 93]. Далее по сюжету он избавил людей от врага, который длительное время их досаждал, которого никто не мог одолеть. В благодарность мужчина и женщина решили исполнить его желание, и, поскольку Дамба был неимущий человек, он не задумываясь попросил богатство и чин ноёна. Женщина выразила сожаление, что он забыл произнести еще одно важное желание — попросить потомство. «Нэгэл юумэ дутаагааш даа, теэд яахаб даа, — гэжэ эхэнэр хүниинь хэлэһэн юм ха. «Үнэр» гэжэ хэлэхээ дутааһан байгаа ха юм» (Одну вещь ты не досказал, ну что же сделаешь, — сказала женщина. Не сказал [он] «быть многодетным») [1, с. 131]. Причем, в одном из вариантов преда-

ния на этот сюжет, мужчина и женщина были одеты хорошо, «восседали на сильных и красивых лошадях ... не простые люди, а небожители, спустившиеся на землю» [5, с. 93]. Здесь, как и в предыдущем мотиве – исполнение желания героя в знак благодарности, прослеживается явное влияние сказочных элементов, присущее естественному процессу взаимопроникновения фольклорных жанров.

Во всех вариантах преданий указывается, что Дамба был бездетным. По версии одного предания, виной тому был неправильный поступок, который совершил наш герой. Согласно этой версии, молодой шаман, войдя в транс, вызвал дух матери Дамба ноёна, которая поведала о том, что он, прибыв просить у Ольхонских высших божеств сына, пытался пинком открыть дверь, чем обидел их и в результате у него не было детей*. Как сказала женщина о том, что он не попросил детей, так и случилось, хотя он и безмерно разбогател: «Его богатства были неисчислимы. Для того, чтобы узнать, сколько скота он имеет, были построены Хониной хорёо (загон для лошади. — Б-Х. Ц.) и Адуунай хорёо (загон для овец. — Б-Х. Ц.). По преданиям, в его стаде появился ягненок зеленой масти, а это, по древнему поверью, является знаком необъятного богатства» [5, с. 94].

Осуществилось желание Дамба тайши стать ноёном. И бытует в преданиях множество сюжетов, в которых изображаются его различные благородные поступки и деяния. К примеру, о том, что он построил Анинский дацан. При этом описывается, как он хотел демократичным путем решить проблему религиозных предпочтений своих подчиненных: собрав шаманов, поставил условие: если они воочию не продемонстрируют свои сверхъестественные способности, то будет запрещена шаманская вера, так как буряты должны быть обращены в буддийское вероисповедание. Неопровержимо убедившись в невероятных мистических возможностях посредников между богом и людьми, он разрешил сосуществованию шаманизма и ламаизма**.

Народу памятна его благотворительная деятельность, которую Дамба-Дугар Ринчинэй широко практиковал, что нашло отражение в устной поэзии хори-бурят. «Удын түрын ехэ сүмын барилга хахадлажа байтараа, мүнгэн зөөри багадаад, ойро зуура барилгань тогтошоһон юм ха. Тэрэ үедэ Дамба тайшаа өөрһөө мүнгэ үгэжэ, сүмын барилгыг дүүргүүлһэн түүхэтэй юм. Дамба тайшаагай хүндэлэлдэ гэжэ сүмын газар талын Микола бурхание зүүлжээн, Хори ню-

таг тээшэ харуулжа байлган юм. Хамбын хүрээндэше ехэ үргэл хээ гэлсэдэг. Мүнгэн зөөрише, адуу малше ехээр лэ үргэһэн байха» [1, с. 131] (При строительстве большой Удинской государственной церкви из-за нехватки денег стройка на половине была приостановлена. В то время тайша Дамба от себя лично пожертвовал деньги, и строительство церкви было завершено. В знак благодарности тайше Дамбе с наружной стороны церкви [изображение] бога Миколы (Николай Чудотворец; Николай Угодник; Святитель Николай — в христианстве почитается как чудотворец, считается покровителем моряков, купцов и детей. — Б-Х. Ц.) было направлено на восток, повернуто в сторону Хори. Много пожертвований он сделал и резиденции Хамбы (Верховный глава буддийского духовенства в Бурятии. — Б-Х. Ц.), говорят. Большие жертвования сделал и денежными средствами, и скотом и лошадьми).

В бурятском фольклоре существует много преданий, посвященных тому, как появилось то или иное название местности, как возникли те или иные географические объекты и названия. Эти сюжеты также связаны с деятельностью какого-либо одного выдающегося человека. В народной памяти запечатлелось и дошло до наших дней несколько сюжетов преданий, в которых появление таких объектов вокруг Анинского дацана в Хоринском районе связывают с именем легендарного героя Дамба-Дугар Ринчинэй. Это «Арбан нэгэн обоо шулуун» (Одиннадцать каменных насыпей), из которых в настоящее время сохранились шесть; «Хонхын сарай» (Сарай для колокола). Историю появления обоо из одиннадцати каменных насыпей в местности Баруун Аалан Хоринского района народ связывает с желанием Дамба тайши «увековечить свое имя», так как не имел детей и очень печалился по этому поводу [5, с. 94]. По поводу появления местности Хонхын сарай на юго-востоке нынешнего Анинского дацана бытует такое предание: Дамба тайша решил возвести церковь, отлили колокол, пытаются его поднять, колокол падает. Так случилось три раза. Обратился Дамба к кудонским ламам из Кижинги для выяснения причины такой неудачи. Оказалось, что нельзя возводить на том месте русскую церковь, необходимо построить дацан. «Тиигэжэ Дамба тайшаа церковь барихаа болижо, дасан бариһан гэхэ. Тэрэн мүнөө Анаа дасан болоно гээшэ»*** (Так Дамба тайша прекратил строительство церкви, построил дацан, говорят. Это нынешний Анинский дацан получается).

Особый интерес для устной народной прозы представляет частная жизнь исторической личности. Согласно преданию, у Дамба тайши было две жены: Бүмбэхэн хатан и Шойжид хатан, обе родом из Тугнуйской долины, и обе были шаманками. Вероятно, женщины были довольно известными фигурами, так как народ сложил о них свои устные рассказы. Так, в одном предании, которое так и называется: «Дамба тайшаагай һамгад», о первой жене повествуется, что, когда она умерла, была совершена шаманская похоронная обрядность: «Нэгэ халзан хадын оройдо урданай удаган зониие хүдөөлдэг зангаар, сагаан һэеы гэр баряад, зосоонь ханза, шэрээ, хоол бариха амһарта хуу табяад, удаган хубсаһыень үмдэхүүлээд, тэрэ һэеы гэр соогоо хүдөө табиһан. Газаань сэргэ зоогоод, түгэд зэмсэгтэй мори уяжа алаад орхиһон юм гэхэ» (Похоронили ее на вершине одной лысой горы как раньше хоронили людей шаманского рода, построили белую войлочную юрту, внутри нее поместили сундук, стол, поставили всё: и посуду для того, чтобы есть, и одели ее в шаманскую одежду. Снаружи установили коновязь, привязали коня с тибетским снаряжением, [затем] убили и оставили, говорят). Местные жители поклонялись хатан Бүмбэхэн, каждый год устраивали обряд поклонения ее духу. Младшей жене Шойжид народ дает такую характеристи-

ку: «...залуу, сэбэр, түргэ мэргэн удаган һамган байгаа»**** («...молодая, красивая, шустрая, умная была [та] женщина-шаманка»). В отличие от первой жены Дамбы ноёна она почему-то после смерти превратилась в оборотня. Поэтому более подробно описывается в тексте о том, как молодой лама, имеющий буддийскую монашескую ученую степень гэбшэ, подавил оборотня, который стал пугать, беспокоить и нарушать покой аннинских лам. В течение трех дней, трех ночей читал молитвы, боролся с оборотнем, вырыл яму, загнал его туда, как сказано в предании, и задавил камнем, принесенным с мельницы, на котором высек молитвенные слова. И до сих пор есть тот камень, в двух–трех километрах от Анинского дацана, так гласит народная молва.

Таким образом, предания о Дамба ноёне относятся к повествованиям устной народной поэзии о незаурядном человеке, получившем почет и признание своих подданных за многолетнюю плодотворную деятельность, передовые взгляды, который ввел много нового, полезного для народа. Нередко в описании его образа присутствуют элементы преувеличения, добавляется много вымысла, что характерно природе фольклорного жанра. Произведения устного творчества дошли до наших дней благодаря тому, что сохраняется в памяти народа устная, неписаная история, оваянная славой легендарного героя.

Примечание

* («Дамба ноёной бөөнэртэй туршаһан тухай» (О том, как Дамба ноён состязался с шаманами). Записал В. Ш. Гунгаров в 1992 г. от В. А. Аюшеева, 81 год, в п. Хоринск Хоринского р-на РБ. Из личного архива В. Ш. Гунгарова.

** («Дамба ноёной бөөнэртэй туршаһан тухай» (О том, как Дамба ноён состязался с шаманами). Записал В. Ш. Гунгаров в 1973 г. от Гончикова Тобо, 70 лет, с. Хоринск Хоринского р-на РБ. Из личного архива В. Ш. Гунгарова.

*** «Хонхын сарай» (Сарай для колокола). Записал В.Ш. Гунгаров в 1973 г. от Гончикова Тобо, 70 лет, с. Хоринск Хоринского р-на РБ.

**** «Дамба тайшаагай һамгад» (Жены Дамба тайши). Из личного архива В. Ш. Гунгарова

Литература

1. Буряад арадай түүхэ домогууд. — Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1990. — 176 н.
2. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. — Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. — 240 н.
3. Выдающиеся бурятские деятели (XVII — нач. XX в.) / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. М. Михайлов, Д. Б. Улымжиев. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. — Ч. 2. — 155 с.
4. Даржаев С. Ю. Степные Думы — органы самоуправления бурят в Российском государстве (1822–1904 гг.). — Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. — 139 с.
5. Степные были и небылицы / сост., пер. Хасбаатарын Мэргэн. — Улан-Удэ, 2010. — 335 с.

References

1. *Буряад арадай түүхэ домогууд*. Ulan-Ude: Buryaaday nomoy heblel, 1990. 176 p.
2. *Буряадай түүхэ бэшэгүүд*. — Ulan-Ude: Buryaaday nomoy heblel, 1992. — 240 p.
3. *Yudayushchiesya buryatskie deyateli (XVII – nach. XX v.)*. Вып. 2 / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev, T. M. Mihajlov. D.B. Ulymzhiev. [Outstanding Buryat people (17th – the beginning of the 20th centuries). Issue 2]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2001. 155 p.
4. Darzhaev S. Yu. *Stepnye Dumy — organy samoupravleniya buryat v Rossijskom gosudarstve (1822–1904 gg.)* [The steppe Dumas — the Buryat self-government institutions in the Russian empire (1822–1904)]. Ulan-Ude: Publishing and printing complex of East-Siberian Academy of Culture and Arts, 2001. 139 p.
5. *Stepnye byly i nebylitsy* / sost., per. Hasbaataryn Mergen [The steppe true stories and fiction]. Ulan-Ude, 2010. 335 p.

УДК 82.3 (Рос=Буря)

Понятие греха «сээр» («сээртэй») в обрядовом фольклоре западных бурят

© Данчинова Мария Даниловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: marinadan67@mail.ru

В статье раскрывается значение понятия «грех» в обрядовом фольклоре западных бурят, рассматриваются параметры пространственно-временного континуума, жанровые черты предания. Понятие «грех» в менталитете народов мира соотносится с осмыслением особой упорядоченности в человеческих отношениях. В обрядовом фольклоре бурят понятие греха как «сээр» или «сээртэй» призвано регулировать отношения человека не только с обществом, но и со всем природным миром.

Ключевые слова: мировосприятие, обрядовый фольклор, шаманизм, грех, предание, пространственно-временной континуум.

The notion of sin 'seer' ('seertey') in ritual folklore of the Eastern Buryats

Mariya D. Danchinova

PhD, A/Professor, Department of Russian and foreign literature, Buryat State University

6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article analyzes the notion of sin 'seer' ('seertey') in ritual folklore of the Eastern Buryats. The author considers some peculiarities of a legend as a genre. The notion of 'sin' is linked with understanding of particular regularity and harmony in people relations. The notion of 'seer' or 'seertey' in ritual folklore of the Eastern Buryats should regulate people relations not only with a society but also with all natural world.

Keywords: world perception, ritual folklore, shamanism, sin, legend, spatial and temporal continuum.

Понятие «грех» в этико-религиозном аспекте у многих народов мира соотносимо с одним значением — как безнравственный поступок человека. Закономерно возникает вопрос, существуют ли какие-то иные смысловые разграничения в понимании этого понятия? Для изучения данного вопроса обратимся к обрядовому фольклору, в частности к бурятским легендам и преданиям, в которых раскрывается значимость греха.

В представлениях бурят отношения человека к миру регулировались именно понятием «грех», звучащем как *сээр* или *сээртэй* на западном диалекте и как *нүгэл* на восточном. Хозяйственная, бытовая, социально-общественная, культурная, нравственно-религиозная жизнь людей — все было пронизано словом *сээр* как строгим постулатом. Весомость, многоаспектность данного понятия в жизни бурят можно рассмотреть в сравнении с понятием греха в понимании других народов мира.

Так, в русском восприятии слово «грех» соотносимо с несколькими значениями. В Толковом словаре В. Даля понятие «грех» имеет несколько значений: «1) Поступок, противный закону Божию; вина перед Господом; 3) Вина или

проступок; ошибка, погрешность; 3) Беда, напасть, несчастье, бедствие; 4) Распутство» [3, с. 192]. В словаре русского языка С. И. Ожегова находим такое объяснение: «1) У верующих: нарушение религиозных предписаний, правил; 2) Предосудительный поступок; 3) Грешно, нехорошо» [6, с. 124]. Лингвисты также рассматривают понятие «грех» как «некоторый проступок, порок, недостаток» [7, с. 604], или это «определенное чувство вины» как внутреннее жжение или голос совести, которое испытывает человек, совершивший предосудительный поступок [8, с. 456].

В других языках понятие греха более лаконично. Например, это «табу» (полинез. грех, преступление), «ла'нат» и «харам» (араб. грех, проклятие, запретные действия в шариате), «кыраман» (якут. вечное наказание), «карма» (санскр. сумма добрых и злых деяний) и другие [1].

Данные понятия имеют цель гармонично регулировать отношение человека в социуме и во всем природном мире. Человек, преступивший этико-религиозные законы, преследуется особым судом — божественным, как считается или полагается.

Бурятское слово *сээр* или *сээртэй* употреблялось при многочисленных прегрешениях: за жадность в рыболовстве и на охоте, за воровство, насилие, непочитание и непослушание старших, за чувства зависти и корысти, гордыни, другие безнравственные и несправедливые поступки. Понятие *сээр* заменяло собой юридический закон, суд. В этом отношении правильно замечание исследователя, что в семантике данного слова заложено «глубокое понятийное содержание», которое отражает «суть существования человека при осознании его как частицы вселенной. Отсюда слово “сээр” несет большую информационно-смысловую нагрузку, выражающую нормы поведения человека в течение всей его жизни» [4, с. 135]

В записанных нами устных рассказах бурят можно отметить тот факт, что в шаманских представлениях людей одинаково равно воспринимаются как физический (материальный), так и духовный (идеальный) планы. В пространственном и временном выражении оба плана значимы, важны, приоритета одного над другим быть не может. Гармоничным равновесием между двумя уровнями мира (физическим и духовным) служит понятие *сээр* или *сээртэй* — то же, что и грех, но имеет смысл — «запрещено».

Один из приводимых нами текстов предположительно возник в первую треть XX в., когда началась борьба с шаманским наследием. Устный рассказ отражает начавшийся в сознании людей этап нового осмысления мира — атеистического по форме, и повествует об одном случае с тремя братьями на охоте.

1. Со слов информанта этот рассказ поведал о следующем: «*Сагаан толгойтой Үбгэд урданай зугаалаа бэлэй... Хэзээ нэгэтэ гурбан аха дүүнэр ой соо агнажа байгаа. Янала баяншаг агналга болобо. Тишгээд лэ хуу барандаа ханаа дүүрэн соо энэжэ байгаа. Тишгээд, тэрэ Үедэ хаанаа нэгэ Үбгэн хҮн ябажа ерэбэ...*» (Убеленные сединой старцы раньше говорили об этом... Однажды три брата охотились в тайге. Очень была богатой та охота. Родовались все удачной охоте. В это время один старик откуда-то подошел к ним...) [здесь и далее рассказ информанта Дашиевой Е.Д., 1936 г. р., уроженки села Аляты Аларского района Иркутской области, запись от 17.07. 2010 г.].

В повествовании говорится о трех братьях, которые во время семейной (родовой) облавной охоты обидели одного старца, попросившего угостить его кусочком мяса: «*”ХҮБҮҮд, та хайн хҮн болод лэ эдээн юм намда хҮндэлхэгты даа”*, — *сагаан Үбгэн гэбэ. Тишгээд тэдэ хҮНҮҮд тэрэ*

хҮнэ баһажа захала: “Аа! Мяханда ехэ дура-тайш?”. *Гурбадаху хҮБҮҮнинь тэрэнэй нюурда яһара шэдэхэн байгаа. Тишгээд тэрэ Үбгэн уйлад, саашаа ябажа байба...*» («Сыновья! Будьте добры, угостите меня», — попросил их старик. Тогда эти люди начали издеваться над ним: «Аа! Любишь мясо, да?». Третий из братьев бросил в лицо старцу обглоданную кость. Тогда старец, заплакав, пошел своей дорогой...).

Далее информант поведал, что спустя некоторое время вполне здоровые мужчины (все трое братьев) вдруг умерли один за другим. При этом не от болезни, а от того, что без каких-либо серьезных причин покончили с собой. В течение полутора–двух лет после этого все родственники братьев стали подвергаться бедствиям. Люди сразу обратились к местным шаманам. Те же отказывались от проведения шаманского обряда или внезапно обрывали уже начатое ритуальное действие. На вопросы родственников служители шаманского культа отвечали уклончиво, ссылались на собственное нездоровье или находили другую причину отказа в свершении обряда.

А род между тем продолжал переживать беды: умирали друг за другом родные, пропадал скот — подвергался нападениям волков или был украден появившимися лихими людьми. Цепь трагедий в родове продолжалась. Вконец отчаявшиеся родственники решили собраться всем на родовой обряд очищения, исправления жизненного пути, пригласив «чужого» шамана (не из своего улуса).

Прибывший издалека шаман (по преданию) из Унгинской долины (ныне Нукутский район Иркутской области) как только сошел с повозки, отказался заходить в дом старшего из братьев, где должно было состояться данное обрядово-ритуальное действие. Шаман решил, к удивлению и возмущению родных, начать процесс камлания за воротами, т. е. на улице. Он долго и тяжело вздыхал, стонал, подготавливаясь к обряду, непрерывно бросал то гневные, то жалостливые взгляды на присутствующих. Потребовал для костра березовые поленья не со двора старшего брата, а из ограды дальнего родственника этих братьев. Тот являлся зятем одной из племянниц братьев. Наконец, когда были добыты первые угли, шаман достал свои приготовления, веточки пихты *жодоо* — главный атрибут шамана, березовые небольшие пиалы (или деревянные стаканчики) и начал проведение обряда.

По словам информанта, в течение всего времени никто из родственников не должен был покидать место священного действия, переговариваться, даже для детей шаман не сделал ис-

ключение. Все должны были находиться в обозначенном шаманом месте, внимать его действиям. Затем шаман потребовал для жертвоприношения двухгодовалого черного невыложенного барана, хотя принесены были в жертву уже две овцы. Барана искали по всей округе. Гонцы приходили с неутешительными вестями. Вконец измученные люди спросили о возможности подмены такого животного. На что шаман впал в неистовство, затем, видя усталось, испуганность окружающих, внезапно успокоился и сказал мирным голосом, что такое животное есть у дальней родственницы присутствующих, которую не позвали на обряд, поскольку она находилась не в прямом родстве. Шаман уточнил, что у нее вместе с четырьмя овцами есть и этот баран. При этом служитель культа сказал, что она откажется от той платы, которую ей предложат, когда узнает о цели предназначения животного. Собравшиеся на обряд родные обязаны будут выучить сыновей этой женщины, вывести их в люди.

Все оказалось именно так, как предсказал шаман. Обрядовое действие завершалось в доме, где все присутствующие могли отведать жертвенное угощение. Уезжая домой, шаман произнес, что братья совершили тяжкое оскорбление самому духу тайги, нанесли ему непоправимую обиду, за что поплатились жизнями, благополучием и богатством всего рода. Бедствие как искупление остановлено, но каждому из оставшихся родных надо выбрать правильную дорогу: помогать людям, делиться с ними материальным благополучием, всегда в любой жизненной обстановке сохранять мирный, доброжелательный настрой, иначе все беды вернуться назад.

Данное устное произведение полностью пронизано исконным видением бурят — циклическим восприятием мира. Отсюда пространственно-временной континуум представлял гармоничное единство всех составных этого мира. Поэтому издавна буряты знали о причинно-следственных связях в развитии не только всего мира, но и своей жизни. Цикличность в понимании мира приводила бурят к осознанию полноты жизни, ее непрерывности. Братья, не давшие старику — эжину тайги должное угощение как подношение хозяину данной местности, тем самым нарушили единство природного начала, в гармонии которого пребывал и человек.

В этом плане необходимо вспомнить Гомера и первую песню «Илиады» «Язва. Гнев». В ней древним певцом приведен едва ли не первый пример нарушения вселенской гармонии. Бог Аполлон (он же Феб) за оскорбления своего

жреца Хриса мстит ахейцам, осадившим Трои, своими серебряными стрелами, которые на земле приобретают вид язвы или мора. Греки не успевают убирать, сжигать умерших и не догадываются о причине божественного гнева. Язва продолжает свой погребальный сбор до тех пор, пока греки не вспоминают об оскорбленном ими жреце. После принесенной богу жертвы, извинения ахейцев перед оскорбленным жрецом язва исчезает так же внезапно, как распространилась до этого [2, с. 4].

В поведении героев бурятского рассказа прослеживается не столько личностно-обыденное отношение к человеку, в данном случае к некоему старцу, сколько нарушение равновесия в гармонии миропорядка. Так, взяв у природы определенную часть в виде удачной охоты, братья должны были обязательно восполнить нанесенный ущерб. Это значило отдать взамен что-то свое как подношение, что восстановило бы нарушенный баланс в живом духовно-энергетическом пространстве, чем является природа. Не отдав взятый «долг», более того, оскорбив явного представителя одухотворенного мира, братья совершили страшный грех. По законам шаманизма герои рассказа навлекли на себя, всех родных гнев эжина — хозяина тайги. Оттого в совершении обряда использовались дрова, черный баран, которые были взяты не по прямой родственной линии братьев, а у дальних родственников, на которых не лежала печать греха. Шаману необходимо было насколько это возможно уменьшить совершенную некогда братьями тяжесть греха.

Требование отправителя культа принести в жертву именно двухгодовалого черного барана не является странным, если рассматривать это с позиций шаманизма. Возраст жертвенного животного, цветовой окрас указывают на время совершения греха и степень его тяжести, которые привели трех братьев к смерти. Смерть не всегда собственно уход человека из жизни, это, в первую очередь, исход из человека его души (*сэдьхэл*). Именно это произошло с героями рассказа в тайге после нанесения ими обиды некоему старцу. Затем в круговорот расширяющегося «мертвого пространства» начали попадать и родные героев.

В этом отношении в бурятском шаманизме нет понятия «большой» или «малый грех», «давний» или «ранний». Разница в искуплениях свершенного греха в том, что человеку, допустившему безнравственный поступок, необходимо сразу «опомниться». В противном случае «грех» начнет трансформироваться и приобре-

тать большую силу тяжести и плотности, распространяясь на все живое, находящееся рядом. В шаманизме подобное знание о непрерывности всех нитей в человеческой жизни обозначается понятием «культурный код», который должен сохраняться нерушимо, передаваясь из поколения в поколение. В изложенном предании культурный код был нарушен самим человеком.

Поэтому бурятское понятие *сээр* (*сээртэй*, *нүгэл*) — грех безотносительно, в отличие от других народных представлений о грехе, к иным категориям измерения, кроме пространственно-временного пласта. В свершенном грехе одновременно концентрируются и понятия любого преступления, и голос совести, и проклятие, и карма, и наказание. Чем дальше проистекает время от момента совершения греха, тем более подвержен человек последствиям его неизбежного искупления. Жизненное пространство такого человека начинает наполняться, на первый взгляд, случайными бедами и несчастьями. Тогда как подобные последствия закономерны. Именно такое знание о жизни как культурный код передавалось из поколения в поколение у бурят, долго оставаясь постулатом законности.

Данный устный рассказ о воздействии силы греха (*сээр*, *сээртэй*, *нүгэл*) на человека в жанровом аспекте оказывается именно преданием. Предание имеет несколько значений в разных толкованиях. Так, в Словаре русского языка С. И. Ожегова предание имеет следующее значение: «переходящий от поколения к поколению рассказ о былом, легенда» [6, с. 500]. В Кратком философском словаре дано такое значение: «Термин “предание” из греч. *paradosis* (“передача”, “преподавание”, “предание”), в расширительном употреблении близок к термину “традиция” (т. е. приблизительно — «передача учения, знаний из поколения в поколение, как правило, устно»), относится к религиозной сфере [5, с. 234].

В жанровой характеристике предания важно то определение, что это нравственно-религиозное учение, сведение, должное неизменно сохраняться в памяти народа и культивировать особое сознание и поведение человека в социуме, в природе независимо от времени.

Поступки местных шаманов в рассматриваемом предании, отказ некоторых отправителей культа в проведении обрядовых действий являются доказательством рвущихся, утрачиваемых нитей в единой цепи традиций, без которых не может состояться настоящее и не наступит будущее в такой же духовно-культурной, религиозной основе. Если гармоничная полнота циклического пространственно-временного континуума нарушена героями предания, то становится понятным, почему без видимых для окружающих причин они покончили с собой. Выходит, что время их жизни, ее течение остановилось в тот момент, когда братья посмеялись над старцем — хозяином тайги.

Данный устный рассказ можно определить по внутренним формально-содержательным признакам и чертам как подвид семейного предания. Ведь речь идет о мирской истории внутри одной семьи и одного рода как краткой, единичной традиции. Однако если исходить из шаманских понятий об отношении человека к природе, то это уже «большая» традиция, имеющая отношение к жизни всего народа. Более того, в отнесении данного устного рассказа к жанру предания определяющим фактором является введение собственно реального случая, реального события в истории одного села и жизни его людей. Фантастический вымысел, если допустить его наличие в образе «старца» (был он или не был?) не разрушает границ предания и не превращает данный жанр в легенду.

Допуская черты фантастичности, чудесности, рассмотренное произведение не нарушает границы жанра именно предания, не переходит в собственно легенду, не является мифом в чистом виде. Отталкиваясь от основы реального события, данное повествование является именно преданием, сохраняет в себе историческую память не только относительно к одному роду, а имеет отношение ко всем сторонам жизни всего бурятского народа — собственно бытовой, социальной, религиозной, культурно-духовной, бытийной. Понятие греха (*сээр*, *сээртэй*) в жизни бурят, как передает предание, призвано было сохранять гармоничное соотношение данных сторон.

Литература

1. «Грех» на языке Писания [Электронный ресурс]. — URL: <http://branham.ru/greh.php>
2. Гомер. Илиада. — М., 1989. — 383 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. — М., 2006. — 736 с.
4. Егодурова В. М. Шаманская лексика как отражение национальных представлений бурят о законах бытия // Евразийский фронт: литература и религия в диалоге культур. — Улан-Удэ, 2014. — С. 134–137.
5. Краткий философский словарь. — М., 1992. — 576 с.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1987. — 797 с.
7. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — 5237 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1986. — 576 с.

References

1. "Grekh" na yazyke Pisaniya ["Sin" in the language of Scripture]. Available at: <http://branham.ru/greh.php>
2. Gomer. *Iliada* [Homer. Iliad]. Moscow, 1989. 383 p.
3. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language by V. Dal]. Moscow, 2006. 736 p.
4. Egodurova V. M. Shamanskaya leksika kak otrazhenie natsional'nykh predstavlenij buryat o zakonakh bytiya [Shamanic vocabulary as a reflection of the Buryat national ideas about the laws of life]. *Evrasijskij frontir: literatura i religiya v dialoge kul'tur* — *Eurasian Frontier: Literature and Religion in the Dialogue of Cultures*. Ulan-Ude, 2014. Pp. 134–137.
5. *Kratkij filosofskij slovar'* [Brief Philosophical Dictionary]. Moscow, 1992. 576 p.
6. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary by S. Ozhegov]. Moscow, 1987. 797 p.
7. Sreznevsky I. I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [Dictionary of Old Russian language]. Moscow, 1989. 5237 p.
8. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of Russian language]. Moscow, 1986. 576 p.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.1(571.54)

Социальная структура общества в массовых изданиях Бурятии (на примере газет «Информ Полис» и «Новая Бурятия»)

© **Бадмаева Насигма Ивановна**

заведующая кафедрой журналистики и рекламы, старший преподаватель, кандидат филологических наук

Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: nasibad@mail.ru

The article reviews the social structure of society and the problem of information inequality in two Buryatia newspapers. The author shows signs of mass media universalism, identifies thematic focus, social and territorial scope of publication, describes the main heroes of the regional weekly publications. The presentation of different social groups in mass media should be fairly balanced. The study shows that overall the weekly "Inform-Polis" and "The New Buryatia" have not achieved such a result. One can see unevenness in attention to different segments of society in both newspapers. The processes of differentiation and universalism may become the two main ways to solve the problem of information inequality in coverage of characters from different social groups. Both newspapers focus on more renowned part of the population. Although mass media is essentially universal, but there is certain information inequality.

Keywords: mass media, universalism of content, theme of publications, representation of social structure in the media, information inequality.

The social structure of society in the mass editions of Buryatia (an example of newspapers «The Inform Polis» and «The New Buryatia»)

Nasigma I. Badmaeva

head of department of journalism and advertising, Buryat State University, senior lecturer, candidate of philological sciences.

6 Ranzhurova str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the social structure of society and the problem of information inequality in two Buryatia newspapers. The author shows signs of mass media universalism, identifies thematic focus, social and territorial scope of publication, describes the main heroes of the regional weekly publications. The presentation of different social groups in mass media should be fairly balanced. The study shows that overall the weekly "Inform-Polis" and "The New Buryatia" have not achieved such a result. One can see unevenness in attention to different segments of society in both newspapers. The processes of differentiation and universalism may become the two main ways to solve the problem of information inequality in coverage of characters from different social groups. Both newspapers focus on more renowned part of the population. Although mass media is essentially universal, but there is certain information inequality.

Keywords: mass media, universalism of content, theme of publications, representation of social structure in the media, information inequality.

Структуру социума, как совокупность взаимодействующих между собой слоев и социальных институтов, необходимо равномерно представлять в текстах СМИ массовых газет. Массовые газеты, обладая контентом «для всех» и «обо всем», предназначены для того, чтобы создавать разнообразные социальные портреты общества. Им необходимо учитывать информационные потребности и предпочтения аудитории, создавая равные возможности для участия своего читателя в процессе информирования.

Среди главных аспектов репрезентативности социальных групп в текстах СМИ выделяются два следующих:

1) для читателя важно понимать свою социальную принадлежность в обществе. Массовые газеты направлены на предоставление своей аудитории возможности осознания и выбора, ощущения принадлежности к своему социальному слою, определенным общностям. Это необходимо для правильного самоопределения личности.

2) существует потребность в обращении средств массовой информации к нуждам, реаль-

ной жизни, интересам этих социальных групп для вовлечения и коммуникации в определенном информационном поле. Массовые издания, пишущие о разных группах общества, раскрывают проблемы и формируют площадки для обсуждения, формируя такую среду. Происходит укрепление социального статуса данных социальных слоев, активизируется их участие в жизни общества и государства [2]

Массовые издания должны представлять контент, отражающий, по возможности, всю сложность социальной структуры нашего общества, ее неоднородность, наличие множества мнений, позиций и оценок по разным вопросам. Именно по тому, насколько разнообразен контент массовых изданий по тематическому, территориальному охвату и наличию/отсутствию материалов о представителях разных социальных групп, можно судить об уровне развития и функционирования СМИ.

Событийная картина дня во многом складывается из того, что показано, рассказано и написано в СМИ. И если в повестке СМИ без внимания остаются интересы и проблемы большинства населения, то это может привести к взрыву социальной напряженности.

Ведущими тематическими направлениями массовых газет универсального содержания традиционно являются политика, экономика и культура. Достаточное внимание уделяется и таким разделам, как образование и здравоохранение. Также на страницах массовой прессы заметное место занимают темы происшествий, преступлений и чрезвычайных ситуаций.

Кроме требования универсальности тематики, в массовых изданиях для сбалансированного отражения жизни различных социальных слоев необходимо учитывать вопросы массовой значимости. Зачастую предлагаемая прессой проблема для обсуждения не соответствует реальным нуждам большинства населения. Как указывают Л. Л. Реснянская и И. Д. Фомичева, в

задачи массовых изданий входит определение «болевых точек» социальной жизни, постановка проблем, имеющих значение для массовой аудитории [1, с. 146].

В содержании массовых газет важным решением информационного неравенства является описание персонажей и героев разных социальных слоев населения. В массовых газетах Бурятии, предназначенных для широкой читательской аудитории, наблюдается некая неравномерность в освещении интересов, важных для разных социальных слоев населения. Массовые газеты — это одно из решений информационного неравенства, так как они имеют возможность дать полную картину происходящего для читательской аудитории.

Исследуя представленность социальной структуры общества и вопроса информационного неравенства, нами были отобраны по 18 номеров массовых еженедельников «Информ Полис» и «Новая Бурятия», выходящих в 2014–2015 гг. Всего 901 публикация в газете «Информ Полис» и 327 материалов в газете «Новая Бурятия». Тематический анализ публикаций данных региональных газет, занимающих ведущие места в системе средств массовой информации республики по объему тиража («Информ Полис» — 35 тыс. экз., «Новая Бурятия» — 50 тыс. экз.), в целом показал, что газеты рассчитаны на широкий круг читателей, поэтому их можно определить как определенный тип массовых изданий [3; 4].

Результаты анализа тематической структуры публикаций в газетах «Информ Полис» и «Новая Бурятия» характеризуют степень удовлетворения издания критериям массовости, разносторонности тематики и соответствия тематической структуры потребностям и интересам различных социальных слоев населения. Полученный рейтинг тематических направлений обоих еженедельников в таблице 1 показывает особенности региональной массовой прессы и ее аудитории.

Таблица 1

Тематический рейтинг публикаций

№	Тематика	«Информ Полис»		№	Тематика	«Новая Бурятия»	
		Кол-во	%			Кол-во	%
1.	Политика, власть	169	18,8	1.	ЧП, происшествия, криминал	103	31,6
2.	События, мероприятия	143	15,8	2.	Политика, власть	62	19
3.	ЧП, происшествия, криминал	130	14,5	3.	Спорт	26	8
4.	Экономика, финансы	104	11,5	4.	Культура и искусство	21	6,4
5.	Культура и искусство	91	10,1	5.	Экономика, финансы	20	6,1
6.	Здравоохранение	65	7,2	6.	События, мероприятия	16	5
7.	Спорт	65	7,2	7.	Образование	13	4
8.	С/Х	52	5,8	8.	Законодательство	11	3,3
9.	Законодательство	16	1,8	9.	Коррупция	11	3,3
10.	Семья	13	1,4	10.	Пожары, ЧС	9	2,7
11.	ЖКХ	12	1,3	11.	ЖКХ	7	2,2
12.	Пожары, ЧС	9	1	12.	Здравоохранение	6	1,8
13.	Образование	8	0,9	13.	Погода, стихии	6	1,8
14.	Погода, стихии	8	0,9	14.	Семья	5	1,5
15.	Коррупция	6	0,7	15.	Правоохранительные органы	5	1,5
16.	Помощь, благотворительность	6	0,7	16.	С/Х	3	0,9
17.	Правоохранительные органы	4	0,4	17.	Помощь, благотворительность	3	0,9
Всего публикаций		901	100	Всего публикаций		327	100

Отметим разнообразие тематики, а также соответствие набора топ-5 тем общим тенденциям функционирования массовой прессы в России. Разницу можно увидеть в расстановке тематических приоритетов редакционной политики изданий. У еженедельника «Информ Полис» — это политика, события, ЧП, культура и экономика; у газеты «Новая Бурятия» — это ЧП, политика, спорт, культура, экономика. Интересно, что о политике оба еженедельника пишут в одинаковом объеме к общему количеству публикаций. О

ЧП пишет много «Новая Бурятия», о различных мероприятиях и праздниках больше пишет «Информ Полис».

Признаком массовых изданий характеризуется и территориальный охват публикаций. Как видно из таблицы 2, оба еженедельника охватывают республику в целом, что соответствует их территории распространения. Далее внимание уделяется новостям, касающимся именно нашей столицы. В «Новой Бурятии» — 27,1 %, в «Информ Полисе» — 38,2 %.

Таблица 2

Территориальный охват публикаций

Территориальный масштаб	«ИП»		«НБ»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Республика Бурятия	388	49,6	127	41,5
г. Улан-Удэ	299	38,2	83	27,1
Районы, села	234	29,9	31	10,1
Россия	18	2,3	49	16
За рубежом			19	6,2

Доля публикаций, посвященных районам и селу, значительно меньше. Из этого можно сделать вывод, что этим группам населения уделяется меньше внимания, их проблемы практиче-

ски не затрагиваются массовыми изданиями, отчего происходит дисбаланс в информационном поле этой части населения. Если обратиться к официальным статическим показателям, у нас

в республике почти половина населения — 401700 человек — составляет сельское население [5]. По данным исследования видно, что здесь наблюдается дисбаланс во внимании со стороны газет.

Стоит отметить, что на страницах еженедельника «Информ Полис» гораздо чаще, чем в «Новой Бурятии», появляется информация о жизни в различных районах, поселках, селах и их жителях. Так, журналисты «Информ Полиса» пишут о состоянии сельского хозяйства в районах нашей республики, освещают мероприятия, проходившие там, немного затрагивают жителей и их жизнь. В «Новой Бурятии» эта территория упоминается лишь вскользь.

Наличие же материалов зарубежной жизни говорит в пользу газеты «Новая Бурятия». Кроме того, это отвечает критериям универсальной газеты. «Информ Полис» зарубежные новости не затрагивает, а акцентирует внимание на собственной стране, республике в целом, а также районах.

В изучении репрезентативности различных социальных слоев и групп общества, анализ социальной и территориальной «локальности», конечно, сыграл очень важную роль, позволил сделать вывод о том, что издания так или иначе

освещают широкие социальные слои и группы населения.

Содержание большинства изданий строится таким образом, что далеко не во всех материалах фигурируют персоналии. Достаточно часто встречаются публикации, посвященные отдельно взятым фактам, конкретным организациям, учреждениям или событиям в целом, протекающим процессам и наблюдаемым явлениям, либо вообще просто конкретным предметам документов, книгам. В этой связи хотелось бы особенно подчеркнуть, что степень персонализированности материалов входит в число важных характеристик массовой прессы, делая ее ближе и доступнее аудитории, способствуя более эффективному восприятию информации.

В массовых изданиях журналисты в своих публикациях стремятся отражать представителей различных слоев населения, так называемых персонажей и героев. В данном исследовании под «персонажами» материала будем понимать людей, описание и деятельность которых затрагивается без подробностей, дается лишь поверхностное упоминание. «Герои» публикаций — люди, жизнедеятельность, поступки которых подробно рассматриваются журналистами.

Таблица 3

«Герои» публикаций

«Герои» публикаций	«ИП»		«НБ»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Государственные деятели, политики, чиновники	299	45,5	77	37,4
Известные личности (в сфере культуры, спорта)	169	25,7	29	14,1
Простые, обычные люди	130	19,7	34	16,5
Подростки, молодежь	19	2,9	17	8,3
Интеллигенция	12	1,8	1	0,5
Нарушители закона	9	1,4	22	10,7
Предприниматели, бизнесмены, руководители	8	1,2	16	7,7
Пожилые люди, пенсионеры, ветераны	6	0,9	7	3,4
Инвалиды, малообеспеченные люди	6	0,9	3	1,4
Всего публикаций с персоналиями	658	100	206	100

Из таблицы 3 мы видим, что в основном героями в публикациях двух газет являются политики, чиновники, то есть первые лица республики. Затем внимание привлекают известные люди. Данные анализируемого периода показали, что представители других слоев населения освещались в материалах значительно реже. Пожилые люди, пенсионеры, ветераны, учителя, врачи, крестьяне и другие слои населения со-

ставляют достаточно большую часть аудитории и, по данным большинства проводимых социологических исследований, сталкиваются с проблемами, требующими обсуждения в СМИ, что остается без должного внимания.

В газете «Информ Полис» главными персонажами в основном являются государственные деятели, политики, чиновники, которые занимают 45,5 % от общего числа. Газета «Новая

Бурятия» также уделяет немало внимания известным представителям элиты и чиновникам — 37,4%. В то же время издание значительно реже пишет об известных личностях в мире культуры и спорта — 14,1% против 25,7% в «Информ Полис». На страницах «Новой Бурятии» чаще появляются тексты о жизни пенсионеров, ветеранов, инвалидов, малообеспеченных людей, а также о нарушителях закона — 32 % против 22,9% в «Информ Полис». С точки зрения репрезентативности читательской аудитории в этом еженедельнике можно констатировать, что «Новая Бурятия» — более демократичное издание, в публикациях которого фигурируют самые разные, зачастую «проблемные», социально неблагополучные группы и категории граждан.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что представителям среднего класса, как персонажам еженедельников «Информ Полис» и «Новая Бурятия», внимание практически не уделялось. Это частично можно объяснить тем, что в газетных текстах не всегда прямо используется термин «средний класс», жизнедеятельность людей этого слоя может быть показана через опосредованные социальные характеристики, как чиновник, руководитель предприятия, служащий и т.д. Однако, для поднятия социального престижа этого слоя представляется разумным в уместных случаях подчеркивать принадлежность описываемых персонажей именно к данному классу.

В сфере жизнедеятельности персонажей тоже наблюдаются диспропорции. В материалах обеих газет делается упор в основном на трудовую деятельность людей. Вопросы получения образования и повышения квалификации освещаются крайне редко. Другие сферы жизни (семья, дети, дом, быт, увлечения, досуг, религия) также появляются в сообщениях очень редко. Дети, подростки, пожилые люди, пенсионеры, ветераны, жители села (неработающие) в немногочисленных посвященных им публикациях, как правило, представлены в сферах семьи, дома и быта.

Любопытно также, что в обоих изданиях представители власти, чиновники разных уровней показаны в профессиональном ракурсе, остальные сферы их жизнедеятельности практически никак не раскрываются. Чиновничество — это особый социальный слой. Поскольку традиционно эта категория граждан является во многих отношениях «привилегированной», в определенном смысле «закрытой», и существенно отличается по ряду признаков от «простого народа», СМИ часто сообщают о них с осторожностью.

В то же время аудиторию массового издания определенно интересует жизнь власть имущих вне службы — их отношение к семье, воспитанию детей, способы проведения досуга, их хобби, увлечения и т.д. Но это, однако, не способствует сокращению дистанции между чиновничеством и остальными гражданами.

Для массовой газеты очень важным моментом является тот факт, представляет ли она людям, о которых пишет, возможность непосредственного выражать свои взгляды, имеет ли персонаж «право голоса» на газетной полосе. Это служит показателем ее демократизма. Необходимо, чтобы о персонажах говорили не только другие люди (журналисты, эксперты, коллеги), но и сам человек мог высказать собственное мнение, позицию, точку зрения. Способ представления мнений персонажей является важным направлением исследования, выявляющим, насколько разнообразны звучащие в данных газетах голоса, насколько богата палитра «говорящих» сегментов общества.

Проведенное исследование показало, что в обоих изданиях часто показывается точка зрения различных слоев населения по интересующим их проблемам. Конечно, это в первую очередь относится к персонажам публикаций. В «Информ Полисе» по отношению к общему количеству персонажей в 52% случаев дана прямая речь, в 20% — пересказ. Мнения, точки зрения остальных 20% персонажей не фигурировали. В «Новой Бурятии» прямая речь и пересказ представлены приблизительно в равном соотношении — 47% и 52% соответственно. Следовательно, «Информ Полис» и «Новая Бурятия» как массовые газеты дают шанс людям из разных социальных слоев прямо выражать свое мнение. «Новая Бурятия» делает это даже несколько чаще.

В исследовании рассмотрено, в каком ключе, положительном или критическом, представлены персонажи публикаций (речь идет не только об оценках авторов, но и других людей, чьи мнения и высказывания приводятся в этих публикациях). Это очень важно, поскольку во многом свидетельствует не только об оценках конкретно фигурирующих в публикациях людей, но и косвенно о позиции издания по поводу того социального слоя или групп, к которым они принадлежат и, следовательно, влияют на позиции аудитории.

Согласно имеющимся данным, «Информ Полис» почти половину своих персонажей (47%) представляет безоценочно, просто описательно. К 29% персонажей присутствует позитивное отношение, 9% — отрицательное. В «Новой Бу-

рятии» 25% поданы нейтрально, к большинству персонажей отношение позитивное (58%), к 9% персонажей — критичное. Таким образом, из этих данных следует, что тексты «Новой Бурятии» имеют более «теплый» тон, в то время как в «Информ Полисе» преобладает более нейтральные характеристики.

Еженедельники пишут о героях в самых разных сферах жизни и ситуациях. В «Информ Полисе» речь часто идет о семье, детях, межличностных и дружеских отношениях, о житейских, бытовых интересах (59% от всех героев). О профессиональных — чуть реже (54%). О духовных, культурных предпочтениях, взглядах — 37%. Материальное положение упоминается лишь в нескольких случаях, когда рассуждают об отдельных группах героев, например, представителях элит, работников искусства, предпринимателях и бюджетниках. Социально-политические интересы героев упоминаются только тогда, когда они «причастны» к верховной власти и элите. Это говорит о стремлении данного издания дистанцироваться от политики.

Литература

1. Реснянская Л. Л., Фомичева И. Д. Газета для всей России. — М.: Икар, 1999. — 230 с.
2. Ван Хайянь. Социальные слои и группы в публикациях массовых изданий: проблемы информационного неравенства (сравнительный анализ еженедельников «Аргументы и факты», «Труд – 7», «Южно-китайский уикенд»): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 183 с.
3. URL: <http://www.infpol.ru/>
4. URL: <http://www.newbur.ru/>
5. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/

References

1. Resnyanskaya L. L., Fomicheva I. D. Gazeta dlya vsej Rossii [Newspaper for whole Russia]. Moscow: Ikar, 1999. 230 p.
2. Van Hajyan. Sotsial'nye sloi i gruppy v publikatsiyakh massovykh izdaniy: problema informatsionnogo neravenstva (sravnitel'nyj analiz ezhenedel'nikov "Argumenty i fakty", "Trud-7" i "Yuzhno-Kitajskij uikend"): dis. ... kand. filol. nauk [Social strata and groups in publications of mass media: the problem of information inequality (comparative analysis of the weeklies "Arguments and Facts", "Trud-7" and "South China Weekend"): Cand. filol. sci. diss.]. Moskow, 2006. 183 p.
3. Available at: <http://www.infpol.ru/>
4. Available at: <http://www.newbur.ru/>
5. Available at: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/

Возможно, это верно для массового издания, так как в его аудитории присутствуют люди с разными политическими взглядами и предпочтениями.

В «Новой Бурятии» 64% публикаций представлены профессиональными интересами героев, их позициями, взглядами, ценностями. Значительно реже (33%, в целом и по сравнению с российским аналогом) говорится об интересах житейского, бытового, семейного плана. Это доказывает, что «Новая Бурятия» в большей степени показывает своих героев в сфере работы.

В целом анализ репрезентативности героев и персонажей в еженедельниках «Информ Полис» и «Новая Бурятия» позволил выявить определенный дисбаланс в подаче информации о тех или иных представителях социума. Журналистам массовых еженедельников для лучшего взаимодействия со своей аудиторией, а СМИ — для выполнения своих функций следует внимательнее относиться к социальному составу героев и персонажей публикаций, уделяя внимание как высоко статусным, так и обычным людям.

УДК 378.1 (571.54) (571.53)

Имидж университета: вузы Бурятии и Иркутской области в региональных интернет-СМИ

© **Башкеева Вера Викторовна**

доктор филологических наук, зав. лабораторией брендинга Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: oaelun@mail.ru

© **Халбаева Анна Андреевна**

научный сотрудник лаборатории брендинга Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: annakhalbaeva25091991@gmail.com

С точки зрения формирования эффективного имиджа университета в статье систематизирована опубликованная в региональных интернет-СМИ информация о вузах Бурятии и Иркутска. Рассмотрены основные факторы формирования имиджа вуза. Были изучены материалы за определенный период на сайтах бурятских информационных агентств «Байкал Daily», «Байкал Медиа Консалтинг», коллективного блога «Газета РБ», газет «Информ Полис», «Новая Бурятия», иркутских информагентств «Байкал Инфо», «Альтаир», «Irkutsk Media», «Газета Иркутск», газеты «Восточно-Сибирская правда». Из 55 новостей об образовании в Бурятии 52,7% имеют социальную значимость, 40% являются информационным поводом для других новостей. В Иркутске — соответственно 50,7 и 60,6%. Среди вузов наиболее полно представлены Бурятский государственный университет (19 материалов из 55) и Иркутский государственный технический университет (15 материалов из 71). Сделаны выводы об эффективности имиджевой политики вузов, о необходимости управления со стороны вуза появляющейся в интернет-пространстве информацией.

Ключевые слова: Бурятский государственный университет, университеты Бурятии и Иркутска, эффективный имидж вуза, интернет-сайты.

University image: Buryat and Irkutsk universities in regional internet mass-media

Vera V. Bashkeeva

DSc, Head of Laboratory of Branding, Buryat State University

6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Anna A. Khalbaeva

research fellow of Laboratory of Branding, Buryat State University

6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Here is a systematization of regional internet mass media information about Buryat and Irkutsk universities from the point of view of «university's image». The article describes main components and factors which forms university's image. Materials of such mass-media as «Baikal Daily», «Baikal Media Consulting», «Baikal Info», «Irkutsk Media» and others were analyzed. 52,7% of Buryatia news have social importance, 40% are newsbreaks. Corresponding figures in Irkutsk are 50,7% and 60,6%. Most materials are devoted to Buryat State University (19 articles from 55) and Irkutsk State technical university (15 articles from 71). Analysis shows efficiency of image policy of universities, the need of cooperation between university's administration and mass media.

Keywords: Buryat State University, universities of Buryatia and Irkutsk, effective university's image, Internet mass media.

Существующая в наше время система высшей школы в России, как и другие социальные институты, в условиях прагматического, экономического общества вынуждена усиливать механизмы общественной самопрезентации и конкуренции. Сегодня недостаточно опираться на идею, что образование является основой для дальнейшей жизни, социальной ориентации, карьерного роста и т. д. Сегодня жизненно важ-

ной задачей любого вуза становится привлечение наиболее перспективных и талантливых абитуриентов и, соответственно, формирование привлекательного имиджа.

Понятие «имидж вуза» появилось в России сравнительно недавно, в середине 90-х гг. XX в., когда образование было позиционировано как экономическая институция в сфере услуг, которая должна удовлетворять потребности общест-

ва. В идеале имидж должен отражать всю сущность положительной работы, осуществляемой в вузе. По мнению В. В. Меньщиковой, можно выделить следующие представления, с позиции которых оценивается вуз:

1) история вуза, его традиции, репутация: «существует долгое время», «здесь учились известные личности», «этот университет — дорога в жизнь», «сотрудничает с зарубежными университетами»;

2) личность ректора: «во главе стоит солидный, умный и прогрессивный человек»;

3) особенности паблисити — рекламной известности: «хорошие отзывы», «много слышал о нем», «самый популярный в области»;

4) социальная деятельность: «бесплатное обучение инвалидов, сирот», «отсрочка от армии», «организация социальных проектов»;

5) фирменный стиль: «красивая эмблема», «яркий слоган», «запоминающийся гимн», «красивое здание»;

6) этичность деятельности и отношений: «сессию можно самому сдать, взятки не берут», «правила договоров соблюдаются» [1, с. 26].

Третий пункт, напрямую касающийся совокупности образов, представлений об университете, живущих в сознании людей, — ценный материал для формирования имиджа вуза. Это вопросы репутации и престижности вуза. Стоит также сказать о социальном аспекте, который присущ имиджу, указывает на социальный статус получившего образование в вузе специалиста и влияет на дальнейшую карьеру и занятие им определенной ниши, позиции в обществе.

Понятно, что эффективный имидж повышает конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. Кроме того, он облегчает доступ организации к различным ресурсам: финансовым, информационным, человеческим, материальным. При формировании эффективного имиджа необходимо четко определять, в каком направлении работать, т. е. конкретизировать, какой тип имиджа разрабатывать. В этом случае необходимо понять, из каких элементов состоит имидж вуза, и определить его структуру. Рассмотрим 8-компонентную структуру имиджа вуза, которую предлагают Н. К. Моисеева, Н. Н. Пискунова и Г. Д. Костина.

1. Имидж образовательной услуги — представления людей относительно уникальных характеристик, которыми, по их мнению, обладает услуга. Имеются в виду представления о качестве образования, новых специальностях, специализациях, степени после окончания вуза, стоимости услуги, уровне зарубежных связей.

2. Имидж потребителей образовательных услуг включает информацию о стиле жизни, общественном статусе и некоторых личностных (психологических) характеристиках потребителей. Необходимо рассматривать реакцию и оценку потребителями имиджа вуза.

3. Внутренний имидж организации — это представления преподавателей и студентов о вузе, прежде всего о культуре организации и социально-психологическом климате: инновационность, финансовая устойчивость, возможность получения высокой заработной платы, стипендии, система духовных ценностей, наличие групп КВН и других творческих групп, включая театр.

4. Имидж ректора вуза и Ученого совета включает представления о способностях, установках, ценностных ориентациях, психологических характеристиках, внешности соответствующих фигур.

5. Имидж персонала — это собирательный, обобщенный образ преподавательского коллектива, который включает следующие представления: профессиональная компетентность, мобильность, аккуратность в выполнении должностных обязанностей, точность выполнения работы, информированность, профессиональная, высококвалифицированная подготовка; культура; коммуникабельность (приветливость в общении, улыбчивость), правильность речи, социально-психологические характеристики преподавателей. Имидж формируется на основе прямого контакта с преподавателем вуза. При этом каждый сотрудник рассматривается как «лицо» вуза, по которому судят об университете в целом.

6. Социальный имидж организации — представления широкой общественности о социальных целях и роли вуза в экономической, социальной и культурной жизни общества: бесплатное обучение детей-инвалидов с помощью дистанционных технологий, сирот, отсрочка от армии, взаимодействие с другими структурами социальной системы общества.

7. Визуальный имидж организации — представления об организации, основанные на зрительных ощущениях, фиксирующих информацию об интерьере корпусов, лекционных аудиториях, фирменной символике организации. Фирменный стиль является главной составляющей осязаемого имиджа вуза, основой при разработке философии университета, при создании внутреннего и личного имиджа. К визуальному имиджу можно отнести и Интернет-представительство, представления, как вуз позиционирует себя с помощью сайта: символика

вуза имеет давнюю традицию и хорошо запоминаема и известна; на сайте вуза можно найти полную информацию о вузе; качественно выполненный сайт.

8. Бизнес-имидж организации — представления об организации как о субъекте деловой активности. В качестве составляющих бизнес-имиджа вуза выступает деловая репутация, знаменитые выпускники, наличие докторантуры и аспирантуры, инновационные технологии, разнообразие факультетов, новые специальности [2, С. 78].

Формирование всех этих компонентов является результатом постоянной и целенаправленной работы руководства и коллектива вузов, и этот результат воспринимается общественностью не сразу. Бросается же в глаза то, что находит отражение в СМИ. В большей степени именно при помощи масс-медиа общественность формирует представление о руководстве, профессорско-преподавательском составе, жизни вуза. С точки зрения структуры имиджа вуза, это прежде всего первый, шестой и восьмой компоненты.

Если руководство вуза заботится об имиджевой политике и имеет цель создать благоприятный и уникальный образ учреждения, ему необходимо тесно взаимодействовать со СМИ и управлять появляющейся о вузе информацией. Для того чтобы понять, каким является образ, имидж университетов Улан-Удэ в региональных СМИ в сравнении с освещением деятельности вузов в близлежащих регионах, в данном случае в Иркутске, мы провели контент-анализ интернет-источников Республики Бурятия и Иркутской области.

Для анализа были использованы материалы, опубликованные в период с 15 января по 15 марта 2014 г. на пяти бурятских информационных сайтах: информационные агентства «Байкал Daily», «Байкал Медиа Консалтинг», коллективный блог «Газета РБ», а также интернет-аналоги печатных СМИ — «Информ Полис» и «Новая Бурятия», и пяти иркутских СМИ: информационные агентства «Байкал Инфо», «Альтаир», «IrkutskMedia», «Газета Иркутск», а также интернет-аналог печатного СМИ — «Восточно-Сибирская правда».

Результаты анализа показали следующее: за исследуемый период в отобранных пяти интернет-источниках Бурятии новостей с концептом «образование» встретилось 55. Это 1,1 % от общего объема материалов за данный период. Из них 27 новостей имеют нейтральный окрас (45,7 %), 24 новости — положительный (40,7 %), и 8

новостей имеют отрицательный окрас (13,6 %).

В Иркутске за исследуемый период в отобранных пяти источниках 71 новость была связана с концептом «образование». Это 3,5 % от общего объема материалов за данный период. Из них 46 новостей с положительным окрасом (64,8 %), 23 — с нейтральным (32,4%) и 2 новости с отрицательным окрасом (2,8 %). Можно заметить, положительных новостей с концептом «образование» в Иркутске почти вдвое больше, нейтральных — на 4 новости меньше, отрицательных новостей — в 4 раза меньше.

Если говорить о вузах регионов, то в Бурятии абсолютным лидером по упоминанию в СМИ является БГУ. За исследуемый период встретилось 19 посвященных ему материалов. В агентстве «Байкал Медиа Консалтинг»: «В БГУ начнут готовить солдат и сержантов запаса», «БГУ будет исправлять ошибки на баннерах в Улан-Удэ», «Студенты БГУ будут проходить практику в Госдуме России» и «БГУ получил в 2014 г. 999 бюджетных мест». В «Информ Полисе»: «Преподаватель БГУ: Почему нас не любят за границей» и «Студенты БГУ разыграли барана». В «Новой Бурятии»: «В БГУ откроется кафедра конкурентного права». В «Байкал Daily»: «Бурятия намеревается передать БГУ центральный стадион и ФСК», «БГУ: Информация о туберкулезе — чья-то нехорошая шутка», «В вузе Улан-Удэ начнут готовить солдат и сержантов запаса», «Экс-завкафедрой БГУ получил почетную грамоту президента РФ», «Студентов Бурятии лишили трехдневных выходных», «Ректор БГУ вновь устраивает бал», «Студенты Улан-Удэ разыграли живого барана», «В Улан-Удэ разыграют кубок БГУ по мини-волейболу», «В вузе Бурятии создали Клуб молодых ученых», «БГУ подпишет соглашение с Агинским округом», «В БГУ определили число бюджетных мест» и «В вузе Бурятии обнаружили больных туберкулезом».

В совокупности создается достаточно положительный образ Бурятского государственного университета, который социально защищает студентов и идет в ногу со временем (подготовка сержантов, много бюджетных мест, новая кафедра, клуб молодых ученых, спортивные соревнования), профессионально компетентен (исправление ошибок), авторитетен (практика в Госдуме, получит от республики стадион и ФСК, почетная грамота, соглашение с Агой), обладает своими уникальными чертами (ректорский бал, разыграли барана).

Только одна новость среди перечисленных имеет отрицательный окрас — «В вузе Бурятии обнаружили больных туберкулезом». Но она

нейтрализуется новостью на эту тему — «БГУ: Информация о туберкулезе — чья-то нехорошая шутка». Это говорит о том, что пресс-центр БГУ чутко реагирует на упоминания о вузе в СМИ и заботится о собственной репутации. Многие из этих материалов опубликованы со ссылкой на пресс-центр БГУ.

Четыре материала освещают БГСХА и три из них на одну тему — академия получила статус центра тестирования английского языка TOEFL. Все новости положительные. «Информ Полис»: «БГСХА получила статус центра тестирования английского языка TOEFL». «Байкал Daily»: «В вузе Бурятии открылся центр тестирования TOEFL», «Студенты Улан-Удэ претендуют на стипендии Европейского союза». «Байкал Медиа Консалтинг»: «Вуз в Улан-Удэ получил статус центра тестирования английского языка TOEFL».

Два материала посвящены исключительно ВСГУТУ, один из них отрицательный — «Байкал Daily»: «В Улан-Удэ на студентку ВСГУТУ возбудили уголовное дело о мошенничестве». «Байкал Медиа Консалтинг»: «Футболисты ВСГУТУ стали обладателями кубка «Зимний мяч-2014».

Две статьи касаются ВСГАКИ, в частности ее ректора Р. И. Пшеничниковой — «Информ Полис»: «Раиса Пшеничникова: Вопрос не решен окончательно». «Байкал Daily»: «Раиса Пшеничникова работникам культуры: “Мы должны стать воинами”». Оба материала нейтральные.

Один рекламный материал посвящен СибГУТИ — «Информ Полис»: «Бурятский филиал Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики — это вуз для прогрессивной молодежи».

Что касается вузов Иркутска, то абсолютным лидером упоминаний в СМИ является ИрГТУ — 15 материалов. Это следующие материалы: «Мартовская капель-2014» началась в ИрГТУ в Иркутске», «“Золото” и “серебро” первенства России по пауэрлифтингу “взяли” студентки ИрГТУ», «В школе «ExploringSiberia» в ИрГТУ учатся 20 немецких студентов в Иркутске», «На пост ректора ИрГТУ претендуют четыре кандидата», «ИрГТУ готов взять на учебу студентов из Украины и предоставить им общежития», «Поливающий цветы робот студентов ИрГТУ стал лучшим на “РобоФесте-2014” в категории “Фристайл”», «В музее ИрГТУ состоится презентация книги о краеведе и ученом Владимире Манассеине», «Выборы ректора ИрГТУ пройдут 16 апреля», «В ИрГТУ выросло количество предприятий наукоемкого бизнеса», «Мисс Ир-

ГТУ стала студентка второго курса Екатерина Репей», «Центру архитектуры и дизайна ИрГТУ “Пирамида” исполнилось 20 лет», «Мужская лыжная сборная ИрГТУ заняла первое место в студенческой спартакиаде», «Четыре кандидата в ректоры ИрГТУ были зарегистрированы, одному отказали», «На должность ректора ИрГТУ претендует четыре кандидата», «В ИрГТУ готовятся к выборам ректора», «Мы открыли новые перспективы будущим энергетикам». Такая активность наверняка является свидетельством активной работы пресс-центра данного университета.

Также создан достаточно привлекательный образ ИрГТУ, который социально защищает студентов и современен (перспективы для энергетиков, предприятия наукоемкого бизнеса, Центр архитектуры и дизайна, пауэрлифтинг, студенческая спартакиада), профессионально компетентен (РобоФест), работает на регион (информация о краеведе), обладает своими уникальными чертами (Мисс ИрГТУ), имеет международные связи (немецкие студенты), является социально ответственным университетом (студенты с Украины).

Второе место по популярности занимает ИГУ — 9 материалов («В Юридическом институте ИГУ выбрали мистера и мисс», «Юридический институт ИГУ первым из иркутских вузов прошел общественную аккредитацию», «Студенты Юридического института стали победителями и призерами литературного конкурса ИГУ», «Юридический институт ИГУ отметил День защитника Отечества конкурсом мужества и силы», «Студента Юридического университета ИГУ завоевала золото и титул чемпионки мира по универсальному бою», «В ИГУ будут готовить философов», «ИГУ будет присуждать ученую степень PhD», «В ИГУ будут присуждать ученую степень PhD», «Телескоп на астрофизическом полигоне ИГУ зафиксировал далекий взрыв в космосе»).

По одному разу упоминаются ИрГСХА («Студенты сельхозакадемии будут проходить практику в Усть-Ордынском Бурятском округе») и ИГЛУ («В ИГЛУ завершилась подготовка школьников к финальному туру Всероссийской олимпиады по немецкому языку»).

Остальные новости описывают события области образования в целом. Новостей с отрицательным окрасом за исследуемый период две — это в четыре раза меньше, чем новостей с отрицательным окрасом в области образования в СМИ Бурятии. Заголовки отрицательных новостей следующие: «18-летняя студентка потеря-

лась в Иркутске» и «В большинстве вузов Иркутска приостановлена деятельность диссертационных советов». Очевидно, что первая новость лишь косвенно относится к сфере образования, кроме того ее негативное воздействие далее нейтрализуется новостным сообщением: «Пропавшую 24 января студентку нашли у друга».

Из 55 новостей об образовании в Бурятии 52,7% имеют высокую социальную значимость, большое значение для общественности (например, «В Улан-Удэ пройдет ярмарка вакансий для выпускников» или «Иностранные студенты смогут работать вне квоты»), а 40% новостей обладают сильным потенциалом и являются информационным поводом для других новостей (например, «БГСХА получила статус центра тестирования английского языка», «В БГУ откроется кафедра конкурентного права» или «В вузах Улан-Удэ начнут готовить солдат и сержантов запаса»).

Если аналогичным образом проанализировать новости образования в Иркутске, то результат будет следующий: 50,7 % из 71 новости имеют высокую социальную значимость для иркутян (например, «ИрГТУ готов взять на учёбу студентов из Украины и предоставить им общежития» или «ИГУ будет присуждать ученую степень PhD»), а 60,6% новостей являются информационным поводом для других новостей, обладая сильным потенциалом («В ИрГТУ выросло количество предприятий наукоемкого бизнеса» или «Более 100 школьников и студентов из Иркутской области примут участие в РобоФесте-2014 в Москве»).

Обобщая полученную информацию, получаем следующее: в Иркутске процент новостей с

концептом «образование» от общего количества материалов в 3 раза больше, чем в Бурятии. Как в бурятских, так и в иркутских СМИ имеется рубрика с наибольшим количеством материалов об образовании — «Общество». Социальная значимость событий, происходящих в сфере образования Бурятии, на 2% ниже, чем в Иркутске. И в плане потенциала новостей иркутские СМИ опережают бурятские более чем в полтора раза.

По частотности упоминания о вузе в СМИ самый популярный вуз Бурятии (БГУ) опережает самый популярный вуз Иркутска (ИрГТУ) — 19 материалов против 15. Если рассматривать популярность вузов внутри региона, то в Бурятии между БГУ и остальными вузами республики огромный разрыв (БГУ — 19 материалов, БГСХА — 4, ВСГУТУ и ВСГАКИ — 2, СибГУТИ — 1), а в Иркутске разрыв между двумя наиболее популярными в СМИ вузами чуть меньше (ИрГТУ — 15 материалов, ИГУ — 9, ИрГСХА и ИГЛУ — 1).

Опираясь на выводы, полученные в результате анализа, можно выделить еще такую особенность: события в области образования в Иркутске показаны процессами, находящимися в развитии, в то время как аналогичные события в области образования Бурятии почти не освещаются в развитии, зачастую имеют разовый, точечный характер и поэтому не превращаются в социально влиятельный материал, который создает более устойчивую репутацию. В связи с этим можно предположить, что иркутские интернет-СМИ являются более мощным инструментом формирования имиджа вуза по сравнению с бурятскими источниками.

Литература

1. Меньшикова В. В. Регуляция взаимоотношений организации с общественностью службами PR: Социально-психологический аспект: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1998. — 24 с.
2. Моисеева Н. К., Пискунова Н. Н., Костина Г. Д. Маркетинг и конкурентоспособность образовательного учреждения (вуза) // Маркетинг. — 1999. — № 5. — С. 77–89.

References

1. Men'shchikova V. V. *Regulaciya vzaimootnoshenij organizatsii s obshchestvennost'yu sluzhbami PR: Social'no-psihologicheskij aspekt: avtoref. dis... kand. psikhol. nauk* [The regulation of relationships between organizations and the public relation services: Socio-psychological aspect: Author abstract... Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 1998. 24 p.
2. Moiseeva N. K., Piskunova N. N., Kostina G. D. *Marketing i konkurentosposobnost' obrazovatel'nogo ushchrezhdeniya (vuza)* [Marketing and competitiveness of educational institutions (high school)]. *Marketing* — Marketing. 1999. No 5. Pp. 77–89.

УДК 655.4

Печать Бурятии в годы Великой Отечественной войны

© Сахаровская Людмила Васильевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и рекламы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: saharovsk@mail.ru

В статье раскрывается роль периодических изданий в Бурят-Монгольской АССР в 1941–1945 гг. Рассматривается большая работа партийных организаций по активизации пропагандистской и агитационной деятельности газет «Бурят-Монгольская правда», «Буриад-Монголоj үнэн», «Бурят-Монгольский комсомолец». И хотя областная партийная организация в предвоенные годы обращала особое внимание на развитие печати, особенно на бурятском языке, на подготовку журналистских кадров, тем не менее в чрезвычайных условиях военного времени ей пришлось столкнуться с резким сокращением численности аппарата редакций и местной корреспондентской сети в среднем в два раза. В сложных обстоятельствах военного времени, когда уменьшались тиражи и сокращалась периодичность выпуска газет, удалось укрепить редакции газет кадрами, выдвинуть активных рабселькоров. На материале источников и архивных материалов исследуется процесс усиления пропагандистского характера деятельности республиканских и аймачных газет.

Ключевые слова: Бурятия в годы Великой Отечественной войны, газеты, печатная продукция, периодическая печать, деятельность партийных организаций, усиление роли печатного слова.

The press of Buryatia during the World War II

Lyudmila V. Saharovskaya

PhD in History, Senior Lecturer of Department of journalism and advertising, Buryat State University
6 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the role of periodicals in 1941–1945 in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic on the material of newspapers «Buriat-Mongolskaya pravda», «Buryaad-Mongoloj үнэн», «Buryad-Mongolsky komsomolets». Although the regional party organization in the prewar years paid special attention to the development of the press, especially in the Buryat language, in emergency wartime conditions it faced a sharp decline in the number of editions, the local correspondent network halved. In the difficult circumstances of wartime — declining circulation and reducing frequency of newspapers — a lot was made to strengthen the newspaper editorial staff and to increase local correspondent network. On the material of archive materials the article shows the process of strengthening the propaganda nature of national and local newspapers.

Keywords: Buryatia during the World War II, newspapers, periodicals, party organization activities, strengthening the role of the printed word.

Во время Великой Отечественной войны в связи с появлением фронтовой печати в тыловой журналистике произошли существенные изменения. В автономных республиках и областях Сибири прекратилось издание молодежных газет, литературно-художественные журналы были преобразованы в альманахи. Республиканские и областные партийные газеты перешли на пятиразовый выпуск в неделю и в уменьшенном объеме, районные — на одноразовый выпуск на двух полосах половинного формата газеты «Правда». В то же время продолжалась дифференциация печати, причем исключительно по национальному признаку. Ориентация печатной пропаганды в условиях военного времени на многонациональный состав читательской аудитории с целью ее сплочения обусловили расширение сети районных газет на языках коренных национальностей Бурятии, Якутии и Чукотского

автономного округа. В этих государственно-территориальных образованиях также увеличилось число районных газет на русском языке. Например, в Якутской АССР возникшие в годы войны районные газеты или выходили только на языке коренной национальности, или дублировались с русского языка на якутский. Уже издававшиеся в районах со смешанным населением русскоязычные газеты также стали дублироваться на якутский язык. Только газета «Северная заря», возникшая в мае 1945 г. в Оймяконском районе, выходила на русском языке. Но в этой труднодоступной части Якутии, где горнодобывающая промышленность создавалась силами заключенных ГУЛАГа, коренное население было малочисленным.

По свидетельству бывшего начальника Управления по делам печати при Совете Министров БурАССР Н. Павлова [6, с. 198], к началу

Великой Отечественной войны в республике издавались четыре газеты республиканского значения: «Бурят-Монгольская правда», «Буряад-Монголой үнэн», «Бурят-Монгольский комсомолец» и пионерская газета «Костер», печатавшие материал на бурятском и русском языках. Выходило также 16 районных, 4 фабрично-заводских газеты и 1 ведомственная, большинство имело специальные отделы на бурятском языке. Общий тираж всех газет, издававшихся в республике в 1940 г., составлял 91 тыс. экз. Статус газет «Бурят-Монгольская правда» и «Буряад үнэн» был повышен до республиканского уровня. На их страницах публиковались материалы для районной и низовой печати (передовицы, обзоры и информации). Первые самые общие, в большинстве случаев положительные, оценки роли печати в Великой Отечественной войне содержались в статьях руководителей партии и республики, ежегодно публиковавшихся в газетах и журналах в связи с Днем печати, юбилеями газет.

В канун Великой Отечественной войны численность населения в Бурятской АССР достигла 545,8 тыс. человек, жители городов составляли 30,7%, села — 69,3%. Бурятия представляла собой многонациональную республику, где проживали буряты — 116,4 тыс., русские — 393,1 тыс., украинцы — 13,4 тыс., татары — 3,8 тыс., белорусы — 1,8 тыс., эвенки — 1,8 тыс., представители других национальностей Советского Союза — 11,6 тыс. человек [6, с. 202]. Периодическая провинциальная пресса в республике была самым массовым средством информации, пропаганды и по существу единственным.

В Бурятии в то время было крайне слабо развито радиовещание. В 1940 г. насчитывалось только 16,9 тыс. радиотрансляционных точек, из которых в сельской местности находилось всего 5,5 тыс. В 1941 г. из 503 колхозов республики были радиофицированы только 74, из 30 МТС — 15, из 184 изб-читален — 87, из 320 колхозных клубов — 190. Руководствуясь ленинским положением о том, что коммунистическая пропаганда должна вестись на понятном для народа языке, областная партийная организация в предвоенные годы обращала особое внимание на развитие национальной печати на бурятском языке и подготовку журналистских кадров, провела ряд мероприятий по развитию рабселькорского движения, укреплению редакций газет коммунистами, выдвижению активных рабселькоров на работу в редакции газет [6, с. 144]. Вопросы работы республиканских и аймачных газет обсуждались на заседаниях бюро обкома партии.

Следует отметить, что советский пропагандистский аппарат и его материальная база не были готовы к работе в чрезвычайных условиях военного времени. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие мобилизационных планов редакций газет и журналов на случай войны, что привело к резкому сокращению численности аппарата редакций (от 50% до 70%) и местной корреспондентской сети (в среднем в два раза), отсутствие значительных запасов газетной, книжной и журнальной бумаги, типографий-дублеров на востоке страны, в том числе в Бурятии, планов работы редакций в условиях эвакуации, осадного положения, временной оккупации.

Изучение проблем методологии, организация политической и военно-патриотической пропаганды через печать и целевая направленность оперативной информации о ходе военных действий на советско-германском фронте на языке коренного населения стали необходимостью и неотложными задачами. Выбирая и анализируя источники, необходимые для проведения нашего исследования, и имея в виду проблемы советского общества в целом и исторической науки в частности, мы можем выделить те, которые особенно подчеркивают значимость политической идеологии страны. К примеру, придавалось серьезное политическое значение переводу директив правительства, сообщений Совинформбюро и других официальных материалов на бурятский язык. Так, по решению бюро обкома ВКП(б) от 16 июля 1941 г. при редакции газеты «Буряад-Монголой үнэн» была организована группа переводчиков из числа наиболее квалифицированных сотрудников-коммунистов из штата редакции и республиканского радиокomiteта. В ее состав входили три квалифицированных переводчика — Нимаев, Жамбуев, Цыденов, готовившие переводные материалы для радиокomiteта республики и районных газет [4, с. 544]. Это решение позволило обеспечить необходимый уровень и оперативность перевода директив партии и правительства, сообщений Советского информбюро и других важных материалов на бурятский язык, устранить разноречивость в передаче их содержания на бурятском языке через газету и радио.

Изучение исторических источников, датируемых 1940-ми гг., показало, что в годы войны прослеживается значительный разброс мнений и подходов к проблеме выхода из кризиса. Например, в целях экономии бумаги проводилось сокращение тиража и уменьшение формата центральных и местных газет. В республике был временно прекращен выпуск комсомольского

органа «Бурят-Монгольский комсомолец» и пионерской газеты «Костер». В связи с этим в республиканских газетах были организованы отделы «Комсомольской жизни», в которых помещались материалы о патриотических делах комсомольцев и школьников. В последующие годы также продолжалось сокращение тиражей и уменьшение форматов газет.

В апреле 1942 г. районные газеты стали выходить два раза в неделю, республиканские были переведены на двухполосные. Тираж «Бурят-Монгольской правды» был сокращен с 32 тыс. до 28 тыс. экз., «Буряад-Монголой үнэн» — с 8 тыс. до 6 тыс. экз. Был сокращен и тираж фабрично-заводских газет. Орган парткома и заводоуправления Улан-Удэнского паровозовагонного завода — газета «Гигант Бурятии» стал выходить тиражом 2 тыс. вместо 3 тыс. экз. Но несмотря на уменьшение тиража и сокращение периодичности многотиражная газета выполняла главную функцию — мобилизацию трудящихся на быстрее выполнение производственной программы военного времени [5, с. 448]. Выпуск «Бурят-Монгольской правды» и «Буряад-Монголой унэн» сократился с 6 до 5 раз в неделю, а районные газеты стали выходить 1 раз в неделю. В конце 1943 г. общий тираж районных газет составлял 22 250 экз., «Буряад-Монгольской правды» и «Буряад-Монголой үнэн» — 31 тыс. экз. Сокращение числа газет, уменьшение их тиража и формата проводились по всей стране. Только в 1942 г. количество выпускаемых газет уменьшилось с 7 218 до 4 561, а их разовый тираж — с 38 млн до 18 млн. экз.

Объединение издательства и типографии позволило улучшить контроль за качеством печатания газет, более рационально использовать труд печатников и материально-техническую базу типографии. В январе 1942 г. по районам республики прошли проверки освоения лимитов на периодическую печать. Из отчетов райкомов ВКП(б) видно, что лимиты по центральным газетам и журналам, «Бурят-Монгольской правде» были использованы полностью. Хуже было с распространением районных газет и «Буряад-Монголой үнэн». В Заиграевском районе из 1 500 экз. районной газеты «Путь Сталина» было реализовано лишь 1 180 экз., а из 375 экз. «Буряад-Монголой үнэн» — 234, что объясняется отчасти смешанным составом населения района, в котором проживали буряты и русские, татары и украинцы [5, с. 342]. Кроме того, некоторые районные газеты запаздывали с информацией о важнейших событиях военного времени, выпускались небрежно и не привлекали внимания ши-

рокого круга читателей. Распространение газет на местах также было не всегда удовлетворительным. Обком партии добивался оперативного доведения печатного слова до тружеников республики, так как несвоевременная доставка периодических изданий снижала действенность партийно-советской прессы.

Как отмечено в архивных документах, уменьшение тиража, объема и периодичности газет, их лимитирование потребовало от партийных организаций использования других форм информации, агитации и организации масс. Важным средством информации населения были газетные витрины, которые стали создаваться в многолюдных местах в соответствии с указанием ЦК партии, решением бюро Бурятского обкома ВКП(б) «О состоянии наглядной агитации на предприятиях г. Улан-Удэ», принятом 24 декабря 1941 г. В нем подчеркивалась важность и необходимость создания газетных витрин, «Окон ТАСС», «Агитокон», досок «Последних известий». Газетные витрины создавались на предприятиях, учреждениях, в сельской местности. К концу 1941 г. в Бурятии функционировало 296 газетных витрин, в том числе 84 в г. Улан-Удэ. В 1942 г. только в районах республики, по неполным данным, было организовано 327 газетных витрин.

В первый период войны значительно сократилась численность штатных сотрудников в редакциях газет. Вместе с представителями других профессий шли защищать Отечество и журналисты. В Красную Армию были призваны редакторы республиканских газет Р. Бимбаев, М. Шулушкин, Б. Санжиев, ведущие журналисты Ц. Очиров, Ц. Цибудеев, Д. Лубсанов, Г. Нимбуев, Ц. Цыбиков, Д. Дансорунов, Н. Цыбенков, редакторы районных газет С. Шарапов, В. Бимбаев и другие. В их числе был корреспондент ТАСС в Бурятии К. Брянский, опытный журналист, поэт, автор нескольких циклов стихотворений на военно-патриотическую тему. В связи с уходом в армию квалифицированных журналистов состав штатных газетных работников часто менялся. Во второй половине 1941 г. сменилось три редактора «Буряад-Монголой үнэн», до октября 1941 г. в районной газете «Красная Селенга» не было ответственного секретаря [7, с. 169]. В 1942 г. в редакциях «Бурят-Монгольской правды» и «Буряад-Монголой үнэн» работали соответственно 24 и 23 человека, а в газетном издательстве — 28. Штат районных газет насчитывал 7–8 человек. Этого числа работников было явно недостаточно для выполнения возросшего в условиях войны объема

работ редакций. В июне 1942 г. в аппарате районных газет была сокращена должность корректора, его обязанности возлагались на редактора и ответственного секретаря.

В газеты пришли в большинстве своем молодые работники, не имеющие необходимой общеобразовательной и политической подготовки, опыта журналистской работы. Так, в конце 1942 г. из пяти редакторов многотиражных газет трое имели годовой стаж, а из двадцати девяти редакторов газет, работавших в 1943–1944 гг., двадцать имели среднее и начальное образование. Аналогичные затруднения испытывали многие районные газеты страны.

Большую помощь местным партийным органам в организации работы печати, подготовке газетных работников оказало Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Например, в письме управления от 3 марта 1942 г. «О работе районных газет» на примере газеты «Коммунист» Воскресенского района Московской области ставились конкретные задачи перед местными газетами, рекомендовались актуальные темы выступлений, материалы по освещению местной жизни, хозяйственных вопросов [2, с. 348–356]. Бурятский обком партии разослал это письмо во все райкомы и редакции районных газет и проследил за выполнением его указаний.

Важное значение для совершенствования работы редакций местных газет имели журналы «Партийное строительство», «Большевик», «Пропагандист», «Спутник агитатора», «Большевицкая печать». В журнале «Большевик», например, была опубликована статья М. И. Калинина «О некоторых вопросах пропаганды и агитации», в которой были затронуты важные аспекты работы газетных корреспондентов. «Правда» уделяла большое внимание работе местной печати. 10 апреля 1943 г. была опубликована передовая статья «Боевые задачи местных газет», где отмечались недостатки, характерные для местной прессы, рекомендовались пути их исправления и определялись задачи местной печати. «Бурят-Монгольская правда» и «Буряад-Монголой үнэн» также посвящали свои редакционные статьи вопросам работы районной и низовой печати. В передовице «Буряад Монголой үнэн» под заглавием «Первоочередные задачи аймачных газет» отмечалось, что каждый аймак (район) республики имеет свои хозяйственные особенности и что районная газета должна отражать специфику района. Кроме того, статья указывала на необходимость публикации большей части материала на бурятском

языке. В передовице «Бурят-Монгольской правды» («Задачи аймачных газет и местного радиовещания») подчеркивалось, что районные газеты должны добиваться действенности своих публикаций, под рубрикой «По следам наших материалов» помещать ответы на свои выступления.

Идеологическая и политическая ситуация в стране находила широкое освещение в районной и низовой печати. Шла борьба за усиление пропагандистского характера печати. 13 февраля 1944 г. «Бурят-Монгольская правда» поместила обзор газеты «Сталинец» Еравнинского района «О передовых статьях в аймачных газетах». В нем подвергался критике декларативный и общий характер редакционных статей. Газета Селенгинского района, выходившая на бурятском языке, и другие газеты обобщали положительный опыт партийного руководства стенной печатью и отмечали недостатки, характерные для большинства стенгазет и боевых листков.

В 1944 г. в республиканских газетах было опубликовано 16 обзоров. Районные и многотиражные газеты публиковали обзоры низовой печати. «Баргузинская правда», например, рассказала об оперативности, действенности и массовости органа партийной и комсомольской организации колхоза им. К. Маркса Баргузинского района — стенгазеты «Стахановец» [3]. Важно отметить, что, готовя обзоры, отдел пропаганды и агитации обкома партии, сектор печати, редакции республиканских газет тщательно изучали работу районных газет и многотиражек, учитывая специфику районов и задач, решаемых каждой партийной организацией. Тематика обзоров была актуальной. Так, в феврале 1945 г. были составлены обзоры газет «Путь Сталина», «Кударинский колхозник», «Красные Саяны», «Закаменская правда», «Знамя Победы», «Локомотив», «Сталинец», «Красная Селенга» по освещению в них политической учебы руководящих кадров, зимней агротехники, зимовки скота в колхозах, «герасимовского движения», подготовки к весеннему севу, оформлению газет. Обзоры и бюллетени были необходимым методическим руководством для работников редакций. Критикуя недостатки в работе газет, их оформлении и содержании, определяя конкретные пути их исправления, партийные органы помогали печати выполнять задачи по организации пропаганды и агитации среди трудящихся масс.

В ходе коренного перелома во Второй мировой войне, в результате успешных наступательных боев Красной Армии создавались более благоприятные условия для расширения сети местных газет. Постепенно увеличились количе-

ство и тираж местных периодических изданий. С разрешения Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в апреле 1945 г. начали работу десятимесячные курсы пропагандистов и газетных работников с контингентом слушателей в 40 человек. С 1 февраля 1945 г. тираж республиканских газет увеличился на 5 тыс. экземпляров. В Бурятии с ноября 1943 г. в целях усиления массово-политической работы среди сельских жителей в Кижингинском и Прибайкальском районах республики, имевших 21 и 22 колхоза соответственно, началось издание газет «Кижингинская правда» и «Знамя Победы» [1, с. 3]. К концу 1944 г. во всех 20 районах республики выходили газеты общим тиражом 16,9 тыс. экз.

В годы войны большую помощь партийным работникам, пропагандистам, редакторам районной и низовой печати оказывал «Блокнот агитатора», где получили широкое освещение вопросы агитационно-массовой работы, новые методы увеличения производства, помещались статьи и заметки о работе колхозов республики, публиковались материалы для агитаторов и пропагандистов о совершенствовании методики их работы, предлагались темы для проведения бесед. В марте 1945 г. журнал Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «Спутник агитатора», освещая работу отделов пропаганды и агитации местных партийных органов, отметил, в частности, что заметно улучшил свою работу «Блокнот агитатора», издающийся Бурятским областным комитетом партии. Несмотря на

уменьшение тиража, сокращение объема газет и другие трудности военного времени, печать республики, как и вся партийно-советская пресса, сыграла важную роль в организации трудящихся Бурятии на оказание всесторонней помощи фронту, их патриотическом и интернациональном воспитании. Пресса широко и всесторонне освещала партийную и комсомольскую жизнь, международную и внутреннюю жизнь страны, давала оперативную информацию о событиях на фронтах Великой Отечественной войны.

Таким образом, процессы в политической, социально-экономической и культурной жизни автономных республик и областей Восточной Сибири, в их административном устройстве обусловили изменения в структуре изданий этих государственно-территориальных образований, дифференциацию печати по административно-территориальному, национальному и некоторым другим признакам. С образованием автономных округов как формы национально-государственного устройства народов Восточной Сибири и районированием возникли условия для создания сети окружных и районных газет. Меры, принятые в 1944–1945 гг. по повышению идейного уровня печатных изданий и укреплению их редакций профессионально и политически подготовленными журналистскими кадрами, получили завершение в постановлениях ЦК партии и СНК СССР по идеологическим вопросам 1946–1948 гг.

Литература

1. Золотоев А. К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. — 165 с.
2. История Бурятской АССР: в 2 т. — Улан-Удэ: Бургаз, 1959. — 643 с.
3. История Бурят-Монгольской АССР: в 2 т. / под ред. А. П. Окладникова. — Улан-Удэ, 1959.
4. Сахаровская Л. В. Издательско-печатная деятельность и ее роль в культурном развитии Восточной Сибири XIX–XX вв. Ч. 1. — Saarbrücken, Germany, LAP Lambert Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2013. 645 p.
5. Сахаровская Л. В. История становления национальной печати в Бурятии (1923–2006 гг.). — Улан-Удэ, 2009. — 624 с.
6. Сборник архивных документов / сост. Г. М. Семина и др. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.
7. Скрынникова Т. Д., Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — 216 с.

References

1. Zolotoev A. K. *Buryatiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Buryatia during the Great Patriotic War]. Ulan-Ude, 1963. 165 p.
2. *Istoriya Buryatskoj ASSR: v 2 t.* [The history of the Buryat Republic in 2 vol.]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1959. 643 p.
3. *Istoriya Buryat-Mongol'skoj ASSR: v 2 t.* [The history of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ulan-Ude, 1959.
4. Saharowskaya L. V. *Izdate'lsko-pechatnaya deyatel'nost' i ee rol' v kul'turnom razvitii Wostочноj Sibiri XIX-XX vv.* [Publishing and printing activities and their role in the cultural development of Eastern Siberia in the 19th and 20th centuries. Part 1]. Saarbrücken, Germany, LAP Lambert Academic publ. GmbH&Co.KG, 2013. 645 p.
5. Saharowskaya L. V. *Istoriya stanovleniya natsional'noj pechati v Buryatii (1923–2006 gg.)* [The history of formation of the national press in Buryatia (1923–2006)]. Ulan-Ude, 2009. 624 p.
6. *Sbornik archivnykh dokumentov* [The collection of archival documents]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1964.
7. Skrynnikova T. D., Batomunkuev S. D., Varnavsky P. K. *Buryatskaya identichnost' v kontekste sotsiokul'turnoj modernizatsii (sovetskij period)* [Buryat ethnicity in the context of social and cultural modernization (the Soviet period)]. Ulan-Ude: BSC of the SB RAS publ., 2004. 216 p.

УДК 81.27:811.581

О некоторых особенностях лексикографического описания прецедентных феноменов СМИ КНР

© **Былевский Всеволод Павлович**

аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

E-mail: bylevsky@gmail.com

Автор рассматривает роль прецедентных феноменов, связанных с содержанием китайских классических романов и используемых в текстах современных СМИ КНР. Отмечается, что правильное восприятие указанного медиаконтента во многом зависит от понимания смысла прецедентных феноменов. Излагаются отдельные предложения по составлению лексикографических материалов, предназначенных для российских пользователей. На примере нескольких прецедентных феноменов демонстрируется формат представления сокращенного объема знаний культурного характера, необходимых для корректной интерпретации содержащих рассматриваемые ПФ текстов китайских СМИ.

Ключевые слова: прецедентные феномены, СМИ КНР, язык СМИ, справочные материалы, классическая китайская литература, дяньгу.

Several aspects of lexicographic description of precedent phenomena in Chinese media

Vsevolod P. Bylevsky

Research Assistant, Department of foreign journalism and literature, Moscow State University

9 Mokhovaya Str., Moscow 125009, Russia

The author observes the role of precedent phenomena related to classic Chinese novels in the texts of modern media of PRC. It is implied that understanding of their meaning has a great significance in the process of understanding Chinese-language media texts. Author specifies several aspects that should be considered while composing lexicographic materials intended for Russian-speaking users. Drawing on the example of some precedent phenomena, this article demonstrates the results of using a new approach dedicated to providing users with a compact amount of 'background knowledge' necessary for correct interpretation of media texts containing precedent phenomena.

Keywords: precedent phenomena, Chinese media, language of media, reference, classic Chinese literature, diangu.

Учитывая нарастающий в последние годы в Китайской Народной Республике интерес к традиционной китайской культуре [7; 9], большой интерес вызывает изучение прецедентных феноменов (ПФ) китайскоязычного дискурса. ПФ представляют собой апелляцию к событиям, фигурам, высказываниям и текстам, которые обладают значимостью для участников коммуникации. Использование ПФ в речи позволяет говорящему достигать коммуникативных эффектов, например, сделать речь более яркой и образной, установить контакт с аудиторией, задействовать скрытую оценочность. Основанием для подобных эффектов является обращение через ПФ к важным для участников коммуникации образам, устойчивым представлениям, закрепленным в национальной культуре [10; 11].

Обращение в виде прямого цитирования или аллюзий к классическим текстам было на протяжении веков характерной чертой общения и

официальных мероприятий в Китае, как отмечают китаеведы Л. С. Васильев, М. В. Софронов [2, с. 266; 12, с. 392]. Сохраняется эта черта и сегодня — так, в начале 2015 г. в КНР большим тиражом вышла книга «Цитаты в речах Си Цзиньпина» (习近平用典) xi2jin4ping2yong4 dian3 (Жэньминь жибао, 01.03.15). Книга включает 135 фрагментов официальных высказываний нынешнего председателя КНР, содержащих выражения и образы из классических текстов Китая. Среди источников — труды китайских мыслителей, историков, политиков и поэтов: Конфуция, Чжуан-цзы, Лю Буэя, Сыма Цяня, Ван Аньши и многих других. Каждая из цитат сопровождается указанием на источник заимствования и глубоким толкованием смысла сказанного Си Цзиньпином [15].

Использование ПФ, восходящих к классическим текстам, отмечается не только в выступлениях китайских политиков, но и в текстах со-

временных китайских СМИ. Для понимания роли и значения таких ПФ требуется определенный объем историко-культурологических знаний. Представляется, что справочные материалы, позволяющие проникнуть в глубинный смысл подобных элементов и таким образом правильно осознать коммуникативный посыл текста (высказывания), могут стать хорошим подспорьем в практической работе отечественных переводчиков и журналистов, использующих тексты китайских СМИ.

Как отмечено в монографии о стилистике современного китайского языка В. И. Горелова, использование «аллюзий» на классические тексты является одной из черт газетно-публицистического стиля [5, с. 137–138, 173]. Этот вывод, на наш взгляд, иллюстрируют следующие примеры из современных китайских СМИ:

(1) Студенты перечислили репортеру все недостатки интернета в студенческом городке, так что, на их взгляд, интернет в кампусе — неизбежные, однако, неудобные «**куриные рёбрышки**» (Чжунго циннянь бао, 21.05.15. С. 3: «До чего сложно студентам в кампусе пользоваться интернетом»).

(2) В ту пору он **едва покинул тростниковую хижину**, недавний выпускник растерялся перед лицом будущего (Гуанчжоу жибао, 01.06.14. С. W4: «Таланты поколения 80-х за работой: молодые, профессиональные, надежные»).

(3) Когда волна обновления мобильных устройств будет позади, потребитель уже начнет разбираться в смартфонах и не будет таким **Амыном из-под У**, как сейчас (Гуанчжоу жибао, 26.02.14. С. C8: «Постепенно цены на смартфоны упадут»).

В указанных фрагментах выделены элементы, происходящие из классических текстов литературы и истории Китая — романа «Троецарствие» (XIV в., автор Ло Гуанчжун) и хроники «История трех царств» (III в., автор Чэнь Шоу) [3, с. 96]: «куриные рёбрышки» (鸡肋jillei4), «едва покинуть тростниковую хижину» (初出茅庐chulchulmao2lu2), «Амын из-под У» (吴下阿蒙wu2xia4almeng2).

Без знания соответствующих фрагментов исходных текстов, а также практики употребления приведенных выражений в дискурсе (т. е. совокупности текстов и их экстралингвистических характеристик, рассматриваемых как процесс коммуникации) установить их значение, как правило, затруднительно. Однако в некоторых

случаях, подобных примерам (1) и (2), использование ПФ может сопровождаться дублированием их значения в тексте при помощи обычной лексики. Так, «впервые покинул травяной шалаш» является образным выражением следующей фразы «недавний выпускник... перед лицом будущего», а «куриные рёбрышки» — предшествующих слов «неудобное, но неизбежное». ПФ в указанных текстах, не привнося новой информации, служат в качестве стилистического средства — для более образного, «компрессированного» выражения мысли, а также апелляции к общему культурному фонду автора и читателей. Тем не менее, журналисты далеко не всегда добавляют в тексты подобные «пояснения для читателей».

Не всегда необходимые пояснения содержат и справочные издания. Это можно проследить на примере выражения «Амын из-под У», которое в Большом китайско-русском словаре под редакцией И. М. Ошанина толкуется как «невежда из-под У (обр. в знач.: незамечаемый ученый, неизвестный другим эрудит; по биографии 吕蒙, эпоха Троецарствия)» [1, т. 3, с. 656].

Приведенные варианты перевода не отражают тот факт из жизни полководца Люй Мына (по прозвищу Амын), что он из-за бедности в юности не получил образования, и только после интенсивного самообучения в зрелом возрасте достиг высот эрудиции. Пораженный метаморфозой, собеседник заявил, что видит перед собой уже не прежнего «Амына из-под У». Общее представление о биографии Люй Мына позволяет восстановить значение образа, использованного журналистом в тексте: сегодня потребителей можно сравнить с невежественным Амыном, но в ближайшем будущем они приобретут большие познания и, как полководец Люй Мын, поразят окружающих.

Частично необходимая для понимания китайскоязычных публикаций информация представлена в регулярно издаваемых в КНР словарях дьянгу (典故辞典dian3gu4ci2dian3), например, в «Словаре часто употребляемых дьянгу» [13]. Китаеведом Н. Н. Воропаевым показано, что термин классической китайской филологии «дьянгу» и термин отечественных ученых «прецедентный феномен» могут использоваться в применении к китайскоязычному дискурсу в качестве взаимозаменяемых [4]. Словари дьянгу, учитывая традиционное значение данного термина в китайской филологии [16, с. 9–11], могут рассматриваться как словари ПФ китайскоязычного дискурса, которые восходят к классиче-

ским произведениям китайской культуры.

Как правило, состав словарной статьи в подобном издании включает (на примере статьи «Амын»):

А) выражение-дяньгу: «Амын»;

В) указание на его источник (пересказывается содержание связанного с дяньгу фрагмента «Истории трех царств» с пояснениями относительно архаичной лексики);

С) значение выражения в современном языке: «Стало использоваться для обозначения человека с неглубокими познаниями, неспособного далеко продвинуться, также употребляется в порядке самоуничижения»;

Д) примеры употребления в литературе и публицистике (приводятся примеры употребления дяньгу из произведений поэта и государственного деятеля XI–XII вв. Люй Бэньчжуна и китайского военного и политического деятеля XX в. Чэнь И);

Е) варианты вербализации: «Амын из-под У», «из-под У Амын», «усский Амын» [13, с. 1–2].

При подготовке справочной информации о ПФ китайскоязычного дискурса для отечественных переводчиков и журналистов за основу могут быть взяты некоторые данные, приводимые в словарях дяньгу китайскими филологами. Это содержание исходного фрагмента классического текста (пункт В) и практика употребления дяньгу (пункт С). Но, поскольку словари фиксируют стандартное употребление ПФ, а для стиля СМИ характерно балансирование между стандартом и экспрессией [8, с. 61], необходимо отражать в справочных материалах несовпадение между словарным значением ПФ и его употреблением в реальных текстах СМИ, если такое существует.

Например, дяньгу «веселясь, забыть о Шу» (乐不思蜀le4bu4si1shu3) в Словаре общеупотребительных дяньгу толкуется следующим образом: «предавшись развлечениям, позабыть об унижении или не довести поручение до конца» [16, с. 231]. Данное выражение отсылает к эпизоду из романа «Троецарствие» (глава 119), в котором последний император династии Шу-Хань отрекается от трона, завоеванного его отцом, в пользу захватчиков из царства Вэй и доживает свои дни на чужбине в пирах и развлечениях. Во время одного из пиров он откровенно признается захватчикам, что забыл и думать о родной земле («здесь так весело, что не скучаю по Шу»), вызывая своим малодушием скорбь у присутствующих соотечественников.

В текстах прессы КНР данное выражение может использоваться как для негативной оцен-

ки описываемых событий, так и для нейтральной или позитивной:

(4) Сегодня, когда ценности у всех разные, есть люди, которые, **веселясь, забывают о Шу** на Ярмарке Тщеславия, также и те, кто отказывается от идеалов, разрушает их, однако, есть и такие интеллектуалы, которые сохраняют пылкость чувств и мужество духа, вызывая восхищение (Цзинхуа шибао, 29.06.14. С. 2: «Составители открытого письма достойны уважения за смелость и ответственность»).

(5) Проработав столько лет и, в сущности, ни разу не брав отпуск, в эти 20 с лишним дней она [в Европе] отдохнула так, что, **веселясь, забыла о Шу**. (Чжунго циннянь бао, 08.04.14. С. 11: «Когда подле тебя имеется "беспокойный император"»)

В примере (4) дяньгу «веселясь, забыть о Шу» используется в качестве образной негативной характеристики людей, забывающих за суетой и развлечениями о главном, отвергающих общественные идеалы — им противопоставляются «интеллектуалы, которые сохраняют пылкость чувств...». В примере (5) дяньгу употреблено для положительной характеристики отдыха за рубежом — автор в шутку сравнивает героя повествования с императором Шу-Хань, которому было так весело, что он совсем не скучал по дому. При этом значение, которое представлено в словаре дяньгу («позабыть об унижении или не довести поручение до конца»), оказывается неактуально для обоих приведенных публикаций. А негативная оценка поведения бывшего императора уместна только в примере (4), но не в примере (5).

Таким образом, можно говорить о сложной структуре содержания дяньгу, которые способны в различных контекстах реализовать не всегда совпадающие значения и оценки. В стремлении к экспрессии или для скрытой оценки описываемого события журналист может намеренно осмысливать в связанном с ПФ образе такие его компоненты, которые не входят в обычное (зафиксированное в словаре) употребление. Например, для примера (5) актуальным является не выделяемый в словарях дяньгу компонент дяньгу «веселясь, забыть о Шу», описываемый как прекрасный отдых вдали от дома (героиня публикации так же наслаждается отдыхом в Европе, как и последний император Шу-Хань — в Лояне).

В связи с этим желательно отражать в справочных материалах о ПФ китайскоязычного дискурса не только устойчивые значения, отраженные в словарях дяньгу и китайско-русских словарях общей лексики, но и не совпадающие с

ними варианты употребления соответствующих ПФ в текстах СМИ. Особенное внимание должны привлекать несовпадения в различных текстах между значениями ПФ и между «полярностями» оценки. Это позволит при практической работе с китайскоязычными публикациями, используя справочную информацию, иметь в виду существующий спектр значений, и выбирать более адекватный вариант интерпретации (т. е. максимально соответствующий исходному тексту).

Учитывая сказанное, можно заключить, что краткая словарная статья о ПФ китайскоязычного дискурса СМИ должна включить следующие блоки информации:

- а) варианты вербализации (по которым можно «опознать» случаи употребления дяньгу);
- б) описание событий, их участников (краткое изложение основного содержания фрагмента классического текста, актуализируемого дяньгу);
- в) устойчивое употребление (словари) (необходимо учитывать при использовании дяньгу в тексте в качестве стилистического средства);
- г) примеры употребления (СМИ) (совпадающие и не совпадающие со словарным значения, реализуемые дяньгу в текстах СМИ).

В качестве дополнительной информации (блок г) может выступить указание на другие дяньгу, фразеологизмы, важные понятия, связанные с данным дяньгу.

Представляется, что подобный набор сведений составляет минимальный объем информации о ПФ, необходимый для понимания содержащих его текстов СМИ. Если автор в публикации использует более редкое значение дяньгу (в том числе конструирует оригинальное), основанием для интерпретации текста должны служить данные из блоков б и г. Их назначение — представлять базовые «фоновые знания» о данном ПФ, которыми одинаково располагают автор текста и основная аудитория СМИ, так как принадлежат к общей культуре, и которые необходимы для понимания текста в соответствии с намерением автора.

В качестве примера предлагается привести в указанном формате сведения о четырех упомянутых дяньгу: «едва покинуть тростниковый шалаш», «Амын из-под У», «куриные рёбрышки» и «веселясь, забыть о Шу». Источником для информации станут изданные в КНР словари дяньгу, Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина, а также тексты современных китайских СМИ.

1. Дяньгу «Едва покинуть тростниковый шалаш»

а. Варианты вербализации

初出茅庐 (chūchūmáolú) Едва покинуть тростниковый шалаш

б. Описание событий, участников

После настоятельных просьб полководца Лю Бэя Чжугэ Лян соглашается помогать ему и совершает первый подвиг — разгром посланной Цао Цао армии под предводительством Сяоу Дуня. Воспользовавшись недальновидностью и заносчивостью противника, Чжугэ Лян устраивает засаду и поджигает ущелье, в котором оказались войска врага, нанося сокрушительное поражение.

в. Устойчивое употребление (словари)

1) успешный дебют: «талантливый новичок проявил себя» [13, с. 88];

2) формула вежливости, призванная продемонстрировать скромность: «как правило, употребляется в порядке самоуничижения» [13, с. 88];

3) первые шаги, недостаток жизненного опыта: «только вступить в сообщество и пока не иметь практического опыта» [14, с. 17].

г. Примеры употребления (СМИ)

абсолютный новичок, человек без опыта и заслуг: В то время он едва покинул тростниковую хижину — недавний выпускник, растерянный перед лицом будущего («Гуанчжоу жибао», 01.06.14);

Дополнительная информация

Связан с дяньгу «трижды посещать тростниковую хижину» (三顾茅庐 sāngù máolú) — о визитах Лю Бэя, в ходе которых он настойчиво звал Чжугэ Ляна к себе на службу.

2. Дяньгу «Амын из-под У»

а. Варианты вербализации

阿蒙 (āmēng) Амын; 吴下阿蒙 (wúxià āmēng) Амын из-под У; 吴中阿蒙 (wúzhōng āmēng) Амын из У; 阿蒙吴下 (āmēng wúxià) Амын из-под У

б. Описание событий, участников

Полководец Люй Мын по настоянию правителя Восточного У Сунь Цюаня усердно берётся за чтение книг в целях самообразования. Позднее советник Лу Су в беседе с Люй Мыном поражается тому, насколько возрос интеллектуальный уровень собеседника. Он признает, что перед ним уже не тот невежда «Амын из-под У», что был раньше. Люй Мын отвечает, что благодаря книгам на многие вещи стал смотреть по-другому.

в. Устойчивое употребление (словари)

1) Невежда, малограмотный человек: «с не-

глубокими познаниями» [13, с. 2];

2) Неизвестный другим эрудит: «Амын из-под У» [1, т. 3, с. 656].

d. Примеры употребления (СМИ)

Человек без знаний и опыта, который ещё сделает большие успехи: Волна обновления мобильных устройств будет позади, и потребитель уже начнёт разбираться в смартфонах, и не будет таким Амыном из-под У, как сейчас (Гуанчжоу жибао, 26.02.14);

Дополнительная информация

Связан с дяньгу «открыть глаза и взглянуть» (刮目相看 *guāimùxiāngkàn*) — Люй Мын употребляет данную фразу в ответ на похвалу собеседника, подразумевая, что мир не стоит на месте, и при встрече со знакомыми вещами и людьми следует всегда быть готовым к их изменениям, к переоценке представлений.

3. Дяньгу «Куриные рёбрышки»

a. Варианты вербализации

鸡肋(*jīlèi*) Куриные рёбрышки

b. Описание событий, участников

Полководец Цао Цао долгое время ведет безуспешную осаду крепости, но не решается отказаться от плана, жалея затраченных сил. Однажды во время трапезы он сравнивает ситуацию со своим любимым блюдом, куриными рёбрышками — насытиться ими нельзя, а бросить жалко, после чего приказывает наконец снять осаду.

c. Устойчивое употребление (словари)

1) Обуза, вошедшая в привычку: «Сама по себе малоценная вещь, с которой очень тяжело расстаться» [13, с. 185];

2) Невыразительный, слабый: «куриное рёбрышко (есть нечего, а бросить жалко; *обр. в знач.:* а) незначительный, маловажный, пустяковый, б) слабый» [1, т. 2, с. 347].

d. Примеры употребления (СМИ)

Необходимость, которая сопряжена с неизбежными сложностями: Студенты перечислили репортеру все недостатки интернета в студенческом городке, так что, на их взгляд, интернет в кампусе — неизбежные, но неудобные «куриные рёбрышки» (Чжунго циннянь бао, 21.05.15).

4. Дяньгу «Веселясь, забыть о Шу»

a. Варианты вербализации

乐不思蜀(*lèbùsīshǔ*) Веселясь, забыть о Шу; 不思蜀(*bùsīshǔ*) забыть о Шу

b. Описание событий, участников

Последний император династии Шу-Хань отрывается от трона, завоеванного его отцом, в пользу захватчиков из царства Вэй, и, получив в награду почетный титул, доживает свои дни на

чужбине в роскоши и развлечениях. Во время одного из пиров он откровенно признается захватчикам, что забыл и думать о родной земле, и своим малодушием вызывает скорбь у присутствующих соотечественников.

c. Устойчивое употребление (словари)

1) «Предавшись развлечениям, позабыть об унижении или не довести поручение до конца» [16, с. 231];

2) «Привязавшись к чужбине, развлекаться и не думать о возвращении или же забыть свои корни» [14, с. 93];

3) «Так веселиться, что позабыть о возвращении домой» (*обр. в знач.:* так веселиться, что позабыть о возвращении домой; по истории последнего царя дома Хань, который, предавшись удовольствиям в Лояне, забыл о престоле в царстве Шу)» [1, т. 3, с. 738].

d. Примеры употребления (СМИ)

1) На отдыхе забыть обо всем на свете: Проработав столько лет и, в сущности, ни разу не брав отпуск, в эти 20 с лишним дней она [в Европе] отдохнула так, что, веселясь, забыла о Шу (Чжунго циннянь бао, 08.04.14);

2) Погрязнуть в развлечениях, забыть о морали и долге: Сегодня, когда ценности у всех разные, есть люди, которые, веселясь, забывают о Шу на Ярмарке Тщеславия, также и те, кто отказывается от идеалов, разрушает их, однако, есть и такие интеллектуалы, которые сохраняют пылкость чувств и мужество духа, вызывая восхищение (Цзинхуа шибао, 29.06.14).

Дополнительная информация

Связан с дяньгу «Адоу» (阿斗 *ādōu*), которое представляет собой прозвище последнего императора династии Шу-Хань Лю Шаня, и ассоциируется с такими чертами, как слабование, абсолютная беспомощность, бесперспективность.

Выше на примере нескольких дяньгу — ПФ китайскоязычного дискурса, восходящих к произведению классической китайской литературы — продемонстрирован формат представления справочной информации, необходимой для понимания и адекватной интерпретации текстов современных СМИ КНР представителями другой культуры. При таком подходе учитываются работы отечественных и китайских лексикографов, а также практика употребления ПФ китайскими журналистами. В данном формате находят место как информация об использовании ПФ в современных текстах СМИ, так и набор «фоновых знаний» [6, с. 180–181], необходимых представителю культуры, отличной от китайской.

Представляется, что анализ текстов совре-

менных китайских СМИ на основе словарей дьянгу позволит выявить большее количество регулярно используемых ПФ, более точно определить их частотность, а также описать возмож-

ные варианты употребления. Подобное справочное издание, очевидно, будет востребовано отечественными специалистами в сфере коммуникации.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / сост., ред., авт. предисл. И. М. Ошанин. — М.: Наука, 1983. — Т. 2: Иероглифы № 1 — № 5164 / В. С. Кузес, Б. Г. Мудров, З. И. Баранова. — 1100 с.; 1983. — Т. 3: Иероглифы № 5165 — № 10745 / Б. Г. Мудров, В. С. Кузес, Т. П. Ворожцова. — 1104 с.
2. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли. — М.: Наука, 1989. — 313 с.
3. Воскресенский Д. Н. Повествовательная проза на языке байхуа // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. — М.: Восточная литература, 2007. — Т. 3: Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. — С. 96–99.
4. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012. — 310 с.
5. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. — М.: Просвещение, 1979. — 192 с.
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М., 2008. — 203 с.
7. Завьялова О. И. Китайское лингвистическое чудо // Независимая газета. — 2009. — 28 янв. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ng.ru/science/2009-01-28/11_china.html (дата обращения: 01.07.2015)
8. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. — 268 с.
9. Косырев Д. Просвещай и властвуй // Огонек. — 2015. — 22 июня [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2747254> (дата обращения: 01.07.2015).
10. Миронова Д. А. Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2013. — 24 с.
11. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. — Екатеринбург, 2007. — 207 с.
12. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность: курс лекций. — М.: Восток — Запад, 2007. — 640 с.
13. Changyong diangu cidian (= Словарь часто употребляемых дьянгу) / Zhubian: Wei Li (= Сост. Вэй Ли). Шанхай, 2011. 548 с.
14. Changyong diangu cidian (= Словарь часто употребляемых дьянгу) / Zhubian: Yu Shi (= Сост. Юй Ши). Шанхай, 2013. 579 с.
15. Scarpari M. (= Скарпарри Маурицио) La citazione dotta nel linguaggio politico cinese contemporaneo (= Литературные цитаты в современном китайском политическом языке) // Annali di Ca'Foscari. 2015. Vol. 51. P. 163-177.
16. Tongyongdiangucidian (= Словарь общеупотребительных дьянгу) / Zhubian: Zhang Linchuan (= Сост. Чжан Линьчунь). Пекин, 2003. 542 с.

References

1. *Bol'shoy kitajsko-russkij slovar'*: v 4 t. [Great Sino-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, 1983. Vol. 2: Hieroglyphs No. 1 — No. 5164. 1100 p.; Vol. 3: Hieroglyphs No. 5165 — No. 10745. 1104 p.
2. Vasil'ev L. S. *Problemy genезisa kitajskoj mysli* [Problems of the genesis of Chinese thought]. Moscow: Nauka, 1989. 313 p.
3. Voskresensky D. N. *Povestvovatel'naya proza na yazyke baihua* [Narrative prose in the language baihua]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. T. 3: Literatura. Yazyk i pis'mennost'*. — *Spiritual Culture of China: Encyclopedia: in 5 vol. V. 3: Literature. Language and Script*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. P. 96–99.
4. Voropaev N. N. *Pretsedentnye imena v kitajskoyazychnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk* [Precedent names in the Chinese discourse: Cand. of philol. sci. diss.]. Moscow, 2012. 310 p.
5. Gorelov V. I. *Stilistika sovremennogo kitajskogo yazyka* [The style of modern Chinese language]. Moscow: Prosveshchenie, 1979. 192 p.
6. Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemyj podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Media-linguistics: a systematic approach to language learning media]. Moscow, 2008. 203 p.
7. Zav'yalova O. I. *Kitajskoe lingvisticheskoe chudo* [Chinese linguistic miracle]. *Nezavisimaya gazeta — Nezavisimaya Gazeta*. January 28, 2009. Available at: http://www.ng.ru/science/2009-01-28/11_china.html
8. Kostomarov V. G. *Russkij yazyk na gazetnoj polose* [Russian language in a newspaper page]. Moscow: Moscow State University publ., 1971. 268 p.
9. Kosyrev D. *Prosveshchaj i vlastvuj* [Educate and conquer] *Ogonek — Ogonek*. June 22, 2015. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2747254>
10. Mironova D. A. *Transformatsiya pretsedentnykh vyskazyvanij v perevodakh zagolovkov mediatekstov onlajn-formata: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Transformation of precedent statements in translation of media titles, online format: Author's abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tyumen', 2013. 24 p.
11. Nakhimova E. A. *Pretsedentnye imena v massovoj kommunikatsii: monografiya* [Precedent names in mass communication: monograph]. Ekaterinburg, 2007. 207 p.
12. Sofronov M. V. *Kitajskij yazyk i kitajskaya pis'mennost': kurs leksij* [Chinese and Chinese writing: lectures]. Moscow: Vostok — Zapad, 2007. 640 p.
13. Changyong diangu cidian (= Dictionary of common diangu) / Zhubian: Wei Li. Shanghai, 2011. 548 с.
14. Changyong diangu cidian (=Dictionary of common diangu) / Zhubian: Yu Shi. Shanghai, 2013. 579 с.
15. Scarpari M. *La citazione dotta nel linguaggio politico cinese contemporaneo* (= Literary Quotations in modern Chinese political language). Annali di Ca'Foscari. 2015. Vol. 51. Pp. 163–177.
16. Tongyongdiangucidian (= Dictionary of common diangu) / Zhubian: Zhang. Beijing, 2003. 542 с.

ЮБИЛЕИ

Есть такой Человек... (к юбилею Александра Петровича Майорова)

Кафедра русского языка и общего языкознания и Институт филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета сердечно поздравляют с 60-летием Александра Петровича Майорова, заведующего научной лабораторией эколингвистики, доктора филологических наук, профессора.

Выпускник филологического факультета Московского государственного университета был принят на кафедру русского и иностранных языков Восточно-Сибирского государственного института, а затем на кафедру русского языка Бурятского государственного педагогического института (ныне кафедра русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета).

Александр Петрович — прекрасно образованный, обладающий широчайшей лингвистической эрудицией ученый, по-настоящему интеллигентный и чуждый тщеславия человек, и неудивительно, что он стал ведущим преподавателем кафедры и любимым педагогом для многих поколений студентов-филологов, имеющих счастье общения с ним. Неподдельный интерес к истории русского языка, искренняя увлеченность лингвистикой в сочетании с аналитическим складом ума, просвещенностью и исследовательской честностью вызывают неизменное уважение к нему и являются слагаемыми его научных успехов, позволяют ему проникать в суть изучаемых языковых явлений и достигать убедительных результатов. «Нет более увлекательной задачи, чем изучение загадочного прошлого любого языка», — считает он, своею жизнью и научной судьбой подтверждая эти слова.

Общее языкознание, историческая грамматика русского языка, история русского литературного языка, методы лингвистических исследований — вот далеко не полный перечень дисциплин, которые ведет профессор А.П. Майоров. Его научные интересы связаны с исследованием памятников письменности русского языка, он известный специалист в области истории русского языка, лексикологии, лексикографии, источниковедения, достойный ученик известных лингвистов.

Еще в студенческие годы Александр Петрович обратился к истории языка и под руководством профессора Г. А. Хабургаева написал дипломную работу, основывающуюся на изучении памятника XVI в. «Назиратель». Обучаясь в аспирантуре Института русского языка АН СССР, исследовал памятники письменности XVI–XVII вв., результатом научных изысканий

стала кандидатская диссертация «Явочные челобитные как памятники русского языка XVI–XVII вв.», успешно защищенная в 1988 г. Его научными руководителями были профессор С. И. Котков, с 1987 г. — профессор В. И. Вомперский. В 2006 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН состоялась защита докторской диссертации «Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья)», научным консультантом которой стал доктор филологических наук В. М. Живов.

А. П. Майорову принадлежит приоритет в разработке принципов исследования языка памятников деловой письменности Забайкалья, изучение которых становится научным направлением кафедры русского языка и общего языкознания. Весом и значителен его вклад в исследование русского языка XVIII в. Результатом планомерной многолетней научной работы в этой области стало издание таких книг, как «Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века» (Улан-Удэ, 2005), «Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века» (Москва, 2006), «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» (Москва, 2011), в которых впервые введен в научный оборот материал рукописных памятников письменности Забайкалья и представлено состояние забайкальского варианта русского языка XVIII в., установлен характер эволюции узуса деловой письменности XVIII в., определены закономерности функционирования книжных и некнижных средств в области лексики, рассмотрены вопросы формирования языковой нормы. Созданный им «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» уникален, поскольку подавляющее большинство слов, входящих в его состав, не зафиксировано в других словарях, так как лексический состав рукописных документов, на которых он основывается, прежде не исследовался.

Помимо изучения языка памятников письменности в область его научных интересов входит исследование современной региональной разговорной речи, в частности установление в ней следов исторических изменений языка. А. П. Майоров — один из основных составителей и разработчиков принципов «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Новосибирск, 1999), организатор научно-практической конференции «История, культура и язык старообрядцев Забайкалья» (2000 г.),

трех международных научно-практических конференций «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи» (2001, 2007, 2015 гг.) и многих других научных мероприятий высокого уровня. В 2013 г. совместно с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН ученый организовал всероссийскую (с международным участием) научную конференцию «Региональные варианты национального языка», привлекая внимание многих крупных ученых России.

А. П. Майоров — автор свыше 100 научных и учебно-методических трудов, его научно-исследовательские и издательские проекты не раз поддерживались грантами РФФИ, РГНФ, БГУ. Он научный редактор ряда сборников статей, материалов конференций и монографий, член редколлегии журнала «Вестник БГУ. Филология». В 1999–2001 гг. возглавлял кафедру русского языка БГУ, в настоящее время заведует научной лабораторией эколингвистики, является председателем диссертационного совета по русскому языку и теории языка в Бурятском государственном университете, научным руководителем аспирантов и докторантов, научным руководителем магистратуры по русскому языку. Он также известен активной экспертной деятельностью за пределами республики, плодотворно сотрудничает с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институтом славистики Венского университета, лингвистическими кафедрами университетов Благовещенска, Читы, Новосибирска, Томска, Омска, Тюмени, Тобольска, Екатеринбурга, Казани и других.

Трудовой путь А. П. Майорова отмечен почетными грамотами разного достоинства, он лауреат различных конкурсов: был признан победителем конкурса «Лучший преподаватель БГУ» в номинации «Лучший доцент БГУ», конкурса академического журнала «Русский язык в научном освещении», международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере». За эффективную научно-педагогическую деятельность награжден нагрудным знаком Министерства образования и науки РФ «За развитие научно-исследовательской работы студентов».

Александра Петровича Майорова ждут новые достижения и дальнейшие успехи, в чем мы, друзья, коллеги и ученики, испытываем бесконечное уважение к нему, абсолютно уверены, зная его высокий научный потенциал, масштаб истинного ученого и незаурядной личности.

*Кафедра русского языка и общего языкознания,
Институт филологии и массовых коммуникаций
Бурятского государственного университета*

Дорогой Александр Петрович!

Примите мои самые сердечные поздравления с Вашим 60-летним юбилеем!

Мы давно и хорошо знаем Вас как замечательного лингвиста, специалиста в области истории русского языка и русской письменности. Вашими учителями в науке были выдающиеся отечественные ученые Г. А. Хабургаев, С. И. Котков, В. И. Вомперский и В. М. Живов. Под их влиянием сформировался Ваш научный почерк, в котором глубокое проникновение в теоретическую проблематику соединилось со стремлением использовать языковой материал во всей его широте и многообразии.

Мы гордимся тем, что значительная часть Вашей научной биографии — от аспирантской работы до защиты докторской диссертации — связана с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН и рассматриваем Вашу научную деятельность как часть нашей общей работы. Благодаря этому стала возможна наша совместная конференция и издание сборника трудов, посвященных региональным вариантам русского языка. Эта важная и особенно актуальная сейчас тема является непосредственным продолжением исторического описания языковой гетерогенности, осуществленного Вами в докторской диссертации «Региональный узус деловой письменности XVIII века», в которой региональные черты памятников Забайкалья рассматриваются как элемент истории национальной культуры.

Вы принадлежите к числу тех редких ученых, которые гармонично сочетают талант и исключительное трудолюбие, широту научных интересов и виртуозное владение фактическим материалом. Результатом Вашей деятельности стали фундаментальные труды, получившие признание у специалистов в нашей стране и за рубежом.

Ваша ученая деятельность богата и плодотворна. Но при этом Вы никогда не отказывались от тяжелой и порою неблагодарной общественной и организаторской деятельности, связанной с работой в научных и экспертных советах, руководством научными коллективами, обучением аспирантов и докторантов. Мы высоко ценим это, потому что знаем Вас не только как крупного лингвиста, но и как человека высокой нравственной культуры и безупречной порядочности.

Желаю Вам, дорогой Александр Петрович, доброго здоровья, неослабевающей творческой энергии и новых успехов!

*А. М. Молдован,
директор Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
академик РАН*

СОДЕРЖАНИЕ

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

Даржаева Н. Б., Скрибник Е. К. Конструкции собственно оперирования информацией . . .	3
Чимитов Л. Л. Особенности репрезентации пустоты в русском и бурятском языках	7
Халхарова Л. Ц. Чимит Цыдендамбаев: опыт литературной биографии	12
Булгутова И.В. Мифологический культ небесных предков в бурятской литературе. .	19
Имихелова С. С. Музыкальный потенциал анафоры в книге Б. Дугарова «Азийский аллюр». .	24
Бороноева Т. А. Метапроза как авторская саморефлексия в современной бурятской художественной культуре	30
Русинова О. А. Творческая деятельность российских композиторов в Бурятии: общее и особенное	35

ЛИНГВИСТИКА

Рогозная Н. Н. Субординативный билингвизм	41
Бардамова Е.А. <i>Времена</i> как экспонент социального времени	45
Федоров М.А. Перспективы диахронического исследования метафоры в когнитивной историографии	51
Мордовин А. Ю. Аспекты языковой вариативности как предмет корпусных исследований	57
Зырянова Е. В. Экспликация говорящего-наблюдателя в художественном описании-пейзаже	62
Михайлова И.С. Эпонимы-космонимы в международной терминологической номинации	67
Жигачева Е. С. Ассоциативное поле гидронима <i>Байкал</i> в языковом сознании молодежи г. Улан-Удэ	72
Дамбуев И. А. Русский народный географический термин <i>грива</i> в топонимии Бурятии . . .	76
Варнаева А. Е. Специфика содержания предложения со словом <i>опять</i>	81
Хандархаева И. Ю. Глаголы совершенного вида с перфектным значением в аспекте типов речи	86
Егодурова В. М. Производные от бурятских слов глаголы в говоре русских старообрядцев: семантические и словообразовательные особенности (на материале «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья»)	90

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жаткин Д. Н., Рябова А.А. Многообразие русских переводов стихотворения Кристофера Марло «Страстный пастух — своей возлюбленной»: опыт анализа	97
Шипицына Н. В. Эволюция образа читателя в русской романтической прозе первой трети XIX в.	101
Жаткин Д. Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А. А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты»)	106
Жаткин Д. Н., Футляев Н.С. К истории русской переводческой рецепции пьес Бернарда Шоу («Дом, где разбиваются сердца» в переводе И. А. Аксенова)	111
Затеева Т. В., Айкашева О. А. Литературный портрет-лекция в критике В. В. Набокова . .	117
Тихоненко В. А. Особенности сюжета в драмах А. Вампилова «Утиная охота» и «Пропылым летом в Чулимске»	125
Сипкина Н. Я. Темы и проблемы в поэме «Двести десять шагов» Р. И. Рождественского. .	130
Веретнов А. С. В. Пьесух и А. П. Чехов: «футлярный человек» как единственный способ существования	136
Херел А. Х. Роль одноактных пьес В. Ш. Кок-оола 1930-х гг. в зарождении национальной тувинской драматургии	143

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Бадмаева Л. Д. Монголоязычные корпуса: современное состояние	148
Цыренов Б. Д. Безэквивалентность входных и выходных слов в переводных словарях (на материале русско-бурятских и русско-монгольских словарей)	153
Сундуева Е. В. Персонажи низшей мифологии в монгольских языках	158
Цыбенков Б. Д. Земледельческая терминология дауров как источник по изучению этногенеза	162
Нанзатов Б. З. Раннесредневековые (древнеуйгурские) этнические связи Прибайкалья с Центральной Азией (на примере этнонимов <i>буин</i> и <i>абазай</i>)	169
Дашеева В. В. Специфика женских имен в Китае: экстралингвистический аспект	173

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Дампилова Л. С. Семантика формульного выражения в эпосе монгольских народов	179
Голованева Т. А., Игумнов А. Г. Причины появления мотивов «обставить ножами» и «наточить нож» в корякских сказках	184
Тихонова Е. Л. 250 лет на земле Бурятии: предания и устные рассказы старообрядцев-семейских как отражение субэтнической общности	190
Цыбикова Б.-Х. Б. Образы исторических личностей в несказочной прозе бурят (легендарный герой Дамба тайша)	194
Данчинова М. Д. Понятие греха «сээр» («сээртэй») в обрядовом фольклоре западных бурят . .	198

ЖУРНАЛИСТИКА

Бадмаева Н. И. Социальная структура общества в массовых изданиях Бурятии (на примере газет «Информ Полис» и «Новая Бурятия»)	203
Башкеева В. В., Халбаева А. А. Имидж университета: вузы Бурятии и Иркутской области в региональных интернет-СМИ	209
Сахаровская Л. В. Печать Бурятии в годы Великой Отечественной войны.	214
Былевский В. П. О некоторых особенностях лексикографического описания прецедентных феноменов СМИ КНР	219

ЮБИЛЕИ

Есть такой Человек... (к юбилею Александра Петровича Майорова)	225
--	-----

CONTENTS

BURYAT STUDIES

Darzhayeva N. B., Skribnik E. K. Distinctions among constructions	3
Chimitov L. L. The lexical means of objectification of emptiness in Russian and Buryat languages	7
Khalkharova L. Ts. Chimit Tsydendambaev: experience of literary biography	12
Bulgutova I. V. Mythological cult of the celestial ancestors in Buryat literature	19
Imihelova S. S. The musical potential of the anaphora in the book B. Dugarov "Asian Allure" ..	24
Boronoeva T. A. Metafiction as author's self reflection in modern artistic culture of the Buryat. .	30
Rusinova O. A. The creative activity of Russian soviet composers in Buryatia: common and different	35

LINGUISTICS

Rogoznaya N. N. The phenomenon of subordinate bilingualism	41
Bardamova E. A. <i>Time</i> as social time exhibitor	45
Fedorov M. A. Prospects of diachronic studies of metaphor in cognitive historiography	51
Mordovin A. Yu. Language variation aspects as object of corpus research	57
Zyryanova E. V. Speaker-observer's explication in fictional description-scenery	63
Mikhajlova I. S. Eponyms-cosmonyms in international terminological nomination	67
Zhigacheva E. S. Hydronym <i>Baikal</i> associative field in lingual consciousness of Ulan-Ude students	72
Dambuev I. A. The Russian geographical term <i>griva</i> in the toponymy of Buryatia	76
Varnaeva A. E. Specific character of sentence with the word <i>Again</i>	81
Khandarkhaeva I. Yu. Verbs of perfect aspect with perfect meaning in speech types aspect	86
Egodurova V. M. Verbs derivatives of Buryat words in the Russian old believers' speech: semantic and word forming peculiarities (on the material of "Dictionary of the Transbaikalian old believers (the Semeiskie) subdialects")	90

LITERATURE STUDIES

Zhatkin D. N., Ryabova A. A. The variety of Russian interpretations of Christopher Marlowe's poem «The Passionate Shepherd to His Love»: an experience of the analysis	97
Shipitsyna N. V. Evolution of the image of a reader in Russian romantic prose of the first half of the 19th century	101
Zhatkin D. N. Dante Gabriel Rossetti and the Silver Century of Russian Literature (A. A. Blok, members of the literary society "Argonavt")	106
Zhatkin D. N., Futlyayev N. S. On the history of Russian translation reception of Bernard Shaw's plays ("Heartbreak House" in translation by I. A. Aksenov)	111
Zateeva T. V., Ajkasheva O. A. The literary portrait-lecture in the criticism of V. V. Nabokov ..	117
Tikhonenko Valentina A. Plot features in A. Vampilov's dramas "Duck Hunting" and "Last Summer in Chulimsk"	125
Sipkina N. Ya. The themes and problems in the poem "Two hundred and ten steps" by R. I. Rozhdestvensky	130
Veretnov A. S. V. Piezuh and A. P. Chekhov: «case people» as the only way to go	136
Herel A. Kh. The role of one-act plays V. Sh. Kok-ool 1930s. in the birth of the national Tuvan drama	143

ORIENTALISM

Badmaeva L. D. Corpora of the Mongolian languages: modern state	148
Tsyrenov Babasan D. The non-equivalence of input and output words in translation dictionaries (on the material of Russian-Buryat and Russian-Mongolian dictionaries)	153
Sundueva E. V. Heroes of lower mythology in Mongolian languages	158

Tsybenov B. D. The agricultural terminology of the Daur people as a source for the study of ethnogenesis	162
Nanzatov B. Z. Early Middle-Ages (Old Uighur) ethnic connections of Baikal region with Central Asia (on example of ethnonyms <i>buin</i> and <i>abazai</i>)	169
Dasheeva V. V. Specific features of female names in China: extra-linguistic aspect	173

FOLKLORE STUDIES

Dampilova L. S. Semantics of formula expression in the epos of the Mongolian people	179
Golovaneva T. A., Igumnov A. G. Reasons for motives “to furnish with knives” and “to sharpen a knife” in the Koryak tales	183
Tikhonova E. L. 250 years in the lands of Buryatia: legends and verbal stories of the old believers (Semeyskie) as a reflection of sub-ethnic community	189
Tsybikova B-Kh. B. Images of historical figures in the fabulous prose of the Buryats (legendary hero Damba Taisha)	193
Danchinova M. D. The notion of sin ‘seer’ (‘seertey’) in ritual folklore of the Eastern Buryats	197

JOURNALISM

Badmaeva N. I. The social structure of society in mass media of Buryatia (on example of newspapers “Inform-Polis” and “The New Buryatia”)	203
Bashkeeva V. V., Khalbaeva A. A. University image: Buryat and Irkutsk universities in regional internet mass-media	209
Saharovskaya L. V. The press of Buryatia during the World War II	214
Bylevsky V. P. Several aspects of lexicographic description of precedent phenomena in Chinese media	219

JUBILEES

There is a man ... (for the anniversary of Alexandr Petrovich Mayorov)	225
--	-----

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Максарова Дарима Дамбаевна – тел. 21-03-48

эл. адрес: d.maksarova@mail.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; mar1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылаеtся, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.